

О вечном и преходящем архимандрит Рафаил (Карелин)

Предисловие

Предисловие

В настоящий сборник статей известного церковного писателя-полемиста архимандрита Рафаила (Карелина) вошли, пожалуй, лучшие работы автора – как изданные ранее, так и опубликованные только на сайте о. Рафаила или никогда прежде не выходившие в свет. Несомненны большая эрудиция и начитанность архимандрита Рафаила, прекрасное владение стилем, умение популярно, красочно, наглядно и доходчиво излагать предмет. Наиболее подкупает в книге то, что автор не щеголяет эрудицией и, как это часто бывает, поверхностно усвоенной информацией, но сведения пережиты и переработаны о. Рафаилом в соответствии с духовными критериями Православия, приведены им в определенное соответствие с ценностной шкалой. Издание такой книги можно только приветствовать, учитывая несомненный дефицит в современной русской Церкви авторов, способных обращаться к широкой аудитории и быть услышанными ею.

Книга посвящена размышлениям на духовные, исторические и злободневные темы. Особо выделяется единой композиционной и тематической целостностью вторая часть книги, посвященная изложению ключевых моментов истории Грузии, поданных через судьбу грузинских святых – монахов и царей. В целом материал схож с известным собранием житий священника М. Сабина^{*}.

Впрочем, о. Рафаил одни эпизоды опускает, другие добавляет. Оставляя в стороне традиционную литературную риторику, присущую агиографическому жанру, автор проводит такие параллели и находит такие образы, которые производят неизгладимое впечатление и лучше помогают уяснить суть событий и подвигов святых. К сожалению, богатейшее духовное наследие Грузинской Церкви малоизвестно широким православным кругам России. Включение данного раздела в

книгу следует всячески приветствовать. Позволю себе сделать все-таки одно замечание. Если подвиги царей и воинов описаны о. Рафаилом на протяжении всей истории Грузии, то монашеско-аскетические корни представлены житиями только так называемых сирийских отцов. Однако исихастская традиция Грузии была гораздо более богатой в последующие века – подвижниками как Афона, так и других мест^{**}.

Наиболее уязвимая сторона книги – представление истории и людей в черно-белом формате, без «градаций серого», в двумерной плоскости. Однако в реальной жизни добро и зло, достоинства и недостатки людей, «семена и плевелы» в разные моменты смешаны в разных пропорциях^{***}.

Например, автор называет священника Павла Флоренского «окультистом» и утверждает, что он «пишет о Христе как о мертвеце». Упрек в гностицизме и оккультизме часто раздается в адрес о. Павла, и в некоторой мере он соответствует действительности. Однако нельзя забывать, что ректор Московской духовной академии еп. Феодор (Поздеевский) считал о. Павла глубоко верующим человеком – гораздо более верующим, чем прочие профессора Академии. Мученическая кончина о. Павла и ряд других фактов свидетельствуют о том же. Несмотря на то, что о. Павел проявлял интерес к мистике и оккультизму в разных его формах, в определенной степени он был даже более резко настроен в отношении современных ему мистическо-окультистских течений, нежели критикующий о. Павла архимандрит Рафаил. Так, о. Павлу принадлежит очень резкая оценка творчества Блока как сугубо демонического^{****}.

В этой оценке о. Павел более категоричен, чем о. Рафаил. За пределами книги осталась критика автором профессора Московской духовной академии А. И. Осипова и его ученика А. А. Зайцева, критика во многом очень и очень справедливая, ибо о. Рафаил первым поднял более чем обоснованную тревогу об искажении православного догматического богословия в выступлениях и трудах названных лиц, – а также полемика с диаконом А. Кураевым. Однако и в критических работах автор остается мастером рисунка пером, но не пастели. Отзвуки их, равно как и соответственных приемов, чувствуются и в

настоящей книге, когда о. Рафаил включается в антикатолическую полемику.

Книга дополнена краткими комментариями, без которых трудно воспринимать и усваивать большое количество специфических понятий и терминов, которыми щедро одаривает эрудированный автор своего не всегда готового к такому изобилию читателя. Подобный стиль часто дает многочисленным оппонентам архим. Рафаила лишний повод для нападков на него. Впрочем, такие «мелочи» легко прощаются читающей аудиторией заслужившему горячую любовь и признательность о. Рафаилу, и секрет этой любви не в препретелных человеческий премудрости словесех, но в явлении духа и силы (1Кор.2:4). Остается пожелать мужественному ревнителю чистоты православной веры помощи Божией в его стоянии в любви и правде.

Канд. ист. наук А. Г. Дунаев

Глава I.

Искать Бога

Однажды в Афины пришел индийский брамин¹, чтобы увидеть Сократа², слава которого уже достигла берегов Ганга. Придя в дом философа, индус спросил: «Как познать истину?» Сократ ответил: «Познай самого себя». В ответ на это индус спросил: «Разве можно познать себя, не познав Бога?» Диалог не состоялся. Языческие мудрецы не поняли друг друга. Для диалога необходима некая начальная общность взглядов, как бы камень, лежащий в реке у берега, став на который, можно сделать первый шаг и затем искать брод, чтобы, переступая с камня на камень, дойти до другого берега.

Обменявшись несколькими фразами, они замолчали. Сократ размышлял, индус медитировал³, повторяя имя Брам⁴, а затем встал и вышел из дома Сократа, чтобы отправиться к себе на Восток. Кто из них был прав? Оба были правы, и одновременно оба – не правы. Они были не правы, потому что говорили о настоящем, но были бы правы, если бы говорили о будущем.

Сократ хотел познать себя собственным рассудком, а рассудок фиксировал только рефлексии, то есть самого себя – тот агрегат, который обрабатывал и систематизировал внешние впечатления, сопоставлял, соизмерял, описывал явления, которые высвечивали, как некий луч, его мысли, логизировал, находил закономерности и обработанный материал отправлял в кладовые памяти. Рассудок мог фиксировать также выплески чувств на поверхность сознания, но он оставался только одной из сил души и не мог объять ее, проникнуть в ее таинственные глубины, как не может часть объять целого.

Сократ умер, так и не познав самого себя, но он был велик тем, что увидел свою интеллектуальную ограниченность и сказал: «Я знаю, что ничего не знаю». И все-таки фраза: «Я не знаю» не может стать истиной, так как истина должна иметь позитивное содержание.

Индусский брамин утверждал, что без Бога невозможно познать человека, следовательно, человек должен прежде всего

познать Бога. Но на основе каких сил и способностей души он сможет познать Того, Кто бесконечно выше его? Брамин, размышляя о Боге в своих медитациях, фиксировал свой собственный душевный мир. Античное язычество превратило своих богов в людей. По сравнению с брахманизмом это был грубый антропоморфизм, из которого не смог вырваться даже гений Сократа, хотя Сократ и его ученики признавали некое таинственное начало: для них богом был космос, а богами – явления космоса. Брамин так же, как и Сократ, оказался в логической ловушке: ограниченное не может объять бесконечного, относительное – абсолютного. Если Сократ, стоя на краю интеллектуальной пропасти, сказал: «Не знаю», то брамин ответил по-другому: «Я знаю, потому что я единосущен богу» – и прыгнул в эту пропасть. Сократ призывает познать себя и доходит до интеллектуального самоотвержения; он вступает во мрак, где нет света. Брамин грезит призраками горделивого воображения, отождествляя себя с божеством. Он ослеплен светом интеллектуальных озарений, но этот свет оказывается демоническим, еще более темным, чем ночь Сократа. Сократ и брамин как бы стояли на двух полюсах, но это было единством одной ошибки: человек сам по себе бессилён познать Бога и самого себя.

Здесь нет ни выхода, ни альтернативы. Единственная сила, которая может открыть мятущейся человеческой душе истину, – это благодать. Когда она касается человека, то он видит свою душу. Тайну первородного греха, ослепившего око души, не знали ни Сократ, ни брамин. Для них рассудок был идеальным инструментом познания. Благодать указывает человеку на его болезнь, и человек понимает, что его познание истины зависит от степени исцеления. Только исцелившись, он сможет воспринять истину. Через благодать Божию человек постепенно начинает познавать самого себя и глубину своего падения, и, меняя свою жизнь и очищая душу исполнением Евангельских заповедей и молитвой, он становится способным воспринимать и хранить благодать, и только после этого, через благодать и веру в Откровение, начинается его познание Бога.

Вера и познание – не одно и то же. Вера, по слову апостола, начинается «от слышания», а познание – от подвига жизни. Познавая себя, человек познает Бога, а познавая Бога – он познает себя. Но все это совершается Божественной силой, называемой благодатью. Поэтому, когда нас спрашивают о свидетельствах существования истины, нам следует ответить: «Измени себя, чтобы иметь возможность видеть истину; измени себя, чтобы Бог стал фактом твоей внутренней жизни». Но можно ответить и по-другому: «Прими благодать Божию, и она даст тебе знание о себе самом: кто ты, зачем ты здесь, на земле, и какова цель твоей жизни».

Без помощи благодати, руководствуясь одними усилиями интеллекта, человек окажется в состоянии мудрецов языческого мира, которые обычно заканчивали скептическим рационализмом, пантеизмом⁵ или материализмом. В первом случае они говорили: «Я не знаю», во втором: «Я – бог», в третьем: «Я – ничто». И все-таки Сократ был более прав: в его словах: «Я не знаю» – есть надежда, что истину откроет Божественный Логос; а индийское: «Я есть бог» – представляет собой религию антилогоса – того ангельского интеллекта, который дерзновенно заявил: «Я равен Богу».

Поэтому тем, кто говорит: «Я ищу Бога и не нахожу Его», надо ответить: «Найди прежде всего себя самого, а затем увидишь, как искать Бога».

О вечности

Человечество как бы разделено на две части: на тех, кто верит в вечную жизнь души, и на тех, кто не верит в нее. Для материалистов и атеистов вся жизнь сосредоточивается в отрезке времени между рождением и смертью. Жизнь – это случайность, удачная комбинация материальных элементов, которые создали устойчивую систему, обладающую возможностью воспроизведения других подобных систем. Поэтому для атеистов логично ограничить свои знания изучением материального мира и жить в соответствии с теми потребностями и желаниями, которые возникают в человеке как биологической системе.

Но парадоксально и непонятно, что люди, верующие в вечную жизнь и бессмертие своей души, также погружены в земную жизнь как в единственную реальность, также отдают свои силы, время и способности достижению земных целей – тому, что принадлежит времени и смерти. Если посмотреть на содержание человеческой психики, то мы увидим, что она поглощена заботой о земном; она погружена в материальность и живет соками земли. Веря в Бога, человек в то же время живет так, как будто Его нет или словно для него стал богом этот мир.

Земная жизнь – это точка в мысленной линии, которая, как луч, уходит в бесконечность, или мгновение по сравнению с вечностью. Надо сказать, что любое число по сравнению с бесконечностью становится бесконечно малым. Есть древняя притча о том, как птица раз в тысячу лет прилетает к каменной скале и точит на ней свой клюв. Когда эта скала будет источена птицей до основания, то пройдет одно мгновение на часах вечности. Но и эта притча не верна. Здесь вечность и время измеряются космическими величинами, как некие циклы, а вечность не имеет ни начала, ни конца, ни выхода из себя, ни возвращения к себе.

Период земной жизни представляет собой только движущуюся цепь мгновений, каждое из которых человек не

может ни остановить, ни зафиксировать. Мгновение может быть разделено до бесконечности, и в математике не существует цифры, которая бы не абстрактно и не символически, а реально отражала бы простейший элемент времени, где деление и дробление уже невозможно.

Итак, время – это поток, который невозможно остановить, как невозможно определить его сущность. Единственное свойство времени – это постоянность и необратимость. Время похоже на лесной пожар ночью. Огонь, преследуя путника, сжигает все, что у него позади, – это прошлое; темнота ночи перед глазами путника, в которой теряется его путь, – это будущее, которое еще не наступило и неизвестно для него. От прошлого остался пепел, будущее таится во мраке – это путь жизни, по которому идет человек.

Почему человек, веря в вечную жизнь, на самом деле не думает о вечности? Первая причина – это сластолюбие. Он ищет наслаждения в материальном; он хочет выжать из жизни все возможное и невозможное, забывая о том, что мгновение нельзя остановить, и время непрестанно превращает настоящее в прошлое – некую иллюзию памяти.

Вторая причина, почему человек не думает о вечности, – это трусость. В вечность надо перешагнуть через порог смерти, а смерть представляется человеку в виде трупа, гниющего в могиле, и он стремится вытеснить этот образ из своего сознания. Сама вечность, как возмездие, становится для человека не менее страшной, чем смерть. Страх перед вечностью Александр Блок⁶ пронес через всю свою жизнь⁷, который выразил в одном из своих ранних стихотворений:

*Это – бездна смотрит сквозь лампы –
Ненасытно-жадный паук⁸.*

И агония страха перед вечностью закончилась для него безумием.

Наша земля – пылинка в космических пространствах, но сам космос – пылинка по сравнению с бесконечностью. Человек стремится познать окружающий его мир, но если бы случилось чудо, и он познал и изучил все законы Вселенной, а его разум объял весь космос, то и это было бы ничтожно малым. Ведь

главное не то, что творится под звездами, а то, что находится над звездами – тот духовный мир, которому родственна человеческая душа, тот эон, в котором она будет пребывать вечно.

Бог творит вечность и время. Этого не знали языческие мудрецы и философы. Для них вечность была периодами между гибелью и возникновением миров, а время – замкнутым циклом, движение которого, направляясь вперед, на самом деле оборачивалось назад. Язычники не знали тайны преображения материи, поэтому жизнь человека на земле и пребывание души в теле казались им заключением в темнице: душа замурована в склепе и живет, не зная для чего. В этот склеп проникают лучи через щели в камнях, поэтому человек смутно догадывается о существовании другого мира, но выйти из склепа не может. Поэтому мир для языческого мудреца представлялся лабиринтом, где много дверей, но нет выхода наружу.

Материалисты говорят: «Этот мир вещества и материальности – мой родной дом, надо устроиться поудобнее для жизни в нем, а затем умереть и лечь там своими костями, превратиться в порошок – космическую пыль».

Спиритуалисты говорят: «Само тело – это гроб души, поэтому спасение – это освобождение души от телесного и материального и затем исчезновение ее в безликой космической силе, как капли дождя – в океане».

Христиане говорят: «Земная жизнь – это приготовление человека к вечности, это становление его как личности, это время борьбы с грехом, поразившим природу человека, это выбор между Царством Божиим и царством сатаны, это начало преображения, которое одухотворит саму материю. На земле осуществляется союз души с Богом, который будет продолжаться в вечности». Это было реалией для древних христиан. Главным содержанием их жизни было стремление к богообщению и стяжанию благодати. Они видели земной мир пронизанным лучами небесного эона. Они стремились сделать само время ступенями к вечности; на время, данное им, как наследие при рождении, купить саму вечность. Средством к этому для них была земная жизнь.

Многими современными христианами будущая жизнь мыслится как некая декларация. Они не стяжали опыта вечности и, исповедуя христианство, принадлежат земле. Поэтому содержание их души – помыслы о земном и образы земного. Христианство большей частью воспринимается ими как высокая нравственность, как призыв к действию. Но, будучи отключенными от молитвы, т. е. не имея внутреннего устремления души к Богу, они не имеют опыта вечности, для них чужда мистика христианства, и поэтому они, даже пытаясь осуществлять заповеди, принадлежат земле.

Конечно, мы говорим об общем духовном состоянии, о материализации сознания человека. Мы вовсе не хотим сказать, что духовная жизнь совсем исчезла. На общем фоне духовной деградации мы видим людей, которые отдают свою жизнь и силы христианству, которые стремятся повторить путь древних отцов, которые ведут монастырскую жизнь в миру и в монастырях. Но мы хотим сказать, что для современного человека, живущего в атмосфере все более концентрированного люциферианства, особенно необходима молитва и память о смерти для того, чтобы почувствовать дыхание вечности, чтобы иметь силы и стимул противостоять потоку лжи и обольщений, в котором начинает тонуть мир.

Не внешними средствами утверждается христианство, а внутренней силой, которая дается благодатью. Поэтому в духовной нищете открывается великое богатство и в осознании своего человеческого бессилия – всемогущая помощь Бога.

На что внешнее может опереться человек? На науку? Но разве она сделала человечество более счастливым? Разве она осветила для человека тайны бытия – эту черную бездну, этот непроницаемый мрак для человеческого разума? Разве фактология дает ответ, что такое человек, зачем дана ему жизнь? Наука находит определенные закономерности между явлениями, а далее простирается область гипотез и теорий, обреченных на увядание и гибель. Всякий опыт не окончен, всякое явление не познано до конца, поэтому всякая теория эфемерна и условна.

Может ли человек найти опору внутри себя? Сам человек – это клубок противоречий. В Библии сказано: «Всяк человек – ложь»⁹ – именно потому, что в нем нет постоянства. Мысли человека зависят от чувства, а чувства меняются, значит мысли и чувства лгут. Сегодня человек уже не тот, кем был вчера, а завтра станет не тем, кем был сегодня. Сфера наших эмоций, желаний, намерений подобна вращающемуся шару, который находится под сознанием, как в подвале души, а наше сознание фиксирует точки вращающейся поверхности, как будто смотрит в этот подвал сквозь узкую щель. Это какой-то поток, бьющий из-под земли на ее поверхность и принимающий на стыке сознания и подсознания формы образов и мыслей. Наша душа поражена грехом. Может ли человек в таком состоянии правильно мыслить? Могут ли течь чистые струи воды из загрязненного источника? Поэтому у человека нет опоры ни вовне, ни внутри себя. Единственное, что принадлежит ему – желание истины, а эта истина есть Бог. Поэтому в мире, пронизанном ложью, человеческое сердце может найти покой и правду только в имени Божием.

Христианство имеет опытное доказательство в виде действия благодати на душу человека, которое переживается как новая, ни с чем не сравнимая жизнь. Но современный человек не хочет ничего знать о Боге. Ему говорят: «Клад под твоими ногами». Он отвечает: «Там ничего нет». Ему говорят: «Сколько свидетелей ручаются тебе в этом; сколько столетий безгласно говорят тебе, что ты владелец места, где лежит сокровище». Он отвечает: «Я не верю им». Ему говорят: «Проверь сам, копай землю». Тогда он отвечает: «Не хочу. Мне доставляет больше удовольствия срывать цветы на этом поле».

Один весьма умный и образованный человек, инженер-конструктор по специальности, сказал мне: «Я понимаю, что мои знания относительны, но одно я знаю точно – Бога нет. Я могу ошибаться в другом, но только не в этом». Наверное, это краткий символ веры атеистов. Он готов был выдержать любые разочарования, только не ужас, что Бог все-таки есть.

Жизнь на земле подобна кораблю, который медленно тонет; зданию, охваченному огнем; облаку, плывущему по небу; дыму,

стелющемся по земле; волне, разбивающейся о берег. Мы знаем, что умрем, и все-таки, как зачарованные, ничего не хотим знать, кроме этой жизни. Как часто современный человек бывает подобен Фаусту¹⁰, который просит демона остановить мгновенье, предлагая ему в обмен собственную душу.

В чем истинная жизнь

Христианство отвергает земную жизнь как самоценность; более того, христианство – это искусство умирать, умирать постоянно ради будущей жизни. Христос принес на землю небесный мир, который оказался мечом; это меч освобождения от привязанностей, пристрастий, обычаев, понятий этого мира, которые опутали, как узы, человека и привязали его к земле. Перед человеком постоянный выбор: жизнь или смерть, вечность или время, Бог или этот мир. Христос пришел на землю, чтобы разрушить иллюзию жизни и дать истинную жизнь. Господь сказал: «Царство небесное – внутри вас»¹¹. Внешнее – то, что существует «вовне», – это царство земное; оно не принадлежит человеку, в нем не находит своего успокоения сердце, там не является душе Бог. Но это земное царство захватывает и пленяет человека, он живет в нем, там его помыслы и желания, там он ищет счастья и наслаждений; это внешнее он считает своим достоянием. Поэтому человек живет в состоянии самообмана, из которого боится выйти, как из подземелья – в свет истинный, но незнакомый и страшный для него.

Земная жизнь подобна сну, а внешнее – проходящим сновидениям. Истинная жизнь – это выход из страстного, греховного и ограниченного бытия через богообщение, включение души в новую жизнь, открывающуюся как вечность, и приобщение ее к свету божественного бытия. Для того чтобы быть способным воспринять эту жизнь, надо умирать для ложной жизни. Демон и мир обещают человеку счастье, которое оказывается смертью. Господь обещает своим ученикам скорби в этом мире, гонения и смерть, которые оказываются радостью и началом истинной жизни.

Встреча с Богом может произойти только в сердце человека, очищенного от греха, поэтому христианство – это искусство борьбы с собой. Если бы мы могли опуститься в собственное сердце, то вначале увидели бы там только тьму. В нашем сердце – грех и хаос страстей; только благодать Божия,

сочетавшаяся с волей человека, может очистить и просветить его сердце. Но для этого нужны труды, перед которыми отступает большинство людей. Адам отдал себя и свое потомство в рабство демону. Мы рождены с клеймом этого рабства; наша душа подобна телу прокаженного, покрытого язвами и гноем. Своими грехами мы обновляем тот союз с демоном, в который вступил наш праотец. Господь искупил нас от греха, но благодать искупления мы должны принять добровольно. Поэтому наша земная жизнь – это выбор, путь и борьба.

Со времени грехопадения праотцов земля стала страной изгнания и огромным кладбищем для поколений людей, которые приходят из небытия и уходят в неизвестность. Бог нашел человека и искупил его, теперь человек должен искать Бога – это цель его жизни. Но большинство забыло об этой цели и стремится к другому – построить для себя вечный дом среди потока всесокрушающего времени: какое-то мгновение – и уже ничего не остается ни от них, ни от их деяний.

Время можно сравнить не только с потоком, который уносит с собой все; время – это пожар, испепеляющий все видимое.

Земля всегда была местом изгнания, но люди своими делами все больше отдают его под власть демона. Адам был поставлен Богом господином земли, а его потомки приняли уставы демона, и поэтому ад все более захватывает землю. Единственная реальная сила, стоящая на пути мирового зла – это Церковь как источник божественного света на земле. Но очень многие люди, принадлежащие Церкви, участвующие в ее Таинствах, исповедующие истинную веру, внутренне отключены от духовной жизни и все более перестают понимать учение Христа.

Есть две точки, где земля соприкасается с небом: это алтарь храма и сердце человека. Оскудела молитва в алтаре, забыто учение о внутренней жизни, о борьбе за очищение сердца, и благодать все больше покидает землю, и ад выплескивает на поверхность земли свои мутные волны. Человечество чувствует, что приближается к катастрофе, но не может предотвратить ее. Люди обвиняют друг друга,

составляют программы спасения и тонут все глубже в стихии зла, лжи и разврата.

Может ли человечество повернуть ход истории? Нет, это иллюзия. Силы зла все увеличиваются. Человечество развращено; оно как бы одновременно ужасается картине общего разврата и тайно любит его, стремится к нему. Духовный потенциал почти исчерпан. Апокалипсис говорит нам не о золотом веке на земле, а о сгущающейся тьме и катастрофах, которые будут потрясать агонизирующий мир. Но немногие, которые в Священном Писании названы избранными, могут выйти из потока зла и греха. Это значит выйти из внешнего, найти другой мир и другую жизнь в своем сердце, бороться с собой, очищать свою душу от страстей, стоять в сердце с именем Иисуса Христа – это путь стяжания благодати, которая и есть начало вечной жизни на земле. И если найдутся такие молитвенники, то замедлится ход истории, и Господь прибавит время, данное человечеству до Страшного Суда.

Внешнее обманывает нас. Или оно покидает нас, или мы покидаем его. Если бы даже все желания человека были исполнены, то сердце его осталось бы пустым, и он стоял бы перед вечностью таким же нищим. Путь к Жизни – это забытый путь от внешнего к внутреннему, от видимого – к невидимому, путь к своему сердцу, а через него – к Богу. Это – сочетание сердца с именем Иисуса Христа, это умение умирать, чтобы жить. Это искусство жертвовать всем, что в мире, ради Творца мира, в Котором заключено все.

Мистерия времени

Языческий мир не мог разгадать тайну вечности. Время в мифе обращено назад, а точнее, оно движется по замкнутой окружности и, удаляясь от первоначальной точки, снова приближается к ней. Христианство разорвало этот порочный круг и бесконечные циклы, сменяющие друг друга, где будущее повторяет прошлое, а конец тождественен началу. Время священной истории мира – прямолинейно. Но, встречая сопротивляемость в косности материи и упругости меонической среды, оно становится спиралеобразным. Время в христианстве имеет не только горизонтальное направление, но тяготение к вертикалу, и насколько оно становится вертикальным, – настолько спираль возвращается к прямой линии, и настолько время во внутреннем измерении человека становится объемным.

Образ вечности это единство двух направлений времени – горизонтального и вертикального. Но так как человек не может представить совпадения вертикала и горизонтали, то тем более, тайна вечности для него не доступна. Говоря о вертикали, мы все равно находимся в поле времени, и только хотим сказать о его приближении к вечности; а во внутреннем опыте вечности сами векторы времени исчезают. Для язычников будущее осуществляется в прошлом; само настоящее есть возвращение. Для христианина прошлое отражается в настоящем, а настоящее является трамплином для будущего, но никогда не совпадает с ним. Настоящее – приготовление, а будущее – исполнение.

Язычник одинок в своем пути, он предоставлен своим силам и поэтому обусловлен временем. Христианин действует в синергии с благодатью, которая вневременна, и в своем преображении через благодать он получает свободу от рабства времени. Итак, путь язычника – это возвращение и повторение, путь христианина – преображение.

У язычников были мистерии, посвященные времени, называемые «сатурналиями». Язычник пытался, хотя бы

условно и символически, уничтожить власть времени, заглушая его внутренние ритмы и отсчеты в экстаике темных и страстных наслаждений – в «мистике ночи». Сатурналии это воспоминание о мифическом «Золотом веке Сатурна»¹², на смену которого пришел железный век борьбы и страданий. Сатурналии это негация настоящего и попытка сценически изобразить, как бы вернуть на землю век Сатурна – в театре абсурда и парадокса. В период сатурналий снимались все ограничения – общественные и нравственные. Господа служили своим слугам; одного из рабов выбирали царем и воздавали ему царские почести. Люди предавались безудержному веселью: играм, маскарадам, пьянству и оргиям. В конце празднества эфемерного царя убивали, и снова все возвращалось на свои места. Толпа смотрела на сатурналии как на возможность удовлетворить свои низменные страсти и вдохнуть пьянящий воздух мнимой свободы, а мудрецы видели в них философию обреченности и смерти.

Теперь некие безликие духи стремятся превратить жизнь человечества в бесконечно продолжающиеся сатурналии, единственный закон которых – вседозволенность, чтобы люди забыли о будущем и жили только в настоящем мгновении, как бы растянутым на века. Раб пьет мутную чашу наслаждений, представляя себя царем, но время и смерть превращает его в пыль земли.

Смолкает музыка праздника, гаснут огни, опускается занавес над опустевшей сценой, где лежит забрызганной кровью труп казненного раба.

У римлян был бог времени – двуликий Янус. Празднеством этому божеству начинался каждый год. Янус изображался на двух сторонах ворот храма: на одной стороне – в виде юноши, на другой – глубоким старцем. Когда-то на заре своей жизни человек при взгляде в зеркало видел в нем лицо ребенка, а затем, когда десятилетия промелькнули как сон, как одно мгновение, видит в зеркале морщинистое лицо седого старика. Януса называли не только двуликим, но и двуличным.

Время обманывает нас, а вернее, мы обманываем себя, когда забываем о власти времени. Сколько бы ни жил человек,

все равно прошлое кажется ему кратким мгновением: как будто еще вчера он был малым ребенком, не знающим ни скорбей, ни забот. Прошлое исчезло, словно провалилось в темную бездну, и кажется человеку, что он еще не начинал жить.

Ворота, на которых изображен двуликий Янус, знаменуют собой прошлое – лицо ребенка, и будущее – лик старика, стоящего у края могилы. Ворота означают настоящее – ту грань, которая разделяет будущее и прошлое. Ворота означают также путь. Время земной жизни – это время пути.

Язычники не знали истинного Бога, поэтому они обожествили космос. Они не знали вечности, поэтому преклонялись перед неумолимым богом времени. От имени Януса получил свое название месяц январь. От календ¹³ получил название календарь – система счета времени.

Время – это форма, в которую каждый человек должен внести свое содержание. Не безумное желание – остановить мгновение ценой гибели души, а стремление посвятить его Богу является победой над временем. Отныне время не властвует над человеческой душой. Годы богоугодной жизни делают душу все более прекрасной через свет благодати. Время, в высшем смысле этого слова, уже не властвует над телом человека, так как конец мира – это воскресение из мертвых, которое один из древних писателей назвал «весной человеческого тела»¹⁴.

Время для христианина тоже двулико, но уже в другом смысле: в зависимости от его жизни оно становится другом или врагом.

Грех демоноуподобления

В борьбе сатаны против Бога, бессмысленной и обреченной на поражение, в борьбе жестокой и мрачной, человек встал на сторону сатаны и, желая стать как Бог, сделался подобием демона. Все события, которые происходят на земле, имеют невидимую нам метафизическую сущность, поэтому бытие человека многопланово. Грех Адама с самой страшной силой проявился в метафизическом мире. Человек стал больше, чем рабом демона. Рабство в какой-то степени внешнее состояние, а здесь произошло гораздо большее: человек выпал из поля божественного света в метафизический мрак. Рай, который был в душе Адама, сменился состоянием ада: человек стал принадлежать демоническому миру, с которым у него образовалось внутреннее созвучие.

Христос искупил человека. Это искупление в метафизическом плане освободило человека от насильственной власти демона. Человек получил новую возможность выбора, который определяет его вечную жизнь. Однако человек не получил безгрешность и невинность Адама до грехопадения. Ему предстоит осуществлять этот выбор через борьбу. Вечная смерть, как необходимость, была уничтожена, но телесная смерть, будучи следствием греха, осталась: через нее, как через горнило, должен пройти человек.

Никто не рождается безгрешным и никто не достигает безгрешности. Господь искупил нас, заменив в метафизическом плане каждого человека Самим Собой. Он послал освящающую силу, без которой невозможно воссоздание личности, – это благодать Духа Святого. Инерция греха действует в каждом из нас. И чем более познает себя человек, тем яснее он видит черные пропасти своей души.

Грех пленителен для человека. В картинах убийства, пыток, всевозможных грехов для человека есть какая-то демоническая сладость, похожая на ощущения игрока, который ставит на карту свою собственную жизнь. Римская чернь требовала не только хлеба, но и зрелищ, при том кровавых зрелищ. На боях

гладиаторов присутствовали как простой народ, так и высшая аристократия во главе с цезарем, который был одновременно верховным жрецом. В ложах Колизея находились философы и поэты, жрецы и жрицы. Что могло привлекать их в картинах человеческих страданий и смерти? После боев гладиаторов многие бросались на арену цирка, чтобы пить текущую из ран умирающих и трупов кровь¹⁵.

В смутные времена истории, когда ломаются структуры государств, зверство людей проявляется с особой силой. Особенно демонизм в коллективных формах, как вспыхнувшая эпидемия, проявляется во время революций. Здесь не только убийство миллионов людей, но наслаждение пытками и страданиями, наслаждение осквернением святынь. Не будем перечислять те ужасы, которым не подходит даже слово зверство. Но мы хотим сказать, что грешник превращается в подобие сатаны.

Для нас будет непонятно само искупление, если мы забудем о метафизической стороне греха, о духовном мире, где другие законы и другие емкости греха. Грех человека относится не столько к антропологии, сколько к демонологии. Почему в настоящее время демонизм, убийство и разврат занимают значительную часть информации, которую получает человек? С одной стороны, демонизм культивируется сознательно, но с другой стороны, он является не чем-то внешним, а живет в душе человека. Значит, здесь происходит синергия¹⁶ мирового зла с тем злом, которое находится в недрах самого человека. Современный человека у телевизора срывает с себя маску того, что недавно называлось культурой и удовлетворяет свои страсти, главные из которых жестокость и похоть. Поэтому во время будущих катаклизмов и катастроф человеческое зло примет такие чудовищные размеры, что прежний садизм революций и деспотизм покажутся только предварительной репетицией.

Вечное спасение – это пребывание души с Богом. В самом человеке нет источника жизни. Грех переходит в вечность, как ненависть к Богу; поэтому нераскаянный грешник становится человекодемоном, – в этом метафизический ужас греха, о котором старается забыть современное человечество.

Люди, учащие о всеспасении, игнорируют демоническую метафизику греха. Для них грех это оскудение добра, этическая дисгармония в отношении между людьми, изъян, дурная привычка и т.д. Эти люди игнорируют бытие демонического мира и общение человеческой души с ним, а если упоминают, то, как бы вскользь – даже не поймешь, что они подразумевают под демонами: реальные существа или аллегории. Впрочем, они иногда говорят о демонах опять-таки для того, чтобы дать понять собеседнику, что грех это нечто внешнее для человека, что человек совершает грех под влиянием со стороны, будь-то общественный строй, социальная несправедливость или демоны. Однако влияние демонического мира на людей не одностороннее действие: не только демон ищет человека, но и человек ищет демона; не только демон захватывает человека в поле своего притяжения, но человек открывает свою душу демону. Спасение это процесс синергии, где участвуют две воли – божественная и человеческая. Вечная гибель это тоже синергия двух волей – демонической и человеческой.

Ребенок рождается с потенциалом первородного греха, однако он отличается тем, что у него еще нет привычки греха, комплексов греха, как зацикленных страстей, ставших типом его поведения, у него грех еще не проявляется в области сознания. Однако грех активно живет в ребенке. Уже со времени первых проблесков нашего сознания мы можем обнаружить в себе такие действия греха, как гнев, похоть и ревность. Одна женщина вспоминала, что, будучи еще маленьким ребенком, пыталась выколоть глаза своему младшему брату за то, что его ласкала мать. Поэтому говорить о детской безгрешности можно только очень условно, как о еще не оформившихся и не вышедших на поверхность сознания страстях.

В христианстве нет дуализма как двух начал мироздания. Но в христианстве есть «дуализм конца» – дуализм между жизнью и смертью, спасением и гибелью, дуализм, который не существовал изначально, а образовался в мире разумных существ после грехопадения.

Некоторые либеральные богословы считают, что у ребенка повреждена грехом природа, но не воля, которая еще не

образовалась. Это не верно. Воля является одним из качеств природы и поэтому поражена грехом, как и все свойства природы. Преподобный Максим Исповедник¹⁷ отличал в самой воле еще «хотение», как временную направленность воли, и гномическую волю – способность принимать решения.

Человек еще на земле не определил себя до конца как личность, он находится в состоянии постоянных колебаний. Но спасение и гибель это не только сумма его поступков, это внутренний лик его души. Кого изобразил там невидимый художник: лик Христа или лик демона? Смерть снимает покров с этого лика и человек увидит сам себя, каким он есть на самом деле. Спасение – это общность души с Богом, приближающаяся к единству. Основа единства – подобие и любовь. Грешник не может полюбить Бога, а Бог не может стать подобным грешнику. Поэтому мир оканчивается эсхатологическим дуализмом – вечным разделением между спасенными и погибшими, жизнью и смертью.

Почему ломка нравственных традиций в XIX столетии и борьба антихристианских сил за владычество над умами породили такое явление, как декадентство¹⁸ – культ смерти, тления, греха и разврата, которое трансформировалось в XX веке в сюрреализм¹⁹ и экзистенциализм²⁰? Почему искусство, как будто потеряв удерживающую силу, все более превращается в театр ужасов и разврата? XX век ознаменовал себя не только двумя самыми кровопролитными в истории человечества войнами и двумя революциями, которые унесли с собой жертв не меньше, чем эти войны, но также таким явлением дальнейшего нравственного витка вниз, как фрейдизм, который не ограничился одной психологией, но пропитал собой литературу, искусство, всю культуру Европы и Америки XX столетия. Что привлекает человека в сатанинские секты? Почему современный человек делает себе идолов из грязи и крови? Неужели человечество обезумело?

Человек несет в себе грех и узнает его как сродное своей душе. Что заключено в первородном грехе? Во-первых, союз с сатаной: демон стал не только внешней силой, но и фактом внутренней жизни человека. Грех Адама – это желание ложной

свободы через отвержение Бога. Эта свобода от Бога приняла форму непослушания, противления воле Божией. Этот импульс богоборчества передается из поколения в поколение. Грех – это вид непослушания, через который человек хочет быть полновластным хозяином своего бытия. Поэтому в самых глубоких и изощренных степенях греха человек ищет внутреннюю свободу от Бога. Демон обещал Адаму богоравенство и обманул его. После изгнания из Эдема он обещает человеческой душе наслаждения, подобные блаженству, но вместо взлета ввысь Адам падает вниз. И каждый грех оканчивается не полетом, а падением. Адам прячется от Бога, он потерял любовь к Богу, теперь для него Бог стал карающей силой. И теперь грешник бежит от Бога, бежит куда попало, закрыв глаза, бежит в темноту метафизической ночи; он готов заняться чем угодно, лишь бы вытеснить из памяти и сознания мысль о Боге и смерти.

В искусстве отражается общее состояние человечества. Даже нерелигиозное искусство может быть барометром религиозной жизни человека. Если можно охарактеризовать современное искусство в нескольких словах, то мы назвали бы его бегством от Бога к диаволу. Это жажда к демоноуподоблению, а в метафизическом плане – влюбленность в собственную смерть. Единственная сила, которая может противостоять магии греха – это благодать Божия. Действие Духа Святого – это созидание образа Христа в душе человека. Страшный суд подразумевает разделение, дифференциацию добра и зла. Он назван страшным потому, что он окончателен. Тьма не может превратиться в свет, а свет – во тьму.

Мистическая сущность греха

Обычно грех понимают как ошибочное действие, как отклонение от этической нормы, как асимметрию между умом и эмоциями, как ослабление воли, как неправильно поставленную цель, как проявление эгоизма в общественной жизни. Но это только внешние оболочки греха, а метафизика и мистика греха относятся к ней, как глубина моря к волнам, колеблющим его поверхность.

Что такое грех? Это загадочная реальность нашей жизни, невидимая радиация, которая пронизывает ее насквозь; это непонятная сила, которая заставляет более семи тысяч лет биться нашу Землю (духовное сердце космоса) в судорогах боли. История человечества во многом напоминает историю хронической болезни. Наши современники, как и древние гуманисты, стараются упростить эту проблему, объяснить грех нравственным несовершенством человека, отклонением от некоего морального эталона, диссонансом между умом и чувством, проявлением эгоизма в общественной жизни, а иногда случайностью и ошибкой – неправильно выбранным решением. Они видят причину греха в изъянах воспитания, недостаточном образовании, дурных примерах, социальной несправедливости и считают, что душа, чистая от рождения, под влиянием внешних факторов подвергается коррозии, как металл, и постепенно обрастает налетом ржавчины. Гуманисты стремились исправить нравственность через общественные реформы, то есть психологию через социологию. Все подобные попытки оказывались утопией. Энтузиазм борьбы оканчивался разочарованием, революционные насилия порождали не нравственных героев, а тиранов и рабов: во время революций и перестроек мы видим особо сильные выплески зла, как бы извержение лавы из недр на поверхность земли.

Современный либерализм хочет решить вопрос о грехе радикальным способом, а именно – уничтожить само понятие греха. Для этого надо уничтожить понятие нравственности,

объявить ее предрассудком и суеверием и выставить на всеобщее посмешище.

Философские системы, начиная с античности, старались доказать, что грех – это только оскудение добра. Современные либералы-циники пытаются внушить людям, что грех – ложное понятие, придуманное для того, чтобы держать человека в страхе, связать и ограничить его свободу, лишить его радости жизни. В общем, грех – это темный призрак, который должен быть рассеян и уничтожен светом человеческого ума. Грех – это пугало для детей и древнее суеверие, которое может только вызывать неврозы и фобии.

Либералы хотят свести нравственность к минимуму, например справедливому дележу похлебки из общего корыта, и этим успокоить остатки человеческой совести. Но мы чувствуем грех как реальную силу. Мы повсюду встречаемся с этой вездесущей невидимкой, и прежде всего в своей душе. Есть глубина греха, как бы его онтология, скрытая от глаз, – это ненависть к Богу. Во времена войн и революций, когда рушатся основы государств, как колонны зданий при землетрясении, особенно ясно вырисовывается сатанизм греха, и кажется, что сама поверхность земли превращается в дно ада. Можно ли объяснить только оскудением добра садизм и изощренные пытки, которым подвергали людей, когда сама смерть казалась милостью? Можно ли объяснить оскудением добра поток секса и разврата, который обрушился на нас с экранов телевизоров и страниц журналов? Можно ли объяснить результатом одного невежества апологию гомосексуализма? Чем объяснить это нарастающее влечение грязи? Похоже, что новый виток в религии сатаны – это культ самого разврата, подобно тому, как декаданс в искусстве насаждал культ разлагающегося трупа. Раньше патосекс считался позорным явлением, он относился к области судебной медицины, а теперь его не только терпят, но и рекламируют, как новые краски в палитре человеческих чувств. Кажется, что скоро Содом поднимется со дна Мертвого моря²¹, выплывет из него, как тритон, и станет столицей для «элиты».

Чем можно объяснить изощренный садизм в тюрьмах и лагерях, где невинных людей подвергали всем видам пыток и

мучений, где узников калечили и убивали с каким-то сатанинским сладострастием? Чем объяснить поток пропаганды секса с его неистребимым влечением к грязи, если это не что иное, как культ разлагающегося трупа? Можно ли все объяснить одной ненормальностью? Но ненормальность (аномалия) – это невменяемость. Люди хорошо знают, что они делают и на что идут.

То, что принадлежит темной области психологии, особенно сексопатологии, и раньше считалось преступлением, теперь представляется как вполне обыденное явление, которое обогащает различными ощущениями нашу жизнь.

Грех – это оккультное явление. Мистика греха заключается в его богоборчестве. Грех – это вызов Богу во имя своей мнимой свободы. Это желание досадить Богу, уничтожить образ Божий в душе. Грех безобразен и бессмыслен, но он привлекателен именно дерзким бесстыдством. Почему пользуются спросом самые развратные книги и картины? Именно потому, что они созвучны страстям и образам, таящимся в области нашего подсознания. Почему учение Фрейда²² – этот декаданс в науке и морали – было принято в потерявшей Бога Европе с таким вниманием и даже восторгом как новое научное откровение? Потому что оно прозвучало в унисон с тайным голосом демонизированного подсознания, с импульсом богоборчества, проходящим через всю историю человечества.

Грех гнусен. Угрызения совести говорят нам об этом. Но только после смерти откроется весь демонизм, гнусность и ужас греха. Но Господь принес на землю не мир с грехом и сатаной, а огненный меч благодати, который разделит навеки добро и зло. Мираж кончится, и настанет горькое пробуждение.

Загадка смерти

Когда афинский суд вынес Сократу смертный приговор, – казнь через принятие яда, и палач готовил для него чашу с цикутой, – то Сократ, спокойно беседовал с учениками и, выслушав решение суда, словно весть о кончине незнакомого ему человека, сказал: «Мне вынесли смертный приговор те, кто уже приговорены к смерти самой природой». Великий философ не видел большой разницы между собой и своими судьями: ведь все люди – смертники, заключенные в тюремную камеру – в мир вещества и времени. Приговор произнесен, дело только в сроке: кого первого, а кого второго выкликнет по имени тюремщик, стража приведет к месту казни, и его встретит, как долгожданного гостя, палач, с чашей цикутой, с обнаженным мечом, или веревкой в руках.

Смерть – это тайна, которую не могли разрешить древние мудрецы и современные властители мира. Смерть – разрушение иллюзий земной жизни, а человек живет в потоке этих иллюзий, цепляется за них, как за единственное, что он имеет, и хочет представить мираж бытия как вечное, истинное бытие. В космосе есть черные ямы, где исчезает свет звезд. Смерть – это черная яма, где исчезают люди и все, живущие на земле; это какой-то космический провал, где нет конца и дна, в этот провал устремляется река времени, гаснут как искры имена людей, и исчезают как волны поколения за поколениями.

Философ Гераклит²³ сказал: «Время – это поток, в который нельзя войти дважды». Этот странный философ размышлял всю жизнь над загадкой времени и смерти. Он не боялся видеть то, на что закрывают глаза другие, а именно, что время превращает все в иллюзию, что мы одновременно живем и не живем – мы есть, и нас нет. Он произнес непонятные слова: «Я знаю все, а другие не знают ничего». Он знал, что все рушит и уносит время; он знал, что сам живет и умирает в каждое мгновение, что он мертвец, вызванный из мрака, и обреченный уйти в тот же мрак. Он познал, что время делает из всего ничто, и поэтому сказал, как о великой мудрости: «Я знаю все, а

другие – ничего», но это «все», и слова Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю» – почти одно и то же.

Гераклита называли плачущим философом. Он плакал над заблуждением людей, которые иллюзию принимали за действительность, и жили в мире призраков, удерживаемым их воображением. Он плакал о том, что люди страшатся думать – что такое время, как некоторые боятся заглянуть в бездну, от вида которой у них начинают подкашиваться ноги и кружиться голова.

Время – это вращающееся колесо, на котором написано: «Не было. Есть. Не будет». Здесь «да» наложено на «нет», и оба слова, соединенные вместе, превращаются в какой-то неразгаданный иероглиф. Некий философ утверждал, что для него одинаковы и жизнь и смерть. А когда его спросили, почему же тогда он живет, то он ответил: «Именно, поэтому».

Гераклит решил выйти из потока времени, и своей рукой исполнил то, на что он был обречен с рождения. Сократ не искал смерти, и не отвращался от жизни, он был занят другим: познанием самого себя. Он познал, что смертен, и поэтому принял смерть спокойно; принял как неизбежность, как человек встречает наступающую ночь. Гераклит, убедившись в мнимости жизни, решил проявить мнимую победу над смертью, и бросился в ту бездну, которую постоянно видел перед собой. Гераклит плакал над заблуждением людей, забывших о всепожирающем огне времени и «дамокловом мече» смерти.

Другой философ Демокрит²⁴, смеялся над заблуждением людей, поверивших, что они люди. Для него боги и люди – это конгломераты неких невидимых и неразделимых частиц. Человеческое тело мало – чем отличается от муравейника; в нем каждая частица, как насекомое в стае, исполняет свою работу; человека нет, есть только самосоздающиеся и рассыпающиеся структуры; жизни и смерти, как таковых, нет: собираются космические частицы вместе, под действием взаимного притяжения (симпатии), а затем расходятся друг с другом, как пары во время танца, и переходят в прежнее состояние – в тонкий невидимый прах, из которого лепятся новые тела.

Для Гераклита иллюзией было бытие; для Демокрита – сам человек. Для Гераклита время и смерть превращают жизнь в трагедию; для Демокрита – в комедию. Современники называли Демокрита «смеющимся» философом. Этот демонический смех гуманисты пытались объяснить, как оптимизм и жизнерадостность античных материалистов. Судьба обоих философов была схожей: Гераклит покончил жизнь самоубийством, а Демокрит ослепил себя.

Стоики²⁵, в какой-то степени, являлись преемниками Гераклита, по крайней мере, в своем отношении к миру. Для них жизнь представляла собой театр абсурда. Единственное благородное дело для мудреца – смотреть на жизнь равнодушно, как на театральное представление. Философ-стоик чувствовал себя императором, который из ложи наблюдает скучающим взором за битвой гладиаторов и зверей в цирке. Стоик презирал жизнь за то, что она есть, и благодарил смерть за то, что она будет. Стоики думали разрешить загадку жизни, скрыв под железной маской судорогу боли.

Цинизм был продолжением философии Демокрита на этическом плане. Киники²⁶, по крайней мере первые из них, были достаточно умны, чтобы видеть уродства окружающего их мира и человеческих грехов. Но уродство познается через сравнение с неким совершенством и красотой. А циники не имея средств исцелить уродства, решили избавиться от самого понятия красоты. Они, представив себя уродами в мире уродств, подписали свой философский манифест именем псов²⁷, но при этом отбросили даже такое достоинство собачей натуры, как преданность дому. Они осмеивали все и самих себя, но не смогли создать ничего и оставили своим потомкам только яркий, но дурно пахнущий букет эпиграмм, афоризмов, насмешек и парадоксов; они старались увидеть в мире только несоответствия и уродства. Вся философия киников, с их вызывающим антиэстетизмом, похожа на крики и смех детей, которые окружили калеку и издеваются над ним.

Средние века были периодом интеллектуального и духовного подъема, тоской по небу и вечности. Люди искали не внешнюю скорлупу жизни, а ее сокровенное, духовное, как бы

огненное ядро; это было духовным порывом человеческой души от внешнего к себе и от себя – к Богу. Средневековые остаются для нас тайной, поскольку сама мистика и мистическая любовь – это тайна.

Божественный свет постигается и созерцается через подвиг человеческой души. Отяжелевшие веки ренессанса скрыли от ока сердца этот свет. Гуманисты увидели в средневековье только черный силуэт истории, словно незнакомца, одетого в траур, как для куртизанки лик аскета кажется мрачным приговором над жизнью. В искусстве средневековья постоянно фигурирует смерть – этот спутник человека, зловещий двойник, неразлучный как тень. Однако средневековье видело смерть на фоне вечности. Смерть помогала христианам не опустить око души от неба к земле, не отдаться в плен страстям, не превратиться в животных, как от пищи волшебницы Кирки²⁸. Память о смерти была для них ступенями к небесному Иерусалиму, где Бог станет Всем для всех. Тени видны только при солнечном свете. В сумерках ренессанса память о смерти исчезла; на нее стали смотреть как на врага. На полотнах ренессанса замелькали картины обнаженных человеческих тел; они были похожи на гимн и песнь во славу плоти. Это время духовного упадка названо потомками «возрождением».

Для возрождения, как и для античности, божеством казался космос. Возрождение стало предлагать людям свою теорию бессмертия: раз человек частица космоса, значит, он умереть не может. Возрождение лгало на самих святых: на Западе их изображали похожими на языческих богов. Духовность стало сменяться душевностью. Мир засверкал палитрой всех красок, но небо потускнело и исчезло, как будто подернулось пологом облаков.

Христианство на Востоке было поставлено под железный поток мусульманских орд, как крепость под удары тарана. Оно выстояло, но внутренний двор храма уменьшился до размеров, который можно измерить тростью.

Западное христианство было уже оторвано, как бы отщеплено от ствола Вселенской Церкви. Ее пышная крона покрывала огромные пространства Европы, а ветви тянулись в

глубь других частей света, но оно было лишено животворящей благодати и поэтому все больше полагалось на силу копья и меча. Если аллегорически представить католицизм эпохи ренессанса, то это будет крест и меч: ключи апостола Петра²⁹ и топор палача, звон колоколов и стоны сжигаемых еретиков.

Запад назывался христианским; рука Римского первосвященника была настолько сильна, что могла сбросить с трона негодных ему королей, как на рыцарском турнире победитель выбивает одним ударом своих соперников из седла. Но в интеллектуальную элиту ренессанса стали просачиваться учения, чуждые христианству: это идея одухотворенности всей материи – гилозоизм³⁰ – еще один виток в борьбе с памятью о смерти. Если вещество обладает разумом, то человек продолжает жить и ощущать жизнь после смерти в своих элементах, какую бы форму не приняли бы они.

В новое время, под влиянием гилозоизма, особенно процветавшего в оккультно-эзотерических школах, был реанимирован и реформирован античный пантеистический идеализм. Для пантеизма смерть – это исчезновение личности, а не бытия; дух человека растворяется без остатка и следа в абсолюте, как брызги волны исчезают в океане.

Материализм предлагал жалкое бессмертие: человек превращается в космическую пыль, материально он продолжает существовать, хотя и не осознает своего бытия – значит, все в порядке.

В новое время исторический иллюзионизм проявил себя в виде хилиазма³¹, ведущего начало от староиудейских апокрифов, описывающих земное царство мессии. Утопии о «счастливых островах», плывущих как корабли в просторах океана, и «городов солнца», построенных из золота и стекла, породили несбыточные надежды толпы, – ими умело пользовались диктаторы. Они с «островов счастья», как с кораблей, сбрасывали трупы акулам, а для постройки «городов солнца» рыли как котлованы огромные общие могилы. Память о смерти должна быть стерта программным коллективным оптимизмом, как стирают пыль с окон. Она объявлялась

кладбищенской гнилью, мертвечиной, труположеством; а бессмертие объяснялась как благодарная память потомков.

Наши современники все меньше задумываются над тайной жизни и смерти, времени и вечности. Кажется, что в их организме выработалось вещество, которое можно назвать «антисмертью» – это психическая установка, которая должна выбрасывать из поля сознания всякую мысль и воспоминания о смерти.

Современный человек живет во времени, не понимая и не осознавая его. Он видит перед собой смерть и ее следы везде: в человеческом обществе, в окружающей природе и в его собственной семье, но, в тоже время, гонит от себя образ смерти, словно своего врага, как будто, если он забудет о смерти, то смерть забудет о нем, и он останется жить, как по преданию Агасфер³², оттолкнувший Христа от дверей своего дома.

В житии преподобных Варлаама и Иоасафа³³ есть образ – притча. Человек, спасаясь от зверя, влез на дерево, которое росло на краю пропасти. Он чувствует, что дерево шатается и вот-вот должно упасть. Он смотрит вниз и видит, что два зверька своими зубами как пилой режут ствол. И, вдруг, человек заметил на дереве дикий мед, и стал с жадностью поедать его. Он забыл обо всем, и только слизывает капли меда с веточек дерева. На дне пропасти лежит дракон, который ждет когда упадет дерево. Но человеку как будто уже нет дела ни до зверьков, подтачивающих стол, ни до пропасти, в которую он должен упасть, ни до дракона, открывшего свою зубастую пасть.

Зверь, преследующий человека это смерть; дерево – жизнь; два зверька – день и ночь; пропасть – ад; змей – диавол, а капли меда это земные наслаждения, в поисках которого человек забывает обо всем.

Этот поразительный образ можно еще дополнить несколькими штрихами. Дикий мед смешан с горечью. Человек слизывает его с острых игл и колючек, усеивающих ветки. Осы жалят его тело, так что оно распухает, но человек все равно ищет, где еще можно найти капли горького меда; он забыл о

смерти. История повторяется, только более широкими витками. Почему киники называли себя псами? Не только потому, что на площадях и улицах городов совершали свои телесные отправления, но потому что, животные не могут подняться своим разумом над жизнью как над эмпирической данностью. Животные только воспринимают ее через ощущения и представления. Люди могут мысленно, абстрактно осознать, что такое жизнь, как бы выйти из потока на берег, найти смысл жизни, увидеть причину и цель.

Цинизм – превращение сфинкса в котенка, перечеркивание всех вопросов и низведение самой жизни к удовлетворению животных инстинктов. Если у циников еще оставлен, как рудиментный орган, разум, – то только для того, чтобы смеяться над самим разумом, чтобы бесстрашнее растворить свою душу в темных глубинах эмпирики. Атомизм Демокрита это отрицание Бога на интеллектуальном уровне. Биологизм циников – отрицание Бога на экзистенциальном уровне. Демокрит родил «синопского пса»³⁴; а «синопский пес» – свинью современного либерализма. Демокрит хотел опровергнуть нравственность философским путем; Диоген – собачьим лаем, а современные либералы – деловитым хрюканьем и общественными институтами по защите людей от чувства стыда.

Когда человек живет страстями, то он не может подняться над жизнью, а опускается на дно. Страсть неразлучна с забвением о смерти; в страсти теряется ощущение не только вечности, но и времени. Страсть – самозамкнута и эгоистична; похоть может существовать, как дождевые черви под землей, лишь во тьме, и поэтому гасит свет духа и свет разума.

В физике существует закономерность: распад вещества вызывает выделение тепловой энергии. Теплота страсти – это теплота распада, теплота тления, поэтому конец страсти – опустошение души, подобное сумеркам смерти.

Человек – образ и подобие Божие. Ему дана задача – разгадать для себя тайну времени и смерти, как бы войти в нее, соединиться с ней: от этого зависит его личное спасение. Только добытое трудом становится достоянием самого человека. Дьявол борется с памятью о смерти, как со своим грозным

противником. Он предлагает человеку как приманку похоть, чтобы отвести его от Бога. А святой ангел-хранитель памятью о смерти, словно колокольным звоном, пробуждает человека от сна и иллюзий горького земного счастья и фантасмагории земного бессмертия.

Александр Македонский³⁵ завещал перед смертью положить его в гробницу так, чтобы люди видели правую руку великого завоевателя с раскрытой ладонью. В своей деснице он держал полмира, а после смерти не смог взять с собой ничего: рука с раскрытыми пальцами осталась пустой.

О памяти смерти

Одно из самых коварных заблуждений, стремящееся скрыть от нас само существование смерти, – убедить человека в том, что ему не грозит встреча с этой некоронованной властительницей мира, которая сделала всю землю своим именем и воздвигла из костей и черепов свой непоколебимый трон, что встреча с этой царицей кладбищ и вечной ночи еще далеко. Человек не верит, что он умрет – это для него слишком ужасно; но он не может также сказать, что он не умрет – это было бы безумно. Поэтому человек говорит самому себе, что смерть далеко, далеко, как звезда, свет которой доходит до нас через тысячи лет. Человек считает: смерти нет сегодня, значит, ее нет, и живет так, как будто смерти не существует. Он вытеснил память о смерти из своего сознания и успокоился так, как будто вытеснил смерть из космоса.

Мы не знаем своего будущего, мы не знаем, что случится завтра, но есть одно неизбежное и ничем неотвратимое – это смерть, о которой мы говорим, читаем в книгах, которую видим глазами и в которую, несмотря на все, не верим, а потому упорно не готовимся к ней. Нельзя согрешать, одновременно не забывая о смерти, ибо всякий грех происходит от иллюзии, что мы вечны на земле. Когда мы грешим, то для нас смерть как бы скрыта в тумане, исчезла в каких-то потемках.

Воля направляется на то, чтобы забыть о смерти. Поэтому демон старается уничтожить в сердце человека молитву, а в его уме – память о смерти. Мы обычно при встрече приветствуем друг друга словами: «Как ты поживаешь?», а мудрецы древности, даже языческого мира, говорили при встрече другое: «Помнишь ли ты о смерти?»

Царь Птолемей³⁶ имел обычай: после торжественного приема гостей и праздничного пира перед ним ставили блюдо, покрытое покрывалом; один из слуг снимал покрывало, под которым находился человеческий череп, и громко говорил: «Царь, помни, что ты тоже смертный». После этого гости в молчании расходились. Языческий царь каждый день

размышлял о смерти, чтобы быть милостивым государем и справедливым судьей для своего народа.

Христианин должен вспоминать о смерти, чтобы подготовиться к суду над всей своей жизнью, и принести покаяние – осудить себя раньше Божественного суда. Господь сказал, что богатому трудно войти в Небесное Царство. Тот, кто считает, что времени для жизни еще много, похож на богача, который думает, что у него запас времени, как богатство, на которое он может жить в свое удовольствие. Такому человеку также трудно войти в Небесное Царство, он будет дорожить только земным.

Час смерти неизбежен, но неизвестен. Он придет скоро, потому что вся жизнь – это краткое мгновение перед вечностью. Если бы даже человек жил десятки тысяч лет, то мог бы сказать вместе с патриархом Иаковом: «Малы и несчастны дни жизни моей»³⁷, то есть время моей жизни кратко и исполнено скорбен. Если бы все моря земли собрать в одну чашу, ежегодно брать из этой чаши только одну каплю воды, и то пришло бы время, когда эта чаша оказалась бы пустой. Люди всеми силами хотят продлить время своей жизни. Но это похоже на изнемогающего пловца, который, попав в водоворот, борется со стихией, чтобы еще несколько минут оставаться на поверхности воды. Мало кто думает, как подготовиться к вечной жизни – к той жизни, которая начинается за чертой смерти.

Святые Отцы дали заповедь размышлять о смерти, считать, что каждый день жизни может стать последним днем. Человек должен жить так, как будто сегодняшний день последний, как будто сегодняшний день подарен ему для того, чтобы он приготовился в путь, ведущий в вечность.

Память о смерти дает человеку мужество переносить несчастья и скорби этой жизни. Память о смерти открывает сердце для молитвы. Память о смерти учит прощать и любить. Обычно смерть застаёт людей врасплох, и человек с ужасом видит, что он попусту потерял время, проиграл его, как неумелый игрок. Но тот, кто помнил о смерти, тот увидит ее не в образе грозного мстителя, а как друга, который пришел в темницу этой жизни, чтобы освободить его от трудов и скорбей и

ввести в страну вечного покоя. Поэтому святые Отцы говорили: день смерти – самый великий день для человека.

Время – огонь

Однажды я видел картину, которая навсегда запечатлелась в моей памяти. Зимней ночью, в доме моих друзей, у которых я гостил, начался пожар. Пламя охватило деревянные строения в свои цепкие объятия, как будто чудовище когтистыми лапами впилося добычу и пожирает ее. Дом, который был похож на сказочный терем, превратился в огромный костер. Несмотря на все усилия, затушить пламя было невозможно. Труды и любовь, которые годами воплощались в постройку и убранство этого дома, теперь исчезли в пламени за несколько часов. Здесь, как бы воочию, выявилось бессилие людей перед неумолимой стихией. Казалось, что струи воды уже на лету превращались в пар, едва соприкоснувшись с огненной стеной. Из этой неравной, как бы отчаянной борьбы человека с огнем, огонь оказался победителем. Из окон вырывались языки пламени, окрашенные в желтый и красный цвета, будто птицы в ярком оперении или пляшущие змеи. Ночью дым от пожара не был виден, он пробежал как легкая тень по световому фону, и исчезал, растворяясь в черной бездне ночи.

Я смотрел будто замороженный на эту бушующую стихию, как некоторые люди не могут оторвать глаз от водопада, словно их зовет к себе эта масса падающей с каменных порогов и разбивающейся на брызги воды. И мне представлялось, что наша жизнь похожа на дом, объятый пламенем, только этот пожар растянут на несколько десятков лет.

Треск горящих бревен внезапно сменился грохотом: упала железная крыша, и облако сверкающих искр взвилось к небу и рассыпалось по сторонам. Вскоре на месте дома остались только камни, груды пепла, и куски искореженного огнем железа. В этом пепелище кое-где еще сверкали багряные огоньки догорающих углей; они казались мне открытыми глазами еще не остывшего трупа. Толстый слой пепла лежал на месте сгоревшего дома мягким, черным ковром. Настало утро, хмурое как сумерки. При тусклом свете зари руины сгоревшего здания казались черным холмом над новой могилой, которую

еще не успел покрыть снежный саван. Серые лучи зари мутными струями текли по небосводу, и как бы обнажая невидимое присутствие смерти, наполняли душу щемящей тоской. Для меня это пожарище было картиной человеческой жизни, обреченной с рождения на смерть и медленно сжигаемой временем.

Огонь – это время, которое поедает с неумолимой жестокостью каждого из нас. Время нельзя остановить, как из объятых пламенем дома, с заколоченными дверями, некуда бежать.

Прошло несколько лет. Время стирает старые записи из памяти, – как соскабливают буквы с пергамента, – пишет новые письма и затем вновь стирает их. Но есть картины, которые как бы выбиты резцом на камне. Я часто вспоминаю ночной пожар, огненную феерию на черном фоне неба, облако искр, разносимых порывами ветра, холодный зимний рассвет, похожий на тающий лед, тяжелые, свинцовые тучи, нависшие над землей, руины на месте сожженного дома, словно груды обглоданных костей, которую оставила звериная стая от своей добычи. Теперь на этом месте стоит другой каменный дом, более обширный, чем прежний. Может быть в нем будут жить несколько поколений, но и он обречен – время сожжет его дотла.

О времени и вечности

У ветхозаветного философа Филона³⁸, пытавшегося объединить в одну систему библейский монотеизм³⁹ и учение платоников, мы находим характерную метафору времени. В Библии сказано о том, что после изгнания, праотцев из рая Бог поставил херувима с огненным мечом охранять врата Эдема⁴⁰. Филон дает следующую интерпретацию этого образа: херувим означает материальный космос, а огненный, вращающийся меч – время. Вещество и время скрывают от падшего человека мир духовных сущностей и божественного света, которого он лишился из-за грехопадения. Здесь отражен платоновский негативизм по отношению к материи – время и гностическая космология⁴¹, где вселенная, развеянная в пространстве, мыслится только как страна изгнания, – бездна падения и темница души. Христианство открыло нам, что на самом деле изгнание праотцев из рая – это действие божественной любви. Повязку на лице человека с больными глазами нельзя назвать преградой свету; преграда не повязка, а сама болезнь. Как для ребенка необходима колыбель и пелены, которыми закутывают его еще неокрепшее тело, так для изгнанников из рая были необходимы колыбель земли (космос) и пелены времени, чтобы подготовить их к вечности, к возвращенному раю. Если бы не было материальности и времени, то человек, разрушив союз с Божеством, мгновенно превратился бы в демоническое существо и пополнил бы не ряды ангелов, а злых духов.

Католический епископ Николай Кузанский⁴² определял вечность как свернутый свиток времени, а время – как тот же свиток, но уже развернутый⁴³. Здесь несколько ошибок: время и вечность не переходят друг в друга; вечность существует в независимости от времени; время не сменяет вечность, а проходит, как тонкая нить, над бездной вечности. Другая ошибка. Вечность у Кузанского мыслится, как статика – «свернутый свиток», а время, как динамика – «развернутый свиток». На самом деле, наоборот, вечность более динамична и неповторима, чем время, протекающее только в одном

направлении – от будущего к прошлому. Вечность многомерна; эта многомерность может быть выражена знаком бесконечной величины. Время одномерно по отношению к вечности; оно эпизод, как бы пролог космической истории. Если даже условно принять образ Кузанского, то следует представить время в виде нераскрытого свитка (синхронно разворачиваемого и сворачиваемого на двух стержнях), а вечность – как раскрытый свиток. Характерно, что Кузанский, потеряв библейское понятие о времени и мистическое ощущение вечности еще до папы Григория XII⁴⁴, настойчиво требовал реформу календаря (то есть рационалистическую вульгаризацию времени в системе нового календаря).

Продолжим нашу проблематику об отношении мировоззрения к времени в связи с календарем. У индусов понятие вечности не существует. «День Браммы» это творение и сохранение миров; затем наступает последний виток раскручивающейся спирали истории – разрушение вселенной: мир исчезает в абсолюте, наступает «ночь Браммы». В темной глубине абсолюта заложен ритм, обуславливающий его бытие. Здесь два сменяющих друг друга цикла: 1) абсолют в себе; 2) абсолют во множественных формах (модальностях космоса). «День Браммы» – бытие мира, торжество майи⁴⁵ и мары⁴⁶ – исчисляется в годах, периодом, имеющим 11-значным числом. «Ночь Браммы» это исчезновение индивидуального, космического и умопредставляемого бытия в абсолюте, подобно тому, как капли воды без следа и остатка растворяются в океане. Однако время продолжается; в сознании Браммы остается как след воспоминание о пракрити (материи) и времени. «Ночь Браммы» имеет такую же протяженность – паузу, такую же амплитуду, как «день Браммы», только ее невозможно зафиксировать в числах из-за отсутствия внешних ориентиров. «Ночь Браммы» – это антипод, и так же двойник и аналог времени. Абсолют оказывается подчиненным ритмам времени.

В халдейских храмах⁴⁷ время изображалось в виде таинственной спирали. Особенно ярко выражена пантеистическая идея господства времени над миром и богами в религии народов майя⁴⁸, – индейских племен с поразительной,

самобытной культурой, которые воздвигали храмы «Бесконечному времени». У древних персов еще до Зороастра⁴⁹ был культ бога времени Зервана⁵⁰ – крылатого человека-льва. Он, в противоположность сфинксу, имеет человеческое тело и львиную голову. Он стоит на шаре, как на подножии своего трона; в руках у божества царский жезл, тело его обвито змеем, за плечами у Зервана две пары крыльев. Что означает этот метафорический образ? Львиная голова – прожорливость и силу времени, которое уничтожает все: ничто не может противостоять времени. Две пары крыльев – быстролетность времени, устремление его в прошлое и будущее. Змей, обвивающий тело Зервана, – это движение времени; пасть чудовища – смерть; жезл в руке – царственная власть. Зерван правит миром и распоряжается им, как своим владением. Шар, который попирает Зерван своими ногами – это космос во власти времени. Не только у индуистов, но также у орфиков, пифагорейцев, маздеистов⁵¹, буддистов, стоиков и платоников есть учение о «Великом годе» – цикле времени, после которого исчезает мир.

Учение о времени у Платона отличается отрывочностью, незаконченностью, и присущей ему темнотой, похожей на глубоководье. Платон говорит, что время возникло вместе с небесами и исчезнет с ними. Однако, оказывается, что здесь подразумеваются космические ориентиры времени, а не время как ритм, присущий всей античной теогонии⁵² и космогонии⁵³. Ведь абсолют Платона также подчинен ритму нисходящих периодов-ступеней, а именно: «Неизреченный» в своем снисхождении становится Единым; Единый затем становится Божественным Умом, гнездом божественных идей – прообразом мира, а Божественный Ум в следующем периоде, на низшей по вертикали ступени – Мировой Душой (если Божественный Ум это единство во множественности, то Мировая Душа – множественность в единстве). Эта ступень представляет собой индивидуализацию божественных идей.

Четвертый ритм – творение космоса. Идеи-существа выпадают из плеромы (полноты бытия) и оказываются в плену материальности. Через 26.000 лет мир сгорает в космическом

пожаре, не преобразуется, а уничтожается без остатка. Затем повторяются те же циклы.

Аристотель⁵⁴ считает учение Платона⁵⁵ о божественных идеях ошибкой своего учителя: Божество не творит миры из себя, а оформляет первовещество. Хаос (аналог «ночи Браммы») для Аристотеля – неформленная материя. Абсолют – не творец космоса, а демиург – мастер, который имеет в своем уме образцы и по ним созидает физикальные предметы, как скульптор из мрамора – изваяние. Однако тайну времени и вечности Аристотель, как и Платон, не смог решить. «Самое загадочное в мире – это время» – говорил он.

Отношение античных язычников к времени отразилось с большей ясностью, чем в философии и мифологии, – в мистериях⁵⁶. Вот некоторые мистериальные тексты: «Айон – бог богов безграничного времени», «Янус (языческое божество времени) сотворил все и правит всем» (Мессала, римский предсказатель, живший в I веке до н.э.). В Элевсине, в предместье Афин – центре греческих мистерий, была найдена статуя Айона с надписью: «Айон пребывает всегда неизменно; не имеет ни начала, ни конца, ни середины, который сотворил все». В книге Орфея⁵⁷, содержащей ритуальные гимны, сказано: «Кронос⁵⁸ (божество времени у древних эллинов) создал все из себя». Поэтому для язычников время – непобедимый владыка, беспощадный тиран. Через всю поэзию античного мира проходят волны тихой грусти или безнадежной тоски. Тень смерти покрывает землю. Она как бы учит язычника дорожить мигом бегущего времени; вечности для него не существует, а миг как луч ускользает из рук. Радость язычника это хоровод приговоренных к смерти. У Гомера⁵⁹ есть строки: «Все на земле скоротечно; всего же, что не растет и цветет, человек скоротечен»⁶⁰. Душа Ахилла говорит Одиссею, что лучше быть батраком на земле, чем владыкой в царстве мертвых.

Античный оптимист Эпикур⁶¹ утешал себя парадоксом: «Когда мы есть, то смерти нет; когда смерть есть – нас нет». Эта позиция страуса, который зарывает голову в песок, чтобы не видеть врага, на самом деле представляет собой вопль

обреченного, который просит, чтобы ему завязали глаза перед казнью, страшась меча.

Буддизм⁶² с поразительной глубиной увидел трагизм бытия. В своем интеллектуальном критическом анализе он дошел до края пропасти и остановился, замороженный ее глубиной. Он не нашел моста, переброшенного через эту пропасть, у него не было крыльев чтобы перелететь ее. Поэтому буддизм увидел в бытии только мировой конфликт, беспощадную войну и безвыходную трагедию. В своих негациях он дошел до убеждения, что само бытие является злом. Буддист чувствует себя привязанным к колесу мироздания, как преступник – к колесу пыток. Смерть для буддиста это не избавление, а продолжение жизни в другом перевоплощении. Для буддиста нет божества как абсолюта, там только иерархия высших или низших существ, но одинаково привязанных к бытию.

Для христиан вечность – в Боге; для буддиста – ее нет. Он ищет другую альтернативу времени, ею оказывается нирвана – психический вакуум, где отсутствуют чувства и желания, где гаснет сознание и человек погружается в небытие. Для христианина вечность – истинная жизнь, раскрытие и полнота жизни. Для буддиста нирвана – это как бы темный негатив вечности, метафизическая пустота. Для христианина вечность – присутствие Бога; для буддиста нирвана – отсутствие самого себя и всего, что относится к бытию. В этом «ничто» остается только одно – загадочное «нечто», ощущающее нирвану.

Есть ли у человека душа? Будда⁶³ оставил этот вопрос без ответа. «Малая колесница» – древний вариант буддизма склонен считать, что души как отдельной субстанции нет; существуют лишь элементы души, что-то вроде психических атомов, которые при рождении собираются в новые комбинация и структуры.

«Большая колесница» – более поздний вариант буддизма, соединяющей буддийскую философию с местными культами в различных синкретических системах – допускает, что душа, как субстанция, все таки существует. Для буддиста время – это враждебная стихия, это сила, привязывающая его к миру иллюзий. Буддист, погружаясь в нирвану, забывает о времени;

производя ампутацию всей психической жизни, он отвлекает себя от внутренних ритмов времени. Но уничтожается ли от этого время? Такой вопрос буддиста вовсе не интересует. Ему безразлично, что происходит в море, бушующем вокруг островка его нирваны – внешнее уже не его. Падение в бездну абсолютного отрицания он воспринимает как свободу и полет ввысь. Однако выход из времени, как из «нечто» в «ничто», оказывается той же иллюзией. Кончается цикл бытия – «день Браммы»: люди, боги и бодесавы⁶⁴ исчезают вместе с космосом в «ночь Браммы», как крупницы соли – в океане, или капля росы – в пламени костра. Затем начинается новый цикл – следующий акт мировой трагикомедии. Буддист оказывается в положении спящего, которому снится сон, что он убегает от врага, но на самом деле круговорот бытия предрешен и неизменен – человек остается в плену вечной временности.

Что нас влечет ко греху?

Если бы какой-нибудь психолог взял на себя труд изучить характер и поведение демона, то он бы пришел к выводу, что имеет дело с душевнобольным, который вмещает в себя все известные психопатологии заболевания. Он бы нашел в нем и манию величия, и параноидальные состояния, фобии, галлюцинации и т.д. Кажется, что демон – больное существо, которое источает из себя «вирусы» душевных заболеваний, это источник, из которого льется в мир безумие и метафизическая тьма.

Что влечет человека к демону? Чего он ищет в грехе? В своей жизни каждый из нас неоднократно убеждался в том, что в грехе нет ни радости, ни счастья как состояния души, а только переживания душевной смерти прежде телесной смерти. Почему грех манит человека? Грех – это безумие, добровольное погашение сознания, уродство, потеря себя, погружение в состояние внутренней тьмы, потеря благодати, отпадение от Бога, душевный хаос, ощущение скверны, которая, как вода губку, пропитывает душу и тело. Какая сила влечет нас ко греху, что находят люди в сатанинских сектах, где жестокость и извращение принимают ритуальный характер, являют собой одну из трудноразрешимых загадок нашего бытия? Нам кажется, что объяснение греха мы можем найти только в том, что грех – это не изолированное действие человека, а условие демонообщения. Демон – падший ангел, который сохранил ангельскую силу, только направленную ко злу; сохранил мощь своей природы; сохранил огромный, превышающий человеческое представление потенциал сил и возможностей, и поэтому демонообщение дает человеку иллюзию познать через грех новые глубины бытия, воспринять демоническую энергию, стать подобным падшему духу в его мнимой свободе. По нашему мнению, существует мистика греха, и человек стремится почерпнуть черную энергию из океана космического зла и войти в контакт, в союз, в завет с тем существом, который стал творцом греха и антиподом Бога.

Для богообщения нужно непрерывное усилие, борьба со страстями и с первородным грехом. А для демонообщения не нужно ничего, кроме прыжка вниз. По нашему мнению, присутствие в грехе демона как живого существа, с которым мы входим в контакт, делает грех притягательным. Демонообщение осуществляется в подсознании человека. Даже люди неверующие чувствуют, что во время таких грехов как убийство на них давит какая-то посторонняя сила. Она не только давит, но манит их совершить преступление.

Шизофрения – это раздвоение личности, а в грехе происходит соединение двух начал: демона и человеческой души. Только в отличие от шизофрении у человека сохраняется сознание поступка и добровольное согласие на грех. Даже при тирании демона это сознание не исчезает. В грехе заложено тайное желание осуществить единство с демоном, тайная любовь к демону, поэтому вечные муки – это вечное состояние демонообщения – единства, которое превратилось в вечную константу.

Не сам по себе грех, а приближение через грех к сатане наполняет душу человека каким-то мутным восторгом и ожиданием каких-то новых емкостей бытия. Господь назвал демона лжецом и человекоубийцей. Демон лжет, как иллюзионист, обещая блаженство в грехе, а затем совершает дело человекоубийцы, погружая душу во мрак, как подобие смерти, лишая ее Бога – источника жизни. Затем вновь демон со своей черной энергией приближается к человеку, заманивает его в поле своих иллюзий и делает человека подобием живого трупа. Странное дело, человек вместо того, чтобы отшатнуться от греха, как от огня, уже опалившего его, ищет снова счастья в новых глубинах греха, в новых степенях демонообщения и опять становится живым трупом. Поэтому грех – это не только ошибка, излишество, воздержание или болезнь; грех – это вид особой лжемистики, антипод богообщения. Грех необъясним как антропологический феномен. Он уходит в мир метафизического зла, как дерево корнями в землю. В реальном демоноуподоблении через грех скрыта тайна вечных мук,

которые так яростно отвергаются современными гуманистами, реформаторами христианства.

Демонизм греха – тайна вечных мук

Грех – это добровольное безумие и начало царства демона в душе человека.

Грех нельзя объяснить массовым психозом или безумием. Сумасшедший невменяем, а здесь люди знают, на что они идут. Приведем пример. Человек, как будто не проявляющий никаких психических отклонений, корректный в обществе, исполнительный на службе, отзывчивый сосед, заботливый семьянин, был пойман на том, что обманом похищал людей, чаще всего девушек и детей, пытал их, затем обливал бензином и сжигал. Он заранее строил план похищения своей жертвы так тщательно, как режиссер обдумывает постановку спектакля. Когда на суде его спросили, почему он совершал эти злодеяния, то он ответил, что испытывал несравнимое ни с чем наслаждение, слушая вопли своих жертв.

Люди у экрана с захватывающим интересом смотрят на картины насилия и надругательства над человеческим телом, как будто загипнотизированы этой темной фантасмагорией. В сатанинских сектах садизм и разврат являются ритуалами ночных оргий. Теперь шабаш ведьм хотят превратить в увлекательное зрелище. Сатанисты поклоняются демону в идее Пана⁶⁵, которого считают божеством природы. Они говорят, что хотят быть естественными, свободными от условностей и жить согласно своей природе, но увы, это естественное на деле оказывается вовсе не естественным, и проявляется в виде сатанинских оргий, – как будто зверь в душе спущен с цепи.

Всякий грех родствен первородному греху, который передается от поколения к поколению, и течет, не оскудевая, как река, через всю историю мира – от его зари до заката. Каждый грех, совершаемый человеком, соединен с первородным грехом, имя которого «богоборчество», – как листья с веткой дерева.

Святые говорят, что спасение начинается со зрения своих грехов. Первое действие благодати это луч, направленный в глубину души, в котором человек видит себя, покрытого

струпьями греха, как прокаженного в язвах. Перед ним открываются его страсти, как чудовище, обитающее в сердце. Если душа не борется с грехом, а покоряется ему, то она сама становится демоноподобной и демонообразной. Угрызения совести говорят нам об этом, но только после смерти откроется весь демонизм греха, и душа содрогнется от ужаса, что останется в вечности с грехом, как с несмываемым клеймом отвержения.

Вспомним разгул сатанизма в 20-х годах прошлого столетия. Монастыри и храмы грабили, закрывали и разрушали, людей убивали за то, что они молились Богу. Этого было мало, монастырские кельи превращали в камеры пыток, из храмов делали общественные туалеты. Во время революции устраивали оргии в алтарях. Что это, массовый психоз или эксцессы войны? Нет. Это выплеск греха из темных глубин человеческих душ, как из глубин ада. Это огонь лютой ненависти к Богу и святыням.

Первая дифференциация (разделение) добра и зла происходит после смерти. Из утробы земной жизни душа рождается в вечность с ликом сатаны или Христа. Вторая дифференциация будет после воскресения мертвых, когда не только душа, но и тело примет образ того, чему служил человек.

У греха есть свои апологеты; с каждым веком их число увеличивается, и с каждым десятилетием их характер становится все более наглым и циничным. Либералы хотят трагедию грехопадения превратить в увлекательный роман с благополучным концом. Современные оригенисты сочиняют новые теории, чтобы успокоить грешника. Склонясь к его изголовью, они рассказывают ему, как Шахерезада Аль Рашиду, сказки, только не из «Тысячи и одной ночи», а из преданий Оригена⁶⁶ и Карпократа⁶⁷.

Преподобный Иоанн Лествичник⁶⁸ пишет, что грешники перед смертью будут проклинать своих слишком снисходительных духовных отцов. Либералы-оригенисты, отрицающие сатанизм греха и вечность мук, ответят за каждую душу, усыпленную, как морфием, их учением о конечном спасении.

Глава II.

Дева – Апостол

Самым значительным событием в истории Грузии было обращение страны в христианство в начале IV-го века проповедью святой равноапостольной Нины⁶⁹. Свет Евангелия, принесенный девой Ниной в Грузию, как светильник, зажженный от огней Иерусалимского храма, воплотился в дивные произведения христианской письменности и церковного искусства, в величественные соборы, похожие на изваяния из цельных глыб гранита, в церкви – каменные цветы, украсившие всю страну, как сад Пресвятой Богородицы, в часовни, венчающие вершины гор, так что сами скалы и утесы кажутся подножьями храмов. Этот свет излучается от древних икон и фресок необычайной духовной глубины. Этот свет сверкает в священных песнопениях. Им озарены страницы житий святых и летописей Грузии, но самое главное, – свет, принесенный святой Ниной, изменил и преобразил душу народа.

Христианство сделало человека новым творением. Оно дало ему достоинство образа и подобия Божия, открыло непреходящие духовные сокровища. Христианство обратило мысль и сердце человека к вечности. Оно дало ему возможность в мистическом опыте пережить возрождение и воскрешение души. Христианство открыло человеку истинную свободу любви, вместо языческой свободы страстей и произвола. Христианское богословие дало ответ на вековые вопросы, поднятые, но не решенные философией. Евангельское учение показало, что каждая личность человека – неповторимая и уникальная – является высшей ценностью. Христианство стало мощным импульсом для переосмысления и развития взаимоотношений людей и народов, в основе которого лежит уважение к человеку, как образу Божьему и явлению вечности на земле. Свет, принесенный святой Ниной, озарил исторический путь Грузии на многие века. Крещение Грузии стало началом новой эры в духовной жизни народа.

Первая проповедь Евангелия прозвучала в Грузии из уст самих апостолов. Она была похожа на первые лучи денницы,

которые озаряют вершины гор, как бы вырывают их из плена ночи и мрака. Вековые льды и снега вспыхивают ослепительным блеском, но в ущельях еще клубится туман как черный дым от костра. Мир погружен в предрассветную ночь и сон. Вершинами, озаренными светом, были первые христианские общины, основанные апостолами. Но народ еще оставался в плену язычества. Апостолы Андрей Первозванный⁷⁰, Симон Кананит⁷¹ и Матфий⁷² бросили семена евангельского учения в землю Грузии, но прошло три столетия, прежде чем это земля покрылась дивно-прекрасными цветами. Как меняет свое направление русло Арагви на границах Мцхета⁷³ от юга на запад, так крещение Грузии в Арагви повернуло весь ход в ее истории от Ирана к Византии.

IV век был временем обращения в христианство стран Кавказа – братьев Грузии – Армении и Каспийской Албании, и этот христианский дом стал неприступной крепостью для его врагов.

Святая Нина была по древнему преданию двоюродной сестрой святого Георгия Победоносца⁷⁴. Как много общего в образах витязя, поражающего дракон, и юной девы, поднявшей в своей руке крест, как духовное солнце Грузии.

Грузия – жребий Пресвятой Богородицы. Дева Мария избирает апостолом Иверии⁷⁵ деву – святую Нину, почти ребенка. И та побеждает в бою язычество крестом, как мечом, и озаряет страну светом Евангелия. Она пленяет сердца людей огнем любви, который Христос принес с неба на землю. Она обращает народы ко Христу не искусством слова, а силой благодати. Избранничество Нины было запечатлено даром чудес и исцелений. Но обращение страны через юную деву было самым великим чудом. Существование света невозможно доказать, его надо видеть. Сама святая Нина была ярким светильником, и общающиеся с ней люди чувствовали своей душой этот свет, видели вечную красоту Евангелия. Они воспринимали проповедь Нины как новую неведомую для них жизнь.

Святая Нина с детства жила в Иерусалимском храме у своего дяди патриарха Ювеналия. Этот храм находился на

склоне горы Сион, где Дух Святой сошел на апостолов (храм Воскресения Христа Спасителя не был еще построен). Святая Нина выросла под сенью храма, подобно тому, как Дева Мария десять лет находилась в ветхозаветном храме, исполняя обет своих родителей. Дева Мария имела доступ во Святаго Святых. Дева Нина молилась в том месте, где Дух Святой в виде нисходящего пламени основал в сионской горнице новозаветную Церковь.

Иерусалим – это каменная книга, написанная о Христе. Там воздух хранит дыхание Его уст, а земля – следы Его ног. Там как будто остановилось время и кажется, что Христос пребывает рядом, как во время Его земной жизни.

Святая Нина жила при храме, как монахиня в затворе. Храм – это концентрированный духовный свет. Вне храма этот свет становится рассеянным и тусклым. В молчании храма она слышала голоса ангелов, в видениях беседовала с Христом Спасителем, как Павел⁷⁶ с Иисусом лицом к лицу в Аравийской пустыне⁷⁷. Ей являлась Божия Матерь, как апостолам после Успения. Духовным очами она видела начало и конец мира. Молитва преобразила ее. Юная дева казалась воплощением духа древних пророчиц или ангелом, принявшим человеческий образ.

По воле Спасителя и благословению Божией Матери она пришла из Палестины в столицу Грузии Мцхета, ставшую вторым Иерусалимом. День ее прихода – 6 августа – было новолетием и праздником божества зороастрийцев Ормузда⁷⁸ – главным торжеством огнепоклонников. Святая Нина, вступив в единоборство с Ормуздом, победила его, как Георгий Победоносец дракона. Силой молитвы дракон был поражен, а идол Ормузда пал и разбился в прах. Этот день стал духовным новолетием в жизни грузинского народа.

Мцхета встретила святую Нину праздничным шумом, торжественными процессиями и морем огней, зажженных в честь божества Ормузда. У маздеистов каждый первый день месяца был посвящен Ормузду, а с особой торжественностью справлялся этот праздник в первый день новолетия. На правом берегу Куры, напротив Мцхета, царь Парнаоз⁷⁹ построил

крепость и языческий храм, называемый Армази⁸⁰. По левую сторону напротив Мцхета, на вершине горы⁸¹ стояли идолы зороастрийских божеств, выкованные из металла и украшенные драгоценными камнями. Один из них держал обнаженный меч в вытянутой руке и стоял над Мцхета как завоеватель, осматривающий город с высоты цитадели.

Святая Нина, опустившись на колени, стала молиться, чтобы Господь Своей силой ниспроверг идолов, как заколебались и рухнули идолы Мемфиса⁸², когда Дева Мария с Младенцем вошла через городские ворота.

Совершилось чудо. Поднялась буря. Горизонт заволочло облаками, будто небо нахмурило свои брови. Тучи, как черные льдины, поплыли над Мцхета. Свет солнца сменился сумерками, будто время возвратилось вспять и снова наступила ночь. Молнии разорвали облака. От ударов грома казалось, что заколебалась вся земля. Вихрь, подобный смерчу, сбросил Ормузда в ущелье, как в единоборстве витязь сшибает своего соперника с коня. Хлынул ливень, смешанный с градом, как будто осадные машины метали камни в крепость. Вода в Арагви покрылась пеной, словно закипела: волны вздымались ввысь, как будто желая достичь вершин гор. Казалось, что реки обрушатся на Мцхета и потопят ее в своей пучине. Люди в ужасе стали разбегаться по домам. Город опустел, как кладбище. Но гроза прошла также быстро, как и началась. Снова засияло солнце на небе, очищенном бурей и вымытом дождем. На вершине горы уже не было видно идолов, как будто святая Нина сорвала воинское знамя со стен Акрополя. В грозе и буре, в ослепительных вспышках молний открылась новая страница христианской летописи Грузии, величественная как природа Кавказа.

Святая Нина остановилась в доме царского садовника иудея Анастасия. Здесь она построила шалаш из ветвей, обмазанных глиной, на краю царского сада. Ее ложем был кусок войлока, постеленный вместо ковра на землю, на котором она молилась большую часть ночи и засыпала перед рассветом. На этом месте построен Самтаврский монастырь во имя святой Нины. В ее пустынной келии находился крест из виноградной

лозы, который вручила ей Дева Мария. Этот крест, как великое сокровище Грузии, хранится в Тбилиси, в Сионском соборе.

В греческих хрониках Нина названа Ноной⁸³, то есть монахиней и пустынницей. Пустыня, для сердца монаха это место встречи с Христом. Святая Нина часто удалялась в окрестности Мцхета, особенно на гору, теперь увенчанную храмом Джвари, где шум города и плеск реки не нарушал безмолвия. В горах тишина похожа на непроницаемую, прозрачную стену из хрусталя. Там она часами молилась Богу, а когда появлялись первые звезды на небе, как свечи, зажженные невидимой рукой перед иконостасом, то она спускалась вниз в столичный город, где окна домов светились как звездочки, упавшие на землю.

Проповедь святой Нины сопровождалась явлением силы Божией, особенно исцелением больных. Через иудеев, поселившихся на Кавказе, по крайней мере, с 7-го века до Р.Х., народы Грузии познакомились с библейским учением. Христианские общины, основанные апостолами еще с I века, из отдельных островков постепенно превратились в архипелаг, раскинутый среди моря язычества. К концу III столетия христианство было второй по численности религией после маздеизма. Грузия уже стала перед выбором, какой ей быть дальше: языческой или христианской, что избрать – Евангелие или Авесту⁸⁴, свет Креста или огни Заратустры?

Царица Нана⁸⁵, исцеленная от смертоносного недуга девой Ниной, сделалась христианкой. Царя Мириана⁸⁶, сына персидского шаха, с детства учили тому, что Иран – страна света, а с востока и запада его окружает царство тьмы – Туран⁸⁷ и Рим. Жрецы Заратустры убеждали царя, что христианство это предвестник бедствий, о которых пророчествовал Заратустра, что это религия женщин и рабов, недостойная арийца, что истинная вера погибнет через женщину, как писал об этом индийский мудрец⁸⁸, за пять веков до Р.Х., что Иран создали великие герои, которые победили дэвов (великанов) из Турана, а из-за христиан погибла Иудея и наступил закат Рима.

Царь находился в тяжелом раздумье. Где истина? Куда он должен вести свой народ? Будут благословлять и ли проклинать

его имя потомки? Весы истории в его руке колебались. Было неизвестно, какая чаша перетянет вниз. Но сомнение царя решило чудо – он был спасен от смертельной опасности, когда призвал неведомого Бога святой Нины. Царь Мириан стал первым христианским царем Грузии. Согласно греческих хронографов, обращение Грузии произошло в 318г. от Р.Х., крещение Грузии по «Картлис Цховреба» (Жизнь Грузии)⁸⁹ в 326г., а время иерархического устройства Грузинской Церкви 337год.

Священниками и епископами, присланными из Византии, было совершено крещение народов Грузии в Арагви. Место, где крестились царь Мириан и князья, по сей день называется «купелью вельмож». Ниже, по течению реки, в ее водах, как в огромной купели, был крещен народ.

В водах Арагви погасли огни Заратустры; в волнах Арагви была смыта кровь человеческих жертвоприношений, проливавшаяся перед идолами до царствования Рева Праведного⁹⁰ (II-IIIв.), и смыта грязь языческих теургий⁹¹ и магий. В Арагви были сброшены как трупы в общую могилу обломки разбитых идолов. На воды Арагви во время крещения Грузии сошел Дух Святой, как на воды Иордана.

Святая Нина обошла с проповедью всю Картли и Кахети. Она поднималась в горные селения, которые были похожи на орлиные гнезда, свитые на отвесной скале над бездной. Она проповедовала во дворцах вельмож и хижинах бедняков. День и ночь она проводила в заботах о новокрещенном народе, как крестная мать о своих детях.

Подвиг своей жизни святая Нина завершила в восточной области Грузии Эрети, в селении Бодбе. Как надгробный памятник на ее могиле стоит храм святого Георгия Победоносца. Здесь равноапостольная Нина почивает святым телом, а душой – в каждом храме, в каждом городе, в каждом селении Грузии. Она – в сердце Грузии, и Грузия в ее сердце.

Кавказ – трон Божества

В Библии написано, что Господь поставил человека владыкой над землей. Наша земля малая пылинка в необъятном пространстве вселенной и, в тоже время, духовный центр мироздания – единственный оазис жизни в пустыне космоса. Мы видим только малый уголок вселенной, но и он поражает нас своим величием. Звезды, похожие на гирлянды ночных цветов, которые растут в небесном поле, или на стаи огненных птиц, летящих от востока на запад – это таинственные иероглифы о духовном царстве, где праведники будут сиять, как звезды, отражая в своей душе превечный свет Божества.

Ночное небо похоже на шелковый темно-синий занавес, украшенный драгоценными камнями. Что хранится за этим пологом, узнает человек после смерти. Все слова о будущей жизни – только неясные тени по сравнению с тем, что увидит воочию человек. Огромное небо горит холодным огнем бесчисленных звезд, но мы видим малую частицу этого неба, как бы край картины. Так, мы знаем имена только немногих святых, остальные неведомы нам – они скрыты от мира.

Не только небо, но горы Кавказа хранят свои тайны. Сколько неизвестных подвижников уходили от мира в дебри гор, непроходимых как пустыня.

Горы учат о Боге. Кажется, что непрерывный поток времени, как прибой, разбивается у их подножья. В горах душа чувствует дыхание вечности. Если землю сравнить с садом, то горы – это чудные каменные цветы. Кто увидел и почувствовал их красоту, сердце того будет стремиться к горам, как сердце странника – к своей родине.

На уступе, висящем над пропастью, или в ущелье, наполненном валунами и камнями, выточенными ветром и водой, монахи строили свои убогие жилища, но чаще поселялись в пещерах, где до них находили приют дикие звери и обитали змеи. В горах неведомые зодчие возводили храмы и монастыри, развалины которых поражают путника. Кажется чудом и загадкой, не меньшим, чем строительство пирамид, как

могли люди поднять на такую высоту отвесных скал огромные каменные плиты. А сколько келий и монастырей скрыты в недрах гор, как гробницы в глубине земли?

Народное предание, как эхо, донесло до нас рассказ о том, что в скале Казбека, недалеко от вечных льдов, находился монастырь, куда удалялись подвижники, давшие обет – не выходить из своего заточения. Это предание наши современники считали легендой. И вот, однажды, случайно, люди увидели в отвесной скале одного из отрогов Казбека дверь, у входа которой висела огромная железная цепь, там же были обнаружены остатки железного троса. Оказалось, что здесь был пещерный монастырь, в котором монахи жили с древних времен до начала XIX века. В пещере находились гробницы, где погребали умерших подвижников; они живыми отреклись от мира, и даже их мертвые тела не выносили из дверей каменного затвора, а погребали на месте их подвигов. Кто первый нашел эту пещеру, как он смог войти в нее – остается неизвестным; возможно, его спустили на веревке с площадки вершины скалы. Кто поднял туда огромную цепь, кто вырыл храм и кельи в каменной груди скалы – это тайна.

Есть предание, что в соседних селениях жили несколько семейств, которые поселились там для того, чтобы приносить монахам воду и пищу, которые поднимали на веревке. В пещерный монастырь можно было проникнуть только одним путем – поднимаясь по кольцам железной цепи, как по ступеням лестницы, и хватаясь рукой за железный канат. Чаще всего это были те подвижники, которые решились уже не возвращаться назад. Подъем был очень трудным и опасным. Считалось, что те, кто идут сюда с нечистыми мыслями, не дойдут до конца, их нога соскользнет с кольца цепи, разожмутся пальцы рук, и они найдут себе смерть у подножья скалы.

О святых подвижниках писались книги, а здесь сама скала и пещера служат каменными страницами непрочтенного патерика. О святых подвижниках слагали гимны, а здесь над их могилами поет безмолвную песнь сама тишина, напоенная их молитвами. А сколько таких монастырей и скитов, неизвестных миру, находятся в горах Кавказа – как тайники в стенах старинных

крепостей! Сколько отшельников нашли свою кончину в горах! Уже при жизни они совершили погребение над собой, и пропели по себе надгробные песнопения. Сколько из них умерло во время пути в лабиринте скал, где только дожди омыли их кости, и только ветры и вьюга протяжно пропели над ними «вечную память».

Горы учат богопознанию. Белизна ледников, ослепительная при солнечном свете, как поверхность огромных зеркал, и отливающая голубизной в лучах зари, – это образ души, погруженной в молитву и созерцание, в которой отразился Фаворский свет Преображения, свет, который делает душу ангелоподобной и прекрасной. Незапятнанная чистота снега – образ сердца подвижника, который победил свои страсти, к которому возвратилась девственная чистота. Гул ветра в ущелье, похожий на рыдания, напоминает монаху о непрестанном покаянии.

Гроза в горах, когда кажется, что от ударов грома раскалывается на части сама земля, возвещает день Страшного суда, когда люди в ужасе будут молить: «Горы, упадите на нас, и скройте нас от гнева Божьего». Тишина гор, когда небосвод кажется куполом, вылитым из хрусталя, который может разбиться от звука, как от удара молота, – образ той тишины и покоя, который дает благодать душе отшельника, отрекшегося от всех и от всего. Нет музыки более сладкой, чем тишина; нет слов более глубоких, чем безмолвие; нет красок земли более прекрасных, чем тьма пещерной кельи, в которой молится анахорет.

В горах ночное небо кажется близким к земле, как будто можно протянуть руку и сорвать звезды, как гроздь винограда. Ночь в горах почти не имеет сумерек. В равнинах первые звезды зажигаются одна за другой, как будто в храме кто-то зажигает лампы. А в горах звезды вспыхивают сразу, как искры пожара, объявшие небосвод. Кто знает, какие залежи алмаза и золота хранятся в подземных сокровищницах Кавказа; кто знает, сколько пещерных келий и монастырей – этих духовных сокровищ – спрятано от взоров мира, за его могучими стенами. Их развалины проросли кустарником и травой.

Ледники, срывающиеся с гор, разрушают и дробят на пути даже огромные камни, как острый серп срезает стебли травы. Сколько пещерных келий засыпано землей и камнями, как будто время наложило на них свою вековую печать. Жизнь отшельников была сокровенной от мира, и смерть хранит их тайну.

Имя Кавказ означает «трон Божества». Он похож на огонь, взметнувшийся из сердца земли к небу и застывший на лету, как будто пламя превратилось в камень, а свет этого пламени – вечные снега.

Кавказ похож на царя гор. Зимой он одет в белоснежную мантию, как будто сотканную из виссона⁹². Весна набрасывает на его могучие плечи изумрудный плащ. Летом, когда расцветают горные цветы, как будто вспыхивают разноцветные огни, то Кавказ похож на царя в тронном зале, украшенного драгоценными камнями. А осень – облачает его грудь в золотую парчу, как в священную ризу. Сама Грузия кажется юной девой, которая прильнула к Кавказу – своему седовласому отцу, как будто ищет у его груди защиту от врагов.

Для нас неведомы имена отшельников, населявших эти горы, но мы чувствуем силу их молитв, как ощущаем благоухание цветов, хотя не знаем их названий; как сердце слышит дыхание благодати в старинном храме, хотя бы мы не знали, кому посвящен его престол.

Мир стремится вовлечь нас в водоворот страстей. Он хочет, чтобы мы забыли о вечности; он предлагает нам мимолетную сладость и наслаждения, которые превращаются в горечь. Он обещает все и не дает ничего; он всегда лжет, и смеется над теми, кто доверились ему. Он тиранит и пугает свои жертвы, – как господин рабов, – чтобы они служили ему одному. Но все его обещания – мелькающие тени. Он может дать только одно – щемящую пустоту сердца, погоню за призраками во сне, которая оканчивается, как пробуждением – смертью. А горы – это напоминание душе о вечности.

Злая сила, которая хочет отлучить душу от Бога, может уничтожить храмы, сжечь священные книги, но она не сможет разрушить гор – этой песни о вечности.

Авва монахов

В VI веке в летописи Грузинской Церкви открылась новая страница – приход из Антиохии Сирийской в Иверию монахов во главе с игуменом Иоанном⁹³. Их послала Пресвятая Богородица для учреждения монашества и продолжения евангельской проповеди в Грузии.

Сирия имела особое значение в духовной жизни Грузии – она входила в тот регион Востока, который был колыбелью человечества. В горах Сирии, овеянных преданиями, как горы Кавказа, находится гробница первого в истории мученика, сына Адама – Авеля, убитого своим братом.

В Антиохии впервые ученики Христа стали называться христианами. В ее окрестностях, на Черной и Дивной горах, как и в Египте, уже на заре христианства появилось монашество, которое отличалось строгостью и высоким подвижничеством. В Сирии возник особый вид монашества, называемый столпничеством. В ее пустынях обитали странствующие монахи «воски», что значит «пасущиеся», которые питались травой и съедобными корнями растений, спали в шалашах, которые сооружали в том месте, где их заставала ночь, а иногда убежищем для них служили дупла деревьев и норы, вырытые зверями.

После обращения Грузии в христианство Антиохийский Патриарх святой Евстафий⁹⁴ основал иерархию Грузинской Церкви⁹⁵. Первым католикосом⁹⁶ Грузии в V веке был приглашенный из Антиохии царем Вахтангом⁹⁷ епископ Петр⁹⁸. В Антиохии и Низибии учились в богословских школах юноши из Грузии. На Черной горе в Сирии с давних времен (V век) обитали грузинские монахи. Палестино-сирийская традиция оставила неизгладимую печать на богослужебных обрядах и церковном искусстве Грузии. Имеются сведения, что первый перевод книг Ветхого Завета на грузинский язык был сделан с сирийских рукописей.

Игумен Иоанн был духовным отцом многочисленных монахов – пустынников и скитян, населявших гористую пустыню

недалеко от Антиохии. Откуда происходил преподобный Иоанн? Кто были его родители, и где он положил начало своей монашеской жизни, мы не знаем. Известно только, что он вел подвижническую жизнь в монастыре около Антиохии, а затем, желая полного безмолвия, удалился в пустыню, чтобы вести отшельническую жизнь. По прошествии немногих лет около него собирались монахи, которые видели в своем наставнике и авве образ высокого духовного совершенства и пример для подражания. В пустыне была построена церковь, где по воскресным дням преподобный Иоанн совершал литургию и причащал монахов. В пустыне ему, как святой Нине в Иерусалимском храме, явилась Божия Мать и благословила его вместе с двенадцатью учениками идти на север, в Грузию, для того, чтобы продолжать там Евангельскую проповедь. Преподобный Иоанн, собрав учеников, рассказал им о повелении Божией Матери, и решил выбрать себе спутников посредством жребия, чтобы монахи не подумали, будто он предпочел одних другим. Всю ночь монахи пребывали в молитве. Утром была совершена литургия и после нее служащие иеромонахи вынули с жертвенника алтаря записки с именами двенадцати монахов. Избраны были: Шио, Давид, Антоний, Тадеоз (Фаддей), Исе, Иосиф, Авив, Зенон, Исидор, Михаил, Пирос и Стефан⁹⁹. Преподобный Иоанн взял с собой также своего послушника диакона Илию.

Вначале Иоанн направился к своему наставнику Симеону Столпнику¹⁰⁰, которого называли «солнцем Востока». На площадке высокого каменного столпа, построенного в виде башни с лестницей внутри, под открытым небом, под дождем и снегом, бурей и солнцем стоял в молитве преподобный Симеон. Зимой снег одевал его в белый саван, а каменный столп застывал глыбой льда; летом лучи южного солнца казались пламенем, вырывающимся из печи. Он ел раз в неделю хлеб и горсть размоченных в воде зерен, а спал немного перед рассветом, облокотившись на карниз столпа. Подвиг столпничества превышает человеческие силы и возможен только при особой благодати, которая изменяет саму природу человека. За оградой каждый день собиралось множество

народа, чтобы просить у столпника благословения, духовных советов и молитв. К нему приходили люди со всех стран мира. Находясь на столпе, он просветил и обратил ко Христу больше народа, чем если бы с проповедью обходил всю землю. Симеон Столпник благословил Иоанна и двенадцать учеников на предстоящий путь и обещал молиться за них.

Ангел Господень явился во сне католикосу Грузии Евлавию¹⁰¹ и возвестил, что в Грузию идут двенадцать апостолов, избранников Божией Матери. Католикос велел духовенству облачиться в священное одеяние, взять хоругви, как во время великих праздников или крестного хода, и выйти навстречу Божиим посланникам. Видит католикос: идут по дороге во Мцхета монахи, усталые, босые, в одеждах ветхих, как рубища нищих, и запыленных от дальнего пути, но, по обычаю антиохийцев, в клобуках и мантиях, с посохами в руках. Он поклонился им, и сказал авве Иоанну: «Благословен твой приход, отче». Сирийские монахи пали на землю перед католикосом, и, когда первосвяtitель благословил их, то свершилось чудо: огонь от перстов католикоса коснулся уст Иоанна, и он заговорил по-грузински, как на родном языке. Католикос ввел Иоанна с учениками в Светицховели¹⁰², в собор двенадцати апостолов, они опустились на колени перед мироточивым столпом в том месте, где лежит Риза Христова¹⁰³. Как путники, изнемогающие от жажды, пьют воду из горного источника, так монахи устами своих сердец пили в молитве благодать – вино бессмертия.

Три года провел преподобный Иоанн во Мцхета, молясь у Хитона Христовой, как у Гроба Господня.

Хитон Господень был соткан руками Девы Марии; для Него Она пряла по ночам пряжу. Ее сердце предчувствовало будущие страдания Сына, тогда еще малого ребенка, и Ее слезы окропляли багряную ткань Хитона, как листья алой розы – капли утренней росы. Этот Хитон, по преданию, Господь носил с детства до своего Распятия, и он, как живой, рос вместе с Ним. Во время Преображения на Фаворе Хитон Господень засверкал как пламя огня и стал белым как снег. По пути из Гефсимании на Голгофу Хитон был напоен кровью Спасителя,

сочившейся из Его ран. Если существует Грааль¹⁰⁴, где собрана кровь Христа, то этот грааль – Хитон Господень.

Преподобный Иоанн молился, чтобы Господь показал ему место, где основать монастырь. И открылась его взору вершина горы Зедазени¹⁰⁵, вокруг нее летали и вились с криками, как стаи воронов, демоны. Казалось, что это кружится в исступленной пляске огромный хоровод вокруг идола в день языческого праздника. Когда-то это было святое место для Грузии – там погребли Картлоса, праотца иверийцев. Спустя два тысячелетия на горе построили идольское капище в честь языческого идола Задена¹⁰⁶. Гора Зедазени стала цитаделью язычества в Грузии. Там приносили человеческие жертвы идолам, там горел неугасимый огонь капищ. Там теурги совершали свои демонические мистерии, там маги произносили заклинания, посылая на землю мор, засуху и наводнение. Эта гора, как Акрополь над Афинами, возвышалась над Грузией. Она была похожа на мрачную крепость, где за неприступными стенами нашло себе убежище войско врага, или на гнездо разбойников и убийц, которые днем прячутся от взоров людей, а по ночам рыщут по дорогам как тени в поисках добычи.

После проповеди святой Нины и крещения Грузии это место опустело, заросло дремучим лесом и колючим кустарником. Но демоны хранили его как свое владение, как пустыню, где устроили себе гробницу египетские волхвы, боровшиеся с Моисеем. Злые духи умерщвляли людей, прикасавшихся к горе, кроме идолопоклонников и магов.

Гора Зедазени была подобна Иерихону в Палестине, который надо было взять штурмом, чтобы овладеть Обетованной Землей. Иоанн с учениками, испросив благословение у Католикоса Евлавия, направились в Зедазени. Была пора таяния снегов в горах. Монахи, дойдя до реки, увидели Арагви, разъяренную как дикий зверь. Вода в ней кипела и клокотала как в раскаленном котле. Серебряный клинок реки преграждал путь монахам к Зедазени. Волны, как всадники, мчались в погоню друг за другом, кружились в водоворотах, как воины, схватившиеся в рукопашном бою, ударялись о камни берега, вздымались ввысь как кони,

вставшие на дыбы. Монахи стояли над рекой, как над дымящейся бездной. Иоанн, воздев руки к небу, с дерзновением молился Богу, чтобы Арагви расступилась перед ним, как Иордан перед Иисусом Навином¹⁰⁷. Затем он передал свой посох преподобному Шио, и тот начертил жезлом крест на воде. Бушующая река утихла и покорно легла к ногам монахов, как ручной гепард у трона царя. Монахи, перейдя Арагви, расположились у подножия горы. В древности на этом месте приносились человеческие жертвы. Царь Рев, называемый праведным, запретил такие жертвы в пределах своего царства, но язычники продолжали тайно приносить сюда младенцев и закалывали их, призывая имена демонов. Дремучий лес, полный дикими зверями, и колючие кустарники, в которых прятались змеи, преграждали путь к вершине горы. Тот, кто всходил на гору, исчезал бесследно. Только демоны сторожили опустевшие капища идолов, поросших кустарником и травой.

Силой молитвы преподобного Иоанна и его учеников пала демонская держава в Зедазени. Именем Иисуса Христа развеяны и изгнаны с горы полчища демонов. Иоанн с учениками поселились в пещерах по примеру сирийских и каппадокийских монахов. Гонимые благодатью Божией, демоны скрылись, грозя отмщением монахам, вопия и причитая над разрушенным капищем, как плакальщицы над трупом. Иоанн очистил от капищ и идолов гробницу Картлоса. На этом месте построил пещерную церковь во имя Иоанна Предтечи, покровителя монахов и величайшего из пустынников. Гора Зедазени, освященная молитвами монахов, стала похожа на нерукотворный храм.

Однажды, когда ученики Иоанна – иеромонах Авив и диакон Исе совершали литургию на горе Зедазени, в монастырь пришли из Мцхета католикос Евлавий и царь Парсман¹⁰⁸ в сопровождении епископов и духовенства. Католикос сел на камень у входа в пещеру и беседовал с Иоанном. Затем, приветствуя учеников преподобного, он сказал: «Радуйся, Исе, епископ Цилканский, радуйся, Авив, епископ Некресский». Епископы, сопровождавшие католикоса, одобрили его выбор.

Цилкани была одна из самых древних епархий в Грузии. Там хранилась чудотворная икона Божией Матери «Цилканская»¹⁰⁹. По преданию, она написана евангелистом Лукой на доске от яслей из Вифлеемской пещеры, в которых лежал Младенец Христос.

Некреси находился в предгорьях Кавказа, там, где семена христианства, брошенные святой Ниной, не пустили глубоких корней и колючие тернии язычества могли заглушить и уничтожить цветы Евангелия.

Скорбно было расставаться двум монахам со своим учителем, но послушание в иноческой жизни выше всех добродетелей, и они с благословения католикоса покинули Зедазени.

Божия Мать вторично явилась Иоанну Зедазенскому и повелела ему послать учеников во все концы Картли и Кахети, чтобы проповедовать Евангелие и строить монастыри. Преподобный Иоанн, несмотря на то, что удостоился божественного явления, пришел к католикосу просить благословения. Католикос посоветовал Иоанну послать учеников по двое вместе, как Христос посылал апостолов на проповедь в Палестине.

Преподобный Иоанн остался в своей пещере. Ему помогал послушник – диакон Илия. Каждый день он спускался к Арагви и приносил в кувшине воду, каждый день всходил на Задезани, как по ступеням храма, читая молитву или псалмы. Однажды он уронил кувшин и разбил его. Илия заплакал: как он напоит старца, ведь из Арагви не донесешь воду в ладонях? Тогда Иоанн Зедазени, видя скорбь ученика, вывел источник из скалы как Моисей¹¹⁰ жезлом своей молитвой.

Господь открыл Иоанну день его кончины. Преподобный Иоанн призвал своих учеников и причастился Святых Тайн. Ученики видели, как ангелы Божии пришли взять душу Иоанна, и скорбь их о разлуке с учителем была озарена небесной радостью.

Преподобный Иоанн Зедазнийский завещал похоронить его в пещере, ставшей для него местом подвигов, неведомых миру, обителью вечного света и гробницей. Когда ученики захотели

положить его тело в монастырь Фаддея (Тадеоза) у подножия Зедазени, то земля заколебалась под их ногами, как волны моря, а гора стала качаться как при землетрясении.

Воля преподобного Иоанна была исполнена, его тело погребли в пещере, а впоследствии рядом с ним – его послушника диакона Илию. Преподобный Иоанн – отец и наставник монахов Грузии. Он игумен Иверской земли. С вершины Зедазени, как с алтаря нерукотворного храма, преподобный осматривает свои духовные владения. Он невидимо посещает монастыри и храмы Грузии, как при жизни посещал обители своих учеников.

Луч духовного света

Ученики преподобного Иоанна были подвижники и аскеты, а некоторые из них отличались высоким богословским и философским образованием. Игумен Иоанн, основав монашескую обитель в Зедазени, разослал своих учеников по всем концам Картли и Кахети, как 12 новых апостолов.

Любимый ученик Иоанна Зедазенского преподобный Давид поступил как доблестный воин, который бросается во время битвы в самую гущу врагов, где решается исход боя, где знаменосцы обеих сторон хотят поднять свои знамена. Он взял монашеский посох, четки, надел схимнический куколь, как витязь надевает боевые доспехи, и отправился в новую столицу Грузии Тбилиси – в город, который встал как крепость на границе Азии и Европы, на перекрестке дорог из Ирана к скифам и сарматам, из Византии к хазарам. В Тбилиси привозили ковры из Персии и шелк из Китая, благовония из Индии, мечи из Византии, драгоценные камни из Турана, коней из Аравии. Целые кварталы занимали ремесленники. Особенно славились грузинские мастера изготовлением оружия, обработкой металла и изделиями из серебра. Кузнечные ряды, лавки продавцов коврами, расстеленных прямо на земле, и рынки Тбилиси напоминали Дамаск. На улицах и площадях можно было увидеть персидских жрецов, одетых в черные халаты, индийских факиров, иссохших от поста, как деревья зимой, буддийских монахов, закутанных в желтые одеяния, словно спеленатых в саваны, арабов, в белых чалмах, ведущих караваны верблюдов, длиннобородых иудейских раввинов с повязками на лбу, где хранились изречения из Торы. Невдалеке от храмов стояли капища и алтари огнепоклонников.

Преподобный Давид поселился на горе, поросшей вековыми деревьями и колючим кустарником. Своими руками он выкопал в недрах скалы пещеру, похожую на нору, и начал свой подвиг с покаянной молитвы. Он молился о прощении грехов жителей города и каялся, как будто это были его собственные грехи. Таково свойство любви: все свое и себя

самого отдавать другим, а на себя принимать их тяжесть, их боль. Из очей преподобного текли потоки слез, как у апостола Петра, когда тот вспоминал о своем отречении от Учителя. Слезы покаяния – это хрустальная кровь сердца, это белоснежное одеяние, в которое облачается душа. Перед прозорливым взором Давида лежал весь город, как прозрачное море, от дворцов царей до хижин бедняков. Своей молитвой он покрывал его, как орел гнездо своими крыльями. Воздетыми в молитве руками, как Моисей¹¹¹, охранял город от невидимых и видимых врагов.

К западу от Иерусалима высится гора Сион, воспетая псалмопевцем Давидом¹¹². Сион означает «сторожевая башня», она защищает с запада Иерусалим, как нерукотворная стена.

К западу от Тбилиси стоит, как Сион, гора, называемая именем преподобного Давида. Она как бы охраняет город от царства ада, от сатанинских сил. С востока Тбилиси открыт для лучей восходящего солнца. Восток – символ духовного света и спасения. Утром, когда просыпался город, преподобный Давид выходил на уступ горы и благословлял Тбилиси, словно архиерей с амвона – народ. По ночам он, преклонив колена, подолгу стоял на молитве над обрывом, как на площадке крепостной башни, между скал и камней, будто между зубцами бойниц, и затем возвращался в свою пещеру.

Каждый четверг преподобный покидал свою келью – затвор и спускался с горы в Тбилиси, где проповедовал Евангелие, беседовал с народом, молился в храмах, а остальные дни пребывал в уединении и молчании. По преданию, путь, по которому шел преподобный в город, никогда не застраивался. Поэтому улица, ведущая к подножию горы, имеет форму изгибающейся тропинки или ручейка, сбегающего по склону. В сердце Давида обитал Дух Святой, поэтому каждое слово, исходящее из его уст, властно действовало на души людей, проникало до самой глубины сердец и пленяло их силой истины, будто дивным небесным песнопением.

К какому роду принадлежал преподобный, мы не знаем, но весь его образ дышит неизъяснимым духовным благородством, особой нежной духовной простотой и красотой. Кто он был,

князь или простолюдин, какое он имел образование, нам также неизвестно. Но он знал средство обращать огнепоклонников в христианство, сражаясь словом, как мечом. В память того, что преподобный Давид спускался в город и беседовал с жителями Тбилиси, церковь установила каждый четверг совершать богослужение на месте его подвигов. И люди идут по той дороге, по которой некогда Давид спускался к ним.

В Кашветской церкви находится древний чудотворный образ преподобного Давида. У жителей города еще не так давно был обычай по пути в храм святого Давида заходить в эту церковь и поклониться образу преподобного.

Но вернемся в шестой век. Все больше людей обращались в христианство. Гасли «вечные» огни в запустевших капищах зороастрийцев. И враги христианства решили убить Давида, но не оружием – ведь тогда он сделался бы мучеником и мертвый был бы еще страшней врагам Христа. Они решили оклеветать его, покрыть его имя позором так, чтобы сам народ изгнал святого из города как прокаженного. Клеветники – это духовные потомки Иуды, которые до наших дней имеют один нрав и один обычай. Их оружие – ложь, их правило – не иметь стыда. Во всех народах обитает это племя. Они подкупили падшую женщину, и та оклеветала преподобного. Но Господь явил перед всем народом чудо. Младенец из чрева преступной женщины обличил ее во лжи, и тогда толпа, не внемля уговорам преподобного, забросала клеветницу камнями. На этом месте впоследствии построена церковь, названная Кашветской (Квашети от слов «родила камень»). Камень клеветы, брошенный в угодника Божия, превратил в камень ребенка блудницы, а холм из камней скрыл ее тело, будто камни гробницу Аввесалома¹¹³. Люди стали просить у преподобного прощения за то, что так неразумно поверили клевете, но преподобный, скорбя о казни клеветницы, решил навсегда покинуть Тбилиси. Горожане заперли ворота города, чтобы не выпустить его. Тогда преподобный Давид положил на волны Куры свою монашескую мантию и вместе со своим учеником Лукианом встал на нее. Свершилось чудо, которое еще раз показало святость Давида: он поплыл на мантии, как на ладье,

вниз по течению реки. Толпа долго бежала с плачем и криком по берегу Куры за преподобным, умоляя его остаться. Но он неподвижно стоял, погруженный в молитву, как столпник на каменном столпе, не оборачиваясь назад, пока город не скрылся за поворотом реки.

Преподобный удалился в пустыню Гареджи¹¹⁴, изрезанную холмами и горами, похожую на пустыни Египта. Недаром впоследствии Гареджи называли Иверской Фивайдой¹¹⁵. Здесь он встретил отшельника, уже много лет жившего в пустыне – преподобного Додо¹¹⁶. Этот анахорет, родом из кахетинских князей, оставил мир, богатство и почести без сожаления, как стряхивает путник прах и пыль со своих ног, возвратившись домой. В выжженной солнцем пустыне, где обитают лани, а в расщелинах скал прячутся змеи, встретились два монаха – два земные ангела.

Прошло время, и уединенное убежище преподобного было открыто охотниками. К нему стали сходить люди, жаждущие монашеской жизни. В Гареджи был построен пещерный монастырь, который через несколько столетий превратился в огромную лавру – в город монахов.

Преподобный Давид имел заветное желание посетить святые места Палестины. Поручив монастырь преподобному Додо, он вместе с учеником Лукианом отправился в далекий путь. Паломничество в Палестину было сопряжено с опасностями, особенно от разбойников, прятавшихся в лесах и пещерах, и нападавших на путников в безлюдных местах, подобно диким зверям. Паломники обычно, собирались вместе, по несколько десятков человек. Но монахи шли одни, чтобы не нарушить безмолвие и сердечную молитву. Они шли, опустив глаза, не оглядываясь по сторонам, закрыв монашеским куколем лица. Весь путь был для них ступенями духовной лестницы, по которой в древние времена паломники с пением псалмов поднимались к Иерусалимскому храму.

Преподобные взошли на Сионскую гору. Внизу расстился Иерусалим – город, где Сим – старший сын Ноя¹¹⁷ – устроил гробницу для головы Адама и воздвиг над ней холм, называемый Голгофа, город, где царствовали первосвященник

Мелхиседек¹¹⁸, псалмопевец Давид и премудрый Соломон¹¹⁹; город, предназначенный стать духовной столицей мира. Здесь был распят Христос, как Сын человеческий; здесь Он Воскрес, как Сын Божий.

В святынях земного Иерусалима преподобный Давид увидел славу Небесного Иерусалима, которая открылась тайнозрителю Иоанну Богослову¹²⁰ в виде сходящего с небес города, построенного из драгоценных камней¹²¹.

Преподобный Давид, остановившись у ворот, послал Лукиана поклониться Гробу Господню и обойти святыни Иерусалима, а сам, по великому смирению, посчитал себя недостойным войти во Святой Град. Преподобный Лукиан возвратившись, застал своего учителя стоящим на том же месте, погруженным в молитву. По обычаю паломников, берущих горсть земли Палестины, преподобный Давид взял, как благословение от Святого Града, три камня, лежащие у стены, и поспешил в обратный путь. Ночью Иерусалимский Патриарх Илия¹²² видел сон, что монах из Грузии взял всю благодать Иерусалима и уносит ее с собой. Патриарх, проснувшись, послал скороходов, чтоб она догнали Давида и спросили, что произошло. Давид ответил, что он не входил в город и только взял три камня около ворот. Тогда посланцы Патриарха взяли назад два камня, а третий оставили преподобному, и тот принес его в Гареджийский монастырь.

С тех пор в Грузии существует предание, что три раза посетить Гареджийскую пустыню равно паломничеству в Иерусалим. На месте монашеских подвигов преподобных Давида и Додо в последующие столетия была построена самая большая в Грузии лавра, объединившая двенадцать монастырей. Преподобный Давид погребен в пещерной церкви, а рядом с ним его ученик Лукиан.

Гора Давида, возвышающаяся, будто крепость над Тбилиси, известна под названием Мтацминда (Святая Гора), как Афон – удел Богоматери. В пещере, где молился преподобный, из скалы течет родник, который народ прозвал «слезами Давида». Существует обычай, при бесплодии супругов молиться преподобном Давиду о даровании ребенка.

В Гареджийской пустыне после краткой весны, которая расстилает свой яркий разноцветный ковер по земле, наступает знойное и засушливое лето. Цветы блекнут, трава засыхает. Кажется, что вокруг все вымерло и уснуло, как будто жизнь ушла в пещеры и недра скал. Гареджийская пустыня, с ее багряными закатами, становится похожей на царство смерти и молчания. Гареджи чем-то напоминает книгу Апокалипсиса, где символическими письменами описаны гибель мира и его будущее преображение.

Сила молитвы

Многоводная река истории Грузии, насчитывающая несколько тысячелетий, течет из Месопотамии; ее начало относится ко временам Нимврода¹²³, основателя Вавилона – первой столицы мира.

Один из знатных жителей Вавилона Таргамос¹²⁴ не пожелал стать рабом Нимврода и его безумной затеи – построить башню выше «гор Севера» и вознести престол до небес. Таргамос со своим семейством и домочадцами тайно покинул Вавилон, и отправился из Междуречья на север, подобно Аврааму¹²⁵, который повинувшись голосу Божьему, оставил город Ур, с его идолами, и пошел в неведомую землю, которую обещал ему Господь. Таргамос раскинул свои шатры в том месте, где Азия и Европа, столкнувшись друг с другом, как две огромные льдины, поднялись своими краями вверх и образовали Кавказский хребет – каменную границу между Востоком и Западом. Таргамос сделался родоначальником кавказских народов и племен, а его сын Картлос¹²⁶ положил основание Грузии, как государству. Грузия на родном языке называется Сакартвело (земля Картлоса), а ее современное русское название «Грузия» – от Гюрджистан, что означает на тюркском языке «воинский стан», а буквально «стан силы». На многих языках Грузия называется Георгией – страной земледельцев, в отличие от окружающих ее кочевых племен. В последствии это название приобрело еще другой смысл – «страна святого Георгия», особенно почитаемого в Грузии.

Древней столицей Грузии был город Мцхета, расположенный на месте слияния двух рек Мтквари (Куры) и Арагви. Его основал старший сын Картлоса по имени Мцхетос (в переводе «помазанный елеем»). Страной управлял Мцхетский мамасахлиси (в переводе «отец дома», аналог великого князя). Во времена Александра Македонского и его эпигонов Грузия попадает под власть греков. Чтобы свергнуть иго чужеземцев, нужно было централизованное правление, которое собрало бы области Грузии воедино, и сплотило бы ее народ, как

сжимаются воедино пальцы на рукояти меча. В начале IIIв. до Р.Х. власть мамасахлисов упраздняется и первым царем Грузии становится Парнаоз, потомок персидского царя Дария, убитого Александром Македонским, и его жены – грузинки. Парнаоз освободил страну от завоевателей, как изгоняют из сада вепрей, и основал династию парнаозидов, которые царствовали до конца IIIв. по Р.Х. Последняя царица из этого славного рода Абешура, по совету князей была выдана замуж за персидского царевича Мириана (в переводе «солнечный»). От этого брака начинается в Грузии новая династия Хосроидов (Сасанидов), продолжающаяся 5 столетий. При царе Мириане Грузия приняла христианство. Если царь Парнаоз сверг власть завоевателей и сокрушил медный ярем, лежащий на вые народа, то царь Мириан освободил Грузию от служения демонам, сокрушил идолов, как вражеских воинов, и воздвиг как духовные крепости первые христианские храмы. При нем была основана Грузинская Церковь с архиепископом во главе. При царе Мириане и его преемников началось духовное просвещение грузинского народа и горских племен.

История Грузии – это история непрерывных войн. Кажется, что пергаментные листы грузинской летописи, написаны тушью из пепла от пожарищ, разведенного слезами, и киноварью из крови, собранной на поле битв.

Первым, кто объявил войну сыновьям Таргамоса, был Нимврод. Он дал две клятвы: построить башню, вершина которой касалась бы небес, и покорить Кавказ, куда, как в неприступную крепость, скрылись восемь братьев – сыновей Таргамоса. Но башня осталась недостроенной, а Кавказ – не покоренным. Вавилонский тиран захотел встать одной ногой на Арарат, а другой – на Эльбрус; он собирался привести в Вавилон сыновей Таргамоса, закованных в цепи, но назад привезли его окровавленный труп. Вавилонская башня упала под собственной тяжестью, а Нимврод погиб от стрелы, пронзившей медные латы на его груди.

Другой завоеватель – Кир¹²⁷, сломавший ворота Вавилона, хотел сделать то, что не удалось Нимвроду: он пошел по его следам на Север, чтобы набросить ловчую сеть на горы

Кавказа, как пленяют тигра, и вырубить на скалах надписи о своей победе, но погиб в лабиринте ущелий и гор. Отрубленную голову второго завоевателя мира подняла за волосы как трофей, царица кавказских племен перед своим войском.

Пока потомки Таргамоса были едины, Кавказ оставался непобедимым. Если из многих шелковых нитей сплести одну вервь, то, как бы не был силен воин, он не сможет разорвать ее своими руками. Но наступило время, когда распалось это единство – разорвалась вервь, связывающая народы Кавказа, и завоеватель мог рвать нити одну за другой.

Вавилонян сменили ассирийцы. Предания говорят о походах Семирамиды¹²⁸ на Кавказ. На страницах летописей Грузии появляются имена новых завоевателей: скифов, мидийцев, греков. Они проходят через сцену истории, чтобы дать место другим; за одной волной, откатывающейся от берега, набегает другая волна. С каждым столетием испытания, которым подвергалась страна, становятся все более тяжелыми.

В VII столетии внезапно пришла беда с Востока, как смерч из пустыни: арабские войска, сломив сопротивление Византии и Персии, вторглись в Грузию, которая осталась одна лицом к лицу с огромным Халифатом, который превосходил по своей величине Римскую империю времен счастливого Августа¹²⁹, а его полководцы своими походами затмили славу победоносного Траяна¹³⁰.

Помощи неоткуда было ждать. Византия, терявшая свои провинции, была похожа на дуб, расщепленный молнией, с опаленной кроной и сломанными ветвями. Персия лежала у ног победителя, как сраженный гладиатор на арене Колизея. Армения от ударов Халифата распалась на части, как чаша, упавшая на камень. Кавказская Албания, потерявшая свой язык и письменность, была похожа на пленницу, онемевшую от горя. Христиане Албании уходили из равнин в горы, как в древности римские христиане скрывались в катакомбах. В горных областях еще стояли храмы и совершалось богослужение, но в равнинах уже развевались зеленые знамена ислама и вместо звона колоколов раздавались крики муэдзинов, призывавших мусульман к намазу. Хазария терпела поражение за

поражением. Ее каган метался как ранений волк от границы к границе – от Волги до Черного моря – собирая остатки войск.

Особенно опустошительным для Грузии было нашествие халифа Мурвана-Кру¹³¹, прозванного Глухим, потому что он не внимал ни мольбам побежденных о пощаде, ни советам своих полководцев. В это время население Грузии старалось укрыться в горных областях, как в нерукотворной крепости. Горцы, по закону гостеприимства, оказывали помощь соплеменникам, давали им кров в своих хижинах, делились с ними скудными запасами провизии, а нередко последним куском хлеба. Но Грузия была похожа на стальной клинок, который сгибался, не ломаясь, а затем выпрямлялся вновь.

Халиф Мурван, преследуя армянского царя Сумбата, вторгся в Имеретию, но здесь встретил упорное сопротивление Аргветских князей Давида и Константина¹³², которые разбили передовые отряды халифа и обратили их в бегство. В ярости он разрушил столицу Имерети Кутаиси и предал пыткам и смерти Давида и Константина, которые отказались принять ислам, а затем с огромной армией вышел к побережью Черного моря. Войско Мурвана состояло не только из арабов; в нем находились отряды персов, сирийцев, негров из Эфиопии и Судана, и других народов, обращенных в мусульманство. Он осадил Колхидскую крепость Анакопию¹³³, где укрывались грузинские цари Мирр и Арчил¹³⁴. Гарнизон состоял всего из 3-х тысяч воинов; на каждого защитника Анакопии приходилось несколько десятков закаленных в боях всадников и лучников. Казалось, что гибель неизбежна, и сама крепость превратилась в западню для осажденных. Побережье и окрестные горы покрылись шатрами магометан, как будто за ночь вокруг Анакопии внезапно вырос лес. Крепость была похожа на голубиное гнездо, свитое на вершине кипариса: ствол дерева обвил огромный змей и, извиваясь, ползет вверх с шипением и свистом, чтобы пожрать беззащитных птенцов. В крепости находилась другая духовная крепость – могила апостола Симона Кананита, просветителя Колхиды.

Много сот лет назад город Самария был окружен ассирийскими войсками. Помощь не приходила. Израильский

царь уже хотел открыть ворота города и сдаться на милость победителя. Но рядом с царем был пророк Елисей¹³⁵, который молился о освобождении Самарии¹³⁶. Он сказал царю, что тот увидит чудо, и в ту же ночь ассирияне покинули свой лагерь, оставили добычу, и побежали прочь, гонимые необъяснимым страхом.

Арабы подвели к Анакопии стенобитные орудия; каждое из них представляло собой деревянную башню. Некоторые были таких размеров, что части одного орудия везли на 40 верблюдов. Удары таранов как удары грома отзывались эхом в горах, а их стальные наконечники как зубы дракона вгрызались в камни стен.

За две тысячи лет назад до Мурвана-Кру египетский фараон преследовал Моисея¹³⁷, который во главе израильтян шел по пустыне. И, вдруг, беглецы с ужасом увидели перед собой Красное море, которое преграждало их путь, как бездна, разверзшаяся под ногами. Скрыться было некуда: впереди волны моря, позади – войска фараона.

Анакопия была окружена со всех сторон: на востоке горы, на западе море, вокруг – войска арабов, готовящихся к штурму, похожие на вздымающиеся волны.

Господь сказал Моисею: «Что ты вопиешь ко Мне?». Уста Моисея молчали, но сердце его безгласно вопияло к Богу, будто он разрывал свое сердце, как одежду во время скорби. Совершилось чудо: расступилось море, давая дорогу Моисею, повинаясь молитве пророка.

Силы защитников Анакопии таяли. Царь Мирр, старший брат Арчила, истекал кровью от ран, полученных в бою. Оставалось последнее, но самое сильное оружие – молитва. Царь Арчил, припав к гробнице апостола Симона, молился, как будто сердце его источало не слова, а кровь, подобную той, что сочилась из ран его брата.

Господь услышал молитву царя, как некогда услышал пророка Моисея. Небо покрылось свинцовыми тучами, как перед потопом, будто море поднялось ввысь и как чаша опрокинулось на землю. Ливень, похожий на водопад, непроницаемой стеной обрушился на стан арабов. По склонам

понеслись потоки, словно открылась бездна вод, скрытая в горах. Море, выступив из берегов, смело часть лагеря и стенобитные оружия, находящиеся у побережья: словно волны слизали берег огромным шершавым языком.

Когда Моисей с народом прошли по дну Красного моря¹³⁸, то оно сомкнуло свои уста над войском фараона, как засыпают землей общую могилу.

Мурван-Кру с остатками своей армии, как после побоища, отступил вглубь страны, в Менгрелию. Он бежал будто преследуемый врагами от разбушевавшейся стихии, но и здесь его постигла новое поражение: две реки, между которыми расположился стан арабов, от ливня вышли из берегов – будто стая львов выбежали из чащи леса и бросились на добычу. Грохот грома, шум дождя и гул стремительных потоков, которые влачили огромные деревья, вырванные с корнями, и катили камни, заглушали крики и вопли людей. Казалось, что на помощь морю пришли реки, как его младшие сестры. По топким болотам Колхиды властитель Азии отступил на юг. Вместо добычи, брошенной на пути, воины Мурвана несли назад только грязь, прилипшую к их одежде.

Враг ушел: ранений зверь уполз в свое логовище, лесной пожар погас. Но страна была разорена; она лежала в развалинах и пепелище. Странник, зашедший в село, редко мог увидеть дым очага над крышей дома, выющийся как лоза винограда, а ночью – свет, мерцающий как звезда в окне. Окрестности городов оглашали вой шакалов и крики воронов, ищущих непогребенные трупы.

Царь Арчил был отцом для своего измученного народа. Он как самарянин из евангельской притчи, исцелял его кровоточащие раны; казалось, что он взял истерзанную страну на свои плечи. В Грузии словно наступила весна. Люди, скрывавшиеся в горах, возвращались в свои жилища, как птицы после снежной зимы прилетают назад и отыскивают свои оставленные гнезда. Земля, заросшая травой, покрылась золотой парчой пшеницы; города и села оглашал звон умолкнувших колоколов, а поля и долины – песни земледельцев. Крепости и замки поднимались из руин, как

воины после сна, чтобы снова своей каменной грудью защищать Грузию.

Во время царствования Арчила произошло событие, которое в последствии приобрело огромное значение для истории страны. В Грузию из Византии приехали князя из рода Панкратия (Баграта); от его имени произошла фамилия Багратиони. Они вели свое происхождение от псалмопевца Давида и являлись потомками Клеопы, брата Иосифа Обручника¹³⁹. При византийском императоре Юстиниане Великом (Vlv.) их семейство приняло крещение. Они поступили на службу императору и прославились доблестью и военными подвигами. Царь Арчил дал им земли в Тао-Кларджети¹⁴⁰, а затем еще удел в Кахетии – единственной области, не разоренной арабами. В последствии они разделились на три ветви: грузинские Багратиони, армянские Багратуни, и осетинские Багратиды. На фамильном гербе Багратиони изображены Хитон Господень (хранящийся во Мцхета), гусли царя Давида и праща, которой юный псалмопевец поразил в единоборстве Голиафа¹⁴¹. После смерти царя Арчила и его преемника Иоанна, последнего из рода Хосроидов, в Грузии воцарилась новая династия Багратиони, которая в глазах народа явилась духовной цепью, соединявшей Грузию с Палестиной, а грузинских царей – со священным родом царя Давида, в котором Господь благоволил явиться на землю.

К царям из династии Багратиони принадлежат святые Грузинской Церкви, как алмазы в ее диадеме: Давид Строитель¹⁴², Тамара Великая¹⁴³, Димитрий Самопожертвователь¹⁴⁴, Кетеван царица Кахетии¹⁴⁵, и Луарсаб царь Картли¹⁴⁶. Их имена стали светочем Православия, их деяния – примером для будущих поколений, а их любовь к народу и забота о стране – завещанием для тех правителей, которым история вручала власть. Грузия стала неотделимой от их имен.

К концу жизни царя Арчила снова черные тучи, как крылья дракона, нависли над Грузией. После междоусобиц в Халифате эмир Асим, захвативший власть, решил отомстить царю Арчилу за то, что тот отказался вмешаться в династическую борьбу, где

сын, чтобы захватить власть, душил отца и отравлял мать, а брат вонзал нож в спину брата. С полчищами арабов эмир вторгся в пределы Грузии, грозя подвергнуть ее новому опустошению. Нашествие было неожиданным. Арчил ежегодно выплачивал арабам подать, налагаемую на христиан, которая называлась «выкупом за жизнь». Царь не успел собрать войско, да и вряд ли мог сопротивляться могущественному Халифату, поэтому он решил явиться к эмиру, чтобы предотвратить кровопролитие. Тот принял царя с честью, вышел к нему на встречу и обещал не разорять Грузию. Но враги Арчила донесли эмиру, что он знает место, где хранятся сокровища византийского императора Ираклия¹⁴⁷, вывезенные из Персии, но скрывает его от арабов. Асим велел заковать в цепи грузинского царя и привести его на суд. Арчил ответил эмиру, что он еще в детстве слышал от своего деда о том, что византийцы захватили казну у персидского шаха Хосроя¹⁴⁸ и увезли на родину, а часть оставили в Кутаиси, но затем, опасаясь арабов, отправили оставшееся золото в Константинополь. Эмир и так знал, что это обвинение ложно: не в обычае греков закапывать свою пшеницу в борозды чужого поля. Но он решил не выпускать пленника живым. Царя Арчила любил народ, и уважали предшественники Асима, а в глазах узурпатора это самое большое преступление, для которого нет снисхождения и пощады. Участь царя была решена. Эмир потребовал у Арчила, чтобы тот принял ислам, угрожая пытками и смертью. Царь ответил, что для него смерть – это отречение от веры, а мученичество за Христа – вечная жизнь. Эмир знал, что пытки не сломят царя, и он только покажет свое бессилие, поэтому, призвав палача, велел немедленно казнить Арчила. Палач, повинувшись приказу, даже не вывел пленника из стана, а отрубил ему голову недалеко от шатра эмира. Тело царя бросили на съедение зверям, но хищники, как бы преклоняясь перед подвигом царя, не прикоснулись к нему, и оно лежало на поле без следов тления. Жители селения Тба тайно взяли тело мученика, и погребли его в горах, селении Надокра, в храме, построенном самим Арчилом, как будто царь еще при жизни приготовил себе усыпальницу. Этот храм высится на пологом

склоне горы, покрытом густым лесом. Здесь всегда царит глубокая тишина, словно одинокая птица своим пением, и деревья шелестом листвы, бояться нарушить вечный сон царя. Здесь воздух напоен, какой то особой чистотой, будто освящен дыханием уст царя. Это гора похожа на трон, с которого царь Арчил осматривает свои владения.

Кажется, что в полумраке храма сияет невидимый свет, а на гробнице царя написаны слова: «Здесь место, которое я возлюбил; здесь мой покой на веки».

Царственная лилия

Грузинская Церковь дважды в году празднует память святой царицы Тамары: 1(14) мая (этот день у многих народов мира назван «праздником цветов»), и в третий воскресный день по Пасхе, посвященный женам – мироносицам. Эти два дня имеют символическое значение. Если сравнить церковь с дивным садом, то царица Тамара будет царственной лилией в этом саду. Кто произносит в молитве ее имя, тот ощущает духовное благоухание, как небесных цветов, построенных ей монастырей в сердце гор, часовен на вершинах скал и воздвигнутых в долинах храмов и соборов, величественных, как утесы Кавказа. Кто произносит в молитве ее имя, тот слышит звон колоколов, возвещающих о победе над врагами Креста. Кто произносит ее имя, тот видит голубой и алый цвет зари на небе Грузии, в лучах которой меркнут луна и звезды. Большинство народов мира в своих песнях и сказаниях называли май самым прекрасным месяцем года. Его первый день посвящает Грузинская Церковь царице Тамаре, может быть потому, что ее царство было самым светлым и прекрасным днем в жизни Грузии.

Грузинская Церковь празднует память царицы Тamar в день святых жен-мироносиц – тех, кто как апостолы оставили все земное и следовали за Христом. Царица Тамара, управляя обширным государством, душой пребывала с Христом, подобно одной из жен-мироносиц. Свое милосердие, как миро, излила она на раны Грузии и старалась стереть всякую слезу с ее очей. Если б можно было назвать царицу другим именем, то это имя было бы «милосердие». Если б можно было назвать ее царствование одним словом, то этим словом было бы «благородство». Народ и история называли ее великой, но это было не только величие ее побед, но и величие ее христианской души, которое сияет нам через мглы веков. Святая царица Тамара взяла скипетр – как Крест и, взойдя на трон, сказала: «Я – отец сирот и мать вдовиц». Она стала не только царицей, но матерью и ангелом-хранителем народов Грузии. Царицу Тамару называли мудрой. Любовь дает человеку неземную мудрость,

любовь раскрывает сердце человека для Бога, любовь дает человеку единственное истинное счастье – быть жертвой для других.

Жизнь святой царицы Тамары была невидимым распятием за свой народ. Если юродивые скрывали дар прозорливости и исцелений под маской мнимого безумия, а преподобные свои духовные подвиги – в пустыне или за стенами монастырей, то подвижническая жизнь иверской венценосицы была скрыта от глаз мира еще глубже, за блеском царского двора, за грудями золота и драгоценных камней, которые приносили к ее ногам столицы и города Востока.

Днем, восседая на троне, она разбирала государственные дела, и творила суд подобно Соломону, изумляя мудростью и великодушием тех, кто приходил к ней. Это был суд, где торжествовала правда, но и для осужденных не был закрыт родник ее милосердия. Меч Соломона достигал даже у жертвенника храма. Во дворце Тамары находили прощение и милость даже враги царицы – те, кто желал ее смерти и пытался направить меч в ее грудь. По ночам святая Тамара одевала власяницу и молилась Божией Матери, называя Ее Царицей Грузии, а себя – последней рабой. Молитвы святой венценосицы как крепостные стены, защищали страну от видимых и невидимых врагов.

Цари владеют над народом, а лучшие из них служат подданным, как своим господам. В молитвах, долгих как у схимницы, проходили бессонные ночи царицы, а слезы ее, то прозрачные как алмаз, то кровавые как рубин, стекали, будто струи мирра на землю. Ее молитва была тем пламенем, которого страшились демоны: так дикие звери пугаются зажженного факела, так волки не могут приблизиться к огню костра, и только пронзительно воют издалека.

Еще в юности святой царице Тамаре даровано было сновидение: будто даны ей крылья, и она поднялась высоко в небо над Грузией. Видит она на западе Черное море. В нем, как лебеди в озере, плывут византийские и генуэзские корабли. На юге единовенная Византия, Царьград – крепость православия, стоящий как исполин на двух материках. На севере – вершины

Кавказских гор, похожие на белые облака, сияющие, как купола храма. Взглянула она на восток и видит Каспий, который в ярости вздымает волны все выше и выше. Со страшным грохотом бросаются как львы на добычу, и падают кипящие воды Каспия. Кажется, что гребни волн, поднимаются над Кавказскими горами, что Каспий опрокинется как огромная чаша и поглотит в своей пучине весь Кавказ, и он, как при Ное, превратится в дно океана, а Грузия навсегда исчезнет в бездне бушующих волн. Святая царица Тамар стала молиться Богу о спасении своей страны, и увидела она трех ангелов в образе юношей, которые мчались на конях к берегу Каспия, и остановившись, стали пускать в море огненные стрелы. Раздался грохот, как будто рухнули горы Кавказа, поднялся к небу огненный столб, как во время гибели Содома, и весь огромный Каспий запылал, как пылает болото нефти. И видит она снова Каспий в образе старца, который стонет и молит о пощаде.

Проснулась царица Тамара в глубокой скорби. Она поняла, что грозная опасность идет с востока, но Господь сохранит Грузию во время ее земной жизни, как Господь сохранил от нашествий ассирийцев и вавилонян иудеев, ради праведного царя Иезекии¹⁴⁹.

Путник стоит на вершине гор и осматривает окрестность под своими ногами, как с высоты орлиного полета. Он любит лазурным пламенем небосвода и облаками, подобными причудливым сказочным островам, плывущим в голубом просторе, лугами, как ковром, вышитым живыми цветами. А в это время за горизонтом собираются черные тучи. Буря может застать путника в горах, бушующие потоки – преградить ему путь. Но ничто не предвещает беды, небо ясно и спокойно.

Уже на востоке собираются орды Чингисхана¹⁵⁰. В горах Алтая, в равнинах Манчжурии, в пустынях Монголии собираются страшные силы. Монгольский клинок скоро разрубит карту мира от Тихого океана до Средиземного моря. Падет Китай. Дым от сожженных городов и сел оденет черным трауром небо над Грузией. Огненная лавина монгол пронесется над Русью. Монгольская конница достигнет границ Сербии, и

Батый¹⁵¹, зачерпнув своим шлемом воды из Адриатического моря, вылит ее на берег в знак того, что эта земля отныне принадлежит монголам. Но пока жива царица Тамар, солнце будет сиять над Грузией, земледelec – бросать зерно пшеницы в борозды поля, зодчие – строить храмы и крепости, а мать – кормить грудью своего ребенка.

При царице Тамаре Грузия достигла вершины своего могущества. Как царской короной украсила царица Тамара вершины гор каменными крестами, воздвигла в горных ущельях и дремучих лесах храмы и монастыри, а в равнинах – соборы, будто неприступные крепости. Казалось, вся Грузия устами алтарей поет гимн Богу. Царица Тамара dokonчила строительство монастырей, начатое при ее отце Георгии¹⁵², и великом прадеде святом Давиде Строителе. Она довершила строительство пещерного монастыря Вардзия¹⁵³ – замка роз, где проводила Великий пост. Построила монастырь Бетания¹⁵⁴, в честь Рождества Божией Матери. Восстановила грузинский Крестовый монастырь в Палестине. Ее казна была похожа на озеро, куда стекали как реки и ручьи сокровища ее обширного царства и вассальных стран, а с другого конца озера вытекали золотые реки и потоки для нуждающихся и бедных, для строительства монастырей, для помощи церквям в странах, находившихся под игом мусульманских правителей. И к иноверцам – иноплеменникам было открыто ее сердце и была щедрой ее рука. Голодного она не спрашивала: кто ты? А бедного: какая у тебя вера? Два раза в Грузию вторгались объединенные силы мусульманских государств Ближнего Востока и два раза находили в земле Грузии общую могилу. Первый поход предпринял багдадский халиф, глава мусульман всего мира, совмещавший царскую и религиозную власть. Он занимал такое же положение и имел такой же непререкаемый авторитет, как Папа в Священной Римской империи. Сопредельные с Грузией мусульманские государства выставили огромную армию. Предводительствовал ей атабег Абу Бекр¹⁵⁵.

Пока собиралось грузинское войско, в течение многих дней царица Тамар молилась в храмах Тбилиси. Войско вышло из ворот столицы. Впереди шла царица Тамара – босая, с

распущенными волосами, с крестом в руках, как пророчица Девора перед войском израильтян¹⁵⁶. Она благословила крестом своих воинов, которые стройными рядами проходили мимо нее, сверкая доспехами и боевым оружием, с поднятыми знаменами, зная, что многие из них уже не возвратятся назад. Затем она вошла в Метехский храм Пресвятой Богородицы и перед иконой Одигитрии стала молиться, чтобы Дева Мария спасла Грузию, как некогда спасла Царьград, окруженный полчищами аваров¹⁵⁷ и скифов. Вместе с царицей Тамар молился народ. Каждый исповедывал перед Богом свои грехи. Мирились те, кто раньше были во вражде друг с другом, богатые прощали долги своим должникам, отпускали узников и пленников на свободу. Храмы были открыты день и ночь. В битве при Шамхоре¹⁵⁸ грузинское войско одержало победу. Главным трофеем в этой битве была Шамхорская крепость, которая считалась неприступной.

Особенно грозным для Грузии было нашествие мусульман под знаменами Румского султана Рукнадина, правителя государства, образованного из отторгнутой от Византии провинции, который, подобно кесарю Византии, считал себя наследником Римской империи. Румский султан, уверенный в своей победе, послал царице Тамар письмо, где с неслыханной дерзостью требовал, чтобы царица вместе с народом приняла мусульманство. Поэтому борьба с турко-арабским войском была прежде всего борьбой за веру.

Румский султан ожидал, что грузинская войско, уступавшая ему численностью, не посмеет вступить в бой и перейдет к защите, а он возьмет, один за другим, крепости и города, и замкнет кольцо своих войск вокруг Тбилиси. Гордый султан, считавший себя преемником цезарей, хотел взять Тбилиси штурмом, как некогда Тит¹⁵⁹ – Иерусалим, и омыть кровью грузин позор за поражение, которое нанес туркам царь Давид Строитель, вырвав из их рук, как корону, Тбилиси.

Румский султан был опытный воин, свою жизнь провел в боях с византийцами и крестоносцами, где одерживал победы и терпел поражения. Но теперь случилось то, чего он не ожидал:

война окончилась одним сражением. У Вардзийского монастыря разбилась, как о скалу волна, и погибла его армия.

И снова в Грузии было спешно собрано войско, как будто звук боевой серебряной трубы облетел всю страну. Царица Тамар, обращаясь к воинам, сказала: «Пусть не устрашает вас многочисленность врага, надейтесь на силу Креста. В битве совершится Суд Божий».

Румский султан принимал в своем шатре из белоснежного шелка посла, который привез ответ, что вызов на войну грузинами принят. В это время султану донесли, что приближается грузинское войско. «Может быть это спешит к нам отряд от союзных эмиратов, которые услышали призыв к джихату – священной войне с христианами». Султану ответили: это христиане. Мы видели крест на их знаменах.

Румский султан сидел в безмолвии. Он не понимал, как может орел напасть на стадо волков, а затем сказал: «Враги идут сами на мой меч покорно, как овцы на меч, теперь мне не будет гоняться за ними по горам и оврагам», и добавил, «Оседлайте мне боевого коня и для смены – лучшего арабского скакуна». Тот конь спас султана от смерти и плена. Грузины похоронили убитых врагов с воинской почестью, они не мстили мертвым.

Нет уголка в Грузии, где не произносили бы с благословением имя царицы Тамары. Царица знала, что враги Христа захотят отомстить ей после смерти, и поэтому завещала похоронить ее тайно, чтобы могила навсегда оставалась скрытой от мира. Грузия выполнила ее завещание. Ее могила сохранилась и от магометан и от монголов, и от тех вандалов, которые разрывают и оскверняют гробницы своих царей. Вся страна оплакивала царицу, весь народ чувствовал себя осиротевшим. Казалось, что слава и величие Грузии воплотились в лице царицы, и теперь предстоят грозные испытания.

Ночью из ворот замка, где умерла царица Тамар, выехало десять отрядов. Каждый вез гроб, десять гробов тайно похоронили в разных местах. Никто не знал, в каком из них находится тело царицы. Согласно одному преданию, она

похоронена в Гелатском монастыре, в усыпальнице Багратионов. Другое утверждает, что она погребена в Иерусалиме, так как дала обещание совершить паломничество в Иерусалим, но при жизни не смогла сделать этого, и новый царь Лаша – Георгий¹⁶⁰ исполнил заветное желание своей матери: отряд грузин, примкнувши к войску крестоносцев, привез гроб царицы Тамар в Крестовый монастырь. Но это тайна, о которой никогда не расскажут уста земли...

У горцев есть предание, что, когда умножатся беды и скорби, то царица Тамара снова придет в Грузию, снова сядет на своем золотом престоле и утешит народ. Но царица Тамара, царствуя не на земле, а на небесах духом своим, любовью никогда не оставляла Грузию и не оставит ее.

Красота безмолвия

Эмблема епископского служения – орел, парящий над городом, окруженным крепостными стенами. Город это паства епископа, стены – каноны и обряды Церкви, ворота, ведущие в город, – таинства Церкви, орел – высота епископского сана и образ его духовной жизни. Епископ должен пребывать всегда в молитве, мыслями высоко возноситься над землей и, в тоже время, зорко следить за вверенным ему достоянием Христовым, чтобы из-за его нерадения не погибла бы ни одна душа. Орел – символ богослова; епископ должен рассуждать о божественных догматах, о том, что находится в неприступном свете, а из всех существ земли, только орел может смотреть прямо на солнце. Образ святого Иосифа епископа Алавердского¹⁶¹, – орел, летящий над вершинами Кавказских гор.

После того, как Иоанн Зедазенский послал своих 12 учеников во все концы Картли и Кахетии проповедовать Евангелие, святой Иосиф избрал местом апостольских трудов Кавказские горы, где одинокие селения похожи на улья пчел, прилепившиеся к скалам, или гнезда птиц, свитых среди камней, а долины верхней Кахетии, на разноцветные шелковые ковры, расстеленные у подножия Кавказа. Он проповедовал Евангелие горцам, похожим на больших детей, и они как дети отвечали ему своей непритворной любовью. Святой Иосиф назван Аввой Алавердским. Слово «авва» означает наставника, отличавшегося глубоким духовным опытом, подвижнической жизнью и даром прозрения. В этом слове заключено тепло любви, которую не только монахи, но и миряне питали к своему духовному отцу. Авва – тот, кто мог пробудить от мирской суеты человеческую душу, своей молитвой согреть сердце, духовной мудростью решить все мучительные вопросы, которые жизнь ставит перед людьми, а благодатью, обитающей в нем, стяжать непоколебимое доверие и послушание своих учеников, готовых по его слову пойти на подвиг и смерть.

Авва – это образ ангела-утешителя людей, которого Господь посылает на скорбную землю. Авва – это тот, кто стяжал в своем сердце отблеск небесного света, и сам стал для людей путеводной звездой в их земном странствовании. Авва – тот, кто может вместить в своем сердце всех своих учеников и сделать их частью своей души. Авва – тот, кто любит врагов как друзей и подражает в милосердии Господу. Для него нет врагов; он прощает принесших ему скорбь еще до того, как они попросят прощения. Авва – тот, кто может отдать свою жизнь за каждого человека и сам ежедневно как бы умирает или распинается в молитве за грехи людей, будто за собственные грехи. Авва – тот, кто стяжал благодать Духа Святого и поэтому стал похож на Христа не чертами лица, а сиянием святости. Авва – тот, кто подражает Христу в своей любви.

Откуда происходил святой Иосиф, кто были его родители – нам неизвестно. Можно предполагать, что он был из знатного рода и получил богословское образование, так как первый катехизис на грузинском языке, упоминаемый в летописях, был составлен им. Он проповедовал не только словом, но и молчанием. Слово без подвига, подобно ветру, который прошумел в ущелье и затем затих, не оставив после себя следа. А подвиг души – безмолвие и молитва – подобен солнцу, которое молча оживотворяет мир. Слово, исходящее от благодати, подобно источнику воды; а слово без благодати – сухому руслу: нагнулся путник, ищет между камней влаги, но под ногами только галька и сухой песок.

Как могла юная девушка, святая Нина, а спустя два с лишним столетия 13 сирийских монахов, просветить Грузию от Триалетских гор до Кавказского хребта, как бы выполоть от колючего кустарника и вспахать огромную ниву? Как их проповедь, простая и безыскусная, лишенная риторики и красноречия, могла обращать к Христу целые села и города? Они приходили как странники, не имея ничего, а их окружал народ более многочисленный, чем толпы, которые бежали за колесницей царя, бросающего золотые монеты. Будучи нищими, они обогащали других, а в их присутствии князя видели свою нищету. Люди уходили от них, как голодный, насытившийся

пищей, уходили с радостью, как получившие неожиданное сокровище, уходили просветленными, неся с собой духовный огонь, как свечи, зажженные от одного светильника. В чем была тайна древних проповедников, в чем была их сила? Господь сказал самарянке: «Пьющий воду, которую Я дам, не будет жаждать никогда. Из его чрева потекут потоки живой воды»¹⁶². Это вода – благодать Духа Святого. Кто стяжал ее в своем сердце, тот напаяет благодатью души других, и они чувствуют то, что не ощущали, не знали, не испытывали никогда; перед ними как бы приоткрывается занавес материальности и времени, и они видят вечность, дивную в своей красоте. Поэтому слова проповедников принимали сердца, как иссохшая земля – струи дождя.

Одно и тоже слово, сказанное разными людьми, имеет различное влияние и действие на человека, в зависимости от того, кто его произнес. «Сердце сердцу весть подает» – говорят в народе. Если проповедник стяжал благодать, то сердца людей раскрываются на его проповедь, как раскрываются цветы лучам зари. Если в сердце проповедника гордыня и страсти, то от него веет духовным холодом, и как бы красноречиво не говорил он об истинах христианства, его речь будет восприниматься только рассудком, который бессилен понять животворную истину евангельского учения, а сердца людей останутся закрытыми от нее.

Есть ложь слов, и есть ложь жизни. Проповедник, рассказывающий о Христе, но живущий по стихиям этого мира – страстного и богоборческого – лжет. Эта ложь будет отражена в его взгляде, звучать в его голосе, лежать, как мертвящая печать, на его лице; его слова будут лишены внутренней силы и промелькнут как тени. Представьте, что демон начал бы проповедовать Евангелие. Он мог бы знать его наизусть, но смертью веяло бы от его речи.

Человек без благодати, приобретенной в борьбе с собой и духами зла, находится под невидимым влиянием демонических сил. Поэтому его слова будут нести в себе яд его собственных грехов, будут пропитаны тонким смрадом страстей, как запахом, исходящим из гроба. Сердце такого проповедника будет само

отключено от слов, которые произносят его уста. Сердце невидимо говорит сердцу. А здесь сердце проповедника как бы шепчет другим сердцам: не верьте мне, потому что я сам не верю тому, что говорю.

Древние проповедники свидетельствовали о том, что пережили сами. Возьмите творения Иоанна Златоуста¹⁶³ или преподобного Иоанна Лествичника, прочитайте их и вы почувствуете, что это голоса очевидцев духовного мира. Затем прочтите пересказы из Священного Писания и увидите, насколько они слабы, серы и беспомощны, по сравнению с творениями святых отцов. Особенно это чувствуется в современных переложениях Библии, написанных языком журнальных обзоров и сухих исторических протоколов. Вряд ли они смогут показать людям силу и красоту христианской веры. Нас часто упрекают: «Вы мало проповедуете, мало говорите с людьми». Но почти никто не скажет главного: «Вы не очищаете свое сердце от страстей, вы забыли о непрестанной молитве, вы не боретесь с гордыней и похотями, поэтому в ваших словах нет силы благодати, нет света Христа, а без этого слова о вере – только пыль, вылетающая изо рта.

Проповедник, как и мученик, – это свидетель Христа. О чем можем свидетельствовать мы? Что для нас высшая реальность: духовный мир, с которым можно соприкоснуться только сердцем, оторванным от земной суеты, через углубленную молитву, или главная реальность – газетные новости и телепередачи? Без силы благодати Духа Святого мы не можем говорить о Боге, как обезьяна через свои ужимки о том, что совершается в храме.

Христианство до сих пор существует потому, что Евангелие имеет внутреннюю силу истины, в храмах благодать присутствует в таинствах и богослужениях, святые молятся о нас, а не потому, что мы много или мало говорим.

Мы видели на экране телевизоров проповедников с тусклым, безразличным взглядом стеклянных глаз, как будто прилепленных к лицу, с декламацией, похожей на фальшивые ноты певца, с жестами куклы, которая заводится ключом. На что похожа такая проповедь? – Все лето не шел дождь, земля

потрескалась, растения желтеют и засыхают, людям грозит голод. Но вот небо затянули тучи, загремел гром, как предвестник дождя. С радостью и надеждой ожидают люди, что польются на поля живительные струи и напоят иссохшие уста земли. Но облака рассеялись, не напав полей, как мать молоком своего голодного ребенка. И опять люди видят опаленную солнцем землю, твердую, как камень. Что они скажут: «Как хорошо гремел гром», или же «Лучше бы нам не слышать его, если нет дождя».

Православным говорят: «Проповедуйте, богословствуйте, идите в народ». Но редко кто понимает, что для этого надо прежде самим стать причастником Духа Святого, иначе мы придем к людям с пустой душой, как к нищим с пустыми руками.

В житии преподобного Иосифа сказано, что он решил построить монастырь, но положить в его основании не царское золото и дары, выпрошенные у князей, а деннонощную молитву. Он вырыл в скале пещеру и стал проводить жизнь затворника. Проходили годы. Он не слышал людской речи и не видел человеческого лица. Велики были его подвиги. Об этом свидетельствует Алавердский собор – самый высокий храм в Грузии, который заключил в своем пространстве гробницу преподобного Иосифа и место его затвора. Гробница святителя Иосифа – это духовный столп, который держит на себе своды собора.

Чем питался преподобный, уйдя в затвор? По преданию, горные лани приходили к нему на зов и кормили своим молоком. Однажды князь той области, охотясь в горах, увидел жилище, подобное норе зверя, где обитал отшельник. Он был удивлен, встретив в пустыне боголепного старца. Князю показалось, что это ангел Божий, и он упал к его ногам, прося молитв и благословения. Беседа с преподобным Иосифом настолько потрясла душу князя, что он стал умолять отшельника распорядиться им и его именем, как тот пожелает. Преподобный молчал в раздумье, а князь просил принять от него дары так, как будто сам пришел за милостыней к монаху. Тогда святой Иосиф, испытав смирение князя, и видев его усердие, благословил построить около затвора небольшую

деревянную церковь для совершения литургии. Князь немедленно вернулся в свой дом. На этот раз он не принес с охоты шкур зверей и рогов оленей, но радовался, что добыл духовное богатство, как некогда царевич Парнаоз, охотясь недалеко от Мцхета, неожиданно нашел клад в пещере. В этот день он сам стал ловцом и пойманной ланью.

Когда место затвора стало известно окрестным жителям, то к преподобному Иосифу стали приходить люди, жаждущие монашеской жизни, и просили, чтобы он стал их духовным руководителем. Преподобный с радостью принимал каждого и вскоре образовался монастырь. Если святого Иосифа можно было сравнить с орлом, который летает над вершинами Кавказа, то теперь этот орел в своем гнезде согревал крыльями птенцов и сохранял их от хищных птиц – темных духов.

Монашеская жизнь – это искусство из искусств. Это наука о духовном мире, неведомом плотским людям, и об очищении собственного сердца от страстей через покаяние и молитвы. Как опытный воин, святой рассказывал собравшимся инокам о бесовских наваждениях и кознях, о борьбе с темными силами, где нет перемирия, и покоя, борьбе, которая продолжается до самой смерти. Падших в грехи он наказывал как отец и, в тоже время, утешал, как мать. Преподобный Агафон Египетский¹⁶⁴ говорил: «Я хотел бы взять у прокаженного его тело и дать ему свое». А святой Иосиф молился за грехи своих учеников, как за свои собственные грехи. Казалось, что он разделил свое сердце и дал по частице ученикам.

Во время бесед Антония Великого¹⁶⁵ с монахами, один юный инок сидел молча и только смотрел на него. Когда Антоний спросил: «Почему ты не задаешь мне вопросов?», – тот ответил: «Мне достаточно видеть тебя».

Один вид аввы наполняет сердца учеников миром и покоем, как будто душа получила на все ответ. Даже когда они подходят к двери кельи старца, то чувствуют радость, как будто любовь невидимым потоком льется из нее в мир. Авва – образ Христа, а ученик – подобие своего аввы, как свет отражается в зеркале, а зеркало – в ряду других зеркал. В этом – основа монашеского предания, которое как поток проходит через века.

Когда прерывается духовная преемственность – это таинственная хиротония, то оскудевает сила монашества, и тускнеет его свет.

Чувствуя приближающийся конец своей жизни, святой Иосиф поручил управление монастырем старшему из монахов, а сам снова ушел в затвор, подобно Иоанну Богослову, который велел выкопать себе могилу и, простившись с учениками, сказал: «Я уже не хочу видеть этого мира. Дети, засыпьте меня землей».

Затвор – это тень Гроба Господня, из которого Воскрес Христос. В затворе воскресает дух человека, еще до его смерти. Добровольный узник во время молитвы слышит ангельское пение, но не знает, откуда раздается оно: с небесной высоты или из его сердца. Тьма затвора становится незримым светом, который озаряет мир.

На месте подвигов святого Иосифа высится собор Алаверди, что значит «услышит Бог». В этом имени – тайна истории Грузии, сжатая до двух слов. В нем звучит обетование, светится надежда и будущее встречается с прошлым. Собор, касающийся своей главой облаков, подобен молитве преподобного Иосифа, которая как огненный столп восходит к небесам.

Двуглавый Казбек высится над горами Кавказа. Алавердский собор кажется его третьей главой, которую ангел перенес к могиле преподобного Иосифа, и поставил на землю, словно несокрушимое каменное надгробие. В праздник Алавердоба¹⁶⁶ сюда приходят люди из всех областей Кавказа, не только христиане, но даже мусульмане. Алавердский храм – память о том, что Кавказ был когда-то христианским, а потомки Таргамоса – едиными в вере.

Алавердский собор это сердце горного Кавказа, а Кавказские горы – каменная грудь Алаверди.

Горы – царство монаха

Ученик преподобного Иоанна Зедазенского преподобный Зенон полетел, как сокол за добычей, к Кавказским горам, к тем племенам, которые отвергли проповедь святой Нины и затем бежали от меча царя Бакара¹⁶⁷ в дебри гор, унося с собой идолов, как будто скрываясь от лица Божьего в расселинах скал и во мраке ущелий. Опасности предостерегали его на каждом шагу. Тропинки, по которым взбирались туры и олени, спасаясь от охотников, и сходили вниз к водопою, часто кончались обрывом или отвесной скалой. На камнях дремали змеи, не боявшиеся шагов человека; снежные барсы, как стражи гор, подстерегали путника. Здесь еще водились одинокие разбойники, которые давали клятву демонам мстить людям, не щадить никого из встречных. Они убивали не ради одежды и денег, а чтобы кровью жертв умиловить своих богов и духов гор. Зверь обычно нападает на человека, когда он голоден, а эти убийцы по обету никогда не насыщались человеческой кровью.

Для тех, кто родился в горах, этот суровый край – родной дом, где знаком каждый камень; для него краски неба, движение облаков понятны, как буквы раскрытой книги, а шум ветра, который то звучит как тихий шепот, то переходит в звериный вой и рев, слышится как голос, приносящий издали весть. Но для незнакомца горы, перерезанные ущельями и оврагами, кажутся лабиринтом, откуда нет пути. Он ищет следы тропинок, пробирается сквозь колючие заросли, повисает на руках над пропастью, ползет вверх, прижимаясь к ребрам скал и хватаясь за тощие кусты. А когда доберется до вершины, то, озираясь вокруг, нигде не видит дыма жилища, не слышит лая собак, а за этой горой высится другая, еще более высокая гора, а между ними – ущелье, наполненное мглой, как дымом, по дну которого течет река, как будто змея охраняет царский клад от вора, проникнувшего в чужие владения.

Преподобный Арсений Великий¹⁶⁸ говорил: «Если ты монах, то иди в горы».

Преподобный Зенон шел с посохом в руках и молитвой в сердце, где каждый шаг казался ступенью нерукотворной лестницы, ведущей к небесам. Он прерывал молитву только для пения псалмов Давида. Эхо повторяло его слова, как будто горы как хор пели вместе с ним священные гимны. Сам Кавказ в своей девственной красе похож на песню, воплощенную в скалы. Дикие звери не трогают пустынников, они ощущают благоухание, исходящее от их одежд, они чувствуют их беззлобие и повинуются силе молитвы. Говорят, что дикие звери не трогают младенцев, а подвижник это младенец по своей простоте. Иногда даже звери сопровождали подвижников, охраняя их от злых людей, и ложились у входа пещер, где жили отшельники, как бы желая принять от них благословение. Псалмопевец сказал: «Небеса поведают славу Божию»¹⁶⁹, а горы близки к небесам, они похожи на тень божественной славы, упавшей на землю.

Горы – это любовь пустынников и монахов. Здесь исчезает чувство времени: чем выше в горы, тем глубже ощущает душа дыхание вечности. Кажется, что покрытые снегами вершины гор разорвали покров времени и смотрят на землю из мира вечного, из царства безмолвия.

Все народы Кавказа сохранили предание о святом отшельнике Георгии¹⁷⁰, который жил в пещере у самой границы ледников, и свет из этой пещеры сиял по ночам, как свет звезды. Он совершал дивные чудеса, но после смерти камень скалы, сорвавшись вниз, закрыл его пещеру, и люди не знают, где находится его могила. Для преподобной Марии Египетской выкопал могилу лев, и старец Зосима¹⁷¹ пропел погребальные песнопения; а преподобного Георгия погребла скала, и песнопения пропели ангелы, когда вознесли его душу к Богу. Сколько безымянных отшельников нашли свою смерть в горах Кавказа, их тела покрыты, как саваном, снегами, их память хранит молчание гор. Небеса возвещают славу Божию, а задумчивые горы внемлют их речам.

Монах – странник на земле, но в пещерной кельи он находит свой покой. Монахи называли свою келью самыми нежными словами: возлюбленной невестой, отчим домом,

преддверием рая. В горах нет роскошных растений и ярких цветов, но их заменяют, подобные радуге, прозрачные краски неба, пронизанные светом, как будто заря рассыпает по небосводу огненные розы, а вечерние зарницы собирают венок из багряных маков и тюльпанов.

Антоний Великий говорил: «Передо мной открытая книга: одна страница – это небо, другая – земля». Ночное небо, похожее на безбрежный океан, где за архипелагами звезд открываются взору другие архипелаги, это бесконечное пространство сверкающих огней, говорит душе о мудрости и могуществе Божества. Величественная картина ночи безмолвно учит богословию. Луна похожа на человеческую жизнь. Возникая на небе, как тонкий ободок света, похожий на серп, она постепенно становится все больше, как будто проходит фазы младенчества, детства и юности, и, наконец, достигает расцвета сил. Словно огненная ладья, окруженная светом как короной, она плывет по небосводу. Затем наступает время, подобно старости человека: луна становится все меньше и меньше, она похожа на сгорбленного старца и, наконец, исчезает в могиле ночи, чтобы затем родиться опять.

Луна – символ времени и перемены этого мира, где все, что родилось, должно умереть, что появилось на свет должно разрушиться и исчезнуть.

Ночь, открывающая бесконечные дали неба, учит богословию и размышлению над жизнью и смертью. Но свет звезд и луны холоден и мертв, как блеск льдинок от разбившегося ледника. Красота ночи может восхищать ум, приводить в изумление, но она не может согреть сердце, как не может дать жизнь земле.

Дневное небо лишено величия ночи. Это голубой океан, где только одно светило – солнце, и то его нельзя созерцать глазами. Этот океан то тих и прозрачен, то покрывается как пеной волн облаками. День – это образ молитвы. Молитва отличается от размышлений, где ум старается охватить множество предметов, он как бы растекается по огромному полю, а в молитве ум сосредоточен на Одном, но это Одно больше всей вселенной и больше того, что может помыслить о

нем человек. В молитве ум стремится отрешиться от всего, чтобы остаться наедине с Богом. Свет солнца дает жизнь земле. Молитва дает жизнь сердцу, она пробуждает в нем любовь. Она не только светит издали, как звезды, но согревает душу своим теплом.

Облака, плывущие по небу, это тоже образ человеческих помыслов и представлений, тени этого мира, грезы, которые по временам обволакивают как бы туманом сердце и рассеивают свет молитвы.

Величественна картина грозы в горах. Небо кажется огромной чашей воды, которая наклоняется из стороны в сторону, и потоки льются через ее края на землю. Вспышки молний похожи на удары копий о доспехи и щиты гор. Пропasti перекликаются друг с другом протяжными голосами грома, а монах сидит в своей кельи, погруженный в молитву, и кажется ему, что он плывет в ковчеге, среди волн всемирного потопа. При свете молний струи дождя кажутся серебряной пряжей, соединившей небо с землей, а поломанные бурей стволы – всадниками, выбитыми из седла. Вековые деревья качаются, как тростник, как будто кланяются грозе, как победительнице, умоляя ее о пощаде; а на утро пение птиц возвещает о том, что ночная битва кончена, гроза прошла, и восходящее солнце осушит своими лучами капли дождя, как слезы с лица гор.

Какой добродетелью отличался особенно преподобный Зенон? В каноне святым отцам он назван «плодом сладкого послушания», это означает, что он находился в полном послушании своему учителю преподобному Иоанну, внимал ему как устами Христовым, запоминал каждое его слово, как бы выбивая буквы резцом на каменных скрижалях. На своих собратьев он смотрел как на своих владык, повиновался всем, считал себя ниже всех. Преподобный Симеон Столпник перед тем, как взойти на столп, видел сон: он роет землю для основания дома, а голос говорит – «рой еще глубже». Основанием духовной жизни преподобного Зенона было послушание, и из стебля послушания вырос дивный цветок подвижничества.

В Верхней Кахети преподобный основал Икалтойский монастырь, где был игуменом. Здесь он окончил свой земной путь. Здесь он пребывает как страж своей обители.

Икалто для Грузии является символом чистого православия. Здесь была создана Икалтойская Академия (XI-XП вв.), которая дала Грузии негибаемых борцов за веру. Если знаменитая Гелатская Академия (XI-XII вв.) славилась своей ученостью, и современники сравнивали ее с Афинами, то Икалтойская Академия отличалась строгим монастырским духом, приверженностью к святоотеческому учению и тем, что мы называли бы созерцательным богословием. Если преподаватели Гелатской Академии старались использовать для христианской науки арсенал эллинистической философии, очистив ее, как очищают золотую руду, то наставники Икалто стремились очистить сердца своих учеников и сделать богословие – боговидением.

Духовным отцом царя Давида Строителя и главным деятелем поместного Руисо-Урбнийского Собора¹⁷² был настоятель Икалтойского монастыря преподобный Арсений¹⁷³, по духу преемник и сын преподобного Зенона. Здесь мы видим золотую цепь, протянувшуюся от Зедазени к Икалто.

Послушание рождает смирение, смирение – подвижничество, подвижничество – богословие не только ума, но и сердца. В древнегрузинской традиции духовные школы и академии основывались при монастырях. Студенты присутствовали на всех монастырских службах, участвовали в монастырских работах и на само учение смотрели как на духовное послушание. Святые отцы сказали: «Кто истинно молится – тот богослов, а кто богослов – тот истинно молятся».

Богословие – это слово о Боге, которое просвещает ум, а молитва – это слово к Богу, которое соединяет человека со своим Творцом. Икалтойская Академия была светильником Грузии, зажженным от гробницы преподобного Зенона.

Путь к исихии

Любимым учеником Иоанна Зедазенского, который превзошел подвигами своего учителя, был преподобный Шио¹⁷⁴. В каноне двенадцати сирийским отцам он назван «оградой и крепостью грузинского царства». Когда преподобный Иоанн был игуменом одной из сирийских пустынь, находившейся недалеко от Черной Горы, то к нему пришел отрок и просил принять его в число монашествующих, духовным отцом и наставником которых был преподобный Иоанн.

Монашеская жизнь пустыни отличалась от уклада обычных монастырей, которые высились как крепости в горах Сирии, а самые многолюдные из них казались маленькими городками. Монахи пустыни жили в кельях, находящихся друг от друга обычно на таком расстоянии, что голос от одного жилища не мог быть слышен в другом. Некоторые проводили скитскую жизнь, собираясь в братство по несколько человек в одном месте. Другие для совершенного уединения и безмолвия выбирали более тяжелый подвиг – отшельничество. Монахи, называемые «восками», вообще не имели никакого жилища, а бродили по пустыни, как бы плавая в одиночном челноке по беспредельному морю, не зная, что встретится им на пути и где застанет их ночь. Они находили себе пристанище в дуплах вековых деревьев, в горных пещерах, а иногда засыпали, зарывшись в песок, имея над собой кровлей звездное небо. Они считали, что для совершенной молитвы необходимо совершенное нестяжание, что надо отказаться от всех земных попечений, даже от жилища и одежды, кроме одного рубища, которое не меняли ни зимой, ни лето. В этом воски превзошли даже диких зверей, которые имеют свои логовища и норы, к холодам обрастают густой шерстью, словно одевают шубу, а в жару снова сбрасывают ее.

В Сирии был также распространен особый вид монашеского подвига, называемый столпничеством. Человек строил из камней башню – столп и большую часть дня и ночи находился на верхней площадке этой башни, пребывая в непрестанной

молитве: летом – под жгучим солнцем, а зимой под ветром и дождем. Иногда в горах Сирии выпадают снега, и тогда столп подвижника кажется ледяным утесом, а сам он на площадке, засыпанной снегом, кажется одетым в белый саван, как будто он пришел из другого мира на землю. Некоторые избирали особый вид столпничества. На выступе скалы или в горных расселинах они стояли на коленях день и ночь. Были монахи, которые затворялись в пещере и закладывали вход камнями; только через отверстие, похожее на маленькое оконце, им передавали воду и пищу, чаще всего высушенный на солнце хлеб, который пекли на весь год. Среди монахов были люди, давшие обет молчания, которые объяснялись только знаками, а среди пустынников – такие любители безмолвия, которые старались даже не видеть человеческого лица. При неожиданной встрече с братией или случайным гостем они обращались в бегство, как спасаются от опасности, или падали на землю, закрывая руками лицо, пока не убеждались, что в поблизости уже нет никого. Эти подвиги возлагали на себя аскеты для того, чтобы сохранить свой ум от внешних впечатлений, которые могли бы прервать или ослабить их молитву.

Преподобный Иоанн был учителем и наставником этих монахов, – как преподобный Иоанн Лествичник – игуменом Синайской горы и «отцом отцов». Руководить духовной жизнью подвижника может только тот, кто сам прошел этот путь. Здесь необходим личный опыт наставника. Это позволяет нам думать, что до своего игуменства преподобный Иоанн прошел все виды послушания и подвижничества и обогатился духовной мудростью, которую дает человеку благодать. Быть игуменом – значит стать стратегом духовного войска, который непрестанно сражается и борется с силами ада. Игумен отвечает за души вверенных ему людей и поэтому ошибки, грехи и падения своих духовных детей он считает своими собственными грехами, а в их падениях винит себя самого. Радость и утешение игумена – видеть послушание своих духовных детей, которое как покров защищает их от демонических искушений и как свет ведет их по пути к Христу.

К этому великому отцу пришел в пустыню отрок, по имени Шио, которому было суждено не только воспринять благодать своего наставника, не только повторить его подвиги, но в подвижничестве превзойти его. Преподобный Иоанн, видя в этом отроке будущего светильника монашества, обещал, что примет его в число монахов, но велел теперь идти к своим родителям и ожидать явственного знака воли Божией. Он научил его молитве, которая должна быть непрестанна в сердце монаха, и благословил Евангелием. Вскоре Шио выучил Евангелие наизусть, и зная Священное Писание, каждый день читал его, как читают новую книгу, как внимают впервые услышанной вести.

В доме у своих родителей Шио жил как монах. Среди своих сверстников он казался каким-то чудом. Лицо его было похоже на лик ангела, сошедшего на землю. Родители преподобного были благочестивые люди и посещали все воскресные службы, но отрок упросил их, чтобы они отпускали его каждый день в храм.

Прошло время. Исполнилось желание Шио удалиться в пустыню. Умерли блаженной смертью для мира – постриглись в монашество его родители, и он остался один. Теперь его отцом должен был стать преподобный Иоанн.

Шио взял с собой свое единственное сокровище – Евангелие и отправился к Черной Горе к своему наставнику, которого он видел только раз в жизни, но полюбил всем сердцем больше, чем всех живущих на земле. Годы, проведенные под кровом родительского дома, казались ему временем заточения, которое кончилось, и он обрел свободу. Преподобный Шио пел по дороге псалмы Давида, которые обычно пели богомольцы, приближаясь к святым местам своего паломничества. Антиохийская пустыня казалась ему Небесным Иерусалимом, монахи – земными ангелами, а путь из мира в пустыню – путем от земли к небу.

Преподобный Иоанн принял его с радостью, как отец принимает сына после разлуки. Он увидел в юном отроке монаха по сердцу и старца по уму, и облек его в схимническое одеяние. Ангелом-покровителем Иоанна был пророк Иоанн

Креститель¹⁷⁵, и преподобный Шио имел особое молитвенное усердие к Предтече Господа и старался ревностно подражать ему в безмолвии и посте. Казалось, что огненное благословение Иоанна Крестителя – величайшего из пустынников – пребывало на Шио от юношества до его блаженной кончины. Этот небесный огонь, который почил в сердце преподобного Шио, с каждым годом разгорался все сильнее и ярче.

Шио был любимым учеником Иоанна, но он не находился неразлучно около своего учителя, как некоторые послушники, которые старались повсюду сопровождать своего старца, быть вместе с ним неразлучно, как его тень. Преподобный Шио проходил тот путь безмолвия, который был впоследствии назван исихией. Он жил в одинокой пещерной кельи и только в вечер под воскресенье приходил в храм, построенный в пустыне, где монахи совершали чин 12-ти псалмов. В этом храме авва Иоанн служил литургию, еженедельно причащал монахов. Вскоре преподобный Шио был посвящен в диакона и сослужил своему наставнику. Можно сказать, что монахи слышали его голос только тогда, когда он читал ектеньи и молитвы.

У кого в сердце Иисусова молитва, для того трудно сказать вслух несколько слов, даже приветствовать братию, как будто он теряет молитвенную теплоту, и в это время начинает мерцать и гаснуть свет в его душе. У безмолвника открываются внутренние уста, это уста его сердца, которыми ум безгласно произносит молитву. Если он вступает в беседу с братией или со странниками, пришедшими в пустыню, то внутренние уста его смыкаются и смолкают. Поэтому для пустынников совершенство – это полное безмолвие, которое выше всяких назидательных слов. Благодать открывается, как бы беседует с пустынником в безмолвии, а когда он облекает мысль свою в слово, то уже переходит во внешнее, будто спускается по ступеням вниз, чтобы общаться с людьми. Только по особому откровению Божьему безмолвники брали на себя подвиг старчества и принимали посетителей. Но это был для них тяжелый труд, и они всегда тосковали по своему прежнему одиночеству, в котором открывался им духовный свет. Все

великое совершается в молчании, все великое сокровенно от мира. В храме люди внимают священным песнопениям, которые как бы на крыльях возносят ввысь их. А пустыnnики внимают песне безмолвия, которая наполняет их сердце неизреченной радостью. В храмовых песнопениях душа возносится к небу, в безмолвии небо опускается в сердце монаха, и пустыня или уединенная келья становится для него преддверием рая. В душе пустыnnика отражаются лучи божественного света. При буре помыслов и страстей этот свет гаснет, как пламя свечи – от порыва ветра. На гладком, отшлифованном серебре отпечатлеваются изображения. Если поверхность серебра чернеет или покрывается пылью, то изображение становится неясным, как бы мутным. Если ум отключается от сердца и погружается во внешнее, то сердце безмолвника покрывается земным прахом и перестает отражать в себе небо. Поэтому безмолвие, прежде всего, – хранение сердца. Пустыnnик любит людей, но особой любовью: он жалеет мир, не познавший Бога, он жалеет тех своих братьев, которые променяли безмолвие на внешнее служение. Так с сожалением смотрят на царского сына, который взялся подметать улицы города.

Сердце молитвенника – это таинственный престол. Когда он покидает его и уходит во внешнее, то из царя превращается в раба, из зрячего – в слепого. С безмолвием связана память о смерти. Пустыня располагает человека думать о вечном, – о том, что находится не только за пределами земли, но и небосвода. Смерть представляется плотскому человеку как некое чудовище, которое преследует его и в какое-то неожиданное мгновение бросится и растерзает на части. Смерть для монаха – это вожденная встреча с Христом. Если он боится смерти, то эта боязнь – за грехи, за нерадиво прожитую жизнь, это скорбь о том, что он еще не полностью окончил покаяние. Но сама память о смерти представляется ему великим утешением. Память о смерти отрывает его от земли, отрезвляет от страстных мечтаний, дает силы для молитвы, наполняет душу миром и тишиной. Мысли о вечности в душе

безмолвника похожи на стаю лебедей, которые тихо плывут по поверхности глубокого озера.

Память о смерти делает человека странником на земле. Он понимает, что все, что существует во времени, не его, что этот мир только путь, и каждый день жизни – стадия пройденного пути. Молитва и память о смерти – это два oka души, устремленные в вечность. В общении с миром исчезает память о смерти. Человек начинает думать, что мир это его родной дом. Страсти, как невидимые нити, привязывают его к земле. Вместо радости о Боге в его сердце появляется смятение и тревога. Страсти превращаются в помыслы, ум становится похожим на крылья вертящейся мельницы, а иногда, под действием гнева и похоти, – на зверя, который бросается из одного угла клетки в другой и старается перегрызть зубами железо решетки.

Пустыня располагает к памяти о вечном. Ночное небо, которое кажется куполом огромного храма, венчающим пустыню, где звезды горят как лампы, зажженные рукою ангелов, говорит своим безгласным языком о величии Творца. В лучах зари оно похоже на хрустальную чашу с цветами, а при восходе солнца на море из золота, по которому плывут подняв паруса облака, как одинокие корабли. Камни, выжженные солнцем, похожие на угли после пожара, безгласно говорят о временности всего земного, где даже скалы превращаются в прах, будто разбитые молотом, и обломки их кажутся могильными надгробьями. В пустыне исчезает память о мире, который остался где-то далеко, как волнующееся море. Но о времени и вечности, о красоте и величии божественного творения размышляют только еще несовершенные безмолвники, которые хотят возвысить свой ум от видимого к невидимому. А совершенные безмолвники не возводят взор свой к небу, усеянному звездами, как драгоценными камнями, не восторгаются видом четких линий гор на фоне голубого океана. Они стараются не думать о творении, чтобы не отвести взора своего ума от Творца, – от лучшего не перейти к худшему. О преподобном Сисое¹⁷⁶ говорили, что, поливая растение, он смотрел только вниз на его корень, не поднимая глаза вверх на

ветви, чтобы не рассеять своих мыслей. Поэтому безмолвники заключали себя в келью как в темницу, чтобы внешними впечатлениями не отключить ум свой от молитвы.

Одним из последствий грехопадения была потеря человеком своего собственного сердца. Ум, отключенный от созерцания Бога, разбился на части, как упавшее зеркало на мелкие осколки. Созерцание вечного Божества, делавшее ум подобным Созерцаемому, сменилось круговоротом внешних впечатлений, как будто ум был выброшен из неподвижного центра на поверхность вращающегося колеса. Любовь к Богу переродилась в привязанность к внешнему, в слепые страсти, в постоянную жажду наслаждений. Человек стал искать счастья в том, что не может дать счастья бессмертному духу – в веществе и материи. Человек отождествил себя со своим телом, представил себя предметом этого мира и вместо благодати Божией решил утолить голод своей души прахом земли. Страдания человека – это страдания тяжело больного, это внутренняя боль, которая говорит человеку о том, что он потерял в жизни самое главное, – то, что не может заменить собой весь мир. Безмолвие – это путь к потерянному раю. Человек возвращается к центру своего бытия; он удаляет от себя предметы своих страстей, то, что не дает зажить гнойным ранам его души. Затем он борется с образами, картинами, которые хранит его память и, которые, подобно клубам черного дыма, врываются в его сознание. Во время молитвы борьба с образами и представлениями, мыслями, отвлекающими ум от слов молитвы, фантазией и картинами, которые рисует демон, превращается в какую-то жестокую битву с адом, искры которого горят в человеческом сердце. В шуме этой духовной битвы, в мелькании картин – то обольстительных, то уродливых – человек перестает слышать слова собственной молитвы. Здесь нужна сила воли, терпение, труд и время. Здесь келья монаха превращается в горнило, где отделяются друг от друга металл и шлак. Этот путь похож на путь ночью, где на дороге стоят приведения в виде исполинов и чудовищ, но если человек смело идет навстречу им, то они отступают, исчезают и пропадают во мраке. Именем Иисуса Христа укрощается буря

помыслов, смиряются волны страстей, и ум, очищенный от груза внешнего, делающего его косным и холодным от фантазмагии помыслов, истощающих его силы, находит в сердце свой приют. Но в начале он входит в сердце, как странник в убежище на пути, или как гость в чужое жилище. Снова ум разлучается с сердцем, как будто ему вначале тяжело и скучно в сердце, и он хочет выбежать – как ребенок из дома, которого влечет к себе шум улиц и огни города. Или же само сердце в порыве нахлынувшей страсти выталкивает его из себя, как волнующееся море выбрасывает из своих недр на берег груз, лежащий на его дне. Но постепенно ум привыкает находиться в сердце как в родном доме и уже сам не хочет выйти из его стен. Постепенно перед человеком открывается его собственное сердце. Вначале сердце кажется маленькой землянкой, в которую входит ум, как вползает зверь в свою нору. Ему тесно в сердце, он как бы зажат им как ребенок пеленами. Но происходит чудо: сердце раскрывается перед ним и делается глубоким как бездна, у которой нет границы и дна. Слова молитвы – это свет, озаряющий бездну. Он чувствует себя как во время мироздания, когда тьма и хаос по слову Божию обратились в свет и жизнь. Он видит небо в своем собственном сердце, где сияет как солнце имя Иисуса Христа. Тогда он не хочет смотреть ни на полуденное небо, пронизанное лучами солнца, похожее на прозрачную чашу с золотым искристым вином; не на ночное небо, усеянное звездами, которые кажутся огненными островами далеких, неведомых миров. Звездное небо – это книга о величии Божества. У поэтов оно вызывало трепет восторга, у философов – изумление, у мистиков – благоговение, но для того, кто стяжал в своем сердце непрестанную молитву, звездное небо и горы пустыни кажутся пологом и завесой, закрывающими от них незримый свет Божества. Пустынник готов упрекнуть восходящее солнце за то, что оно своими лучами, проникающими сквозь камни пещеры, отвлекает его от молитвы. Ему не нужна ни земля, ни небо, а только одно, Единное и Единственное – Божество. Про древнего философа Демокрита говорили, что он ослепил себя для того, чтобы лучше заниматься философией. Пустынник,

входя умом в сердце свое, становится слепым, глухим и немым для мира. Он отказывается от всего, чтобы обрести Причину всего, избегает творения, чтобы быть с Творцом, он не хочет видеть создания, чтобы созерцать Создателя, он отказывается от множественности впечатлений, чтобы чистое око души возводить к Единому. В этом он находит полноту жизни и покой. Монах оставляет мир, чтобы искать единство с Богом. В молитве исчезает прошлое и будущее, а остается только настоящее, как бы останавливается само время, как будто бы векторы времени меняют свое направление и обращаются в глубину. Внешние впечатления, попадая в сердце, для молитвенника подобны песчинкам, которые засоряют глаза и причиняют боль. Их пещеры и уединенные кельи похожи на склепы и гроба, в которых погребаются умерщвленные тела с их страстями, и воскресает дух.

Если сравнить монашество с пирамидой или башней, то фундамент и основанием их будут те монахи, которые избрали подвиг затвора, молчания и безмолвия. Затем идут, как вторая кладка камней, монахи, пребывающие в пустынях и скитах, затем монахи больших монастырей. Низший ряд камней держит высший, – на нем тяжесть всего строения. Если сравнить монашество с деревом, то творцы Иисусовой молитвы, скрывающиеся от мира, подобны корням этого дерева; они питают благодатью своих молитв скитян и монастырских монахов. Людям видны ветви и плоды этого дерева, а корни, ушедшие глубоко в землю, недоступны для глаз мира.

Для безмолвника слово это уже потеря. В молчании – дыхание вечности, в слове – тени земли. Отшельник говорит в двух случаях: когда ему повелевает благодать, или же когда он не в силах выдержать безмолвие. В первом случае благодать говорит за него, во втором – он возвращается в келью обманутым и опустошенным: духовное богатство, которое он собирал, сжег как огонь его собственный язык. Святые отцы сказали: если все подвиги монахов положить на одну чашу, а на другую молчание, то перетянет вторая чаша.

Христос является душе в молчании, тогда прекращается, как бы иссякают даже слова молитвы. Нельзя одновременно

созерцать Бога и говорить о Нем. Безмолвник предпочитает быть наедине с Христом, чем говорить о Христе. Слова предполагают многообразие ума и дистанцию между мыслимым и мыслящим. А в безмолвии ум становится простым и как бы прозрачным, как проста природа света.

Преподобный Исаак Сирский¹⁷⁷ сказал: «Слова – орудия этого мира, а молчание – тайна будущего века». Но сама тайна раскрывается душе не через слово, а через внутренний опыт, через действие благодати. Поэтому наши слова о безмолвии похожи на следы верблюда, которые только указывают, в каком направлении пошел караван, но не чем он был нагружен.

Слова связаны с представлением, а представление, как отпечаток внешнего, ложится тяжелым покровом на ум человека и пробуждает страсти его сердца. Поэтому свобода ума достигается очищением от помыслов и стоянием его в сердце с именем Иисуса Христа. Псалтирь, книжные молитвы, каноны это приготовление к Иисусовой молитве. В них ум дышит благодатью; словами псалмов и канонов он совершает священнодействие в храме своей души – он поет Богу; а Иисусова молитва это таинство, совершаемое в безмолвии. В словах Псалтири, акафистов и других молитв ум переходит с одного предмета и образа на другие. Хотя язык церковных молитв и песнопений это язык души, любящей Бога, благодарящей Бога, кающейся перед Ним, но здесь – движение, а не стояние ума. Здесь – священные картины, здесь многообразие форм в единстве содержания, но еще не достигнута та тишина ума, который заключил себя в нескольких словах, и обрел в них неизмеримую ни глубиной, ни высотой свободу.

Подвиг пустынников заключен в Иисусовой молитве, а для исихастов она становится дыханием души. Однако Псалтирь и ограниченный круг молитв остаются в правиле безмолвников, как ступени, по которым душа, вышедшая из храма сердца, вновь возвращается в него. Кто имеет в сердце Бога, тот имеет источник, причину и начало всего существующего. Поэтому апостол Павел сказал: «Не имея ничего, мы обладаем всем¹⁷⁸».

Ничего из сотворенного не может наполнить человеческое сердце, так как все сотворенное имеет свое начало, границы и пределы. Только в Едином Боге находит душа себя и свой покой и, отрекаясь от всего ради Единого, приобретает в Нем бесконечно больше того, от чего оно отсеклась. Поэтому отречение от мира и безмолвие рождает в душе великую радость. Поэтому подвижники любили свою келью больше царских чертогов, а пустыню называли своей невестой.

Преподобный Шио был похож на цветок, расцветший в песках пустыни, на светильник, горящей во мраке пещерной кельи, на источник воды, струящийся из каменного сердца гор. Он хотел быть одним из тех неведомых странников на земле, имя и подвиги которых скрыты от людей, но Господь сулил ему другое. Божия Мать повелела преподобному Иоанну взять с собой 12 учеников и прийти вместе с ними в Иверию, для утверждения веры и основания монашества. Монастыри возникают не по повелению царей и даже не по благословению архиереев. Основа монастыря – это подвиги безмолвника и анахорета, около которого собираются ученики, чтобы научиться от него монашеской жизни: безмолвию, послушанию и молитве.

Благодать, которую стяжал монах, притягивает к себе души людей. Они хотят жить около него в незримых лучах его благодати, получать явственную силу от его молитв. Монастырь, который обычно начинается с нескольких учеников, кажется им подобием Фавора и им неизъяснимо хорошо, подобно тому, как апостолы на Фаворе говорили Христу: «Останемся здесь, вместе с Тобой»¹⁷⁹. За подвиг послушания благодать учителя передается ученикам, его благословение почивает на них, его душа пребывает как бы одновременно в царствии Божиим, и своими молитвами – вместе со своими учениками и учениками его учеников. Поэтому святые особенно близки на месте их земных подвигов тем, кто живет там или приходит туда на молитву. Святые в Духе Святом слышат всех тех, кто призывает их. Но особую силу получает молитва в монастырях, пещерах, освященных подвигами святых. Там они близки душе как живые, как будто человек, пришедший к их прежним жилищам, хотя бы это были только развалины или

место, отмеченное каким либо знаком, преодолевают не только расстояние, но и время; они становятся близки ему, как при их земной жизни к тем, кто видел их воочию, слышал их голоса и прикасался к их одежде.

Преподобный Иоанн с учениками должен был насадить в Грузии небесный сад монашества, собрать около себя тех, кто стремится к ангельской жизни. Корни деревьев в этом саду напаяет благодать, идущая от подвигов их наставников, источаемая из гробниц преподобных, которые обычно не хотели даже телесно расставаться со своей братией, а завещали погребать себя в основанных ими монастырях. Обычно монастыри, построенные князьями и царями, для украшения своей страны, как строятся дома и дворцы, постепенно чахнут, оскудевают благодатью, хотя бы их поливали золотой струей. Часто они исчезали не только с земли, но из памяти народа без следа уже через несколько поколений. А те монастыри и обители, которых основали святые отцы, оставались как утесы.

Монашеская жизнь – это наука из наук. Это борьба, которая требует опыта и искусства. Поэтому для монашества необходима преемственность. От одного огня зажигаются другие огни. Преподобный Иоанн был подобен роднику живой воды, который взял свое начало в горах Сирии, а затем обильно напоил Иверскую землю.

Преподобный Иоанн Зедазенский избрал 12 учеников и вместе с ними отправился на север, в Грузию. У монахов был обычай: во время пути они пели псалмы Давида или же один из них читал наизусть Священное Писание, а чаще всего они шли молча, углубившись в свое сердце и творя Иисусову молитву. Обычно христиане через Псалтирь переходят к внутренней молитве, а отшельники и пустынники через Иисусову молитву читают Псалтирь.

Ум человека по природе своей динамичен. Все созданное ограничено; все тварное имеет начало, конец и предел. Ум может найти свое успокоение только в вечном и беспредельном – в том, что является Причиной всех причин и Началом всех начал. Сердце человека жаждет любви, но любовь это искание идеала. Только совершенное и идеальное может удовлетворить

это чувство. Несовершенное угащает любовь или заводит человека в область его собственных фантазий, которые зыбки как мираж. Поэтому любовь к конечному и ограниченному не может наполнить человеческое сердце, оно несет разочарования и тревогу. Совершенен только Бог. Поэтому любовь к Богу делает человека счастливым. Человек ищет благо, но на земле все изменчиво и условно. Единственное истинное благо – Бог, Который пребывает благодатью в сердце человека, как в Своем образе и подобии.

Воля человека направлена к исканию красоты. Здесь все подвержено изменению и разрушению. Красота должна быть вечно новой в своих глубинах, иначе она перестает восприниматься человеком как красота и становится серой обыденностью. Таинственная, неисчерпаемая красота – это Бог в своих явлениях человеческой душе, как в безвидных световых эманациях. Благодать Божия – это Его красота, Его лик, Его слава. Поэтому искание божественной красоты дает неизреченную радость душе человека. Бог Един. Все множественное ограничено. Поэтому Иисусова молитва это путь от множественности к единому, от потока представлений – к единству мысли. Святые отцы сказали: владеющие пятью чувствами владеют миром. А закрывший вход пяти чувствам, как закрывший дверь своей кельи, прозревает надмирное. Идти от большего к меньшему уже падение. Поэтому для безмолвника менять свою жизнь на служение миру через слова или дела милосердия – переход от высшего к низшему, от лучшего к худшему, от единого к множественности (из которой он хочет снова, как из осколков, собрать единое).

Господь создал этот мир, как картину, где отпечатлелось в тенях и подобиях, красота и величие Творца. Святые сравнивали этот мир с раскрытой книгой, одна страница которой небо, а другая – земля. Письмена этой книги немолчно проповедуют славу Божию, но человек разучился читать и понимать их. Сатана ничего не может создать, он только искажает и извращает созданное Богом. Он извратил саму человеческую душу, лишив ее естественного боговидения. Он привязал человека к этому миру до забвения о вечности.

Видимое стало покровом на глазах человека, заслонившим от него невидимое, к которому принадлежит сам человеческий дух. Человек страстно привязан к миру, и эта страстность к мертвой материи погасила в сердце его огонь духа и оземлила, как бы овеществила саму душу. Святые учились возводить ум свой от мира к Богу – к Тому, Кто сотворил мир и Кто бесконечно больше своего создания. Во множестве и разнообразии земного бытия они старались созерцать единое и неделимое, начало всего сущего. Этот путь похож на ступени, опираясь на которые ум восходит к Тому, Кто начало и конец, основание и вершина и единый центр мироздания. Этот путь плодотворен, а иногда необходим, но здесь страстный ум человека задерживается на картинах мироздания, на картинах творений. Он продвигается вперед как бы через колючий кустарник, оставляя, как раны и царапины, следы видимого и множественного. Вторая опасность, когда умопостигаемое превращается в абстракцию, и сердце перестает созерцать то, что постигает ум в своих суждениях и идеях. Лучшие из философов путем катифатики¹⁸⁰ доходили до последнего доступного им понятия, что «в начале было единое», но это Единое как Личность они не могли ни созерцать, ни ощущать.

Другой путь – апофатики¹⁸¹ – у исихастов. Не отрицая катифатики как подспорья в духовном делании, они ищут Бога не в мире, а в своем сердце, стараясь изгнать из сознания образы и картины мира, остановить поток мысли, какими бы блестящими и высокими они не казались, войти умом в слова молитвы и соединить ум с сердцем. Когда ум становится простым и безвидным, и укрощаются страсти как дикие звери, когда сердце перестает колебаться чувствами, как поверхность моря волнами, тогда подвижник начинает созерцать в своем сердце Того, Кто сотворил его и мир. Постепенно раскрываются внутренние глаза его души, и он видит сокровенным зрением вне образа, представлений и слов Того неизреченного, Который через Моисея назвал себя Сущим¹⁸², через Иоанна Богослова – Духом и Любовью¹⁸³, Жизнью и Истиной¹⁸⁴.

Человек встречается с Богом в глубинах своего сердца. Встретиться можно только с Личностью. Мистика – это

стремление к встрече с Богом и продление этой встречи. Для мистика Бог становится более реальным, чем видимый мир, чем он сам. Имя «Иегова» (Сущий) в имени Иисуса Христа раскрывается перед ним как высшее, единственное, ни с чем не соизмеримое бытие, из которого исходит и которым держится бытие сотворенного мира, имеющего в себе только зачатки будущего бытия. Через сочетание сердца с именем Христа воскресает душа, вне Бога ее существование превратится не в вечную жизнь, а в вечную смерть.

Как может умереть по природе бессмертная душа? Но смерть это не исчезновение, не переход в ничто, а неизбежность души видеть вечности себя как прах бытия, отверженный от Бога. Здесь метафизический ужас смерти – вечное переживание собственной смерти. Исихия это включение в истинное бытие, которое есть Бог. Исихия – это богатство через нищету, полнота через отвержение, единство через уединение, жизнь для Бога через смерть для мира.

Преподобный Иоанн, а вернее Божия Матерь, избрала новых просветителей Грузии, как Господь избрал 12 апостолов для просвещения всех концов вселенной. Почему пустынный и анахорет Шио был взят преподобным Иоанном, как орленок из своего гнезда, от своего пещерного затвора? Для того, чтобы сделать его проповедником? Нет! Для того, чтобы пересадить в Иверию те цветы исихии, которые росли в горах Сирии. Подобное рождает подобное. Не проповедник, а делатель молитвы, должен был стать основанием грузинского монашества; безмолвник – стать отцом бесчисленного множества пустынных и скитян. Не от человеческого учения, а от огня, принесенного из пещер Сирии, родилось монашество в Грузии, как от пламени лампы загораются множество лампад, как от одного ледника берут начало и полноводные реки и малые ручьи.

Преподобный Иоанн направился к своему духовному отцу и брату, столпнику Симеону Дивногорцу, чтобы взять благословение на далекий путь. Если преподобный Шио отроком пришел в пустыню к Иоанну, то преподобный Симеон Дивногорец ребенком вошел на столп и приковал себя к нему

не железной цепью, а своей волей. Духовный путь начинается с укрощения страстей, затем борьба переходит в глубины сердца. Подвижник видит, какими мерзостями была наполнена его душа, какие темные силы свили себе гнезда в его сердце, какие гады ползают там в глубине и темноте. Имя Христа вызывает демона, колеблющего помыслы сердца, на бой. Имя Христа изгоняет демона из сердца, как Христос изгнал бичом торговцев и менял вместе скотом из храма, посвященного Богу¹⁸⁵. Но для пустычника начинается третий период духовного сражения. Темные силы в своем облики чувственно, будто воплотившись в тела, нападают на него. Он видит ад своими глазами и с именем Христа, как со светильником в руках, ведет по подземельям ада. Подвижники свидетельствуют, что если бы не особая благодать Божия, то человек не смог бы перенести вида сатаны и остаться живым, от ужаса его душа разлучилась бы с телом.

Преподобный Симеон, находясь день и ночь на вершине столпа, казался орлом, который парит над востоком, или царем, который с высоты трона осматривает свои владения. Столпник одновременно живет в двух мирах, и для людей, окружающих столп, он кажется ангелом, который, погружаясь в молитву, взлетает на небо, а затем нисходит на землю, чтобы открыть людям волю Божию. Паломникам и богомольцам сама Дивная Гора казалась Фавором, от которого исходит незримый свет, невидимый для глаз, но наполняющий отрадой сердца.

Столп преподобного Симеона был похож на ручей, текущий в пустыне, где путники утоляли мучительную жажду, и омывали тело свое от грязи и пыли. У подножья столпа истомленные жизнью люди получали новые силы; грешники, согнувшиеся под тяжелой ношей пороков и преступлений, как бы складывали свои грехи у его столпа, а молитва святого как пламя сжигала их.

Преподобному Шио предстояло окончить свою жизнь подвигом, подобным столпничеству, только это не был столп, высящийся как колонна или вершина горы к небесам, а столп уходящий в землю, глубокий колодец, в который он сошел также, как столпник восходит на столп.

Преподобный Симеон вознесся над миром, как утес над морем. Преподобный Шио скрылся от мира в глубинах земли, где даже лучи дневного света, пение птиц или свист ветра в горах, не отвлекали его от молитвы.

Преподобный Иоанн благословил каждого из 12 монахов, но больше всех его благословение могла вместить душа Шио, как любовь Господа – душа Иоанна Богослова. Это было благословением на подвиг, подобно подвигу самого Симеона. Это благословение хранил в сердце своем преподобный Шио, как жемчужину в недрах моря, в бездне безмолвия и смирения. Иоанн Зедазенский и его 12 учеников были подобны 13-ти лучам, которые озарили Грузию.

Монахи ничего не взяли с собой, кроме посохов и Евангелия по заповеди Христа, Который сказал апостолам, посылаю их на проповедь, «...не берите с собой ни двух одежд, ни сумы (для продовольствия), ни поясов (где обычно хранили деньги), потому что делатель достоин награды¹⁸⁶. На тех, кто отрекся от мира ради Господа, исполняется особый промысл Божий: не имея ничего, они имеют все, потому что благодать Божия, обитающая в них, влечет к ним сердца людей, и везде они встречают своих духовных друзей и братьев. Кто отдал себя Богу, тому Господь дает все нужное для жизни, как полководец берет на себя заботы о воине, который оставил свой дом.

Путь святых отцов пролегал через Каппадокию. Горы, подобные каменным цветам, высились на их пути. Каждая гора имела свою окраску, как будто они были облечены в розовые, желтые и зеленые одеяния. В этих горах скрывались христиане во время языческих гонений. Здесь находили убежище монахи, для которых мир, кипевший страстями, казался самым жестоким тираном и гонителем. По этому пути когда-то шли апостолы, чтобы просветить потомков Таргамоса. Теперь по этому пути шли монахи, закрыв клобуками лицо, как воины, идя на бой, опускают забрало шлемов. Монахи должны смотреть не на красоту создания Божия, а на землю, из которой взято тело человека и куда оно уйдет по смерти. Монахи созерцают свое сердце оком ума в свете молитвы, и Того, Кто создал мир. Путь монаха измеряется не шагами, а Иисусовой молитвой, не

движением солнца, а прочитанной Псалтирью. Каждый идет на расстоянии друг от друга, каждый боится прервать молчание, как пролить драгоценное миро из сосуда, который он несет в руках.

Преподобный Иоанн с учениками поселился на Зедазени. Там они выкопали пещеру, построили церковь во имя Иоанна Предтечи и стали жить как в антиохийской пустыне на Черной Горе, – в посте и безмолвии, собираясь вместе на богослужение по воскресным дням.

Когда Пресвятая Богородица, вторично явившись преподобному Иоанну, повелела ему послать учеников во все концы Иверии, то Иоанн благословил, чтобы они шли по двое вместе, не разлучаясь друг с другом. Преподобный Шио просил своего учителя позволить ему идти одному, потому что видел ангела Божия, который был рядом с ним, и потому, что не хотел прерывать безмолвия, даже звуком голоса в пути. Преподобный Иоанн благословил его на пустынно-жительство, вручив его молитвам Божией Матери и Иоанна Крестителя.

Преподобный Шио поселился на севере от Мцхета, в пустынном месте называемом Мгвиме, где обитали только дикие звери, а иногда заходили охотники в поисках добычи. На вершине одной из гор Шио построил из камней келью, и начал свой подвиг пустынничества с сорокадневного поста по примеру Спасителя и святого Симеона Столпника. Это время он пребывал в совершенном безмолвии и деннонощной молитве. На сороковой день его келья озарилась дивным светом: перед ним предстала Божия Мать и Иоанн Креститель. Божия Мать обещала преподобному, что здесь будет построен великий монастырь и что Она не оставит это место Своей милостью. Затем Дева Мария дала ему небесный хлеб, который был сладок, как ангельская пища. Долгое время находился преподобный один в пустыне. Голубь приносил ему пищу, как ворон пророку Илии¹⁸⁷, скрывавшемуся на горе Кармил. Духовным хлебом для преподобного была молитва, а питье подобным виду, безмолвие пустыни.

Однажды царский сановник по имени Евагрий охотился в тех краях, и вот он видит необычайную картину: голубь летит на

восток и сжимает в когтях хлеб. Он последовал за голубем, и увидел, что тот скрылся на вершине горы среди камней. Поднялся Евагрий по едва заметной тропе и здесь встретил преподобного Шио, который показался ему не человеком, а ангелом Божиим. В дебрях гор, как в пучине моря, нашел Евагрий дивную жемчужину. Сердца царедворца коснулась благодать Божия, как луч с Фавора, и перед ним открылись другие, неведомые ему глубины бытия. На Фаворе апостол Петр сказал Иисусу: «Господи, хорошо нам здесь»¹⁸⁸; он просил у Господа дозволения построить там жилище, чтобы остаться на Фаворе навсегда. Так Евагрий, припав к ногам преподобного Шио, просил его благословения остаться здесь с ним, и не покидать его никогда. Дивная красота преображения, как возвращение потерянного рая, влекло людей в монастыри и пустыни. Мир оплакивал их как покойников, а они радовались своему избавлению от мира, как Лот, покинувший Содом, и горевали о нем, как о Вавилоне, который должен пасть под тяжестью своих грехов. Мирская радость оканчивается скорбью, она оставляет только щемящую сердце пустоту. Монашеские труда и слезы покаяния наполняют сердце неизреченной радостью, как радуется прозревший от слепоты. Миру кажется, что монах, как безумец, лишил себя сладкой чаши земных наслаждений, но монах знает, что эта чаша, сладкая в устах, – горькая во чреве как полынь, что он отказался от иллюзий и теней и обрел истинное счастье в Боге, счастье, где нет перемен и разочарований, что он обрел свет, который не меркнет никогда.

Преподобный Шио сказал Евагрию: «Иди в свой дом, распорядись имением, а затем приходи ко мне». Затем он дал ему мантию со своих плеч и сказал: «Не ищи бродя в реке, не пускайся вплавь, а ударь мантией три раза по воде, и если расступится река, то значит воля Божия, чтобы ты был со мной».

Евагрий, испросив молитв у преподобного, отправился в обратный путь. Дойдя до берега Куры, он трижды ударил мантией по воде, сказав: «Пусть вода расступится по повелению отца моего Шио», и воды, разверзлись, как Чермное

море пред жезлом Моисея¹⁸⁹, а Иордан остановился в своем течении, когда его коснулась милость пророка Илии¹⁹⁰.

Волны реки, как будто встретив невидимую преграду, взметнулись ввысь и стали отвесной стеной, пока Евагрий, как в древности пророк Елисей, проходил по иссохшему дну реки, а затем с ревом, будто львы на добычу, ринулись вниз, заполнив русло до краев.

Раздав одну часть имущества бедным, а другую своим родным, Евагрий как странник вернулся в Мгвиме и поселился в пещере недалеко от преподобного Шио. Так было положено основание монастыря – оплота грузинского монашества.

Бичом этого края были дикие звери, особенно волки, которые обитали в мгвимских горах; они похищали скот в соседних деревнях, а зимой, нападали на людей. Но дикие звери никогда не трогали монахов. Как боятся волки подходить близко к горящему костру, так не могут броситься на того, кто в сердце своем несет огонь молитвы.

Грузинский царь Парсман, узнав о том, что его вельможа ушел в пустыню и стал монахом, принял это как оскорбление, и решил силой вернуть Евагрия в мир, а преподобного Шио изгнать не только из Мгвиме, но из своего царства. В сильном гневе, вместе со своими слугами и воинами, он приехал в пустыню и потребовал, чтобы Шио явился ему для суда. Но случилось чудо: когда он увидел боголепного старца – игумена, подобного Иоанну Богослову, то страх объял его; он опустился перед преподобным Шио на колени, смиренно прося прощения и благословения. Преподобный благословил царя и пригласил его разделить с монахами трапезу. Здесь Парсман обратился к Евагрию, одетому в монашеское одеяние, и сказал: «Благо, что ты избрал служение Небесному Царю, Который даст тебе не временную, а вечную награду». Затем царь, узнав, что Шио хочет построить монастырь, обещал, что пришлет зодчих и все необходимые материалы для строительства, чтобы монахи молились за благополучие его царства. Это была трапеза мира и любви. В Грузии был обычай: ежегодно в память преподобного Шио Мгвимского устраивалась общая трапеза, за которую могли сесть только те, кто простил и примирился со своими врагами.

Если человек отказывался простить врага, и примириться с обидчиком, то его изгоняли из ворот монастыря, как нарушившего заповедь преподобного.

Преподобный Шио решил воздвигнуть храм во имя Иоанна Крестителя – покровителя монашествующих, житию которого он с юности старался подражать. Но зодчие никак не могли выбрать место для храма или встречали неожиданные препятствия: иногда уже готовый для фундамента материал бывал отброшен в сторону невидимой силой. Тогда преподобный Шио, помолившись Богу, взял угли в свою руку, как в кадильницу, положил сверху фимиам, и пошел по направлению дыма, который указывал на место храма. В основание храма кладется камень, в основание престола – крест. Угли, положенные под фундамент, были символом того, чтобы не прекращалась молитва на этом месте и восходила как дым фимиама к небесам.

Много нашествий перенесла Грузия. Почти все храмы ее разрушались врагами Христа и усердием народа восстанавливались вновь, но служба в Шиомгвимском монастыре не прекращалась никогда. Даже во время последнего гонения, когда монастырь был закрыт и опустошен, несколько старых монахов, устроившись сторожами, ютились в полуразрушенных холодных кельях и тайно совершали службы.

Преподобный Шио имел власть над зверями, как будто он знал их язык, и они понимали его. Как святого Герасима¹⁹¹ слушался лев, так преподобному Шио служил волк и пас монастырское стадо.

Святость – это возвращение той благодати, которую потерял Адам, и бесконечный путь уподобления Христу. Человек был создан владыкой земли. Грехопадение сделало его изгнанником, рабом времени и смерти. В лице святых проявляется образ первозданного Адама, которому подчинялись как своему царю все обитатели земли. Благодать – это корона Адама, которой Господь венчает святых. Святые видят мир в свете изначального творения и конечного преображения.

Преподобный Шио в конце своей жизни решил повторить подвиг затворничества, но теперь его затвором была не горная пещера, не каменная хижина на уступе скалы, а глубокий, темный колодец, куда не проникал дневной свет. Шио передал игуменство над монастырем своему первому ученику Евагрию, попрощался с каждым из монахов, как Иоанн Богослов со своими учениками, покидая этот мир, и сошел в глубокую яму, подобную могиле. Здесь тишина похожа на гладь подземного озера, сюда не долетают звуки земли: пение птиц, приветствующих восходящее солнце, змеиный свист ветра в ущелье, раскаты грома, повторяющиеся эхом в горах. Здесь он пребывал в совершенном безмолвии. Пищей ему был ячменный хлеб и кружка воды, которые спускали на веревке монахи, и то, эта пища часто оставалась нетронутой. Почему душа преподобного жаждала затвора – этой «пустыни из пустынь»? Что он обрел в своем каменном гробу, где день и ночь не отличаются друг от друга и исчезает счет времени? Здесь ничего не отвлекает ум от молитвы. Поток внешних впечатлений, постоянно колеблющий душу через зрение, слух, разбивается о стены затвора, как ручей о скалу, которая преграждает ему путь. В затворе как бы тает и исчезает покров материального, который мешает видеть духовный мир. Затвор это наиболее полное отречение от всего ради Единого. Затворник уходит от мира, но обретает Того, Кто больше мира. Он слышит ангельское пение в своем сердце, которое наполняет его неизреченной радостью. Здесь теряется счет времени, вернее, исчезает само время; останавливается и замирает маятник внутренних часов души и наступает тишина, подобная дыханию вечности. Затвор это сердце пустыни. Затвор похож на Иордан, омывающий грехи мира, на Фавор, где преображается само естество человека, на Гроб Господень, из которого совоскресает с Христом дух подвижника.

Перед смертью преподобный Шио молился Богу, чтобы он благословил его причаститься Телом и Кровью Христа. Это было открыто наставнику Шио Иоанну Зедазенскому, который разослав своих учеников во все концы Картли и Кахети, редко выходил из своего монастыря. Шио отроком пришел к

преподобному Иоанну. Теперь глубокий старец идет к своему ученику. Он опустился в подземелье затвора, причастил преподобного Шио и простился с ним до встречи в небесном царстве. После этого пища и вода в сосуде оставались нетронутыми, и монахи поняли, что дух преподобного разлучился с его телом, как воин, возвратясь домой, снимает кольчугу, изрубленную и окровавленную в бою. Монахи положили мощи преподобного в гробницу на месте его последних подвигов. Затем здесь была сооружена подземная церковь.

Грузинские цари особо почитали Шиомгвимский монастырь и заповедовали своим преемникам и потомкам хранить как сокровище эту святыню. Они связывали судьбу Грузии с существованием Шиомгвимского монастыря. Однажды персы решили похитить мощи преподобного Шио, пленить их, как филистимляне Ковчег Завета¹⁹², и вывести как трофей в свою страну. Но после этого в Персии начался губительный мор, который не прекращался до тех пор, пока завоеватели не вернули мощи преподобного Шио в Мгвимскую обитель. Победители признали себя побежденными и с честью проводили мощи преподобного Шио, как царя, который возвратился из странствия в свой дворец.

В Грузии был древний обычай: в праздник преподобного Шио после литургии патриарх или епископ спускался в нижнюю церковь к гробнице преподобного, и после молебна опускал руку в отверстие гробницы, и происходило чудо: одна из костей поднималась наверх сама собой. Ее лобызал святитель и выносил для поклонения народу. От того, какая вышла кость, как от пророчества самого Шио, народ старался узнать, что ожидает его в этом году.

В праздник преподобного из Тбилиси и окрестных городов и деревень собиралось множество народа; приходили издалека богомольцы, спускались с гор пшавы и хевсуры¹⁹³. Одни ехали на конях, другие шли пешком, одни переплывали Куру на паромах другие – на лодках, а некоторые смельчаки пускались вплавь. В этот день берег реки и дорога к монастырю были

усеяны людьми, как будто звук боевых труб собирал войско для сражения.

Наступил 1914 год, который стал преддверием войн и революций. Архиепископ, отслужив молебен, вынул кость из гробницы, и народ увидел в руках у иерарха главу преподобного; такого случая не помнили даже столетние старики. Вместо радостного возгласа, обычно сопровождавшего появление кости святого, наступило молчание: люди недоумевали, что значит это знамение, какое испытание ждет их впереди.

Большинство монахов обители преподобного Шио после революции были сосланы, замучены и убиты. Они дополнили число тех преподобномучеников прошлых веков, кости которых хранятся в общей гробнице монастыря.

Наши грехи отняли у нас мощи преподобного Шио. Их постигла та же участь – сгореть в огне – как и мощей святителя Саввы Сербского¹⁹⁴. Там мусульмане мстили сербам за мужественное исповедание христианской веры, а здесь мощи сожгла неизвестная рука. Но сохранилась одна кость преподобного Шио, как знак того, что его милость еще с нами.

Царственные крестоносцы Грузии

«Нет больше той любви, если кто положит душу свою за други своя». Ин.15,13.

На иконе «Слава Грузинской Католикосской Церкви», вместе с другими святыми, изображены три мученика-царя. Один из них – юный венценосец с прекрасным как у ангела лицом поднял глаза к небу, где теперь его нетленное царство. Это Карталинский царь Луарсаб. Другой – старый воин, убеленный сединами. Он погружен в глубокую молитву. Лик его дышит мужеством и благородством. Это Арчил, царь Иверии. У обоих в руках кресты вместо скипетров. Третий – стоит на коленях, как будто приносит перед Христом покаяние за себя и за свой народ. На лице его печать грусти, как отблеск заходящего солнца. Весь облик его выражает царственное величие и кротость. В глазах у него печаль и надежда. Это Димитрий Самопожертвователь, царь Восточной Грузии. Три царя сменили корону на мученический венец и стали ангелами-хранителями своего народа. При короновании царя вторично помазывают миром, чтобы благодать Божия дала ему мудрость и силы в управлении государством, в несении самого трудного послушания от Бога на земле. Царствовать – значит жить не для себя, а для своей страны, отречься от гордыни и превозношения, от пристрастий и привязанностей, стать отцом и справедливым судьей для своих подданных. Для достойного царя корона в вечности станет нимбом света; для недостойного – раскаленным обручем, надетым на его чело муками и укором совести за каждую слезу и каплю крови, которая была пролита по его вине в его стране. При короновании царь дает обет пред Богом жить для своего народа. Эта клятва как печать не смывается даже смертью. Если святые, как и ангелы, служат людям по велению своей любви, то святые цари – по любви и по долгу. Царство их не прекращается со смертью; оно переходит в духовное служение народу.

Про Византийского императора Никифора рассказывали, что он часто переодевался в одежду воина, купца или слуги,

ходил по Константинополю, узнавал о нуждах людей, о несправедливостях, совершаемых над бедными и беззащитными, посещал больных и беседовал с нищими, раздавал тайно милостыню, а вернувшись во дворец, сам совершал суд и наказывал обидчиков. Святые цари-мученики невидимо посещают Грузию, помогают больным и утешают скорбных. Они там, где призывают их в молитве на помощь. Арчил – образ мудрости, Луарсаб – мужества, Димитрий – кротости. Это – три цветка, растущие рядом, как около источника вод у Хитона Господня. Три царя управляли Грузией в самые тяжелые времена ее истории, когда решался вопрос о самом существовании грузинского народа, когда судьба государства висела на острие копья.

Царь Арчил пережил арабские нашествия и самое страшное из них – под предводительством Мурвана-Кру. Арабские кони топтали землю Грузии от востока до запада. Нашествие арабов больше, чем «великое переселение народов» смешало этносы Востока. Над Грузией как дамоклов меч нависла опасность арабизации и исламизации – судьбы Сирии и Египта. Во многих городах и селах храмы были превращены в мечети и вместо звона колоколов слышались протяжные крики муэдзинов, призывавших мусульман на молитву. После вторжения Мурвана-Кру страна представляла собой развалины и пепелища. Как хозяин после пожара собирает разбросанные вокруг камни и кирпичи и снова отстраивает дом, так царь Арчил собирал свое царство. Грузия стала похожа на Иерусалим во времена Неемии и Ездры¹⁹⁵ – когда вернувшийся из плена народ строил храм и возводил городские стены, а около строителей лежали щиты и копья. Страна возрождалась как феникс из пепла. Это тревожило арабских завоевателей. Эмир Асум всеми средствами пытался распространить ислам в Грузии и видел главную преграду в лице царя Арчила, который, как спартанский царь Леонид¹⁹⁶, с немногими воинами защищал путь в свою страну от полчищ врагов. Но этих воинов становилось все меньше. Время и битвы вырывали родных и друзей у Арчила. Первым покинул его любимый брат Мир, умерший от ран в бою с Мурваном-Кру. Царь Арчил был похож

на могучий, одинокий дуб, который остался на том месте, где недавно возвышалась густая дубрава. Эмир Асум опустошил несколько провинций Грузии. Царь Арчил решил поехать в его стан, чтобы просить о помиловании своего народа и церкви, этого только и ждал свирепый завоеватель. Он стал обвинять царя в неповиновении, в сокрытии сокровищ Византийского императора Ираклия и даже в измене. Царь Арчил легко опроверг эти обвинения и разорвал их как лист пергамента. Тогда Асум, сбросив с себя маску судьи, с гневом потребовал, чтобы царь отрекся от Христа и принял мусульманство. Арчил ответил отказом. Его заковали в цепи и бросили в темницу. После повторного отказа принять ислам, он был казнен. Его изрубили мечами. Но мертвый царь был более страшен, чем живой. Летописец указывает, что смерть царя Арчила преградила путь исламу в Грузии. Пример царя воодушевил его подданных, как воинов – пример полководца, вступившего в единоборство с врагом. Страна сбросила с себя оковы страха. Имя царя стало знаменем в борьбе за христианство. Даже те, кто принял ислам, узнав о мученической смерти царя-героя, возвращались к вере своих отцов.

Царь Луарсаб управлял в то время, когда разделенная на части и истекающая кровью в вековых непрерывных войнах и междоусобицах Грузия подверглась опустошительным нашествиям персов. Страницы летописи повествуют, с одной стороны о великом героизме и самопожертвовании, с другой стороны – об измене и самом черном предательстве. Это время было похоже на морской бой ночью во время бури, когда трудно отличить своих от чужих, когда тот, кто считался другом, внезапно оказывался врагом. Битва идет в непроницаемой тьме, которую на мгновение озаряют вспышки молний или зарево горящих кораблей; буря то разъединяет корабли, то сталкивает их друг с другом, а волны, перекатываясь через палубу, уносят с собой в черную могилу океана воинов и гребцов; в вое бури не слышно человеческого голоса на расстоянии двух шагов, и свист ветра в разорванных в клочьях парусов заглушает стоны умирающих. С корабля на корабль бросают огромные крючья, которые впиваются в борт мертвой

хваткой, как когти дракона; по доскам бегут воины и прыгают на палубу. Начинается бой, где в груди тел, катающихся по палубе не видно где друг, а где враг. Люди в остервенении, бросив оружие, впиваются зубами в тело друг друга, а когда корабль, подбрасываемый волнами, как ладонью исполина, наклоняется из стороны в сторону, то бойцы катятся по палубе и летят в пропасть, не разжимая объятий.

Царь Луарсаб не раз наносил поражение персам и поэтому Шах-Аббас I¹⁹⁷ считал его своим главным врагом. Шах-Аббас, как оборотень, умел превращаться из льва в лиса. Прикинувшись другом Луарсаба, он заманил его на охоту в Моваканские степи. Там Луарсаб превзошел шаха и персидских вельмож в умении метать копье и стрелять из лука. Этим он подписал себе тот смертный приговор, который был уже давно вынесен шахом.

Шел Великий пост. Шах пригласил Луарсаба на трапезу в свой шатер. Во время пира Шах-Аббас стал настойчиво просить Луарсаба поесть рыбу, хотя бы из уважения к нему. Луарсаб увидел, что он попал, как орел в расставленные тенеты и ответил шаху: «Сегодня ты предлагаешь мне рыбу, завтра потребуешь, чтобы я съел мясо, а затем будешь принуждать отречься от Христа – Бога и Спасителя моего. Лучше мне умереть, чем нарушить хотя бы малое правило церковного устава». Шах продолжал настаивать, тогда Луарсаб встал из-за стола и вышел. Шах пришел в ярость, но сдержал себя. Он велел поставить у палатки Луарсаба стражу – отряд воинов, как будто для защиты его жизни от возможных покушений; а на самом деле, чтобы Луарсаб, который понял, что попал в плен, не скрылся бы тайно. Затем Шах-Аббас объявил царю, что только принятие ислама может сохранить ему жизнь. Тот ответил решительным отказом и после этого не захотел промолвить ни слова. Луарсаба заковали в цепи, как преступника, и увезли в Шираз. Он был брошен в подземелье непреступной крепости, где содержались враги шаха. Там стоял невыносимый смрад от непогребенных тел узников, которые были заточены сюда до него. В течение семи лет он подвергался голоду, побоям и пыткам, но его дух, как дух

праведного Иова¹⁹⁸ креп в пламени страданий. Вместо меча оставалась у него молитва. Молитвой он боролся с врагом, боролся за сохранение христианства в Грузии. Темница стала для него монастырской кельей и обителью божественного света. Через семь лет враги Луарсаба сказали шаху: «До нас дошел слух, что грузины, переодевшись в персов, хотят приехать в Шираз и освободить Луарсаба».

Царь Луарсаб видит сон. Он во Мцхета. Ночь. Перед ним темный силуэт Светицховели возвышается как утес Кавказа. И вдруг в храме вспыхивают огни, из прорези окон струится свет. Он входит внутрь храма. Собор наполнен дивным светом, не похожим на мерцание лампад и сияние свечей. Этот свет наполняет радостью душу человека, как огни родного дома путника, пришедшего издалека. Из алтаря выходят в сверкающих ризах священники, те, кто служили в Светицховели со дня его основания. Навстречу им из западных врат идут цари Грузии. Среди них в золотой ризе царица Кетеван. Они опустились на колени у Хитона Господня. Видит он себя в пещере Бетлемского монастыря, вырытого в отвесной скале под ледниками Казбека. Там стоят старцы, величественные как древние пророки. Каждый из них окружен нимбом света. Видит он Хандзтийский монастырь в Тао-Кларджети. Двери заперты. Вокруг монастыря крестный ход. Видит царь, что монахи идут не по земле, а по воздуху, трава не колыхается под их ногами, царь опускается на колени перед игуменом, самым старым из монахов. Тот смотрит на него с несказанной любовью и говорит: «Скоро будешь с нами». Видит он Давида-Гареджийскую Лавру. Одежды у монахов покрыты кровью. Они поют «Христос Воскресе из Мертвых», и идут навстречу царю. Царь очнулся в темнице. На сердце у него небесная радость, как будто ему даны крылья, и он поднялся высоко над землей. Послышался скрежет засовов и скрип дверей. Тюремщик с фонарем, а за ним палачи спустились в подземелье, как крадутся ночные убийцы. Царь попросил оказать ему последнюю милость – дать время для молитвы и, опустившись на колени просил, чтобы Божия Матерь сохранила Православие в Грузии. Затем он причастился Святых Тайн, которые носил у себя на груди. Палачи стояли

поодаль, как волки около пылающего огня. Окончив молитву, царь встал и сказал: «Совершайте, что вам приказано». Те накинули ему на шею шерстяную красную веревку и повесили там же на балке потолка. Обычно трупы оставляли непогребенными, но сияние, окружившее темницу, устрашало убийц, и они поспешили зарыть его тело, на следующий день.

Царь Луарсаб отличался не только мужеством, но и милосердием. Характерен случай его жизни, упоминаемый летописцем. Когда Шах-Аббас находился в Тбилиси, то захотел посмотреть город с высоты цитадели Нарикала, Его сопровождали царь Луарсаб и Георгий Саакадзе¹⁹⁹. Луарсаб, устремив взор на Сионский собор, в молитвенном порыве воскликнул: «Господи, прости врагам моим». «Ведь я твой враг» – тихо сказал Саакадзе.

«Ты можешь мстить мне, но не несчастному народу и Церкви, возродившей тебя» – ответил царь. Эти слова по свидетельству инокини Макрины поразили Саакадзе и он решил рано или поздно сбросить иго персов.

Царь Димитрий Самопожертвователь был сыном Давида-Улу²⁰⁰. Его дед, царь Георгий Лаша, сразился с первым монгольским отрядом, проникшим на Кавказ и умер от ран, полученных в бою. Его отец был свидетелем, как войско монгол проходило по Грузии, уничтожая, как саранча посевы, все живое. В монастырях и храмах монголы разжигали костры из икон и бросали в огонь связанных веревками священников и монахов. Казалось, что в то время, даже лучи солнца стали тусклыми и багровыми от крови. Затем монголы решили, что лучше каждый год стричь овцу, чем один раз съесть ее. Обложив Грузию тяжелой данью и обязательством посылать вспомогательные войска, они утвердились в соседнем Иране. Вскоре после смерти Хулагу-хана между ишханами²⁰¹ началась междоусобная борьба. Грузия не вмешивалась в нее, несмотря на требование с обеих сторон прислать войско.

Царь Димитрий употреблял сокровища царской казны на восстановление городов и сел. Он любил посещать монастыри, беседовать с подвижниками. В тяжелое для страны время он посылал дары грузинским обителям Палестины и Синая. Царь

Димитрий кротко принял обличения Пимена Юродивого²⁰², как царь Давид – пророка Нафана²⁰³, а святой царь Ашот Куропалат²⁰⁴ – преподобного Григория Хандзтели²⁰⁵.

Победивший в междоусобице хан решил отомстить царю за неповиновение. Он вызвал к себе царя. Димитрий собрал совет – дарбази. Князья и народ со слезами просили царя не ехать на верную смерть, а укрыться в горах Кавказа. Но царь не захотел спасти свою жизнь страшной ценой – новым вторжением монгол в Грузию. Монгольский клинок, направленный в сердце страны, он решил принять в свою грудь. С немногочисленной свитой он приехал к хану. Тот встретил царя милостиво, но Димитрий знал, что его участь решена. Каждый день он причащался Святых Тайн, каждую ночь молился до рассвета. Наконец последовал приговор: смерть или принятие ислама. Царя со связанными за спиной руками вели на площадь. Он склонил голову, под меч палача. Сверкнул на солнце клинок, и тело царя опустилось на землю. Царскую пурпурную мантию он променял на хитон, окрашенный своей мученической кровью. Монголы, которые не почитали ничего кроме силы и храбрости, были удивлены мужеством и спокойствием царя. Они разрешили свите взять его тело. Церковь и народ называли царя Димитрия Самопожертвователем.

Смерть царей Арчила, Луарсаба и Димитрия сопровождалась дивными явлениями. Столпы света и яркие звезды, подобной которым нет на небе, стояли над их телами. Это устрасило самих палачей. Поэтому Луарсаба поспешно погребли в темнице. После смерти Арчила его тело было взято грузинскими дворянами, а по другой версии сами монголы стали просить, чтобы его тело увезли скорее и предали земле по христианскому обычаю. Он погребен в храме Ноткари. Царя Димитрия похоронили с царскими почестями в Светицховели.

На гербе Багратиони изображен терновый венец Спасителя. Это память о том, что их династия ведет начало от пророка Давида-псалмопевца, предка по плоти Иисуса Христа. Но это также пророчество и знамение того, что царская диадема часто становилась для них терновым венцом, мученическим подвигом

за Христа и мученичеством за свой народ, часто невидимым миру.

Орлица из гнезда Багратиони

Мастер, чтобы сделать чашу из драгоценного металла, расплавляет его в огне. Святая великомученица Кетеван, царица Кахетинская, была брошена в пламя пыток, как золото в горнило. Удел героев истории – совершать доблестные деяния и одерживать победы. Удел героев веры – молча переносить великие испытания. Имена тех, кто прославил свою отчизну на поле боя, киноварью написаны в анналах и летописях истории. Имена святых выбиты на каменных скрижалях народной памяти как резцом и молотом их страданиями. Чем сильнее удары, – тем глубже врезаются в гранит их имена.

Шах-Аббас I готовился к новому вторжению в Грузию, разоренную и истерзанную многолетней войной, и кахетинские князья обратились к царице Кетеван с мольбой о том, чтобы она поехала в Персию и уговорила шаха не проливать невинную кровь оставшегося в живых народа. Четыре столетия прошло с тех пор, как грузинские князья просили своего царя Димитрия Самопожертвователя о том, чтобы тот не ехал в монгольский стан, а скрылся бы в горах. Они готовы были до смерти защищать царя. А теперь вельможи умоляют женщину – царицу ехать к шаху, чтобы принять удар на себя. Если несколько веков назад Цотнэ Дадияни²⁰⁶ добровольно пришел к монголам, чтобы спасти братьев от смерти или разделить их участь, то теперь ближайший друг Картлийского царя Саакадзе бежит к шаху и дает ему советы, как уничтожить своих соотечественников. Когда-то грузинские князья, собравшись на совет, просили царя Димитрия как о милости – позволить им вступить в неравный бой с монголами, так как жизнь царя – это честь страны. Но Димитрий отказался: Божественный Сын Давида предал себя на смерть для спасения мира, и цари из рода Багратиони – потомки Давида должны жертвовать собой для спасения своего народа.

Кахетия была разорена, как сад, куда ворвалось стадо диких вепрей, обглодало деревья и вырвало с корнем лозы. Страна была похожа на путника, которого изранили разбойники

и бросили на дороге истекающего кровью, а теперь грозятся вернуться, чтобы умертвить его. Персы не только убивали живых, как охотники дичь, они мстили мертвым. Они разрывали христианские кладбища и выбрасывали кости из могил в пищу псам и шакалам. Они уводили юношей и девушек в рабство, рубили на глазах матерей их малых детей, разоряли монастыри, оскверняли и затем убивали тех, кто дал обет девства.

Царица Кетеван знала, что она не сможет предотвратить нового нашествия персов, так как шах решил или превратить Грузию в мусульманское ханство или уничтожить в ней всех христиан. Она знала, что едет в логово тигра, откуда не будет возврата. Но князья умоляли царицу: «Мать, поезжай в Персию, чтобы спасти нас».

Царица Кетеван решила пожертвовать собой... Вместе с несколькими вельможами, со священником, который ежедневно причащал ее святых тайн, и с младшим внуком Александром она прибыла в Персию. Шах-Аббас принял ее ласково, как будто стал другом Грузии. Говорят, что лис сначала играет со своей жертвой, ласкает и лижет ее, а затем душит. Через некоторое время Шах-Аббас потребовал, чтобы старший внук Кетеван, наследник Леван, прибыл к нему в Исфаган. Он заверял, царицу, что не замышляет никакого зла, а хочет воспитать царевича при своем дворе, чтобы в будущем сделать его царем Кахетии. Он обещал, что будет сам следить за воспитанием царевича, как за своим сыном, и даст ему блистательное образование. Когда приехал царевич Леван, то Шах-Аббас снова потребовал у царя Теймураза²⁰⁷, чтобы тот бы сам приехал к нему и этим засвидетельствовал свою верность и преданность шаху. Только тогда понял царь Теймураз, в какие сети он попал и на что он обрек своих детей и мать, но было уже поздно. Он отправился в Имеретию к царю Георгию в поисках приюта и убежища. Узнав об этом, Шах-Аббас приказал заточить царицу Кетеван вместе с внуками в темницу. Пять лет продолжался плен. Случилось то, что предвидела Кахетинская царица. С драконом нельзя было ни договориться, ни умиловить его. Кахетия была вновь залита кровью и опустошена; церкви и монастыри сожжены и разрушены. Сто

тысяч человек убито, еще больше отведено в плен в Персию. В это время была разорена Давидо-Гареджийская пещерная Лавра и убиты ее монахи. Шах-Аббас велел, чтобы царица Кетеван и ее внуки приняли мусульманство. Когда она ответила отказом, то перед ее глазами стали пытаться ее внуков и требовали, чтобы она ради их спасения отреклась от Христа. Кетеван оставалась непоколебимой; она молчала как стена темницы, в которой была заключена. Ее внуков оскостили, что считалось более жестоким наказанием, чем смерть. Царевич Леван умер от пыток, а его младший брат Александр окончил жизнь в Гандже, приняв монашество.

Прошло еще пять лет. Кетеван готовилась к смерти. Она сама наложила на себя строгий пост и спала, положив камень под голову. И вот Шах-Аббас снова потребовал, чтобы царица Кетеван приняла мусульманство и стала его женой, обещая, что Персия и Грузия будут считать ее своей царицей. Кетеван послала шаху письмо в ответ с отказом. Письмо она обвязала прядью своих волос, поседевших от горя. Когда у воинов осажденного римлянами Карфагена истерлись тетивы от луков, то карфагенские женщины сплели из своих волос новые тетивы. Письмо царицы было похоже на стрелу, пущенную в гордого шаха, а отрезанная коса – на тетиву лука.

Шах понял, что он проиграл игру и решил придумать для царицы необычайную пытку, чтобы сломить ее дух или отомстить за поражение. Он снова дослал своих вельмож к Кетеван с вопросом: скоро ли она примет ислам. Та в ответ прочитала Символ Веры и осенила себя крестным знаменем. Глашатай объявил о казни царицы на главной площади Шираза²⁰⁸ Ее должны были сжечь на костре. Эта весть возмутила многих мусульман. Градоначальник Шираза отказался присутствовать при казни царицы и покинул город, хотя ему угрожал гнев шаха. Жители Шираза закрывали окна домов, когда вели на казнь царицу, как закрывают глаза от стыда. Царица просила только об одной милости – не обнажать ее тела, но палачи были глухи, как змеи. С нее сорвали одежды и привязали к столбу дерева. Затем разожгли внизу костер, положили на угли клинки и клещи, насыпали кучу игл, а когда

железо раскалилось докрасна, то спросили, согласна ли она теперь исполнить волю шаха. Кетеван в ответ перекрестилась со словами «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Тогда палачи достали из костра клещи и стали вырывать ей груди, затем резать клинком тело и прижигать раны раскаленным железом. Царица во время пытки крестилась и шептала: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь», а когда уже не могла поднять руку, то сложила пальцы для крестного знамения. Тогда палачи в ярости отсекли ей руки и, отвязав ее от столба, бросили на грудь раскаленных гвоздей и игл, как в огненную могилу, и засыпали ими, как землей, тело царицы. Но она была еще жива, и ее губы шептали тихо молитву. Слуги шаха, издеваясь над ненавистным им царственным родом Багратиони, надели на ее голову вместо короны раскаленный котел, как воины Пилата, надсмехаясь над Христом²⁰⁹, надели на Его чело терновый венец.

Шираз был городом поэтов. Там певцы соревновались друг с другом, складывая песни и сказания. Но сама смерть царицы была лучшей из всех песен, пропетых в Ширазе. Это была безмолвная любовь к Христу, любовь, которая сильнее огня и крепче железа. Святая кровь царицы, пролитая на земле изгнания, как Авелева кровь²¹⁰, вопияла к Богу. Говорят, что на месте убиения Авеля не растет трава, и не цветут цветы, там пустыня. Каменистая почва покрыта зияющими трещинами, как будто уста земли до сих пор вопиют к небу об отмщении.

На востоке два города поэтов состязались за первенство: Герард – столица Афганистана, и Шираз – город соловьев. Но настало время, и Герард вступил с Ширазом в бой не стихами, а мечами. Афганцы сделали с Персией то, что Шах-Аббас с Грузией. В одной Исфагани – столице Персии – было умерщвлено 100 тысяч человек, столько Шах-Аббас убил христиан в Кахетии. В осажденных Тавризе и Ширазе люди от голода ели человеческое мясо, как детеныши акулы во чреве матери пожирают друг друга.

Грузины предлагали Шах-Аббасу деньги и золото, чтобы он отдал им тело царицы Кетеван. Но шах был непреклонен. Католические монахи, видевшие казнь царицы, ночью во время

грозы выкопали из могилы ее тело. Голову и правую руку они послали сыну Кетеван царю Теймуразу, а остальные мощи увезли в Рим. Часть мощей, по некоторым сведениям, в настоящее время находится в Индии и Бельгии.

Почему мощи царицы пребывают в инославном мире? Для того, чтобы свидетельствовать Западу о величии православной веры, которую не могли сломить многовековые, невыразимые страдания, каких не испытывал Запад.

В Ветхом Завете высшей жертвой была жертва всесожжения²¹¹. Она считалась всецелым посвящением Богу. Такой жертвой явилась для Грузии царица Кетеван. Она вышла из пламени пыток, как ангел с огненными крыльями, новый ангел – хранитель Грузии.

Воины Иверской земли

Весть о смерти Шах-Аббаса с быстротой весеннего ветра пронеслась над Грузией. Горестные и радостные вести – крылаты. Шах-Аббас одерживал блистательные победы на Востоке, но смерть и время неизбежно побеждают победителей. От тирана осталась ограбленная в междоусобицах гробница и кровавое имя, которое с проклятием произносили жители Кавказа. Узнав о гибели тирана, грузины радовались как в праздник, обменивались подарками как в дни рождения своих любимых царей из священного рода Багратиони. Шах-Аббас умер. Казалось, что змея, обвившая тело Грузии и сосавшая 40 лет кровь из ее груди, издохла и распалась на части, как дракон, пораженный копьем святого Георгия. Страна пробуждалась от кошмарного сна, но впереди ее ожидали новые испытания. (Так дикий зверь, притаившись в расщелинах скал, высматривает серну идущую по пустынной горной тропе).

Преемник Шах-Аббаса I, взявший его имя, не походил на своего воинственного дядю. Шах-Аббас II окружил себя поэтами и философами. Он казался суфием²¹² на древнем троне персидских царей. Но в отношении Грузии он продолжал политику Шах-Аббаса I, целью которого было истребление христианства на Кавказе и уничтожение грузин как народа. Если Шах-Аббас I хотел сжечь и испепелить Грузию дотла в пламени войн, то его преемник решил задушить страну руками татар-кочевников и превратить Кахетию в пастбище для скота. Этот план был более коварен, и не менее губителен, чем недавние кровавые нашествия персов. Наследником старого тигра стал молодой лис.

Улусы²¹³ татар, сопровождаемые отрядами персов, потянулись в Кахетию. 80 тысяч кочевников, как саранча, опустошали когда-то цветущую страну. Татары вырубали сады, выкорчевывали виноградники, сжигали посевы. Отары овец и табуны коней, переходя с пастбища на пастбище, вытаптывали поля. Татары шайками рыскали по стране в поясах добычи. Они как вода просачивались повсюду, убивали, грабили и

уводили в плен. Села стояли опустевшие как после чумы; безмолвные города казались призраками. Люди уходили в горы или переселялись в другие области Грузии. Кахетия казалась обреченной. В храмах прекратилась служба; живые оставались без причастия, мертвые – без погребения. Татары разорили и осквернили главную святыню Кахетии – Алавердский Собор. Храмовая утварь, которую священники не успели спрятать и замуровать в стенах собора, попала в руки татар, как священные сосуды Иерусалимского храма – в руки вавилонян²¹⁴. Церковные облачения они дарили своим женам на платья, покрывалами и завесами алтарей обвивали кибитки, из парчи делали попоны для коней. Татары сожгли иконостас церкви, а икону святого Георгия – храмовую святыню – разрубили саблями и бросили в костер. Видя это, народ говорил: «Сам Георгий Победоносец отомстит за поругание. Теперь враги вырыли могилу для себя своими зубами».

Кахетия была похожа на корабль во время морской бури. Волны кидали его на подводные скалы, вздымали его вверх и бросали в провалы волн и водовороты. Он захлебывался как раненный пловец, поднимался снова и вновь погружался в морскую пучину. Казалось, что помощи ждать неоткуда, но в то время, когда рушится и исчезает надежда на человеческую помощь, Бог являет свое дивное могущество. Когда Кахетия оказалась обреченной и гибнущей, три ксанских князя из Самачабло, владельцы Аргвети – Бидзина, Шалва и Элизбар²¹⁵ возглавили борьбу с татарами и персами. Кахетинцы и горцы, как будто воспрянув от сна, стали на защиту своих святынь, очагов и могил предков. Война была стремительной и молниеносной. Решительное сражение произошло у Ахметы²¹⁶. Во время битвы с кочевниками грузины видели знамение – белые облака как клинки вонзились в черные тучи и оттеснили их на восток в сторону Каспия. На небе, над грузинским войском появился всадник в одеянии, сверкающем как молния: «Это святой Георгий идет к нам на помощь» – восклицали грузины.

Поражение татар и персов было полным. Спасся только султан Алдаранский с немногими воинами. Прибыв в Персию, султан явился ко двору шаха в разорванной одежде в знак

траура и, рыдая, рассказал о гибели кочевников-татар. Шах-Аббас II тотчас написал грузинскому царю письмо, в котором требовал, чтобы ксанские князья были доставлены в Персию. В это время Грузией управлял царь Вахтанг IV²¹⁷, в мусульманстве Шах-Наваз. Он обратился к князьям с повелением прибыть в Тбилиси. Князья знали, что идут на верную смерть. Они могли оказать вооруженное сопротивление царю, могли скрыться в горах Кавказа как непреступной крепости. Нередко в лабиринте ущелий и скал войска персов находили себе гибель как в каменной ловушке, где отряд в несколько десятков человек мог уничтожить тысячи воинов. Но они решили повторить подвиг святого царя Димитрия Самопожертвователя и отдались в руки Шах-Навазу. Царь-мусульманин даже не попытался заступиться за них. Он тотчас велел заковать князей в цепи, как преступников и отправил в Персию к шаху.

Шах-Аббас II был восточным аристократом и изысканным ценителем поэзии. Его тонкие бледные пальцы, словно выточенные из слоновой кости, более привыкли к золотому перу, которым он писал стихи, подражая Хафизу²¹⁸, чем к мечу. А слух, внимающий музыке газелей и рубай²¹⁹, не мог выносить звона оружия и стоны умирающих. Он принял трех князей, как будто ничего не знал о случившемся, расспросил их кто они и откуда, а затем предложил принять ислам и перейти к нему на службу. Те ответили отказом. Тихим и спокойным голосом, как полагается суфию, только что окончившему свои медитации, шах велел отдать князей Алдаранскому султану, добавив, что они могли бы стать воинами персидской гвардии. Может быть, царь-поэт не хотел пачкать кончики своих пальцев человеческой кровью, подписывая смертный приговор, а может быть, решил, что родственники убитых придумают более изощренную казнь, чем его придворные палачи.

Мусульмане вновь предложили князьям принять ислам, обещая даровать им жизнь и свободу. Князья выбрали пытки и смерть. Подвиг князей Бидзины, Шалвы и Элизбара был исполнением двух заповедей – любви к Богу и любви к людям. Они не только подняли меч, чтобы спасти святыни Кахетии от

разрушения и народ от гибели, но они добровольно отдали себя на казнь, чтобы предотвратить месть персов и новые кровопролития. Они могли избежать смерти, не только укрывшись в горах, или защищаясь в своих родовых владениях и замках, но хотя бы наружно приняв ислам. По закону шариата²²⁰ человек, принявший магометанство, освобождался от всякого наказания. Христиан, иудей или зороастриец, живущий в магометанских странах, мог избежать суда и самого сурового приговора, прочитав в присутствии имама первую суру Корана (символ мусульманской веры).

Если бы князья приняли закон Магомета, то родственники убитых татар должны были примириться и даже побрататься с ними. Ксанские князья решили стать мучениками за веру. Они сами вынесли себе смертный приговор. Татары подвергли их избиению и бичеванию, затем, обнажив до пояса, обмазали их окровавленные тела медом, и связав, посадили под лучами палящего солнца. Тучи оводов, шмелей и ос окружили тела мучеников, как тучи горящих стрел, которые пускают враги в осажденную крепость, пока ее защитники, задыхаясь от огня и дыма, сами не откроют крепостных ворот и не сдадутся на милость победителей.

Оводы и осы ползали по телу, кусая и жаля их, как скорпионы. От укусов глаза их отекали и перестали видеть. Солнце, которое несет жизнь, теперь своими лучами жгло их – как палач свою жертву на медленном огне. Через несколько часов их тела распухли, как тела утопленников и от укусов почернели, как трупы в могиле. Насекомые заползали им в рот и уши, как будто лезвиями резали тело, жалили им губы и язык (наверно так сатана в аду целует свою жертву). Казалось, что оводы и осы вонзали в тела мучеников раскаленные иглы.

Своим главным врагом татары считали Бидзину, поэтому в пытках решили соблюсти «справедливость» – Шалву и Элизбара предать более быстрой смерти. Им отсекали саблями ноги и руки, а в кровавые обрубки тел стали стрелять как в мишень, соревнуясь, кто попадет в сердце, а кто в голову. Снайпер должен был попасть в глаз.

Англичане вооружили армию Шах-Аббаса ружьями и артиллерией, инструктора учили персов стрелять в мишень. Это было чучело человека или пса. Инструкторов не смущало, что на чучело одевали турецкую феску или крест христианина. Теперь каждый перс или татарин мог пустить пулю в тело мученика и быть спокойным, что исполнил долг мести. Затем князьям отрубили головы и вместе с изрубленными телами бросили в одну яму.

Бидзину сначала одели в женское платье, посадили на осла лицом к хвосту и возили по улицам Исфагани²²¹. Обычно такому позору подвергались трусы, бежавшие с поля боя. Теперь наказывали победителя. Бидзину решили предать казни, которой за двенадцать веков до него был предан великомученик Иаков Персиянин²²²: разрезать и распилить его тело на части, начиная с пальцев рук и ног. Пришел главный палач, за ним ученик-подмастерье, который нес мешок с инструментами. Сначала палач стал клещами выдирать его ногти, медленно, не торопясь, желая подольше продлить пытку, как бы растягивая наслаждение от лакомого блюда. Палач выдирал ноготь, показывал толпе и отбрасывал прочь. При этом он добродушно улыбался, будто срывал лепестки с цветка. Затем, отложив клещи, он взял нож, надрезал кожу на пальце и сдернул ее. Он медленно стал резать мясо на том месте, где был сустав. Дойдя до сухожилия, стал пилить его, оторвал сустав, показал толпе как трофей и бросил его на землю; так он резал сустав за суставом, палец за пальцем. Когда сустав не поддавался, он выкручивал его, и вырывал с силой, как садовник вырывает из земли корни кустарника. Затем он стал резать и пилить руки у запястий. Концом ножа он поддевал жилы и нервы и разрывал их. Из тела текла черная кровь. Палач вытирал об свой халат нож и снова принимался за работу, срывал кожу с живого тела, обнажал суставы, пилил и выкручивал их. Мало кто долго выдерживал эту пытку, обычно человек умирал от боли прежде, чем истекал кровью. Во время такой пытки люди кричали от боли голосом, похожим на рев умирающего зверя. Но к изумлению палачей Бидзина не проронил ни одного стога. Во время пыток он тихо читал «Верую» и «Отче наш».

«Верую» – это не только сжатый до предела свод догматов, это победная песнь над всеми врагами Церкви, это торжествующий гимн Православия, это духовное знамя христиан, это исповедание, без которого никто не может перейти из Церкви земной в Небесную Церковь. Демон искушал Самого Спасителя; он подходит и к мученикам в час смерти, чтобы смутить их жуткими привидениями, опалить крылья их душ предсмертными сомнениями или тайным ропотом. На все ухищрения демона святой мученик отвечал словами «Символа веры», оставаясь непоколебимым, как каменный столб храма.

«Отче наш» – молитва Господня. Христос учил этой молитве апостолов. Мученики – преемники апостолов. Небесный Отец открывает свою любовь мученикам во время страшных пыток. Глубину этой любви не знает мир. Мученик пьет одну таинственную чашу с Христом Спасителем. В этом его радость, которую он не променял бы ни на какие сокровища. В чаше мученичества слиты воедино адская горечь страданий и небесная радость спасения.

Кричала толпа, а Бидзина казался более спокойным, чем его беснующиеся мучители. Дьявольская усмешка сошла с лица палача. Он считал позором для себя, что не мог вырвать из груди князя ни одного крика или мольбы о пощаде. Изощренная пытка продолжалась. Палач резал уже затупленным ножом. Мученик едва шевелил губами, продолжая молиться. Наверно он молился до кровавого пота, которого не было видно на лице, залитого кровью от ран. Палач резал последние суставы рук и отбрасывал их, как дровосек – обрубленные со ствола ветви. Мученик еще шевелил губами, произнося слова молитвы. Палач схватил его за голову, оттянул одной рукой губу, отрезал ее ножом, потом другую. Лицо мученика стала похоже на маску смерти. Теперь жизнь сосредоточилась в одних глазах. Движением глаз мученик совершал крестное знамение. Двумя ударами палач выколол глаза. Он отошел на несколько шагов, внимательно осмотрел свою жертву, как мастер работу, исполненную для строгого заказчика, кликнул ученика, чтобы тот подал мешок с инструментами, вынул бритву, как у цирюльника и, нагнувшись над князем, отсек ему нос и уши, разрезал

крестообразно щеки, тщательно вытер о полы халата бритву, чтобы не поржавела сталь, и отдал ученику. Затем он взял длинный нож, всадил его в грудь мученика, повернул привычным движением и вырвал из груди сердце, которое еще трепетало и билось как птица, подстреленная охотником в предсмертных судорогах. Боль всех пыток отзывалась в сердце; каждое движение ножа вонзалось в него. Кровавый комок сердца теперь валялся на земле, но, если бы кто мог посмотреть на него духовными очами, то увидел бы имя Иисуса Христа, золотыми буквами, написанное на нем, как на сердце Игнатия Богоносца²²³. Палач подошел к бездыханному телу князя, отсек голову и поднял вверх, как некогда секулятор²²⁴ – главу Иоанна Крестителя.

Татары решили выбросить тела мучеников на съедение диким зверям. Они выкопали из ямы головы и куски изрубленных тел Шалвы и Элизбара, и вместе с рассеченным телом и головой Бидзины бросили в поле. Столп света сиял по ночам над телами князей; может быть, это светозарный ангел покрывал их своими огнезrachными крыльями.

Армяне, жившие в Джугами, тайно, с опасностью для жизни взяли тела мучеников и погребли их в своей церкви, в одной гробнице. Родственники святых князей, узнав об этом, перенесли их тела в Грузию, и похоронили в Икортском монастыре²²⁵ с честью и торжеством, как победителей.

Свет христианства вновь засиял над Кахетией. Храмы восставали из руин; монахи, оставшиеся в живых, возвращались в свои обители. Алавердский монастырь и собор святого Георгия – святыня всех народов и племен Кавказа – превращенный персами в мечеть (минарет и мечеть были выстроены во дворе монастыря) был вновь освящен, зажглись огни алтарей, зазвучали под старинными сводами священные песнопения. Крест с высоты Алавердского собора, как с вершины Казбека, вновь осенил Грузию и весь Кавказ своим небесным благословением.

Глава III.

Эволюция человеческой культуры и инволюция души

Всякая система абстрактна и условна. Жизнь в ее многообразии не вмещается ни в одну концепцию. Система требует обобщения фактов, поэтому она содержит в себе элементы рационализма, хотя бы ее содержание и было направлено своим острием против рационализма. Задача и цель определенной концепции – уловить и отразить самые общие закономерности и тенденции. Даже философия интуитивизма пытается доказать значение интуиции в логических системах. Скептицизм также старается доказать бессилие рассудка рассудочными доказательствами и умозаключениями.

Концепция – это попытка осветить хаос фактов тусклым светом человеческого рассудка. Мы признаем условность и ограниченность таких попыток, но не видим альтернативы.

Перед нами стоит проблема необычайной важности: как возникла человеческая культура, что она представляет собой – эволюцию или инволюцию, восходящую или нисходящую линию, совершенствование или деградацию?

Общее направление векторов Ветхого и Нового Заветов в этом отношении совпадает. Сознание первых людей было теоцентрично. Жизнь Адама и его потомков сифидов²²⁶ имела культовый, а не культурный характер. Культура зародилась в племени Каина²²⁷. Когда око души устремлено к Богу, то центром жизни становится богообщение, то есть культ. Когда же око души устремлено к земле, тогда главной целью является устройство человека в видимом мире – так начинается культура.

Култ – это диалог с Божеством. Культура – это полемика с космосом. В начале култ и культура сосуществуют друг с другом, затем культура начинает пожирать култ. Когда потомки Сифа и Каина соединились вместе, то они постепенно превратились в один род – каинитов, уцелело только семейство Ноя, как зерна для будущего всхода.

Блаженный Августин²²⁸ разделяет историю человечества на следующие возрастные даты: I период – от Адама до Ноя; II период – от Ноя до Авраама; III период – от Авраама до Моисея; IV период – от Моисея до Христа. Каждый из этих периодов начинается культом и заканчивается культурой с той или иной степенью демонизации. Последний период от Христа до антихриста, а точнее, до второго пришествия Христа еще не завершился, но поглощение культа культурой происходит со стремительной быстротой, причем эта культура, по сравнению с другими эпохами, носит явно демонический характер, начинающий переходить в массовую одержимость.

Началом отпадения от культа является видение человеком космоса не творением Абсолютного Духа, не картиной Великого Художника, а видение им космоса в его автономной красоте. Человек услышал в космосе гимн не Божеству, а своим собственным страстям.

Первая ступень вниз – это очарование космосом, то, что мы называем космофилией. Однако космос не может сделать человека счастливым и бессмертным, он не раскрывает тайны бытия, он не дает покоя мятущемуся духу. Бытие космоса, где рождение, жизнь и смерть неразрывно связаны друг с другом, носит трагический характер. Красота неразрывно связана с безобразием: кипящая чаша жизни превращается в чашу гноя. Человек смутно помнит о Божественной красоте, но напрасно ищет ее среди теней земной красоты, в царстве времени и смерти.

Вторая ступень вниз – обожествление силы, которая олицетворена в подвигах эпических героев, а затем в идее государства. Но государства возникают и исчезают, они разрываются внутренними противоречиями, над ними висит дамоклов меч нашествий и войн. Государство строится на человеческих костях. Проходит время, и на месте цветущих городов вырастают леса или простираются пустыни. На развалинах дворцов поселяются как их новые владельцы шакалы и филины, в камнях от разрушенных стен ютятся змеи – все превращает в прах железная пята времени. На месте Трои воют стаи шакалов, а в унисон им плачет из ада душа Ахилла.

Третья ступень вниз – это гуманизм, учение о человеке как высшей ценности. Это идол абстрактного человечества.

Итак, первая ступень отступничества от теизма – это пантеизм: Божество мыслится как космос. Вторая ступень – это цезаризм или империализм: Божество представляется как государство. Третья ступень – это гуманизм или антропотейзм: Божеством является человек. Отсюда следует вывод: Божество – это «Я».

Гуманизм являет собой вид духовной слепоты. Изгнанник потерял видение божественной красоты на небе, ищет его ошупью на земле и, наконец, останавливается на мысли, что самое прекрасное – это сам человек. Однако религиозное чувство требует идеала. Бог почти потерян, но мистические импульсы, как некие инерции, еще действуют в душе человека, и он приписывает атрибутику Божества Его творению.

Для гуманизма раннего периода характерны романтизм и героика. Там нет реального человека, а действует сочиненная модель. Она условна и абстрактна – это маска, которой поклоняются, как иконе. Такой реалии, как первородный грех, в романтизме не существует, как траурной мелодии в утренней песне жаворонка. Классическим примером романтизма является любовь рыцаря к некой прекрасной даме. Эта любовь – платоническая, иначе она разбилась бы на осколки, как хрустальная чаша, брошенная на землю. Рыцарь, как сам романтизм, жил двойной жизнью. Он мог иметь жену и наложниц, но в любви к своей избраннице, в обожествлении и преклонении перед ней он просто-напросто удовлетворял свое мистическое чувство.

Романтизм был суррогатом религии. Эта религия имела свои ритуалы, свою мораль, свои традиции, но там не было Бога, и она превратилась в игру с собственным воображением, а ее мораль или элитарная этика – в сословный этикет. Разграбив святыни и имущество храма, варвары одевают в священные ризы и покрывала своих жен и дочерей. То же самое сделал и романтизм. Он одел в священные одеяния грехолюбивую душу и трупоносное тело человека.

Иллюзии могут вдохновлять человека, воображение – опьянять его, игра на сцене жизни – увлекать, но долго продолжаться этот самообман не может. В средневековом искусстве появляется новый персонаж, вернее, гость, который был изгнан со свадьбы; этот гость – смерть. Такие картины обычно назывались «Пляской смерти». Скелет танцует в обнимку с красавицей, садится за стол рядом с гостями, берет на руки ребенка из колыбели. Зубы черепа обнажены в торжествующей улыбке. Смерть входит без стука в царские дворцы и хижины бедняков. Она ведет за собой нескончаемые толпы людей, как победитель за своей колесницей пленников. Мы уже слышим в поэзии миннезингеров²²⁹ и трубадуров²³⁰, как песня жаворонка сменяется элегией грусти, как будто романтизм поет реквием о себе самом. Затем наступят сумерки, и кладбище романтизма огласится Криками совы. С прекрасной дамы спадет звездное одеяние, и она снова превратится в Дульцинею из Тобосса.

С гораздо большей силой и настойчивостью проявляет себя в гуманизме пошлый нигилизм, где разрушены все идеалы. Там так же, как и в романтизме, нет реального человека. В отличие от романтизма с опоэтизированными героями его антипод-нигилизм отождествил человека с телом, превратил его в труп и положил на анатомический стол для вскрытия. Для нигилизма человек – это пространство между черепом и подошвами ног.

Романтизм, обожествляя человеческую личность и человечество, все-таки чего-то требовал от человека и к чему-то обязывал его. В недрах романтизма слагались такие понятия, как «сословные традиции», «сословная честь». Главной опорой романтизма была аристократия. Но нигилизм уже подточил его корни – гуманизм вступал в новую фазу.

Следующей трансформацией гуманизма, по нашему мнению, является рационализм. Если в романтизме был обожествлен человек, то рационализм перешел от целого к частному, он выделил одну из сил и способностей души человека – рассудок и приписал ему божественное могущество. Рассудок человечеству представлялся силой, для которой не существует преград. Все мировые загадки и тайны

раскрывались человеческому рассудку, дело заключалось лишь во времени. Логика признавалась тем универсальным инструментом, который открывает любые замки. Модели любых реалий и даже самого мироздания, выстроенные рассудком, казались истиной, лишь бы они отвечали логической проверке. Наука стала культом человеческого разума. Ученые и философы заняли место жрецов и теургов, их слова воспринимались как откровение. Модные теории воспринимались в качестве вечных истин, а самые банальные суждения, сопровождаемые ссылками на науку, звучали как открытие. Ученые «священнодействовали» в лабораториях, а философы «вещали», как пророки.

Рационализм начался схоластикой и закончился самым вульгарным пантеизмом, хотя на нем продолжают паразитировать такие чуждые рационализму системы, как материализм и атеизм. Схоластика профанировала религию, относясь к Божеству как к предмету дискурсивного мышления. Рационалистическое «науковерие» использовали почти все современные диктаторы для того, чтобы держать народ в состоянии умственного гипноза. Мыслить «по-научному» призывали Гитлер и Сталин.

Религия не укладывается в рамки логизма, она не обнаруживается в эксперименте и не развивается по схемам эволюции. Поэтому рационализм вступает в борьбу с религией не на жизнь, а на смерть. Вернее, здесь образуются две религии: одна – вера в абсолютный, божественный Дух, другая – вера в человеческий разум, который тклет, как паук паутину, сеть собственных суждений и умозаключений. Рационализм выступает против христианства в союзе с наукой, с театром или же с кем-либо еще. Во времена революции были попытки создать религию человеческого разума с ритуалами, представляющими осмеяние христианских ритуалов и таинств. Вся библейская критика и антирелигиозная литература были написаны с позиций рационализма и пестрели такими словами, как просвещение, прогресс, цивилизация и наука.

Итак, под натиском нигилизма гуманизм отступает с позиций романтизма. Следующей его опорной площадкой оказывается

рационализм. Здесь его русло разделяется на два потока: оккультизм и атеизм.

Наша интеллигенция имеет внутреннее тяготение к оккультизму и легко бросается, как рыба на удочку с червями, на любые оккультные системы. В чем тайное очарование оккультизма? Мы видим три фактора.

Оккультизм не обязывает человека бороться со своими чувственными и интеллектуальными страстями. Христианство предъявляет человеку нравственные требования, относящиеся не только к общественной этике, но и к внутреннему состоянию сердца. Оккультизм, напротив, ничего не требуя от человека, обещает ему дать средства, как некий талисман, при помощи которых человек сможет воздействовать на окружающий мир в соответствии со своими желаниями.

Основа христианской аскезы – это борьба с гордыней. Оккультизм, напротив, развивает человеческую гордыню до необъятных размеров. Человек, занимающийся оккультизмом, становится похожим на демона. Оккультизм обещает человеку власть над людьми посредством определенных манипуляций. Христианство учит: кто хочет быть первым, пусть будет последним, а интеллигент хочет быть первым везде. В глубине души он понимает всю ложь, порочность, гибельность этого мира духовного насилия, но успокаивает себя тем, что существуют белая и черная магия, которые находятся в антагонизме друг с другом. Белая магия – это обращение не к бесам, а к каким-то неведомым космическим духам; при ее помощи можно совершать много добрых дел. Удивительно легко наш интеллигент становится суеверным, тем более если сравнить, как трудно ему стать верующим христианином. Он доверяет шарлатанам, которые именуют себя иллюминатами²³¹ и розенкрейцерами²³², подобно тому, как крестьяне 20-х годов XX в. верили, что революция и войны ведутся только для того, чтобы дать им землю.

Оккультизм приписывает магическую силу самому человеческому слову. Ему подчинены даже демоны. Слово представляется могучим, вроде рычага, который управляет миром. На этом оккультном рационализме построена система

каббалы²³³. Знания мантр²³⁴, зачатий и имен, соединенных с манипуляциями, представляют собой убогую сущность оккультизма. Инициации и посвящение в высшие ложи сопряжены с открытием новых оккультных имен, нередко имеющих в основании имена языческих божеств и демонов.

Оккультисты учат, что слова имеют самостоятельную творческую силу, а имя обуславливает личность и жизнь человека. Эту теорию разрабатывал известный философ и оккультист XX века Павел Флоренский²³⁵. Его книга «Имена» похожа на астрологическое Руководство. Оккультизм в духе иллюминатства и розенкрейцерства принял у наших интеллигентов форму медитации агрессивного характера и построений фантастических картин, созданных неукротимым воображением при этом он претендует на научную систему.

Другой вид рационализма – это рационалистический атеизм. Его можно разделить на атеистический идеализм и атеистический материализм. Первый уничтожает понятие Божества не через Его прямое отрицание, а через философские профанации. Для него Бог – не абсолютная, живая Личность, а некая разумная формообразующая сила. Чаще всего Божество идентифицируется с космосом, то есть атеистический рационализм принимает форму пантеизма.

Самую злостную карикатуру на Божество нарисовал Гегель²³⁶. Его грандиозная система претендует на модель мировой истории и похожа по своей сущности на грезы опиофага, подвергшиеся строгой и пунктуальной логизации. У Гегеля Бог выступает как беспомощный дух, заблудившийся в космическом лабиринте, построенном им самим. Этот абсолют, потерявший самопознание, похож не то на слепого, не то на склеротического старца, который беспомощно цепляется за человека, чтобы, воспользовавшись человеческим интеллектом, через него проявить и найти себя. Бог Гегеля, как утопающий, хватается за свое творение – человека, дабы не утонуть в океане самозабвения. Древние идеалисты считали материю гробом для души. Современные рационалисты гегельянского толка считают космос ловушкой для Божества, который мог бы оказаться его гробом, если бы человечество не спасло этого

«обезумевшего» абсолюта. Особенная заслуга в этом принадлежит Гегелю, который через свой философский интеллект дал возможность Божеству обрести самосознание и, так сказать, «понес» Божество на своих плечах. Мы верим, что человечество было спасено на Голгофе в Иерусалиме. Гегельянцы же верят, что Божество было спасено в Берлине.

По нашему мнению, эта мрачная карикатура, которая как бы подвела итог атеистическому идеализму, хуже, чем брань и беснование атеистов материалистического толка. Надо сказать, что из лагеря гегельянцев вышли самые злостные и коварные враги христианства, тогда как из лагеря материалистов в большинстве случаев вышли литературные хулиганы.

Следующий вид рационализма – это атеистический материализм. Здесь мы сразу же сталкиваемся с противоречием. Материализм учит, что человек – это существо, не только происшедшее от вымерших видов обезьян, но находящееся в процессе непрерывной эволюции, то есть в перспективном переходе в другую форму. По сравнению с будущим высшим приматом, современное человечество окажется в состоянии невежества и дикости, каким современная материалистическая антропология представляет общество питекантропов или других «джентльменов», проживавших в пещерах. По мнению материалистов, если мысль – это продукт мозга, мозг – это особая развивающаяся биоматерия, притом, согласно диалектике, она развивается скачками, изменяясь качественно, а по теории мутации это развитие происходит непредсказуемо. Как несовершенная материя, она, находясь между прошлым и убегающим вперед будущим, постоянно пребывает в состоянии незавершенности, то есть полуфабриката. Как же такая материя может претендовать на знание первопричины, начала и цели бытия или его отсутствия? Как несовершенный субстрат сможет произвести совершенный продукт, который называется истиной?

Атеистический материализм, забыв свое учение о мозге как развивающейся материальной структуре, утверждает, что человеческая мысль является идеальным инструментом создания мира – не только его физического, но и

метафизического плана. Для того, чтобы выйти из тупика, рационалисты ввели понятие «относительной истины». Эти слова, соединенные в один тезис, по содержанию несовместимы друг с другом и превращаются в бессмыслицу.

Истина не может быть относительной и эфемерной. Неполны, поэтому всегда относительны наши знания, на которых строятся гипотезы как предположения, но приклеить к ним слово «истина» – это значит уничтожить само понятие об истине. Это не устраивает материалистов, поэтому они идут на следующую манипуляцию: последнюю популярную теорию материалисты преподносят, как окончательное слово науки, только не ставят в конце своей теоретической эвристики слово «аминь», чтобы не напоминать о религии. Атеистический материализм декларативно заявляет, что он основан на научных данных и часто называет себя «научным мировоззрением». Это понятно: он надевает чужой халат, чтобы не оказаться голышом, но лжет, утверждая, что это его собственная одежда.

Фактология нейтральна по отношению к идеологическим и материалистическим теориям, она не может оперировать категориями вечного и бесконечного, а также доказать и опровергнуть существование Божества. Более того, существование законов и целесообразности в видимом нам мире, особенно в биологических существах, скорее говорит о присутствии высшей разумной силы, но не доказывает ее.

Несмотря на бодрые заявления рационалистов: «наука доказала», «наука опровергла», «триумф человеческого разума», «торжество научного мировоззрения» и так далее, люди видят, что теории возникают и рушатся на их глазах. Одним и тем же фактам на основании одной и той же логики дается различная интерпретация.

Когда наука впадает в абстракцию, ее история становится похожей на архив теорий и кладбище гипотез. В этом архиве уже готовится место и для современных теорий.

Несколько отступая от темы, заметим, что рационализм произвел и производит значительные разрушения в православном богословии. Опыт византийских академий и

отечественных монастырских школ был начисто забыт. Схоластика, импортированная с Запада, создала рационалистическую систему для учебников, где само Божество разделилось на Его свойства, как бы на клетки, и тем самым исчезали как живые Его Личность и абсолютный Дух. Если бы мы изучали жизнь и саму личность человека по клеточкам по такой же схоластической системе, то мы сделали бы из него труп или абстракцию – он просто исчез бы для нас. Сравните дошедшие до нас сборники «Многоглавы»²³⁷, которые являлись пособием для средневековых монастырских школ, с современными катехизисами и учебниками по богословию: там присутствовал живой Бог, там учили мыслить по-православному, чаще всего в форме диалога. Образно говоря, там экзаменовали не память, а ум человека, там была особая преемственность, особая передача знаний не только через слово, но также через отражение личности учителя в душах его учеников.

Все это разрушил рационализм. При католикосе-патриархе Антонии I²³⁸, который ввел в Телавскую и Тбилисскую семинарии схоластический метод, были переведены с немецкого языка несколько учебников (возможно, был использован русский перевод). Духовности учителей предпочли внешнюю ученость, а затем оскудело и то и другое. Конечно, прошлое трудно вернуть, особенно когда оно систематически разрушалось. Теперь снижен духовный уровень всего человечества. Возможно, это ностальгия о прошлом. Хотя Гегель и утверждал, что образ, соединенный с эмоцией, является несовершенным видом познания, а высший гносис – чистая мысль, даже в философских трактатах допускалось немного лирики.

Рационализм, стремительно взлетев ввысь, стал медленно падать на землю, взмахивая крыльями, подобно раненому орлу. Наступал период гуманизма, еще более нигилистический, чем рационализм, – это агностицизм²³⁹.

Итак, следующий шаг по дороге, ведущей вниз, это агностицизм. Агностицизм как философская система содержит в себе неустранимые противоречия. Он говорит о невозможности

для человека познать истину, суть вещей и причину явлений рациональным путем, но доказывает это положение вполне рациональными методами. Отвергая одновременно Откровение и рационализм, агностицизм не может утверждать, что мир не познаваем, поскольку это утверждение носит рационалистический характер, то есть основан на вере, доказанной человеческим разумом, что он ничего достоверно не знает и узнать не может. В данном случае агностицизм все-таки допускает такой постулат и метод, как достоверное знание. Он становится похожим на змею, которая кусает собственный хвост. Что касается современного агностицизма, то это не философская система, а интеллектуальное утомление, принявшее затяжной характер. Здесь одряхлевший ум, разуверившийся во всем, находит удобное убежище от мировоззренческих проблем в банальном скепсисе, в огульном отрицании. Но этого определения явно недостаточно.

Рационализм не мог обойтись без нравственности, хотя бы она носила абстрактный характер в виде простой декларации. Агностицизм сорвал эту афишу со стенда музея философии и объявил, что критерия в определении нравственности, как и других объективных критериев, не существует, то есть он отступил даже от того рубежа, который защищал рационализм и сдал позиции наступающему нигилизму.

Агностицизм не смог опереться на разлагающийся интеллект современного человека и вскоре превратился в самый вульгарный скептицизм, в желание отмахнуться от всех проблем. В религии агностицизм проявил себя в форме экуменизма и теософии, как в «догматическом нигилизме». Он сомневается во всем: в догматах, канонах, предании и традициях Церкви. Если человек не может познать истину, следовательно, твердой, непоколебимой религиозной истины для него не существует. Отрицая возможность познания онтологии явлений, он декларирует объединение религий на почве какой-то общности, которая на самом деле является рационалистической абстракцией, отвергаемой самим агностицизмом.

Одним из методов опровержения церковного предания и догматики, кроме теософского плюрализма и экуменического минимализма, является утверждение о том, что учение христианства представляет собой ограниченное откровение, а затем последуют новые гностические откровения, которые смогут изменить все наши современные религиозные представления, поэтому мы не можем ничего утверждать и ничего отрицать.

В своем логическом завершении агностицизм и скептицизм должны перейти в солипсизм²⁴⁰ – учение о том, что нельзя доказать существование объективного мира, что все наши представления, включая даже непосредственные впечатления и ощущения, могут являться иллюзией нашего ума, что не существует реальности как таковой, а есть блуждающая галлюцинирующая мысль, которая разрушает и создает миры, что существует только субъект, но доказать существование объекта невозможно.

Агностицизм, отрицающий возможность познания истины, в том числе религиозной истины, в своем богоборчестве идет дальше рационализма. Даже холодный, как могильный памятник, бог Спинозы²⁴¹ подвергается изгнанию. Религия, теряя мировоззренческую сущность, превращается в религиозный эмпиризм. Однако человек не может удержаться на одном отрицании, он чувствует реалию своего собственного существа, ощущает свою внутреннюю духовную жизнь, как какой-то кипящий котел. Если невозможно понять объективную истину, а может быть, ее вообще не существует, то есть другая истина – это «Я сам». Здесь гуманизм переходит к своему заключительному этапу – экзистенциализму. «Человек – это мера всех вещей»²⁴², – говорили древние софисты²⁴³. Под человеком они понимали его сознание. В экзистенциализме «мерой всех вещей» является человеческое подсознание.

Агностицизм заменяет истину прагматикой. Некоторые мыслители считают агностицизм наиболее удобной формой служения всякой власти, которая как бы олицетворяет собой принципы порядка и полезности. Экзистенциализм разрушает и эту куцую идею общественной пользы. Он живет импульсами

подсознания, поэтому переходит на ту степень биологизма, которая называется витализмом. Он видит мир как проекцию самого себя во времени и пространстве, смотрит на Бога как на идею или образ, возникший в его душе, мало интересуясь, существует Бог или нет. Экзистенциализм хочет найти полноту бытия в удовлетворении темных инстинктов, потрясающих его душу, в еще более темных представлениях, пленяющих его сознание. Первородный грех и самые низменные страсти он принимает как онтологию своей души, как неповторимый облик своей индивидуальности. Когда человек говорит греху: «Ты – мой», страстям: «Вы – источник моей жизни», то биологизм превращается в патологию, и в душе пробуждается «другой инстинкт» – инстинкт разрушения и смерти. В искусстве это состояние проявляется в форме декаданса.

Гуманизм заканчивается, а нигилизм окончательно расправляется с остатками нравственных представлений и выбрасывает их вон, как клочки давно разорванной картины. Звучит заключительный аккорд в духовной истории человечества – сатанизм.

Человечество, потерявшее Бога, ненавидит Его за свою потерю, ненавидит за то, что оно несчастно и ищет забвения в безумии и демоноуподоблении. Если бы в наше время можно было окинуть взором землю, то она показалась бы окутанной черным туманом.

Всякая концепция условна. Элементы будущего находятся в прошлом. Каждый указанный этап только часть композиции, ее элемент. Поэтому любая концепция похожа на эскиз, она ставит перед собой цель не написать картину, а придать ей только общие очертания, похожие на силуэты.

Современный интеллигент уверяет себя, что, отказавшись от привычной для него жизни, полной сменяющихся потоков впечатлений, волнуемой страстями, которые вздымают его душу вверх или бросают вниз, как волны в бушующем море корабль, попавший в их плен; отказавшись от привычных картин рафинированных преступлений и блуда, которые стали превращаться для него в какой-то допинг; от привычных знакомств и связей, основа которых – солидарность в грехе и

состязание на выносливость в болтовне; одним словом, подавив в себе помыслы и эмоции, он останется в душевной пустоте, в состоянии мертвящего равнодушия и бесчувствия и будет чувствовать только одно – свою беспомощность, как ребенок, выпавший из колыбели.

Мы встречаемся с непониманием смысла христианской жизни. Христианское бесстрастие по своему смыслу и значению не только отличается от бесстрастия пантеистической мистики, например буддизма, но противоположно ему. Христианское бесстрастие – это очищение чувств от эффекивности и порочных влечений, это одухотворение души, исцеление воли, приведение эмоций в состояние взаимной гармонии. Но искореняются не эмоции, а их диссонирующие звуки; не уничтожается мысль, а ум освобождается от хаоса помыслов. Душа освобождается от рабства похотям и темным влечениям, и тогда начинается ее истинная жизнь.

В пантеистической мистике душа не возрождается от греха. Психическое содержание человека отождествляется со злом, причиняющим страдание, которое надо уничтожить. Силы, способности и проявления души не очищают от гноя греха, а отсекают определенными медитативными упражнениями, как хирургическим ножом. Большинство наших интеллигентов не знакомы с сутью христианской мистики, в основе которой лежит преображение, поэтому они путают ее с мистикой уничтожения, мистикой смерти, которая стремится превратить душу в темный вакуум, где исчезают, как в какой-то бездне, мысли, чувства и представления.

Христианский аскетизм имеет жизнеутверждающий характер, но эта жизнь – не интеллектуальное «обжорство» внешними знаниями, не пароксизмы страстей, потрясающих душу, а воскрешение духа, которое ощущается человеком как полнота и глубина жизни.

Впрочем, надо сказать, что современная интеллигенция в большинстве своем знает о восточных учениях по их европейским подделкам, поэтому за привычной для европейца терминологией не видит их сатанинского лица. Мы хотим сказать, что в христианстве душа испытывает страдания в

борьбе с грехом и страстями, въевшимися в нее. Эта борьба может быть временами тяжелой и острой, но благодать утешает человека и в минуты испытаний дает ему силы и даже радость. Но равнодушие и бесчувствие, которых боятся интеллигенты, вернее, оправдывают свою боязнь расстаться со страстями, чужды христианству. Равнодушие и бесчувствие к человеческой личности порождает другое – потерю смысла жизни, эгоизм и пантехнократизм, который переходит в агрессию, машины против человека.

Компьютер завоевывает все новые пространства человеческой души, иссушая и порабощая ее. Человек сначала добровольно, а потом невольно оказывается в плену у машины, где нет живых отношений даже в той форме, которые существовали между человеком и животными. Раньше были сказки, персонажами которых были звери; теперь появились новые фантастические сказки о взбунтовавшихся компьютерах, которые стали неуправляемыми и неконтролируемыми.

Машиной можно пользоваться, но ее нельзя любить. Технократическая система изменяет менталитет человека, и он относится к окружающим его людям как к машинам, от которых надо защищаться, или же ими можно пользоваться. В мире компьютеров нет места человеческой личности, а в душе человека – места для Бога. Компьютер убивает интеллект, поэтому мы предполагаем, что через несколько поколений сама интеллигенция исчезнет, как вымерли мамонты в ледниковый период. Останутся узкие специалисты, как надсмотрщики над машинами, которых ничего не будет интересовать, кроме собственных appetitов. Власть над машинами не принесет им счастья, и в своем эгоизме они будут похожи на узников, родившихся в тюрьме. В книге Ездры написано, что земля будет рождать чудовищ²⁴⁴.

Жизнь человека без любви неестественна, поэтому он не может удержаться даже на уровне биологизма. Потеряв способность любить, он впадает в состояние стертого безумия и различные патологии. Позитивизм практически переходит в демонизм. Только христианство, дарующее человеку любовь и учащее его любить, может освободить человечество от

перспективы коллективного безумия, маний и фобий. Среди душевнобольных уже появился особый вид фобий: больному кажется, что какие-то скрытые аппараты направляют на него смертоносные радиоактивные лучи...

Теперь о другом вопросе, касающемся современной философии. Почему Гегель стал «властителем дум» интеллигенции XIX столетия и инерция его влияния продолжается до наших дней? Даже Маркса в какой-то степени можно назвать гегельянцем, только отразившим в своем учении концепции Гегеля, как отношение негатива к позитиву, или, говоря по-другому, Маркс похож на комсомольца, который, «раскулачив» Гегеля, поселился в его доме и стал свободно распоряжаться его имуществом.

Если бы Гегель жил во времена Маркса, то он мог бы подать на него судебный иск, обвиняя в плагиате. Но вернемся к вопросу: в чем заключалось «обаяние» Гегеля для череды поколений интеллигенции? Нам кажется, в том, что его философия оказалась камертоном, который выявил диссонансы и противоречия в психической жизни интеллигенции. В его философии самым причудливым образом соединены друг с другом два противоречия, кажущихся антиподами: рационализм и агностицизм. Его система – апофеоз рационализма, в то же время сама концепция глубоко агностична: тезис порождает антитезис, и оба сливаются в синтезе. Этот этап борьбы завершается качественно новым состоянием – синтезом, той реалией, которая становится тезисом для нового антитезиса и так далее. Синтез – не количественный, а качественный итог, поэтому он всегда больше своих элементов, так что каждая теория относительна, она должна смениться частным случаем другой, более общей теории, которая откроется нам в будущем.

Оккультизм, выразив себя через гегелевские категории, например антропософию, говорит о перманентных откровениях. В отношении религии гегельянство ломает все догматы, оно учит о релятивизме всех религиозных понятий. Человек теряет веру в Евангельские откровения, ожидая новых, качественно других. Религиозный скептицизм присущ иллюминатам, розенкрейцерам, другим оккультным обществам и тайным

союзам, цель которых расшатать и затем уничтожить христианство.

Гегельянство – учение о непрекращающихся революциях как движущей силы истории. Это почувствовала интеллигенция, которая, не создав ничего позитивного, живет на волне вечного протеста. Не гегельянство покорило интеллигенцию, а в гегельянстве она увидела свое отражение. Даже крупные религиозные мыслители так называемого «серебряного века» философии не смогли преодолеть демонических чар диалектики, которая, по сути дела, является методологией логизации абсурда, в котором предрешена борьба с любым тезисом, как с любой константой, во имя утопического синтеза и философского хилиазма. Не истеричное ницшеанство²⁴⁵, а проникнутое логизмом гегельянство можно назвать упадком и декадансом философии.

Наступают апокалиптические сумерки. Фауст мучительно размышляет, кому еще продать свою душу. В событиях истории все явственнее слышен смех Мефистофеля²⁴⁶, жесткий, как звон его шпаги. Но сгущающаяся тьма не может погасить Вечного – света Христа.

За что Господь нас терпит?

Незадолго до Своих страданий, беседуя с учениками на Елеонской горе, Господь открыл им признаки наступающего конца мира. Господь сказал, что последние времена будут похожи на состояние человечества перед потопом. Библия и святые Отцы указывают на всеобщее отступление людей от Бога во дни Ноя. Согласно слову Библии, люди стали плотью, то есть бездуховными²⁴⁷. Еще до всемирного потопа другой потоп греха и зла, вырвавшись из глубины ада, затопил землю. Разврат, чародейства, демонопоклонение, ритуальные убийства превратили землю в храм сатаны. Человечество само себя обрело на гибель. Нравственное чувство людей настолько притупилось и заглохло, что они даже перестали понимать, что такое грех. По словам одного из святых, когда Ной обратился к своим соотечественникам с призывом покаяния²⁴⁸, те недоумевали, чего он хочет от них, в чем они должны каяться. «Мы живем, как все», – отвечали они праведнику. Без покаяния невозможно возрождение; поэтому люди стали подобны живым, но уже разлагавшимся трупам. Мы живем, как все – не стало ни для кого оправданием; воды потопа погребли всех в одной огромной могиле. Причиной общего и необратимого падения человечества были оккультизм и демонопоклонение; в магии и оккультизме скрыто, замаскировано, а иногда и явно содержался культ сатаны со всеми его ритуалами – человеческими жертвоприношениями и развратом.

Наше время многие люди считают временем возрождения религии: открываются монастыри, возобновляются и строятся храмы, стала доступной духовная литература; даже в таких областях, как естественная наука и философия, материализм потеснился, дав место для других концепций. Мы видим, что снесена плотина, которая долго перекрывала течение реки, но нам кажется, что борьба с христианством продолжается, только в других формах, и современный либерализм оборачивается новым витком в этой изначальной борьбе. Мы не хотим делать ответственными за это какие-либо партии и структуры –

слишком глобален процесс; здесь мы видим сатанинский план не только в переносном, но и буквальном значении этого слова.

Предыдущий период был тотальным наступлением на христианство, похожим на гонения во время языческих императоров, только в более жестоких и изощренных формах. Миллионы людей были замучены за веру, святыни разрушены и осквернены. Здесь происходило столкновение не двух мировоззрений, а двух религий – Христа и сатаны. В этой гекатомбе²⁴⁹ пылала, как пламя, ненависть к Богу, как будто бы сатана бросил вызов небу; недаром девизом сатанинских сект были слова «Месть Богу», недаром «главный проектировщик» революции Маркс назвал революцию «штурмом неба». Уничтожение монахов и священников, высылка в тайгу и концлагеря тех, кто открыто посещал церковь, превращение храмов в клубы, где шли антирелигиозные спектакли, и в общественные туалеты, а монастырей в тюрьмы и места допросов – это уже не социология и философия, а демонизм. Геноцид против своего народа, притом лучшей части народа, осуществленный большей частью руками преступников и садистов, непонятен, если исключить главное действующее лицо – сатану.

Гонение, не имеющее равных в истории человечества, захлебнулось в крови. Оно дало как отступников, так и мучеников за Христа. Грубый и пошлый материализм не мог искоренить из сердец людей веру. Надо было уничтожить человека не физически, а как религиозно-нравственную личность, и поэтому темные силы, решив, что первый этап борьбы закончен, перешли к другому. Их новая тактика – оставить и даже восстановить храмы из камня и кирпича, но разрушить внутренний храм человеческого сердца, так, чтобы человек оказался неспособен воспринимать ту благодать, которую он получал в церкви во время таинства, а во время гонений – на развалинах храмов, куда христиане собирались тайно для молитвы. Храмы лежали в руинах, превращенные в груды камня. Насилие, даже смерть не могли разрушить и разбить твердых, как адамант, духовных камней любви христиан к Христу. Теперь плотина идеологического диктата и

атеистической цензуры как будто снята, но вместе с потоком воды на землю обрушился поток грязи и крови. Под маской свободы вероисповеданий, совмещенной со свободой от нравственности, стал явственно просвечивать тот же черный лик «религии сатаны» с ее культом секса и крови. Порнография буквально затопила книжные магазины и экраны телевизоров; искусство – эта интимность человеческой личности, ее задушевный язык – уже стало по сути дела если не прямым сатанизмом, то прелюдией к нему. Нам могут сказать: «Никто не насилует человеческой воли, кто вас заставляет читать книги и смотреть на картины, которые кажутся вам развратом, пусть каждый выбирает пищу, которую ест; цензура есть насилие над человеком, пускай будет цензурой его собственная воля». Но это ложь. Свобода от нравственности превратилась в насилие над нравственностью. Грязь секса встречается человека почти на каждом шагу: телевизор дотянул свои щупальца до самих отдаленных поселений, даже в космос и на дно океана; людям навязана одна и та же глобально осуществляемая программа, от нее некуда скрыться. Искусство основано на сопереживании, на включенности в эмоциональный мир своих героев, поэтому развращение начинается с самого детства. Там, где раньше пестрели плакаты с призывом построить коммунизм, появились другие плакаты с изображением, мягко говоря, обнаженных дев. Не видеть этого – значит идти по улице с завязанными глазами; нас заперли в публичном доме и говорят: если не нравится, то представьте, что вы в детском саду.

Другой культ – это культ убийства и крови. С обложек книг смотрят гангстеры с пистолетами в руках, убийцы в масках, жертвы, истекающие кровью, и так далее. Рядом лежат книги с изображением демонов, руководства по практической магии, астрологии, восточному оккультизму; они составляют одно нераздельное скопление демонических сил и энергий; они нераздельно связаны друг с другом, совершают одно дело. Несколько лет тому назад на этом месте лежали книги по так называемому научному материализму, теперь они исчезли, как будто обветшавшее оружие списано и заменено новым. В храмах совершаются богослужения, предполагается постройка

новых церквей. Конечно, мы как христиане рады этому, но нас тревожит одно обстоятельство. Церковь – это место богообщения, освящения человеческой души, озарения благодатью человеческого сердца; без этого храм останется надгробным памятником прошедших времен. А люди, развращенные порнографией и сексом, имеют сердце как бы в параличе – неспособным принять духовное. Недаром Церковь считала самыми главными грехами убийство, прелюбодеяние и разврат; она давала людям многолетние эпитимии, чтобы они имели возможность, постепенно, через покаяние, очиститься от этих грехов. Преподобный Иоанн Лествичник замечает, что блуд называется не просто грехом, а падением. Как упавший на землю не способен идти, а лежит в грязи, пока не поднимется снова на ноги, так человек, падший в блуд, неспособен к духовной жизни, пока не принесет долгого и тяжелого покаяния. Люди, развращенные литературой, видеофильмами, уличными плакатами, рекламирующими секс, придя в храм, будут стоять, как трупы, если не принесут покаяние; а покаяться – значит противостоять этому растленному духу. Но мало кто решается на это.

Человек имеет врага в своей собственной греховности, поэтому большинство старается найти компромисс: не бороться до конца с грехом, а поставить себе некий формальный передел греха, то есть блудить глазами, сердцем и душой, воздерживаясь от греха, совершаемого делом. Но, во-первых, такой рубеж слишком хрупок и ненадежен, во-вторых, Бог хочет человеческого сердца: Дай мне, сыне, сердце твое, – говорит Дух Святой через пророков²⁵⁰. Блаженны чистые сердцем, – заповедал Христос в Нагорной проповеди²⁵¹. Сердце, оскверненное картинами разврата, более того, настолько привыкшее к этим картинам, что воспринимает их не как грех, а как нечто обычное и обыкновенное, то есть сердце, не начавшее покаяния, будет подобно камню, который орошается дождем благодати, но от этого не становится цветником. Такой человек воспримет богослужение только с душевной стороны, не как очищение и освящение души, а как определенные эмоции, создаваемые обстановкой храма, пением и так далее. Темная

сила как бы говорит; мы будем впрыскивать в вену человека инъекции яда, а затем, если он хочет, пусть ходит по больницам. Господь сказал, что, становясь на молитву, надо простить всем своим обидчикам: милосердие к людям открывает нам милосердие Бога, а культ убийств делает человека внутренним зверем – это не только культ силы, но наслаждение насилием. Римская толпа требовала хлеба и кровавых зрелищ. Человеческая кровь, которая сочится с экранов телевизоров и со страниц детективов, не только не вызывает отвращения, а стала как бы пикантной приправой для современной кухни. Как человек, который с жадным любопытством и тайным наслаждением смотрел на убийства, пытки и конвульсии умирающих, может прийти в храм и молиться Богу, имя которого Любовь?! Развращенное и жестокое сердце не может любить Бога, а сущность и сила религии – это любовь между человеческой душой и Божеством. У нас открываются монастыри, которые должны быть «сердцем» христианства; «монастырь – это церковь в Церкви», – сказал один из Отцов. Монашество – это отречение от мира и посвящение себя Богу; монашество должно сохранять как драгоценность то, что теряет мир: молитву, чистоту сердца, безмолвие и духовный опыт. Либерализм, «религия компромиссов», хочет наложить свою руку и на монастыри. Святые Отцы говорят, что высшее делание на земле – это сердечная молитва, она – сила, противостоящая разрушительной демонической силе, она – свет, который озаряет мир. Мир существует, пока существует молитва.

Либерализм, поставивший человека на место Бога, хочет умертвить дух монашества, оставив его внешнюю форму. Если во время гонений монастыри подвергались первым самым тяжелым ударам, то теперь монастыри хотят превратить в благотворительные учреждения, то есть отключить и отвлечь монахов от самого главного – безмолвия и молитвы. Образуется новый вид монастыря, смахивающий не то на католический орден, не то на общество сестер милосердия, прикрепленное к Красному Кресту. Если посмотреть на результаты такой монашеской благотворительности, то они

ничтожны, но это дает возможность сделать из монастырей своеобразную рекламу, то есть противоположное тому, чем должен быть монастырь, и поставить монахов перед телевизионной камерой. Монахам внушается, что они должны творить добро, но при этом искусственно замалчивается, что здесь высшее заменяется низшим, тем, что с таким же успехом могут делать миряне; тем, что не соответствует монашеским обетам. Монахи постепенно теряют молитву и превращаются в мирян, одетых не в мини-юбки и джинсы, а в мантии. Преподобный Исаак Сирийский говорил: «Если для дел милосердия монаху нужно бросить молитву и безмолвие, то пусть погибнут такие дела»²⁵². Монах, занимающийся мирскими делами, не поможет миру, а сам в конце концов станет частью этого мира, нередко – посмешищем мира. Монахи, а особенно монахини – это цветы, которые могут расти только в оранжерее, то есть в изоляции от мира; разбей стекло оранжерей – и холод погубит цветы. Либерализм не понимает, что такое молитва: для него монашеская жизнь – эгоизм. Между тем монахи несут на себе (или должны нести) главную тяжесть борьбы с демоническими силами, о которой не ведает мир. Молитва – это не психотерапия и не самовнушение, как любит это объяснять бездуховный мир, а та удерживающая сила, которая не позволяет демонам, по словам Апокалипсиса, сорваться с цепи²⁵³, то есть сила благодати. Может ли быть больший дар людям, чем та радость, которую они испытывают, входя в монастырскую ограду, где сама земля и воздух освящены молитвой, как лучами солнца; может ли кто-нибудь принести людям большую пользу, чем тот, кто молится Богу в алтаре своего сердца о прощении грехов человечества? Да один истинный молитвенник может изменить ход человеческой истории!

Преподобный Арсений Великий избегал людей и даже казался некоторым монахам недружелюбным и суровым, но он совершал в кельи делание самое трудное, подобное самосожжению – молитву за мир, и Господь по его молитвам помиловал Византию, как во времена пророка Ионы Ниневию²⁵⁴: землетрясение, которое уничтожило бы целые

области, как было открыто впоследствии египетским Отцам, не произошло ради этого великого подвижника. Представим, что воинам, которые должны защитить страну от грозного, страшного и неумолимого врага, предлагают сложить оружие и заниматься другими делами – сажать картошку или шить сапоги. И это нужно и необходимо, но для этого есть огородники и сапожники, но не воины, дело которых – ценой своей крови защищать страну. Сатанинская сила подобна чудовищной радиации, излучаемой в мир, а молитва, особенно молитва монахов – преграда этому смертоносному невидимому потоку. Люди духовно слепые повторяют: «кто уединяется и молится, тот живет для себя»; они говорят так, потому что они сами – «плоть» и понимают добро и зло плотски.

Монашество имеет своим началом подвиг и пример Иоанна Крестителя, жившего в пустыне, и Иоанна Богослова, который проводил жизнь в молитве и созерцании. Первый назван «величайшим из рожденных женами», второй – «любимым учеником Господа». Они сохранили сердца свои в чистоте, это был их главный подвиг, поэтому сердца их превратились в неиссякаемые источники духовного мира – благодати, которая по их молитвам изливалась на мир.

Монахам говорят: общайтесь с людьми, проповедуйте, ходите по селам с духовными песнями, ведите спор с сектантами, смотрите за больными, воспитывайте детей и в это время молитесь, то есть будьте благочестивыми мирянами, только не обремененными семьями, а в остальном подобными им.

Преподобный Исаак Сирин пишет о том, что если монах будет пребывать в молитве, то мир будет служить ему, а теперь говорят: монах, служи миру. Можно в миру молиться и творить добрые дела, но это будет другой уровень молитвы. Молитва безмолвствующих подобна пламени, достигающему неба; молитва монаха, общающегося с миром, подобна письмам, написанным на стертой и исцарапанной доске; в его душе впечатления неустанно ложатся друг на друга. Ум такого человека колеблется страстями, как волнующаяся поверхность моря – порывами ветра. Монах при постриге дает обещание –

следовать пути древних монахов; их путь был – уединение и безмолвие. Если ослабнет монашеская молитва, то откроется та духовная зияющая пустота, которую невозможно заполнить самыми добрыми мирскими делами. Монастыри, потерявшие дух аскезы и молитвы, не могут духовно утешить и возродить человека. Перед нами пример западных монастырей, где организуются не только больницы, но особые школы для будущих политиков и девические баскетбольные команды. В прежний период были уничтожены монастыри, теперь строятся стены, но уничтожается дух самого монашества. Человек, посещающий монастырь, видит не молитвенников, светящихся внутренним светом, а добрых людей, занятых добрыми делами, с какими он встречался и в миру.

Святые Отцы называют внутреннюю молитву высшей наукой, искусством искусств, небом, заключенным в сердце человека, Божественной любовью, ангельской красотой, путеводной звездой, сияющей во мраке ночи, источником живой воды, текущей в сердце человека, песней песен, вечной радостью, жизнью сердца, воскресением души прежде всеобщего воскресения мертвых, сокровищем, скрытым в сердце человека, небесным вином, веселящим душу, огненным мечом, направленным против сатаны, крепостью веры, крепостью, непоколебимой силами ада, дивным садом райских цветов. Мир, не ведая и не зная тайны этой молитвы, считает молитву личным делом, вроде аутотренинга, во всяком случае не центром духовной жизни человека, а психическим настроением для лучшего совершения добрых дел. Эти добрые дела, ставшие самоцелью, рассматриваются вне зависимости от внутреннего состояния человеческого сердца и становится эквивалентом нравственности человека, а точнее сказать, – мерой его «святости».

Мы не отрицаем телесного милосердия, но его может совершать не только христианин, но и мусульманин, иудей, язычник и атеист, по различным побуждениям и мотивам. Подвиг монаха в этом смысле неповторим и не заменим никакими трудами. Святой Григорий Палама²⁵⁵ учит, что подвиг исихии (безмолвия) – это стяжание фаворского света. Он пишет

о вечных животворящих Божественных силах и энергиях, которые изливаются в мир из недр Божества и являют себя миру как духовный свет, как вечная жизнь, как мистическое богопознание, как действие и атрибуты Божества. Человек, занимающийся внутренней молитвой, становится звеном, через его сердце проходит и освещает мир этот нетленный предвечный свет. Поэтому святые Отцы сказали: «Ангелы – свет для монахов, а монахи – свет для мира». Когда монах берет на себя мирские обязанности и заботы, наполняет свое сердце чувственными образами от встреч и бесед, то он теряет самое главное сокровище – молитву; его духовное око обращается от Бога к миру; дух мертваеет, и сердце становится холодным и твердым, как камень. По выражению одного отца, монах без Иисусовой молитвы – это труп, разъедаемый червями (то есть страстями). Дьявол готов помогать во внешних делах, лишь бы отвлечь ум монаха от молитвы. Преподобный Нифонт Царьградский говорил о том, что монахи будут строить дома, соперничающие с княжескими дворцами, а Нил Мироточивый²⁵⁶ и Симеон Новый Богослов²⁵⁷ предостерегают монахов от излишнего увлечения наукой и философией: от этого Божественный свет заменяется светом человеческого ума. Монастыри, где монахи не занимаются непрерывной Иисусовой молитвой, похожи на потухшие костры, в золе которых едва мерцают искры угольков.

Если возрождающееся монашество будет обращено лицом не к духовному опыту восточного монашества, а к представлениям и понятиям современного мира, то оно будет нести в себе не истину, а противоречие и ложь. Одна из крупных побед демона – создание нового типа монашества – внешнего монаха, занятого всем, кроме Иисусовой молитвы. Человек приходит в монастырь из мира, пропитанный, как будто водой, его духом и представлениями, с расслабленной волей, с воспаленной, как гнойник, гордыней, со зловонной грязью греховных воспоминаний, с отравленным сердцем, на дне которого свились, как змеи, его страсти. Человеку предстоит тяжелая борьба с демоном и собой, он должен как бы родиться заново. А его убеждают, что надо одновременно служить и Богу

и людям, приводят пример преподобных Сергия Радонежского²⁵⁸, мирившего князей, Иоанна Зедазнийского с учениками, которые, будучи монахами, пришли в Грузию, чтобы утвердить христианство и бороться с маздеизмом, Амвросия Оптинского²⁵⁹, с утра до ночи принимавшего людей. Это все равно, что сравнить грудного младенца с опытным воином и посылать ребенка, еще ползающего по полу, на войну. При этом замалчивается тот самый важный факт, что Иоанн Зедазнийский и «всероссийские наставники» преподобные Серафим Саровский²⁶⁰ и Амвросий Оптинский и другие старцы всю жизнь свою провели в монастыре и пустыне, и только стяжав бесстрастие и великую благодать Божию, открыли двери келлии, вышли из пустыни и затвора, и то не по своей воле, а по откровению Божию. Молодому монаху предлагают начать с того, чем кончили преподобные Серафим Саровский и Иоанн Зедазнийский. Некоторые монахи сразу же чувствуют ложь и свое несоответствие такой жизни; им кажется, что их пригласили на пир, а вместо трапезы поставили перед ними блюда, наполненные песком; напротив, других неопытных монахов мысль о том, что они чуть ли не спасители народа, и сравнение себя с древними подвижниками, обращавшими в христианство целые города и села, приводит в состояние разгоряченной гордыни; позирование в роли новых просветителей отвечает их собственным страстям. Здесь вместо смирения – основы монашеской жизни – в глубине их сердец гнойник гордыни и самомнения.

Один отшельник ответил ученику, желавшему идти в мир, чтобы учить людей: «Нельзя нести в своей руке яд человеку с порезанной ладонью». Здесь может возникнуть какой-то духовно-религиозный материализм, где ценность человеческой жизни определяется суммой внешних дел, которая, подобно выработке стали и угля, измеряется весом и мерой. Обратимся к высшему для нас авторитету – Божественному откровению – Библии. В книге Исход повествуется о том, как Моисей вел израильтян в обетованную землю. У берега Красного моря их настигло войско фараона: всадники, закованные в стальные латы, колесницы с лучниками, вооруженными стрелами и

копьями. Фараон считал себя непобедимым: под ударами его войск рушились и падали города и крепости, как шалаши из ветвей и травы. Казалось, что израильский народ обречен на гибель: впереди морская бездна, позади войска фараона, как огненная лавина... И вот, Господь спросил Моисея: Что ты вопиеш ко Мне?²⁶¹ Уста Моисея молчали, но сердце его безмолвно вопияло к Богу, и эта безмолвная молитва, в которой он от скорби разрывал не одежду свою, а сердце, достигла небес. Не пророческий дар Моисея, а внутренняя молитва, не слышимая никем из людей, сотворила чудо: море расступилось, его дно стало каменной дорогой для израильтян, затем волны замкнулись, как уста, – и бездна моря стала могилой для египтян. В пустыне путь израильтянам преградил народ, называемый амаликитяне. Моисей не хотел с ними войны, так как они были потомками Лота, но амаликитяне были неумолимы. Завязалась битва. Моисей взошел на возвышенность и, воздев руки, погрузился в молитву. Когда Моисей молился, побеждали израильтяне, когда он прерывал молитву и от усталости опускал руки, наступали амаликитянские полки. Два других военачальника израильтян, Иисус Навин и Ор, поняв, что исход битвы решает не меч, а молитва, стали рядом с Моисеем и стали поддерживать его руки²⁶². Святые Отцы видели здесь символ демонической силы, победить которую можно только молитвой, исходящей из глубины сердца. Угасает монашество – и для демонической силы уже нет преград. Потеря монахами внутреннего духовного делания Иисусовой молитвы и переход от духовного к душевному – это одна из побед демона.

Великой силой обладает Божественная литургия, поэтому демон принимает все меры, чтобы люди ушли из храмов пустыми. Многие священники не только не призывают верующих к причастию, но даже запрещают им часто причащаться, хотя в древней Церкви причащались все присутствующие за литургией, кроме тех, кто находился под епитимиями. После Крестной Жертвы причащение – это второй по величию дар Божий людям, и священнослужители без всякого основания лишают своих прихожан источника бессмертия, который открыт

для всех христиан. Это один из самых опасных предрассудков, который внедрился в Церковь.

В храме человек встречается с еще одним странным явлением – чтением на клиросе, похожим на скороговорку, как будто чтец стремительно бежит по страницам книги, торопясь быстрее достигнуть, как финиша, слова «аминь». Православная Церковь обладает как бесценным сокровищем богослужебными текстами, священной гимнографией непревзойденной глубины и красоты. И вот смысл молитв, красота церковного языка – все исчезает в каком-то неясном языкообразном гуле. Человек, стоящий в храме, или молится внутренне, бросив попытки что-либо понять, или же, переминаясь с ноги на ногу от скуки, вместе с чтецом нетерпеливо ожидает конца службы. Что мог бы понять ученик, если бы учитель говорил в классе такой скороговоркой? Для педагога, чтеца и лектора необходимо изучить технику речи, а здесь никто не заботится о том, чтобы научить псаломщика хотя бы ясно и внятно читать. Литургия православной Церкви – это одно из ее самых больших духовных богатств, а из-за дурного чтения богослужебные тексты остаются закрытыми для народа.

Не лучше обстоит дело с пением. Вместо древних мотивов, вызывающих в душе покаянные чувства или благоговейную благодарность Божеству, под сводами церкви нередко раздаются оперные мелодии, которые действуют не на дух, а на страстную душу, возбуждают ее, доставляют эстетическое удовлетворение, подобно мирскому искусству, но лишают самого главного – покаяния и молитвенной сосредоточенности. Что касается дурного пения, то оно также отвлекает от молитвы, но вместо эстетического наслаждения вызывает в душе досаду и раздражение.

В некоторых храмах продажа просфор и свечей продолжается всю службу и ведется внутри храма. Около свечного стола всегда шум, подобный гулу прибоя, а так как храм обычно имеет хорошую акустику, то этот шум проникает во все пространство святыни, отвлекая людей от молитвы. В Ветхом Завете написано, что во время постройки Соломонова храма камни обтачивали и отесывали вдали, чтобы не слышно

было стука молотов на месте, посвященном Богу. В Новом Завете написано, как Господь изгнал бичом торговцев из храма²⁶³. Он не запретил жертвы, но запретил продавать их внутри святилища, назвав Храм «домом молитвы»²⁶⁴. Молитва – это невидимый бой с дьяволом. Макарий Великий²⁶⁵ пишет, что в этой битве душа не только защищается молитвой, но сама наносит удары. Дьявол возводит особенные искушения на человека во время храмовой молитвы, чтобы похитить у него драгоценное время, когда он может получить прощение своих грехов и великие милости от Бога.

Уже замечено, что большинство чудотворных икон написано в древнем иконописном стиле. Этих ликов, потемневших от времени, больше страшится демон, чем по-мирскому красивых лиц, изображенных современными иконописцами. Там дух светит через икону; здесь – душевность, утонченная чувственность. Древние иконы окружены полем невидимой, но ощутимой сердцем силы. Иконопись, отторгнутая от традиции, обычно переходит или в мистические абстракции, или в религиозную лирику, которая может вызвать гамму переживаний, но оставляет душу невозрожденной. Иконы нецерковных художников (например, Врубеля²⁶⁶) несут в себе скрытый демонизм; из них как бы сочится тяжелый духовный мрак; разрушение церковных традиций – это также победа сатаны.

Во Святая святых Иерусалимского храма мог входить для молитв первосвященник только раз в год; осквернение Святая святых для народа было большей трагедией, чем разрушение самого Иерусалима. От алтаря начинаются нисходящие и восходящие волны истории; от святости алтаря должно начаться возрождение народа. Соборными правилами вход в алтарь для мирян запрещен, только царь, как миропомазанник и представитель верующего народа, мог войти в алтарь для того, чтобы принести молитву за народ. Оплакивая падение Иерусалима, пророк сказал, что алтарь превращен в овощное хранилище²⁶⁷; а ветхозаветный храм – это только прообраз, как бы тень новозаветного храма. Что же ожидает христиан, которые неблагоговейно относятся к самой великой святыне на

земле – алтарю, где невидимо присутствует само Божество! Святыня – как огонь, она может согревать и светить, но также сжигать и испепелять. Надо помнить, что поругание святыни входит в ритуал черной мессы. Дьявол стремится завоевать новые духовные пространства.

Церковь имеет свои священные символы; демон создает свои магические знаки и хочет заменить ими церковный язык. VI Вселенский Собор запретил аллегорически изображать Божество²⁶⁸; последнее время стали появляться аллегорические картины, где Божество изображено знаками, заимствованными у каббалистов и других тайных мистических сект. Эту христианизированную каббалистику называют «интеллектуальной иконой», то есть разделяют Церковь на элиту – интеллектуалов, и невежд – толпу. Аллегорические знаки, имитирующие икону, создают у человека новый тип религиозного мышления. Вместо включения в молитву через икону он начинает представлять Божество под видом аллегорий и геометрических фигур. Здесь – вторжение в Церковь тайнописи гностиков, которых древние отцы называли «первенцами сатаны»²⁶⁹.

Всякий модерн – это шаг от Церкви в сторону или театра, или языческого капища. Поэтому модернизм – путь к самоуничтожению Церкви. Либеральное христианство – это религия компромиссов, она ищет компромиссов не только среди христианских конфессий, но между христианством и буддизмом, христианством и шиваизмом²⁷⁰. Она стремится разрушить христианство изнутри, уничтожить христианскую догматику и создать туманную, бесформенную религию, которую гордо и броско называют религией «честных людей», с единственным призывом – делать добро людям. Это – тайное желание отделаться от Бога, оставаясь внешне христианином. Обычно это религия гуманистов, которые любят говорить о добре, не делая добра, которые хотят выглядеть друзьями человечества, но которым на самом деле все чуждо, кроме собственной сытости и честолубия. Однако такая религия иногда порождает своих подвижников, как, например, доктор Швейцер²⁷¹ или монахиня Тереза²⁷², которые самоотверженно служили тому, что

мы назвали бы культом страдающего человека. Монахиня Тереза, подбирая умирающих на улицах Калькуты, говорила: «Я хочу, чтобы человек умер с достоинством человека»; но все же христианство видит достойной смерть в покаянии и молитве, всепрощении и надежде на милосердие Божие. Монахиня Тереза видела достойную смерть в другом: чтобы умирающий был перед смертью вымыт и умер на чистой простыне, а не на камнях улицы.

У Швейцера, протестантского пресвитера и теолога, молитва занимала несколько минут, остальное время было отдано лепрозорию. Здесь абсолютизированы земные ценности и умалено значение первородного греха, следовательно, необходимости покаяния и духовного возрождения. Икона гуманистов – эмпирический человек; их девиз – «человек – это звучит божественно». Такая религия основана на человеческих силах и чувствах, в ней веру в существование Бога, разумеется, не отвергают, но психологически ставят на место Бога некую абстракцию человечества. Этот либерализм подготовил эпоху просвещения и продолжает готовить почву для агностицизма и материализма: ведь можно отбросить Бога как мировоззренческую идею и так же служить человечеству.

Существует определенная сила имен, не в смысле каббалы, где имена наделены магической властью и служат заклинанием духов, а как некая ассоциативная связь, поле общности и признак необъяснимого для нас влияния. Вспомним, с какой настойчивостью внедряли в сознание народа имена своих вождей противники христианства. Города, улицы, парки, заводы были отмечены, как клеймом, этими именами. Они пестрели на стенах домов и перекрестках улиц. Для чего это нужно было? Для того, чтобы создать ореол величия этим людям? Отчасти так. Но кроме того, здесь скрыт демонический ритуал. Место, носящее имя, обретает связь с этим именем. Когда в наших городах изменились названия некоторых площадей и улиц, то показалось, что дышать стало легче, как будто бы сама атмосфера стала другой.

У нас есть священные изображения, которые помогают нам общаться с духовным миром. У демонов тоже есть свои

изображения, это – талисманы и амулеты, связанные с магией; изображения чудовищ, портреты людей, которые служили планам сатаны. Эти лица должны врезаться в память и душу человека и как бы запечатлеться в них.

Есть еще один вид ритуальных изображений – это обнаженное человеческое тело. Здесь больше, чем просто секс. Нагота – символ потери благодати. После грехопадения праотцев одеяние Божественного света, окружавшее их, исчезло, они увидели, что наги. Характерно, что изображение языческих божеств в Халдее и Египте, Греции и Японии было изображением наготы. Черная месса, сатанинские ритуалы, сборища чародеев требовали от их участников приносить демонам заклинания и молитвы, сбросив с себя одежду. Характерно, что ангелы всегда изображаются в светлых одеяниях, а демоны нагими.

Религия секса пролагает путь религии сатаны. Великой святыней для христиан являются мощи святых. Дух Святой, сочетаясь с душой человека, освящает и его тело, как мир сообщает благоухание сосуду, в котором оно хранится. Грех – это черное клеймо демонов не только в душе грешника, но и в его теле. Тело грешника источает духовный смрад. Знаменательно, что при церкви устраивают усыпальницы, называемые пантеонами, то есть храмами всех богов, в которых хоронят людей, прославивших себя в истории, но нередко далеких от Бога и никогда не переступавших порога церкви. Почему этих людей надо хоронить у стен церкви? В Древнем Риме изображения и эмблемы языческих богов всех стран и провинций были собраны под сводами пантеона²⁷³. Идолы мирно уживались между собой, но пантеон не мог вместить одного – истинного Бога. Почему люди, равнодушные к Церкви, несут останки своих героев к стенам храма и называют их гробницы характерным, но зловещим именем «пантеон»? – Потому, что рядом с храмом Славы Божией хотят создать храм человеческой славы. В XIX веке по инициативе философа Канта²⁷⁴ был составлен календарь, параллельный церковному календарю, где вместо святых значились имена выдающихся писателей, полководцев, государственных деятелей и так

далее, для их почитания и прославления. Мир как бы говорит: «смотрите, вот наши святые».

Магия связана с кладбищем. Существовали колдовские ритуалы, совершать которые можно было только на языческих кладбищах. Самый поразительный ритуал погребения в мировой истории представляют собой не пирамиды – гробницы фараонов, возвышающиеся, как скалы, в пустыне, а московский Мавзолей. Вождизм, культ сверхлюдей, в сущности представляет собой «демоническую теократию». Вождь выступает не только как великий политик, но и как безошибочный идеолог, вроде пророка, слову которого должна верить толпа. Поэтому не только у египтян, вавилонян и инков, но также в «коммунистических» странах возник особый культ – поклонение гробницам. Почти в каждой «коммунистической» стране был построен мавзолей, где умерший вождь, как мумифицированный фараон, должен постоянно быть с народом как «хранитель» своей страны. Китайцы совершали паломничество к могиле Чингисхана и призывали его дух; мусульмане строили усыпальницы халифам, прославившимся своими завоеваниями. Бухара и Самарканд считали своим покровителем Тамерлана²⁷⁵, а время его царства – золотым веком. Фашистская элита посещала могилу императора Фридриха Барбаросы²⁷⁶ для медитации. Если бы собрать кровь, которую пролили эти люди при своей жизни, то эта кровь затопила бы, как поток разлившейся реки, их гробницы и пирамиды.

В житиях святых говорится о том, что демоны обитают в языческих храмах и творят чудеса через идолов. Апофеоз (торжественная кремация) римских императоров сопровождался явлениями сверхъестественной сатанинской силы, которые поражали воображение толпы. «Обожествленные» императоры-жрецы считались покровителями империи. Христиане отказывались воздавать почести изображениям цезарей, за что многие из них поплатились жизнью. Одним из способов почитания героев стал распространенный обычай зажигать огонь, который зловеще назван «неугасимым огнем», – зловеще потому, что в Евангелии написано: Червь их не умирает и огонь

не угасает²⁷⁷. Огонь как священный символ горел в молельнях зороастрийцев-огнепоклонников. Народы Кавказа особенно знали на опыте своей истории, что несет с собой эта религия огня. Теперь символ маздеизма и образ вечных огненных мук стал способом увековечивания памяти народных героев. Еще хуже, когда вместо языческих эмблем и ритуалов употребляются в искаженном виде взятые, вернее, выкраденные из храмов обряды. Это кощунственное подражание Церкви мы видим, например, в дворце бракосочетаний, который вместо того, чтобы зарегистрировать брак или помочь организовать свадебный обед, стал дублировать церковь; обмен кольцами, вино, налитое в одной чаше для жениха и невесты и так далее являются не простым антирелигиозным анекдотом; здесь скрыт замысел современного либерализма: государство или секуляризованное общество берет на себя функции Церкви, «удовлетворяет» религиозные потребности человека. Итак, мы видим неожиданное появление в общественных структурах новых, совершенно чуждых какой-либо религии современных жрецов, которые с усердием обезьяны копируют литургию и обычаи Церкви.

Еще не так давно был обряд, которым собирались заменить крещение: ребенка приносили в клуб, родители становились с ним у портретов «вождей» и давали обещание воспитывать ребенка в духе пролетарского, революционного самосознания, затем маленький «солдат революции» получал вместо креста в подарок звезду; двое присутствующих брали на себя ответственность за пролетарское воспитание; назывались они «звездный отец» и «звездная мать», а сам ритуал – «красные звезды». Одновременно с этим в другой части мира, в центре Европы – Германии происходил параллельный процесс: фашизм возрождал арийское и скандинавское язычество, а также оккультные традиции рыцарских орденов. Однако эта дикая фантазмагория и карнавал масок имели под собой вполне реальную силу. Кощунственный обряд – это вид богоборчества, неременный атрибут демонослужения и всех видов чародейств. Люди, участвующие в кощунственных

обрядов, уже получили инъекцию духовного яда; человек, отдавший свою волю демону, расширяет на земле царство ада.

Пророк Давид говорил о язычниках, которые приносили человеческие жертвы, что пролитой кровью осквернилась земля²⁷⁸, то есть человеческая кровь вопиет к Богу, она превращает землю в пустыню. Святые Отцы писали, что хотя демон бесплотный дух, однако он питается, как пищей, запахом крови и смрадом блуда, поэтому обитает в тех местах, где совершается грех и злодеяние. Одно из самых страшных жертвоприношений демону, которое превзошло все войны и гекатомбы, – это убийство матерями своих детей. В демонических культах пролитие человеческой крови, особенно ребенка, считалось обязательным жертвоприношением, без которого не совершается визуальное явление сатаны. Почти во всех языческих религиях древности приносились человеческие жертвы. У майя и инков²⁷⁹ жрецы рассекали грудь живому человеку и вырывали сердце; в праздник главного солнечного божества число жертв доходило до 30.000, поэтому инки устраивали войны, чтобы захватить пленников, или устраивали охоту на людей, как на диких зверей. В центральной Африке приносили человеческие жертвы богине утренней звезды (Венере), в Греции – Гекате, богине Луны, обвитой змеями.

Количество аборт в христианских странах уже превысило число всех людей, убитых на войне, принесенных в жертву идолам, съеденных канибалами. На древних гравюрах Земля изображалась островом, плавающим в океане вселенной, но сегодня она становится все больше похожей на остров, плавающей в море человеческой крови.

Многие недоумевают: за что Господь так сурово наказывает нас? Не правильнее ли было бы сказать: за что Господь еще терпит нас? – Он терпит нас ради неизреченной милости Своей, ради молитв угодников Своих, неведомых миру, – терпит, ожидая нашего покаяния.

Как противостоять внешней информации

Что такое новизна впечатлений? Почему повторяющаяся информация перестает удовлетворять человека, и он ищет нового? Потому что глубина восприятия связана с новизной ощущений и интересом, который помогает сконцентрировать внимание на определенном предмете или явлении, как бы охватывать его сознанием и впитать всей душой. Это творческое взаимодействие души с объектом познания включает в себя эмоциональное переживание, которое доставляет душе чувство удовлетворения.

При частом повторении творческое восприятие ослабевает, оно как бы сделало свое дело, и вступают механизмы памяти (запоминание и припоминание). Смысловая расшифровка символов-слов также ослабевает, семантика прячется под скорлупу фонетико-графической структуры слова. Подобно тому, как человек перекладывает свою работу на машину, так творческо-эмоциональная память перекладывает работу над словом на механическую память, в которой есть что-то искусственное и мертвящее.

Конечно, мы чужды примитивного биологизма, но все-таки можно провести определенную параллель хотя бы как сравнение между процессами человеческого тела и души. Человеку нужно испытать чувство голода, чтобы он ощутил наслаждение от пищи, и его организм усвоил пищу как строительный материал. Человек с полным желудком теряет естественный вкус пищи, а постоянное переедание не дает возможности правильно перерабатывать и усваивать ее, она откладывается, как балласт, в виде жира. Здоровый организм должен испытывать небольшое чувство голода, пресыщение – уже ненормальное состояние. Птица дает своим птенцам строго определенное количество пищи. Если она даст птенцу столько, сколько он хочет, то птенец может заболеть и погибнуть. Часто дикие звери умирали из-за того, что люди перекармливали их.

Душевная пища – это информация, которую получает человек, а здесь не соблюдается никаких ограничений, не

учитываются никакие нормы, хотя силы и способности нашей души далеко не безграничны. Поэтому, образно говоря, душа становится неспособной правильно усваивать информацию, эмоционально и семантически воспринимать слово. Оно становится достоянием механической памяти, а для творческой памяти такое неусвоенное слово превращается в шлак.

У нас не всегда правильно употребляются такие понятия, как ум и здоровье. Растолстел человек, и о нем говорят: как он поправился. На самом деле он не поправился, а только отяготил свой организм излишним весом. Ожирение – это вид болезни, где нарушается правильный обмен веществ, страдают все внутренние органы и на несколько лет укорачивается жизнь человека. И вместо того чтобы сказать, что человек излишней пищей и ленью испортил себе здоровье, говорят, что он поправился.

То же самое происходит с человеком, у которого переразвита механическая память. В Англии в прошлом веке демонстрировал свою память на сцене человек, обладающий удивительным даром – помнить огромный объем информации. Он знал наизусть всю Британскую энциклопедию и мог читать ее статьи, как бы мысленно переворачивая лист за листом. Одновременно у этого человека наблюдалось притупление умственных способностей: он путался и не мог продолжать простую беседу.

Психолог Лурия описывал подобный случай²⁸⁰. Он наблюдал за одним журналистом, который обладал феноменальной памятью: знал наизусть сотни телефонных номеров и мог, прочитав газету, повторить ее тексты. В то же время его журналистская способность не могла подняться выше сообщений об уличных происшествиях, и он только надеялся, что в будущем раскроется его талант, в котором он был уверен.

Александр Блок описывает свою встречу с юношей, у которого любовь к стихам перешла в какую-то манию. В своей памяти он держал огромное количество стихотворений, но когда прочитал Блоку несколько своих стихов, то тот увидел его полную бездарность: поэзия этого «стихомана» была только перепевами чужих слов. Масса информации, которую он держал

в памяти, как бы придавила его собственные творческие силы. Он мог только питаться соками чужих корней, как омела, впившаяся в ствол.

Часто человека, нахватавшегося внешних знаний, но не переработавшего их, называют ученым и умным. А на самом деле он не научился ничему и вовсе не поумнел, более ошибаются те, кто, сидя часами у телевизора говорят: мы должны знать, что происходит в мире, а то превратимся в каких-то невежд и дикарей. Но на самом деле они ничего не узнают и даже теряют то, что знали раньше. Они живут как бомжи на улице, ставшей их домом. Они теряют способность творчески мыслить, у них исчезает чувство любви и сострадания. Им дали рафинированную пищу, которая в большом количестве отравляет организм; из них выжали человеческие чувства. Они, как глухие, перестают слышать тихие звуки флейты, а только пробуждаются при громком стуке барабана, а именно: картин концентрированных страстей, секса и убийств. При этом они говорят: мы должны смотреть телевизор, чтобы быть культурными людьми, не понимая, что значит само слово «культура».

У святого Дионисия Ареопагита²⁸¹ и других отцов древности, обращение к Богу изображено как путь: сначала от внешнего к себе, а затем от себя к Богу. Без отрешения от внешних впечатлений и страстей и возвращения к себе, к своему сердцу, осознания себя как личности, осмысления своей внутренней жизни, невозможен второй этап духовного пути – обращенность к Богу через молитву.

Святые отцы видели в Синайской феофании Моисею²⁸² сначала вхождение во мрак как отрешение от человеческих знаний, понятий, – свидетельство того, что своими силами человек не может познать Бога. Этот мрак – смирение души и совлечение внешних знаний. Только за ним последует Свет Божоявления и познание высших, вечных истин. Мрак окружал вершину Синая, ночь предшествовала Фаворскому Преображению – это образ отрешенности от земного, визуальный образ того, что от имени апостолов Петр сказал Христу: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобой»²⁸³.

Чтобы наполнить сосуд драгоценным миром, сначала надо вылить все, что находится в нем. Чтобы обратить душу свою к Богу в молитве, надо укротить страсти, разогнать тучи помыслов, очистить свой ум. Чтобы быть христианином, надо дать место Духу. Когда хозяин приглашает домой на трапезу особо почетное и любимое для него лицо, то он оставляет свободным за столом место, которое никто не смеет занять. Мы зовем Господа, призываем Его прийти к нам, но свободного места в душе для Него не оставляем, она вся занята и наполнена земным. Наша мольба: «..прииди и вселися в ны», – оказывается фальшивой.

Мы говорим о строгом контроле над информацией не как об одобрении невежества, а как об иерархии ценностей. Выше всего должны стоять потребности духа, затем души и только потом плоти. У нас обычно эта пирамида перевернута.

У людей, пресыщенных жизнью, взгляд тусклый и уставший: они, испытав все, не нашли ничего, как будто испепелили себя в огне страстей. Напротив, в тех, кто ведет духовную жизнь, остается что-то детское; об этом говорят те, кто соприкасался с ними. Детское – это умение удивляться миру, смотреть на все, как на новое, смотреть на привычные явления, как будто видя их в первый раз и находя неведомое для себя. Если человек ограничит поток информации, то он как бы сохранит детское восприятие окружающего мира.

Жизнь христиан становится все более скудной, пустой и поверхностной. Они перестают эмоционально переживать события, заключенные в ритмах церковной жизни, теряют радость праздников и покаянную скорбь постов. Они наполнили свою душу образами земного, которые как бы окрасили всю их жизнь в серый цвет.

Человек приобретает силы не оттого, сколько он съест, а оттого, что усваивает его организм; остальное превращается в шлак, который оседает в теле человека. Информация сама по себе не делает человека знающим или мудрым. Знание человека – это переработанная информация через смысловую и эмоциональную память, тогда человек владеет информацией. Избыточная информация подавляет его. Когда скульптора

Фидия²⁸⁴ спросили, как он создает свои произведения, тот ответил: «Я беру мрамор и отсекаю от него все лишнее». Поэтому через волевое незнание лишнего мы можем достигнуть истинного знания. Ограничив деятельность души, которая вырождается в механическую память и накал страстей, мы получим возможность открыть мир другого – духовного познания, как начала вечной жизни.

О болезнях диспута и дискуссии

*«Уж год, как шляется со мной,
Повсюду маркбургский философ
Мой ум он топит в тьме ночной,
Метафизических вопросов».*

.....
*«На вечный роковой вопрос,
Отвечает философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина и правда – метод»
Андрей Белый²⁸⁵*

Участникам дискуссии вначале надо четко определить тему и в дальнейшем не отклоняться от нее. Необходимо найти общую платформу, то есть то, с чем все согласны. Используемые источники доказательств должны быть авторитетны для обеих сторон. Затем надо построить аксиологическую шкалу этих источников. Высшей степенью достоверности обладает Библия, догматические и канонические определения соборов, затем литургия и патристика. В самой патристике следует различать согласное учение всех или большинства отцов, и частные мнения, имеющие условное значение, а затем выделить по теме определенный круг ошибок и неточных формулировок, которые идут в разрез с основами вероучений, для того, чтобы не употреблять их.

Часто непонимание участников дискуссии друг друга происходит из-за того, что в один и тот же термин, имя, или определение, люди вносят различный смысл, поэтому узловые термины должны быть определены и приняты в одном значении всеми участниками диалога. Затем необходима строгая последовательность; здесь забегание вперед недопустимо: последующее должно вытекать из предыдущего. Только добившись общего понимания и согласия в одном пункте, можно переходить к другому. Разумеется, логический анализ не может быть применен к библейским цитатам, имеющим

сверхлогический характер, а к форме диалога, как определенной системе доказательств.

Христианский диалог в корне отличается от софистического. Там стремление – запутать в противоречиях противника и всеми путями одержать победу, а здесь должно быть искреннее желание помочь друг другу в поиске истины; без этого плодотворная дискуссия невозможна.

Дискуссия, как и логика, имеет свои законы. Но чтобы лучше понять их, надо рассмотреть ошибки и злоупотребления, допускаемые в дискуссии, то есть патологию дискуссии. Мы попытались выявить несколько таких характерных синдромов.

Синдром Остапа Бендера

Великий махинатор уверенно вступает в диспут с ксендзами, как полномочный представитель науки. Чтобы убедить читателей в своей эрудиции, он начинает скороговоркой произносить латинские глаголы неспрягаемой формы, которые зубрил во время учебы в гимназии. Разумеется, неспрягаемые глаголы никому не были понятны, и отношения к диспуту не имели, но произвели па присутствующих неотразимое впечатление. Они уверовали в правоту Остапа. Этим диспут был закончен, и друзья на радости отправились в пивнушку. Последователи Бендера твердо усвоили его приемы. Они начинают диспут со слов «наука доказала», «совершенно ясно», «только глупые не понимают этого», «все великие люди согласны с нами», «это несомненный факт», при этом цитируют латинские глаголы, поздравляют себя с победой, и сами себе пожимают руку.

Синдром скунса

Это небольшой зверек, с красивой шерстью, который известен тем, что защищается от врагов путем выделения вонючей жидкости. Даже львы и медведи опасаются скунса и позволяют ему съесть часть их добычи. Обычно скунс первым не нападает, но если его нечаянно задеть, то он быстро оборачивается задом к противнику и пускает струю чрезвычайно отвратительного запаха, который долго не выветривается. Наш совет – избегать диспутов с представителями племени скунсов,

чтобы не быть обрызганным зловонной жидкостью, которая у скунсов всегда наготове.

Синдром Иуды

Некоторые называют его синдромом Красницкого, известного обновленца-provokatora²⁸⁶. В 20-ые годы, когда Церковь подвергалась систематическому разгрому, а священники – репрессиям, этот «красный Иуда» обвинял своих противников, и вообще неугодных ему лиц, в прессе в том, что они враги народа, тайные контрреволюционеры, заговорщики против советской власти, и т.д., а также выступал в качестве свидетеля на судебных процессах, обычно заканчивающимися расстрелом невиновных. Синдром Иуды-Красницкого это доноительство на своих идейных противников клевета через прессу, чтобы направить против них общественное мнение. Надо сказать, что даже безбожная власть, пользовавшаяся услугами таких людей, относилась к ним с чувством величайшего презрения.

Синдром Геббельса²⁸⁷

Геббельс в откровенных разговорах с работниками своего идеологического аппарата говорил, что маленькая ложь может вызвать подозрение, а большая – воспринимается как правда. Кроме того, ложь следует повторять и муссировать. Человеку психологически трудно представить, что все, что он услышал – сплошная ложь. Чем больше масштаб такой лжи, тем она выглядит более правдоподобной. Поэтому совет Геббельса: «Лгите, ничего не боясь и не стесняясь, лгите как можно больше и увереннее, и успех обеспечен.

Синдром «ушиб демона»

Средневековые схоласты в шутку говорили, что демон, будучи свержен с неба, упал на землю вниз головой и сильно ушиб ее. В результате такого удара он потерял способность логически мыслить. Обычно демон в дискуссиях болтлив, но всегда путается в своих выводах и не может найти связи между причиной и следствием. Несмотря на то, что демон обладает обширной информацией, он не способен построить ни одного правильного силлогизма²⁸⁸. Синдром ушиба – это или действительная неспособность последовательно и четко

мыслить, или сознательный прием – ввести в заблуждение оппонента, т.е. словесное шулерство, в расчете не на ловкость рук, а языка.

Синдром Хрущева

Этот политический деятель, когда не хотел ответить на заданный вопрос, то начал говорить на другую тему. Так что, слушатели не понимали, что и к чему он говорит. При этом Хрущев говорил без остановки и перерыва, подавляя слушателей лавиной слов, изматывая их; затем он заявлял, что время встречи истекло, благодарил за внимание и тряс руки собеседников. Этот прием – утопить вопрос в дымовой завесе слов и тем самым уйти от ответа.

Синдром прокурора

Участник диалога обращается со своим собеседником как прокурор – с преступником. Он предъявляет обвинение, требует отчета и выносит свой приговор. Такой человек постоянно теряет представление о своей мере и о своих правах. Мы уже не говорим об этике. Он постоянно забывает, что говорит не с подсудимым, а со своим собратом, ему не сидится за общим столом, ему все время хочется облачиться в мантию судьи и вспрыгнуть на прокурорское место.

Синдром скептика или зайца

В критические минуты дискуссии он вдруг заявляет, что человек по своей ограниченности ничего не может знать и надо дожидаться страшного суда, чтобы получить ответ. Тогда непонятно, зачем вступали в дискуссию.

Синдром трагика

Надо представить себя актером-любителем в провинциальном театре, который произносит монолог короля Лира²⁸⁹, или Ричарда III²⁹⁰, извергая проклятия, и призывая в свидетели небо и землю. При этом надо закатывать глаза вверх и потрясать кулаками. Надо помнить, что лучший вид защиты – это наступление. Кричите, как на восточном базаре, где вы в одно время продаете и покупаете, заглушайте слова оппонента неразборчивым гоготом, как некогда коммунисты глушили своего врага в эфире, потопите его в потоке слов, повторяйте почаще: «я пришел в ужас», «земля и небо содрогаются от слов

этого человека», «караул, помогите», «такой ереси еще не было от сотворения мира». Не бойтесь говорить бессмыслицу, ваши слова никто не будет запоминать, но останется впечатление, что ваш оппонент совершил что-то такое, от чего вы пришли в ужас, поэтому гогочите, хлопайте руками, как гуси крыльями и, при этом, кричите, что спасли Рим.

Синдром барона Мюнхгаузена

Это неудержимая фантазия приписывать оппоненту то, чего он вовсе не говорил и даже не думал. Например, ваш оппонент сказал: «солнце встало», кричите в ответ: «Значит, солнце может ложиться и садиться? Смотрите, он бесстыдно проповедует, что солнце – это живое существо, у которого есть ноги. Неужели он не читал послание V Вселенского Собора, который предал анафеме тех, кто считает, что небесные светила это одухотворенные существа. Ясно, он проповедует язычество в форме сабеизма²⁹¹». Затем сделайте экскурс в мифологию народов мира, блесните эрудицией, скажите, что у древних египтян божество солнца называлось «Ра», а в период нового царства – «Аммон»; у греков «Геллиос», у персов «Митра» и т.д., потом воскликните: «О, ужас, это идолопоклонник, мы разоблачим его. Да не будет, и да сгинет!» Затем расскажите ошеломленным слушателям о племенах, обитаемых в Юкотане²⁹², которые приносили на площадках своих пирамид человеческие жертвы божееству солнца, иногда по несколько тысяч пленников и, указывая пальцем на оппонента, торжественно и скорбно скажите: «Вот, оказывается, что хочет этот человек». Затем, снизив голос до шепота, добавьте, что жертвоприношения у солнцепоклонников совершались, с особой жестокостью: жрец рассекал грудь пленника, вырывал у него еще бьющееся сердце, и бросал его к подножию своего грозного божества. Затем снова повернитесь к оппоненту и закричите: «О, злодей, если ты задумал со своими сообщниками применить этот ритуал к моему народу, то, вот, моя грудь, первой режь ее!» (аплодисменты неминуемы). На другой день радиостанция, под названием «Свобода от стыда № 4» передаст, что там – то, и кем – то, были разоблачены тайные солнцепоклонники, подозреваемые в каннибализме:

«Подробности мы будем регулярно сообщать радиослушателям». Что произошло, никто не поймет, но впечатление останется. И можно будет услышать такой разговор: «Кажется, появились новые асасиды²⁹³ и убивают прямо на улицах. Дело темное, во всяком случае, нужно быть осторожным, – что хорошего можно ожидать от фанатиков!?».

Синдром «золотого пера»

После того, как Ренан²⁹⁴, известный ориентолог, специалист по древним и восточным языкам, написал клеветническую книгу «Жизнь Иисуса Христа», то одно из сатанинских обществ преподнесло ему в подарок ручку с золотым пером ювелирной работы, которую он с благодарностью принял и писал ей свои фальсификации по истории христианства и древней церкви. Здесь наука целенаправленно обращена на служение лжи и разрушение религии, но при этом Ренан, с иезуитским лицемерием, выдает себя за почитателя Христа. Постоянно восхищаясь Им, он старается внушить своим читателям, что Иисус из Назарета – мечтатель и романтик, который сделался авантюристом религии.

Синдром Уленшпигеля²⁹⁵

Имя героя известного романа Шарля де Костера²⁹⁶ «Тиль Уленшпигель» означает «ваше зеркало». Герой романа, еще будучи мальчишкой, любил передразнивать людей, проходящих мимо его дома тем, что мимически копировал их и строил забавные рожи. Цель этого приема – вместо доводов употреблять по отношению оппонента язвительные насмешки, показать его в смешном виде. По остроумию Тиль Уленшпигель явно уступает находчивым кинто²⁹⁷, которые даже устраивали соревнования в шутках друг над другом. Подобные традиционные встречи, как праздники, проводятся теперь в болгарском городе Габрово. Впрочем, современные шутники в дискуссиях, к сожалению, не подражают добродушным и беззлобным кинто, а стараются насмешкой вызвать презрение к своему оппоненту. Совет: когда видите, что дело плохо, отвечайте взамен аргументам оппонента юмором и насмешками, то есть карикатурой, написанной не карандашом,

а словами и гримасами. Доводов против насмешек не существует.

Синдром ловца блох

Попытайтесь найти у своего оппонента какую-нибудь ошибку, например, не на месте поставленную запятую, а затем кричите, что если запятая стоит не на месте, то значит, весь текст сомнителен, так как обличает в вашем оппоненте человека невежественного в вопросах грамматики. Можете рассказать, что в древних академиях под грамматикой подразумевался весь комплекс гуманитарных наук, как, например: философия, логика и риторика. Поэтому лишняя запятая, или отсутствие запятой, является потрясающей неграмотностью и неслыханным невежеством. Потом, на всякий случай, следует прибавить, что может быть никакой запятой там не было, а только остались следы от типографического пятна, но эффект остается: слова «невежественный», «варварский» будут еще долге звучать, как эхо, в ушах слушателей.

Синдром следопыта

Спросите оппонента, загадочно улыбаясь: «Кто была ваша прабабушка?». Если он ответит: «Не знаю», то продолжайте: «Ты не знаешь, а мы знаем, и скоро все узнают об этом». Такой аргумент является прекрасным отвлекающим методом, и заставляет слушателей подозрительно относиться к правнуку бабушки – инкогнито.

Синдром врага

Он являлся одним из атрибутов внутренней политики большевиков. На плакатах, в газетах, журналах изображались злобные «враги народа». Чтобы отвлечь внимание людей, им внушалось, что они окружены «врагами», что ими могут быть члены собственных семейств, что «врагов» надо обнаруживать и разоблачать. В 20–30-ых годах 20-го века в университетах студенты судили своих профессоров за недостаток «классового самосознания». Их выводили на сцену, и они перед присутствующими просили прощение, «признаваясь» в своих «буржуазных пережитках», обещая бороться с этими пережитками. Но, разумеется, это был самый легкий вид наказания; большинство из интеллигенции было

репрессировано. Шалва Нуцубидзе²⁹⁸ впоследствии говорил своей супруге Кетеван: «Страшно было не то, что нас судили поддонки, и им поддакивали некоторые из наших запуганных коллег, а страшно то, что люди, которым мы отдали свои знания и труды своей жизни, так легко поверили в это». Выдающиеся поэты Валериан Гаприндашвили²⁹⁹ и Паоло Иашвили³⁰⁰ покончили жизнь самоубийством для того, чтобы не участвовать в грязном поиске «врагов народа». Конечно, теперь времена не те, но желания совпадают: показать своего оппонента врагом человечества, народа, прогресса, культуры и т.д., врагом чего угодно, но именно врагом. Здесь включаются эмоции, которые действуют на сознание, как опьяняющий напиток. Это старое оружие, порядком поржавевшее, но которое еще можно употреблять в действии. Этот синдром уже оброс бородой, но не хочет уходить в отставку.

Синдром сплетницы

Чтобы избежать обвинений в клевете, выпады против оппонента производятся в такой форме: «Я слышал это от соседа по купе, с которым ехал в одном вагоне; мне сообщил об этом надежный человек; мне передали это по телефону, не назвав своего имени; разве вы не знаете, что об этом все говорят», и т.д. Эти слухи и сплетни могут носить самый фантастический характер. Ведь анонимное лицо по телефону может сказать, что оппонент ел человеческое мясо. Если такой клеветник будет пойман во лжи с поличным, то он может сказать: ведь я же этого не утверждаю, я говорил что слышал, а за достоверность не ручался. Обычно такой метод производит эффект, только надо обвинения произнести громко и торжественно, а слова «слышал от кого-то» -тайнственным шепотом, который также интригует слушателей: может быть это сообщило особо важное лицо, которое хотело остаться неизвестным. Но так как клевета мало кого возмущает и редко когда наказывается, то, если все же клеветника уличат во лжи на месте и поймают как вора за шиворот, он может особенно не беспокоиться, а даже принять оскорбленный вид и ответить бранью.

Синдром либерала

Либерала характеризует необычайная широта взглядов, которую он постоянно афиширует. Он одновременно демократ и монархист, православный и католик, теософ и антропософ, – и все в одном лице. Какой цвет примет в данный момент этот хамелеон – трудно представить. Либерал говорит с позиции широкой свободы, свободы для сектантов, свободы для гомосексуалистов, свободы для детоубийства, свободы для нудистов и т.д. Он требует снятия всех ограничений нравственного характера; демонстрацию гнусностей и разврата он оправдывает свободой совести и слова. Только одних он лишает права на свободу – православных, которые хотят сохранить свою веру и традиции. Он готов защищать пером, как мечом, католиков, иеговистов, кришнаитов, поклонников Раджиша и т.д. Но когда дело идет о православии, то у него начинаются припадки пароксизма³⁰¹ и, забыв о призывах к терпимости, и сбросив прежнее благодушие, как маску, начинает православным оппонентам наклеивать ярлыки: «обскурант»³⁰², «фанатик», «невежда».

Синдром рыбы-дикобраза

Это небольшая рыбешка имеет одну особенность: при опасности она раздувается до размеров футбольного мяча, и крупные рыбы, не понимая, что это пузырь с воздухом, в испуге отступают от него, как от грозного противника. Такой человек начинает дискуссию со своей собственной биографии в стиле апокрифа³⁰³, перечисляет свои звания и заслуги перед наукой и обществом и, расхвалив самого себя, не забывает, как бы вскользь сказать, что его дядя генерал, а тетушка профессор, доктор и лауреат. Затем он издалека показывает какие-то документы, как Остап Бендер квитанции, и рассказывает, что несколько лет назад архиерей ответил на его поздравление с днем рождения любезной телеграммой, из за его личных достоинств. В конце речи он заявляет, что лучше всех знает, что кому надо делать, и предлагает проект радикального переустройства общества.

Синдром экзаменатора

Такой человек, когда ему нечего сказать по существу, вдруг начинает задавать своим оппонентам неожиданные вопросы: в каком году и за что был убит последний из братьев Гракхов³⁰⁴; какая разница между учениями Севира³⁰⁵, Юлиана Галикарнасского³⁰⁶ и абуны Теофилоса³⁰⁷, и какое из них более близко к Аполлинарию Лаодикийскому; в каком роде Дух Святой стоит в арамейском и сирийском языках и т.п. Обычно оппоненты не сразу могут ответить на эти вопросы, да и сам он не особенно разбирается в исторических датах и еретических хитростях, но эффект произведен: он смотрит на них торжествующе, как на провалившихся на экзамене студентов. Он как бы говорит: «Вы, мелкота, не знаете таких простых вещей, а еще хотите спорить со мной». Если его спросят, а какое отношение это имеет к теме, то он ответит: «Самое непосредственное; но из-за вашего незнания и неподготовленности вы не сможете понять моих доводов, поэтому примите мои слова на веру». Если члены дискуссии настолько наивны, что позволяют экзаменовать себя как школьников, то синдром экзаменатора может перейти в синдром Асаргаддона:

« Я вождь земных царей, я царь Асаргаддон.

.....
Кто превзойдет меня, кто будет равен мне!

.....
И вот, стою один, величием упоен»³⁰⁸.

Это синдром самопревозношения

Итак, разумный, корректный и целесообразный диалог приводит если не к согласию, то взаимопониманию; а неразумный – к еще большему разделению и отчуждению. Поэтому все мы должны учиться культуре диалога и диспута, разумеется, не исключая автора статьи.

Об апокалиптическом времени и «апокалиптиках»

Наше время апокалиптично. Но когда оно не было апокалиптическим? Уже в апостольские времена христиане видели демоническое олицетворение и проявление зла в окружающем им мире. Они как бы воочию созерцали тени апокалипсиса во времена кровавых гонений и мрачные очертания «зверя из бездны», который хочет растерзать Церковь-Невесту Христа, как львы разгрызали своими зубами тела христиан в стенах Колизея. В событиях мировой истории они предчувствовали и ощущали грядущие катастрофы, и контуры апокалиптических картин вырисовывались перед их глазами все более ярко и четко. Апокалипсис начался со времен пришествия Христа на землю. На Патмосе Иоанн Богослов созерцал то, что есть и будет.

Зло всегда существовало в мире и возрастает из поколения в поколение. Оно похоже на полноводье реки, которая, поднимаясь выше, прорывается сквозь плотины и затопляет берега. Зло концентрируется в личностях – врагах христианства, которые выходят на сцену истории как предтечи антихриста. Но есть еще серый будничный апокалипсис – это оскудение любви и веры, это разврат и ложь, это равнодушие и жестокость, это повседневная борьба человека против человека, которая отнимает духовную радость и делает жизнь цепью мелких преступлений. Это кропотливая и, как бы, незаметная работа темных сил, которые готовят путь грядущему зверю. В этом отношении настоящее уже содержит в себе элементы будущего и является его прообразом.

Когда наступает старость, то говорят: близок конец жизни. Но, сколько будет продолжаться старость, не известно, может быть она окажется более долгой, чем юность, и спуск с горы – продолжительнее, чем восхождение на нее. И теперь, как раньше, христиане чувствуют нарастающую силу греха и оскудение добра – эту нравственную энтропию мира. Но время, когда перевернется последняя страница истории, не известно. Господь сказал, что скоро придет судить живых и мертвых, но в

каких космических измерениях сказаны эти слова – мы не знаем. В Откровении Иоанна Богослова написано, что блаженны те, кто читает эту книгу – Апокалипсис³⁰⁹. Они блаженны потому, что не обольщаются вечным пребыванием на земле, потому что они готовы к испытаниям; они блаженны потому, что знают конечное поражение зла и победу добра. Но видение Апокалипсиса не закрывало от христиан главную задачу их жизни – приготовить себя к смерти и встречи с Христом, которая произойдет независимо от сроков истории. Открытие будущего в Апокалипсисе заставляло их искать и видеть апокалипсис в своем собственном сердце, где Христос борется с антихристом, где демон старается разрушить храм человеческого сердца, где сам человек видит себя то в стане святых, то в селениях темных сил. Этот внутренний апокалипсис открывался подвижникам, и они плакали о себе, созерцая и ощущая трагизм мира в своем собственном сердце.

Блаженный Августин пишет: «Бог сделал больше, чем если бы уничтожил зло. Он заставил само зло служить добру». Но демон, как обезьяна Бога, хочет добро превратить в зло, и саму книгу Апокалипсиса, в руках людей, не стяжавших благодати, сделать книгой каких-то гаданий. Так возник тип «апокалиптика», отключенного от внутренней духовной жизни, который занимается тем, что высчитывает время пришествия антихриста и конца мира, т.е. хочет украсть ту тайну, которую Христос скрыл от мира. Он тщательно собирает сведения о катастрофах, делает вырезки из журналов и газет о наводнениях, приближения кометы и т.д. Он говорит своим слушателям, каким то торжествующим тоном: вот открылась озоновая дыра и все умрут от облучения; слышали вы новость, что приближается комета, которая должна столкнуться с землей: будет взрыв, который уничтожит человечество, а если она упадет в океан, то поднимутся волны, которые зальют всю поверхность земли, как во дни всемирного потопа. В это время он смотрит на окружающих его людей, с каким то торжеством, не лишенным чувства собственной значимости, как будто он достиг какой-то победы. Он берет толстую тетрадь, где записаны предсказания о кончине мире и утверждает, что уже все

исполнено; затем начинает выводить какие-то уравнения и объявляет, что антихрист уже в миру, но открыто явится через один или два года. Затем он без передышки говорит о том, что начинается таяние льда в Антарктиде, уровень океана повысится на несколько метров и прибрежные города будут затоплены; на Черном море произойдет взрыв сероводорода, и снова начнут действовать вулканы. Но верит ли он сам во все это – неизвестно. Для него главное – произвести эффект во чтобы то не стало.

Если таким «апокалиптиком» становится священник, то внутренняя духовная жизнь в пастве постепенно заглушается, и прихожане начинают больше думать о том, какие катастрофы и когда ожидают мир, чем о стяжании благодати, без которой человек сам становится для себя антихристом. Во время бесед таких пастырей со своими пасомыми, атмосфера становится наэлектризованной. Все ждут от своего духовного отца откровения о конце мира, как во время спиритических сеансов ждут ответов от медиумов, вызывающих духов. Хотя эти предсказания, как правило, никогда не исполняются, но этого стараются не замечать или объяснить ошибкой в расчетах. В таких общинах не занимаются Иисусовой молитвой, не читают книг о духовной жизни; там нет духовного света, который согревает сердца людей, – там какая-то «магия» страха. Эти люди забывают о промысле Божьем, обещании Христа – сохранить свою Церковь от врат ада. Вместо приветствия они говорят друг другу: а слышали ли вы новость; а читали ли вы о таком-то происшествии, – значит, скоро будет конец мира. И, в тоже время, эти люди чувствуют себя какими-то пророками последних времен и считают, что они совершают особо важную миссию.

Апокалипсис Иоанна Богослова написан огненным языком, как будто соткан из сверкающих молний. Он представляет собой оружие против забвения и нерадения. Он не дает застыть человеческому сердцу, но, в тоже время, для гордых и нераскаявшихся душ он превратился в меч, которым они ранят сами себя.

Апокалипсис это не столько реквием о погибающем мире, – сколько гимн во славу Нового Иерусалима, сходящего с небес. Древние христиане ждали конца мира как избавления от страданий, как переход в лучшую жизнь.

Современные апокалиптики говорят о конце мира, как о неминуемой катастрофе. Что будет дальше – их мало интересует: за поверженным Вавилоном они не видят Небесного Иерусалима. Если спросить такого апокалиптика, как ты готовишься к пришествию Христа, занимаешься ли ты Иисусовой молитвой, проводишь жизнь в покаянии, творишь милостыню? – То тот ответит: я слышал, что антихрист уже родился он придет к власти в тридцать лет, и будет царствовать три года; он будет ставить на чело и руку печать, об этом я предупреждаю людей, чтобы они не приняли ее.

Если сказать ему, что надо не только отвергнуть печать антихриста, но еще принять печать Христа, – знамя, перед которым херувим, хранящий врата рая, опускает огненное оружие, – это Имя Иисуса Христа, соединенное с сердцем, то апокалиптик ответит: меня об этом не учили, то я могу объяснить, что такое число зверя.

Апокалипсис был любимой книгой св. Филарета Московского³¹⁰, – одного из самых проницательных умов своего времени. В ней он черпал силы в борьбе за православие, которую вел в течение десятков лет. Но для людей страстных и гордых, попытки проникнуть в тайны истории, могут привести к духовному заблуждению или перевести их внимание от самого главного – внутренней жизни, – к внешнему, сокрытому от нас.

Надо не забывать, что встреча с Христом произойдет не только в день Второго пришествия, но после смерти, неизбежной для человека. И к этой встрече должен готовиться всю жизнь каждый христианин.

Причины потери духовности

Почему современная религиозная жизнь находится в упадке? Почему теоретическая вера соединена у нас с бытовым атеизмом? В последнее время были канонизированы многие святые – как будто под линзами мощных современных телескопов обнаружено множество новых звезд. Мы радуемся канонизации, однако сами требования к уровню святости по сравнению с предыдущими веками понижены. В этих многочисленных канонизациях чувствуется не только радость прославления новых молитвенников Церкви, но в некоторых случаях определенная тревога: а вдруг они сами еще нуждаются в наших молитвах? Впрочем, и этому есть объяснение. Уже египетские отцы говорили: «Мы подобны тем, кто плывет по течению реки, здесь сам поток помогает пловцу, – это дух благочестия, окружающий нас. А в последние времена христиане будут подобны тем, кто плывет против течения, – им надо будет употреблять больше усилий. Поэтому если они устоят в вере, то будут выше нас и отцов наших».

Но все-таки каковы причины потери духовности и оземления христиан нашего времени? Рассмотрим этот вопрос с несколько иной позиции. Что искали монахи в пустынях, что давал им затвор? Почему жизнь в пустыне, несмотря на все лишения, казалась им преддверием рая? Обычно говорят: они уходили от земных забот, которые отрывают человека от Бога, они удалялись от причин своих страстей, которые таятся в сердце человека и при определенных обстоятельствах могут вспыхнуть, как пламя; они находили покой в безмолвии и молчании. Но все-таки что происходило в самом человеке, какая перемена, когда он пребывал в одиночестве в пустыне и затворе или же до минимума сокращал контакты с миром?

Душа человека содержит огромный объем информации. Часть этой информации вложена в саму природу человека – это врожденные знания, которыми в какой-то степени обладает младенец даже до рождения. Врожденные знания относятся как к душе, так и духу человека: душе, – так называемая

генетическая память, без которой ни одно существо не способно жить; врожденные знания духа связаны с образом Божиим в человеке – это, прежде всего, религиозное чувство. Другой вид информации – приобретенные знания. Они необходимы, так как человек беспрерывно контактирует с окружающей разнообразной, меняющейся средой. Душа человека обладает способностями памяти: первая – запоминание, вторая – забывание, переход знаний из области сознания в подсознание, и третья – припоминание, расторможение, возвращение знания или информации из подсознания в область сознания. Это работа механической памяти, самого простейшего и грубого вида памяти.

Но существует еще другая способность души – это творческая память, где душа не просто хранит информацию, но перерабатывает ее, оценивает, сопоставляет, находит ассоциативные связи между явлениями, заключает знания в символы, ищет нового. Эта способность называется творческой памятью. В свою очередь, она тесно связана с эмоциями; каждый предмет, событие или факт вызывают у нас соответствующие эмоции – наши переживания. Память о переживаниях – это область эмоциональной памяти. Чем глубже эмоциональная память, тем богаче душевный мир человека.

В пустыне или затворе происходит сознательное ограничение внешней информации. Здесь разгружается механическая память и активизируется творческая память, связанная с эмоциональной памятью. Происходит освобождение души от груза лишней информации, и за счет уменьшения количества повышается качество обработанного и использованного материала.

Мы общаемся посредством символов. При загруженности механической памяти символ лишается эмоционального подтекста и коммуникативная дистанция между символом и символизируемым увеличивается. Слово отрывается от его смысла, оно становится плоским и однозначным. Теперь за человека значительную часть его умственной работы производит машина. Из-за этого постепенно деградирует и ухудшается творческая память человека, и в то же время

обилие информации, доставляемое этими машинами, загружает механическую память человека и истощает его эмоциональную память. Если мы окинем взглядом литературу прошлых веков, то увидим, что многие переживания ее героев по сути Дела стали для нас недоступны. Мы эмоционально обеднили свою душу, и только страсти, как допинг, могут пробуждать ее.

Духовный мир имеет определенное подобие с земным миром, и поэтому язык символов позволяет нам через ассоциативные связи, подкрепленные мистическим чувством, иметь некое познание о том, что лежит за пределами сенсорных чувств и логики рассудка. Простейшим символом является слово. Оно вводит нас в определенное бытийное поле, реальное или мысленное. Загруженность механической памяти не дает возможности человеку творчески осмыслить слово и эмоционально углубить его. Поэтому наше слово стало сухим и безжизненным; поэтому даже литература перестает интересовать людей именно потому, что у них понизилась способность сопереживать. Им более близки уже готовые картины.

Телевизор предлагает взамен книг образную имитацию действительности, притом насыщенную самыми грубыми страстями. Многочасовые телевизионные передачи еще более угнетают механическую память человека, наполняя ее огромным объемом информации, почти ненужной, а также подавляют его эмоциональную память посредством картин убийств, садизма и секса.

У современного человека пропадает чувство ассоциативной связи между предметами и событиями. У него исчезает чувство гармонии и красоты. В результате всего этого у наших современников молитва стала мертвой и поверхностной. Они говорят слова молитвы, не вникая в них, не переживая их эмоционально. Во время молитвы они похожи на тяжелобольного, который то приходит в сознание, то снова теряет его на продолжительное время. Только борьба со страстями может раскрепостить духовные чувства и религиозные интуиции, благодаря которым человек чувствует себя принадлежащим к двум мирам. Только жесткий отсев

внешних впечатлений и информации дает возможность творчески перерабатывать те знания, которые приобретает человек, и те реалии, с которыми он встречается.

Безмолвие для пустынников и затворников было условием, при котором происходила гармонизация их душевных и духовных сил, когда механическая память служила творческой памятью, предоставляя ей нужный материал, а творческая память, как зодчий, воздвигала строение. Что происходит с пустынником? Когда он молится, то освобожденная творческая память соединяется с эмоциональной памятью и как будто в привычных словах молитвы с каждым разом открывает все новое. Слова молитвы настолько глубоки, что в них всегда будет открываться новое. Наши эмоции никогда не повторяются, поэтому во внутреннем переживании слова молитвы будут восприниматься как новое. Поэтому Иоанн Кронштадтский³¹¹ советовал читать молитву так, как будто ты читаешь ее в первый раз, чтобы активизировать творческую и эмоциональную память, подавленную прессом механической памяти. Для затворников каждое слово было новым не по форме, а по содержанию, поэтому их молитва была духовным творчеством, ее изобретательностью, а раскрытием духовного потенциала, прикосновением к бездонной тайне метафизического бытия.

Мы говорили только об одной стороне человеческой молитвы, а другая – благодать Божия, которая очищает и одухотворяет душу человека, возводит ее еще ближе к совершенству, однако действует на человека настолько, насколько сам человек готов к принятию благодати. Поэтому молитва неразрывно связана со всей жизнью человека, с его духовной борьбой со страстями и грехом. В пустыне и затворе особенно ясно чувствуется душой неестественность греха и его непосредственная связь с демоническим миром. Для человека, потерявшего духовное чувство и живущего страстями, грех представляется в привлекательном виде, а последующее за грехом разочарование быстро забывается, и человек снова стремится быть обманутым собственной страстью. Механическая память, подавляя эмоциональную память, еще

более дезориентирует человека и делает его беспомощным перед огненными испытаниями страсти.

Проклятие нашего века в том, что мы потеряли молитву. Потеряв молитву, мы теряем реальное ощущение Бога. Мы произносим слова молитвы, но как бы перебираем их, как перебирает ребенок камешки. Наш ум может или обленился вникнуть в их смысл. Наше сердце глухо к ним. Мы ищем привычного широкого потока информации, поэтому во время молитвы ум человека окружен целой тучей помыслов. Потеряв реальное чувство Бога, человек становится бытовым материалистом; который молиться, как нужно, не может, а Евангельские заповеди исполнять не хочет.

Святые Отцы говорят: благодать приходит тем путем, которым она ушла. Поэтому нам надо отказаться от неуправляемого потока информации, чтобы заключить в держать наш ум в «тесноте» молитвенных слов, и тогда, после многих трудов, мы войдем через узкое подземелье в сокровищницу, и перед нами откроется новый мир (вернее, его преддверие), о котором сказал апостол Павел: «Ухо не слышало, око не видело, и на сердце человеческом не восходило»³¹². Это луч вечного света и тени божественной красоты.

О слове

Что такое человеческое слово? Ни один философ не дал на это удовлетворительного ответа, и вряд ли когда-нибудь ответ будет найден, так как слово возникает в глубине души, недоступной нашему наблюдению, и затем переходит в область сознания. Материалистическая психология назвала дар слова второй сигнальной системой, но это беспомощная натяжка, так как сигнал – одномерен, а в слове потенциально содержится целая сумма информации, которая раскрывается в контексте синтаксических построений. Слово многомерно и пластично, тогда как сигнал семантически однозначен и указывает только на одно строго определенное явление. Слово представляет собой символ, в котором закодирована информация. Человек, общающийся с другим через слово, влагает в него заданную информацию, которую хочет передать собеседнику, а тот воспринимает словесную информацию через дешифровку слова, при этом, дешифровка становится во многом интерпретацией, то есть она воспринимается индивидуально, преломляясь через человеческий интеллект и принимая условный вид и субъективную окраску.

В древних языках количество существительных и прилагательных было меньше, чем в современных (наполненных и отягощенных варваризмами), но от этого речь не была беднее, так как глагольных форм было больше, и поэтому фраза обладала динамикой, пластичностью, гибкостью и упругостью, и могла передавать состояние предмета, как бы схватывая его налету.

Современная речь имеет огромное количество слов, но это привело к большему дроблению мысли, большей хрупкости фразы. Нemoшь мысли искала себе компенсацию в количестве слов и делала речь более статичной и поверхностной.

Нам дороги древние языки именно потому, что они передают явления не в умерщвляющем анализе, а в их динамике. Если мы сравним Псалтирь на древнем и современном языках, то увидим, что древние языки

индуцируют глубокие душевные переживания, а современные языки принадлежат больше к области сознания, и в таком динамичном творчестве, как молитва, они представляются немощью слова.

Почему святые любили молчание? Потому что многословие обычно противоположно глубине мышления. Слово должно быть выявлением назревшей мысли, а в многословии преобладают страстно-чувственные импульсы, поэтому многословный человек часто спохватывается и жалеет, что он сказал лишние слова. Но это еще одна сторона беды: общение через слово требует большой затраты душевной и нервной энергии. В рождении слова или в творении слова участвует душа человека, при этом знание души переходит в кодированный потенциал, затем происходит дешифровка слова и внесение в память заложенной в нее информации. Это ведет к огромной затрате душевных сил, к поверхностному мышлению, неспособности глубоко вникать в главные проблемы и вопросы жизни. Поэтому болтливые люди обычно остаются до смерти пустоцветами.

Злоупотребление даром слова ведет к оскудению молитвы. Слово, оземленное, профанированное и вульгарное, привыкшее вращаться в сфере временного и видимого, не может так легко трансформироваться в слово, обращенное к Богу, в слово молитвы и, поэтому, молитва остается чуждой сознанию сердца. Это еще одна причина, почему современному человеку так трудно молиться: потому что он не предохраняет себя от многословия, потерял способность к размышлению и живет в атмосфере какого-то непрекращающегося блудословия.

Один из отцов сказал: «Когда у человека постоянно открываются уста, то он теряет душевную теплоту, – как зимой остывает комната, в которой часто открываются двери». Впрочем, сделаем существенную оговорку: Многословие – это не простое количество сказанных слов, как бы их арифметическая сумма, а обилие слов при скудости мысли, когда слова не поясняют, а скорее скрывают, как бы топят в своем потоке смысл речи. Для того, чтобы ребенку научиться говорить, нужно несколько лет; а для того, чтобы научиться

молчать, часто не хватает целой жизни. Преподобный Арсений Великий говорил: «Я часто раскаивался о своих словах, но никогда я не пожалел о своем молчании». Именно поэтому мысль аскетов была глубока, а слово обладало духовной силой.

Печать Каина и Авеля

Человечество похоже на тяжелобольного, который не хочет расстаться со своей болезнью и, лежа в собственных нечистотах, считает, что иначе жить нельзя. Возможно ли для такого человека исцеление? Наверное, нет.

Человечество адаптировалось к самым гнусным и скверным грехам. То, что раньше считалось позором, теперь называют свободой; то, что раньше возмущало совесть человека, теперь стало обыденным и привычным. История становится похожей на стремительный обвал. Можно ли остановить его, можно ли воздвигнуть преграду? Мы думаем, что это не в человеческих силах. Если бы была возможность возрождения человечества, тогда не был бы написан Апокалипсис. Если бы какой-нибудь правитель или царь решили возродить благочестие и искоренить разврат и порок людей железной рукой, то их назвали бы врагами человечества или безумцами; они были бы обречены на изгнание, позор или смерть. Этот поток грязи, обрушившийся на землю, нельзя остановить, как нельзя приказать реке течь от устья к истоку.

История человечества полна жутких картин преступлений. Но тогда, наряду со злом, существовало добро, и в анналах истории мы можем найти не менее поразительные картины величия человеческого духа. Теперь людей поражает новая болезнь, более страшная, чем СПИД, – это паралич человеческого сердца, это самозамкнутость и отчужденность людей друг от друга, это безразличие человека к человеку.

В этом мире гаснут последние лучи любви. Я помню картину: тучи нависли над горизонтом, идет долгий осенний дождь, заходящее солнце тускло светит сквозь облака, застилающие небосвод, и сетку моросящего дождя, подобного дыму. Оно кажется бледным, едва различимым пятном, которое догорает у края земли. Это остатки человеческих чувств дружбы и сострадания, которые еще видны внимательному взору, как отблеск света среди сгущающихся сумерек.

Люди потеряли Бога. Затем люди потеряли друг друга. А теперь человек потерял самого себя. Равнодушие чужому страданию – это душевная болезнь аутизм, который характерен для обитателей домов умалишенных. Параноики, склеротики, истерики, одержимые различными маниями прежде всего теряют чувство любви. Теперь этот симптом безумия стал свойством современного человека. Сатана похож на снайпера, который твердой рукой, без осечки, направил смертоносное оружие в сердце человека – это гордыня и разврат.

Разврат делает человека живым трупом. Гордыня не дает ему возможности принести покаяние. Гордый перестает видеть самого себя, глаза его души закрыты плотной повязкой. Разврат открывает для человека двери в ад. Гордость запирает эти двери за человеком. Святые Отцы сказали, что благодать может вернуться только тем путем, которым она ушла. А человек не ищет благодати, так как он не понимает, что потерял. В мнимом благополучии он забывает о Боге и стремится только да удовлетворению своих страстей. Во время несчастий он винит в них всех, кроме себя, и часто ропщет на Бога.

Одни и те же процессы происходят во всем мире. Как зараженная кровь несет отраву во все клетки тела, так разврат заражает и растлевает человечество. Господь обращается к личности человека, к каждому из нас с тощ же благой вестью о спасении. Если нельзя остановить поток, то все-таки возможно, хотя бы с трудом, выйти из него. Для этого нужны труд до конца жизни и постоянная память о том, что ты находишься на границе между жизнью и смертью; что дух мира стал духом смерти. Надо стараться выплыть из этого потока, выползти на берег и выплюнуть ту грязь, которой наглотался, плавая в его мутных волнах. Надо жить в мире, не видя этого мира, отказавшись от той пищи, которой он вскармливает своих детей. Нужно быть затворником в своем собственном сердце и там беседовать с Богом.

Есть две печати – Каина и Авеля. Грех без покаяния – это печать Каина, которая лежит на душе и теле человека. Покаяние и бегство от мира – это печать Авеля, которая запечатлевает сердце человека. После первого братоубийства род Каина стал

властвовать над землей. Это было на заре истории, а перед ее концом духовный род Каина снова захватит власть над миром.

Уже теперь человек редко вступает за другого человека, которого убивают на его глазах. Будет время, когда упавшего никто не поднимет, а пройдут через него, наступив ногой на грудь. Раньше человек мог радоваться человеку как своему другу или родному; теперь он смотрит на него с недоверием и внутренней отчужденностью. Современный человек может играть в любовь, но любить он не может – в этом главное несчастье и проклятие века. Господь не оставляет Свои создания; Он стремится пробудить их, посылая несчастья. Но даже катастрофы, от которых будет колебаться земля, не поколеблют душу, окаменевшую в грехах, и не пробудят ее для покаяния.

Мир приближается к состоянию агонии, поэтому христианин должен найти другой мир – не в звездных пространствах, а в собственном сердце. Исполнимо ли это? Господь говорит, что до последнего времени останутся избранники; поэтому то, что невозможно для человека, возможно для Бога, т.е. для человека, укрепляемого силой Божией. Поэтому поздно исправлять мир, охваченный огнем, а нужно спасать себя от мира. А те, кто из рода Авеля, узнают друг друга по духу.

Дети Авеля в наше время немощны. Они похожи на растения, выросшие на каменистой почве, у них чахлые листья и корень, который не может глубоко уйти в почву и напоить растение живоносным соком. Они опалены жгучим ветром этого мира, но они сохранили веру и память о небе. Они идут через грязь и болото этого мира, но несут, прижав к груди своей, драгоценную жемчужину – Имя Иисуса Христа. Они шатаются, падают и встают снова. Но, может быть, не за дела, а за веру помилует их Господь на Страшном суде.

Дети Авеля не исполнили заповеди, как их отцы, но, может быть, они будут избавлены от ада, потому что здесь, на земле, в наше время они прошли через духовный ад. Одежда их почернела от дыма, и лица обожжены огнем, но они не поклонились сатане, как богу этого мира. Дети Авеля спасаются скорбями и покаянием.

Дети Каина возлюбили грех, а любовь к греху – эта ненависть к Богу. Они хотят смерти Бога. Они не могут убить Бога, как погасить солнце, но подобны безумцам, которые ненавидят солнце и готовы выколоть себе глаза, чтобы только не видеть его света. Дети Каина, восстав против Бога, убили свой собственный дух и превратились в плоть. В кого им верить и как им верить? Подобное ищет подобного, поэтому их бог – сатана.

Во время нашествий диких орд люди, спасая свою жизнь, скрывались в горах, подземельях и пещерах. И теперь христианин должен бежать от мира, как от убийцы духа, бежать от внешнего в свое сердце и смотреть как бы издали на этот мир, уже почти потеряв Бога, но еще не испепеленный апокалиптическим огнем.

Мировоззрение и нравственность

Нередко, среди полурелигиозных людей, называющих себя «свободомыслящими христианами» или «христианами для себя», можно услышать следующие слова: «Главное в религии это нравственность, пусть каждый верит, во что хочет, и как хочет, лишь бы он делал добро людям... и был христианином». Но каким же образом без Христа можно быть христианином? Некоторые из таких людей заходят молиться в православный храм, а затем идут в католический костел или сектантские молельни. Они посещают мечети и синагоги, а если бы увидели языческое капище, то, не испытывая никакого сомнения, вошли бы в него, чтобы зажечь сандаловую палочку перед изображениями Шивы или Будды, и бросить цветок к ногам идола. Эти люди считают каждую религию путем, ведущим к Богу. «Все дороги ведут в Рим; а все радиусы – к центру» – говорят они; в этой широкой, а на самом деле вульгарной уравниловке – их духовное кредо, их «символ веры». Такие люди считают главным нравственные постулаты, а мировоззренческие принципы – философские и религиозные – временной, исторической или региональной формой, зависящей от культурного уровня и гения народа. Этот религиозный космополитизм им кажется проявлением гуманизма и культуры, а приверженность к религиозной системе и вера в незыблемость догматов – духовной гордыней, нетерпимостью к людям, дефицитом любви, обскурантизмом и слепым, жестким фанатизмом – узостью мышления и окаменением сердца. Можно ли рассматривать нравственность как автономную область человеческого духа, независимо от его мировоззрения? Думаю, что большинство людей согласятся, что основа нравственности это единство истины и любви; истины – как формы, любви – как содержания. Образно говоря, справедливость – русло реки, любовь – ее поток. Если в высохшем русле не будет воды, то никто не подойдет к ней, чтобы утолить жажду; если берега не будут сдерживать потока, то вода, разлившись по полям, превратится в грязное болото.

Гармония между правдой и любовью является шкалой нравственности.

Все религии или большинство из них, говорят о милосердии, добре и любви. Но одинаковый ли смысл имеет слово любовь и добро для представителей различных вер и конфессий? Может ли быть тождественна любовь к Богу у тех, кто представляет Божество как некую изначальную энергию, безликую силу, или тех, кто исповедует Бога живой Личностью? Может ли быть одинаковой любовь к Богу у христианского мученика или аскета, борющегося со своими страстями, и у язычника, приписывающего своим богам все человеческие грехи и пороки? Можно ли любить Ареса³¹³, залитого кровью, или Гермеса³¹⁴, покровителя воров и плутов, также как христианин любит своего Спасителя? В настоящее время имеется десятки сект, где поклоняются сатане и люциферу. Являются ли они также путем к Богу? И можно ли любить падшего ангела также как и Христа, принесшего Себя в жертву за человечество? Какого бога может любить буддист, когда боги для него это несовершенные будды, ждущие новых аватар³¹⁵ и перевоплощений? Буддизм относится к самой идее личного Бога и вечного богообщения с ужасом и отвращением. Если буддизм, слившись с местными религиями, уживается с пантеоном гималайских и тибетских божеств, то это для простонародья, а настоящий буддист бежит от богов, от мира и от самого себя в нирвану. Как может любить Бога шиваист-иог, который считает самого себя божеством? В своих медитациях индуисты отождествляют себя с абсолютom, поэтому их любовь – духовный нарциссизм (самовлюбленность). Можно ли говорить о любви как одинаковом чувстве, действующем в сердце христианина и мусульманина, когда Коран поощряет войны и насилие для распространения ислама, как религиозный подвиг, а в Евангелии Сын Божий открывает людям истину в Своем Лице, но не принуждает никого. Это не значит, что номинальные христиане не становились на путь насилия, но это было их нравственной слабостью, а не повелением веры.

Возьмем другой аспект любви, ее земной план – любовь к людям. Коран учит о любви и добре, но по отношению к

мусульманам. Мир для мусульманина делится на две части: мир ислама и область, лежащая за его границами. К этому, чуждому для себя миру «неверных», у мусульманина другая мораль: «Угнетайте и поработайте их, пока униженные и обессиленные они не примут ислам» (Коран). Если к христианам, иудеям и зороастрийцам, называемым «людьми закона», мусульманин может относиться терпимо, то по отношению к язычникам ислам находится в состоянии перманентной войны. Можно ли сравнить любовь, имеющую конфессиональный характер, с любовью заповеданной Христом, которая включает в себя даже личных врагов?

Талмуд призывает евреев к справедливости и милосердию, но делит мир также на две части: евреев и язычников (остальных народов), в результате чего талмудическая нравственность носит двойственный и казуальный характер. Евреи-талмудисты считают, что иудейский народ сотворен Богом, а другие народы – низшими духами. Поэтому уравнивать другие народы с Израилем это для иудаиста значит допустить религиозную несправедливость. Может ли брахманист любить человека, когда весь народ в его глазах разделен на замкнутые касты. Не только любовь, но даже физическое прикосновение к человеку низшей касты считается осквернением. Может ли любить индуист человека, когда для него весь мир – это только мираж и иллюзия, грезы Браммы. Любить человека для него также нереально как тень в собственном сновидении. Может ли любить буддист так, как христианин, если для буддиста высшим состоянием является отчужденность от всех и всего, а любовь как эмоция, привязывает душу к колесу бытия, т.е. к миру зла. Может ли бенгальский кришнаит любить человека так, как христианин, если для кришнаита высшим проявлением любви является порочная любовь, а Евангелие учит целомудрию в браке и безбрачии. Какая любовь была у античных язычников, не исключая их великих философов и моралистов, когда раба они считали своей вещью или животным? Можно ли назвать путем к Богу религию древних инков и ацтеков, которые во время религиозных празднеств вырезали сердца у тысяч пленников, чтобы бросить их на алтарь Солнца. Если все

религии равны, то значит, что или все они истинны или все неистинны. В первом случае – объективной истины не существует, истина не может противоречить сама себе, а религии расходятся в самых главных онтологических вопросах. Допустить множество различных истин это значит профанировать понятие истины, навязать ей условный изменяющийся релятивный характер: то, что вчера считалось ложью, сегодня может стать истиной и т.д. В таком случае, и сама нравственность будет носить непостоянный, меняющийся характер; она как бы растворится в аморфном как жидкость, и растяжимом как резина, плюрализме, или в историческом релятивизме, подобном сменяющимся кадрам киноленты. О какой же нравственной автономии могут говорить эти «христианствующие» либералы? Если все религии неистинны, то есть являются общением не с Богом, а с нулем, то само понятие религии должно быть отвергнуто. Тогда о каком сознательном христианстве или христианстве «для себя» может быть речь? Ложь, воспринятая как истина, искажает и деформирует сознание человека; ложное вероучение и догматы вносят в душу человека тление и смерть. Это трупные пятна на теле его души.

Догматы Православной Церкви – не философские концепции и абстракции, а светоносные истины, которые дают душе, как солнце, свет и жизнь. Между догматами и нравственностью существует невидимая, но постоянная связь. Искажение догматики нарушает нравственную цельность и гармонию, а нарушение заповеди, не омытое покаянием, ведет к искажению и потере догматического сознания. Церковь строго осудила заблуждение Оригена, потому что его учение об окончательном, предрешенном, неминуемом спасении мира (включая демонов), как возвращения линии окружности к своей исходной точке, где конец смыкается с началом, нравственно разоружало людей, скрывало от них весь трагизм греха, внушало ложные надежды, и этим самым ставили человека на край нравственной пропасти.

Для христианина источник любви к Богу – это не только благодарность за творение мира, но образ Бога, распятого за

грехи людей, образ вечной любви. Для христианина любовь к человеку, это, прежде всего, любовь к его бессмертному духу, к высокому достоинству человека, как образу и подобию Божию. Может ли быть такая любовь у атеиста, считающего человека случайным явлением во вселенной, временным конгломератом молекул и усовершенствованным зверем, объединенным вместе с обезьянами в одну группу приматов. Атеисты и либералы говорили об освобождении нравственности от религии и кончили тем, что в значительной степени освободили современного человека от нравственности. Характерно, что либеральные христиане стараются исключить из своего мировоззрения представления об аде и демоне, обойти эту область молчанием, или же представляют сатану простой метафорой, олицетворением человеческих грехов для того, чтобы спокойнее грешить, не испытывая страха перед вечными последствиями греха и перед тем, кто стоит за черной тенью греха, как режиссер за сценой.

Некоторые из современных богословов уже открыто называют учение о страшном суде и аде «жуткой мифологией». «Колыбельные песни» Оригена и современных либеральных теологов дают возможность спокойно дремать, не думая о смерти как экзамене жизни. Забвение о черной области ада как бездне, откуда нет возврата, и о демонах – вечных врагах человечества – лишает христианина бдительности над собой, духовного напряжения в молитве и хранения своего сердца от страстей. Он считает, что демон – это только теневая часть его собственной души, ад – страдания земной жизни, и поэтому встречает смерть неподготовленным, как бы безоружным и застегнутым врасплох, а реальная будущая жизнь – демонический мир, который он считал метафорой – оказывается для него неожиданностью и катастрофой.

Цареубийство – эксцесс революции?

В июле 1918 года, в Екатеринбурге, было совершено гнусное и подлое злодеяние, которое навсегда останется черным пятном в истории человечества – это убийство Императора Николая II³¹⁶ и его семьи. Последний православный император был расстрелян теми богоборческими силами, которые за 19 веков до того распяли Иисуса Христа. Здесь вопрос стоит не о личностях, а о сатанинском заговоре, который, развиваясь, как раковая опухоль, захватил своими смертонос-ными щупальцами огромную страну. В подвале ипатьевского дома произошло не только жуткое преступление, но кульминационный акт мистической трагедии, где государь стал одновременно жертвой и победителем, где царственная семья была коронована мученическими венцами. Некоторые люди, в том числе священнослужители, не могут осознать величие подвига и христианского благородства души императора, принявшего с непоколебимым мужеством, кротостью и покорностью воле Божией, ту чашу страданий и унижений, о которой ему было давно предвозвещено. В сиянии его жертвы открылась черная бездна, в которую влекли цареубийцы несчастный и ослепленный народ.

Мученичество – это подражание и уподобление Христу. Мученик становится причастником страданий Спасителя и пьет огненное питье из Его таинственной чаши: «Чашу, которую Я пью, и вы будете пить»³¹⁷. Подвиги мученичества разнообразны. Но в жизни императора Николая, уже ставшей житием, особенно явственно выступают силуэты Голгофы. Это вовсе не сравнение царя Николая с Господом. Даже величайший из святых Иоанн Креститель говорил, что он недостойн развязать ремня обуви Христа. Здесь другое, – промыслительное сходство, которое должно указать на сокровенную глубину мученического подвига царя. Когда Христос незадолго перед Своими страданиями смотрел с вершины горы на Иерусалим, – священный город, окруженный мощной крепостной стеной, с башнями, подобными утесам, – и храм, казавшимся паломникам золотым цветком,

выросшем на уступе горы Мориа³¹⁸, то Его глаза наполнились слезами. Он видел Своим божественным взором страшную участь Иерусалима: город, залитый кровью и лежащий в развалинах, как в каменной гробнице; груды мертвых тел на улицах и площадях, покрытых как черным саваном пеплом от пожарищ; одинокий остов сожженного храма и стаи ворон, клюющих трупы на месте Святая Святых. Он плакал о Иерусалиме, который отверг и предал на смерть своего Царя.

Последний император плакал о России, которая поверила врагам Христа, и приготовила себе страшную участь. В Гефсиманскую ночь Господь был оставлен учениками. В февральский день император был оставлен своим народом, и теми, кому доверял и считал друзьями. Толпа в претории Пилата кричала: «Не знаем другого царя, кроме кесаря»³¹⁹. Император Николай слышал те же крики: «Мы не знаем другого царя, кроме свободы». Народ избрал, как некогда разбойника Варава, жестоких кесарей революции. Христос восходил на Голгофу, изнемогая под тяжестью креста. Император сходил по ступеням ипатьевского дома – к своей Голгофе – держа на руках больного сына³²⁰. Ступеней было столько – сколько лет его царствования, как бы знак того, что его Голгофа началась со дня коронования. Христос был осужден на смерть как царь Иудейский. Римские воины одели Его в багряную мантию, вложили в руку трость как скипетр, одели на голову венец, и издевались над Ним, как над пленным царем. Христос сказал на суде Пилату: «Царство Мое не от мира сего»³²¹. Царство, отрекшегося от престола императора, стало царством «не от мира сего». Но богоборцы хотели, чтобы память о нем не осталась в душе народа. Вина Христа была написана на кресте «Царь Иудейский». Вина императора написана на скрижалях истории «Царь Российский». Но истинная вина заключалась в том, что перед лицом смерти он оставался царем христианским.

Участь России была подобна участи Иерусалима. Потоки крови напаяли землю плененной России в течение многих десятилетий. Смерть царя и его семьи была ритуальной жертвой, но мы вовсе не хотим сказать искупительной жертвой, так как единственная Искупительная Жертва это Христос –

другой Жертвы не было, нет, и не будет. Но смерть царя была тенью Голгофы. Христос на Кресте молился за своих врагов; император молился за народ, отвергнувший его, и завещал не мстить убийцам. Цикл истории российских царей начался с Иоанна Грозного и закончился Николаем II. Начался с того, кто убивал, и кончился тем, кого убили – начался с палача и кончился жертвой.

До сих пор для многих неясен и не разрешен вопрос: была ли казнь царя и его семьи ритуальным убийством, или же эксцессом революции и политической акцией? Этот вопрос имеет ключевое значение для понимания совершившихся событий. Какие силы устроили революцию? Имеет ли она мистическое основание? Вынашивались ли эти планы в оккультных союзах, имевших свой культ и обряды? Действовали ли здесь антихристианские, демонические силы? Или же революция это социальное явление, болезненный переход от одной политико-экономической структуры к другой, который не происходит без поломок и перегибов? Существует закон криминалистики: чтобы раскрыть преступление, надо определить, кому оно нужно. В советское время учили, что убийство царя носило политический характер и никакого отношения к религии не имело; царя казнили для того, чтобы монархия не была восстановлена, а так как на Екатеринбург наступал чехословацкий корпус, то эта угроза приобретала реальный характер. Поэтому, решение было продиктовано условиями сложившейся ситуации, так сказать, «необходимостью момента». Решение было принято местной властью и спешно приведено в исполнение, а центральное правительство о нем ничего не знало. Получается, что во всем виноват чехословацкий корпус; и если бы не он, то царская семья осталась бы живой и невредимой под заботливой опекой большевиков. Нас не удивляет заговор лжи, который начался при жизни царя и продолжается после его смерти. Революция, проходящая под лозунгами свободы, превращается в диктатуру власти и монополию лжи. Странно то, что в эту ложь продолжают верить не только современные безбожники и «попутчики» Церкви, но часть священнослужителей.

Первая ложь. Государь, с его семьей были осуждены на смерть вовсе не местной властью, как это было объявлено, а высшей элитой кремлевского правительства тогда, когда не только наступления на Екатеринбург чехословацкого корпуса, а самого корпуса еще не существовало. Кто были эти люди уже достаточно известно, и перечислять имена палачей России не стоит. Их главной задачей было разрушение христианства, и эту цель они осуществляли последовательно и твердо, с необычайной жестокостью. Теперь обнаружены и опубликованы засекреченные и зашифрованные документы о распоряжении убийства царя, посылаемые из Москвы в Екатеринбург.

Вторая ложь в том, что существовала угроза реставрации монархии. Царь был оставлен всеми. Войско изменило ему. Высшее военное командование, кроме нескольких генералов, потребовало отречение царя. Даже последнее обращение императора к армии было от нее скрыто. Значительная часть крестьянства видело в свержении царской власти возможность захватить помещичьи земли, что обещало им революционное правительство, впоследствии разорившее деревню, и превратившее крестьянство в крепостное сословие и безземельный пролетариат. Белое движение проходило под знаменем республики и демократии. Казачество также отступило от царя, желая самоуправления, наподобие запорожской сечи. Царь, добровольно отрекшись от престола, не мог быть опасным для каких либо политических сил. Надо помнить, что царь не упразднил монархию своим отречением, а передал власть своему брату Михаилу, но тот, оставленный без поддержки войска и народа, не принял короны. Кого могли бояться цареубийцы? Неужели царевича Алексея – ребенка, болевшего неизлечимой болезнью? Кто мог заступиться за царя и его семью, – Антанта³²² или союзная с ней Америка? Но на политическом пульте этих стран уже лежала рука, которая разрушала Россию. Ни одна страна не предложила политического убежища императору и его семье. Даже английский король, двоюродный брат царя Николая³²³, поспешил заявить, что их приезд в Англию не желателен, хотя царь и не просил об этом. После революции в Германии

император Вильгельм был выслан из страны, можно сказать, с почетом. Его никто не судил, хотя он был главным виновником войны, которая привела Германию к поражению. Российский царь, за которым не нашлось ни одного преступления, который добровольно отказался от власти, был подло казнен. Какую политическую опасность представляли царевны – юные девушки, младшая из которых была почти ребенком? Их смерть могла бы скорее показать демонический лик революции и вызвать негодование как внутри страны, так за ее пределами. С политической точки зрения это был проигрышный и ошибочный шаг. Но люди, убившие царя, вернее те, кто направляли их руку, преследовали свои демонические цели. Семья царя была расстреляна и заколота штыками, и была уничтожена вместе с теми, кто отказался покинуть пленников. Из ипатьевского подвала никто не ушел живым. Даже щенка, которого держала на руках Анастасия, расстреляли как преступника.

В сатанинских культах одним из главных ритуалом является человеческое жертвоприношение. По учению оккультистов, такие жертвы дают возможность привлечь к себе демонические силы, и создать поле для их разрушительных действий. Убийство царя и его семейства должно было дать возможность сатанинским силам действовать в пространстве страны, отдавшей в руки убийц помазанника Божия.

Царь, в мистическом плане, является представителем своего народа. Убийство царя должно было стать убийством народа. Тела царя и его семьи были тайно сожжены и уничтожены с такой тщательностью, словно от этого зависела судьба революции. Жертва должна была стать «жертвой всесожжения», но принесенной не Богу, а демонам. Царь должен был остаться не погребенным: поэтому, что не смог сжечь огонь, – уничтожила известь. Подробностей Екатеринбургской фантасмагории вряд ли узнает история, она откроется в вечности. Но побоище, унесшее миллионы жертв, свидетельствует о том, какая сила убила царя, какие «невидимки» стояли за спиной его палачей. Неужели кровавые оргии, заставившие страну биться в судорогах боли в течение десятилетий, – только перегибы в работе ЧК и других

карательных организаций, больше похожих на тайные ордена «ночных кинжальников», чем на органы государственной безопасности? Надругательство над святынями также составляет ритуал черной магии и приобщения к сатане. И здесь мы видим совершенно бессмысленное, с политической точки зрения, гонение на Церковь: разрушение храмов, разорение монастырей, убийства священников и монахов, самые изощренные кощунства, как будто ад выплеснул свои черные волны на землю. Людей не просто убивали, их пытали самым жутким образом, загоняли в лагеря смерти, где сама жизнь была страшнее расстрелов. Какой политической «пользой» можно объяснить превращение монастырей в тюрьмы, а монашеских келий – в застенки. Там, где славилось имя Бога, должен сатана править свой кровавый бал; звуки молитв в келиях – смениться воплями и криками пытаемых жертв.

Чем объяснить садизм, как массовую одержимость, который проявился не только во время революции, но продолжался десятки лет после нее? Какую цель ставили перед собой те, кто упражнялись в самых гнусных кощунствах – превращая храмы в театры и общественные туалеты так, чтобы осквернить то место, где стоял престол и совершалась евхаристия? Такие действия относятся уже не к философии марксизма, а к самым настоящим ритуалам черной магии, где осквернение святынь, особенно евхаристических тайн, считалось средством вызова сатаны и получения его помощи.

Нам говорят о том, что в подвале ипатьевского дома не был совершен ритуал, следовательно, нельзя говорить в прямом смысле о ритуальной жертве. Однако ритуальное жертвоприношение совершается строго конспиративно, в присутствии только членов сатанинского союза или секты – посторонним вход не доступен.

В подвале ипатьевского дома был совершен заключительный акт ритуала, где пьяные красногвардейцы являлись только исполнителями казни, как некогда римские воины – на Голгофе. Тела мучеников были уничтожены с тщательностью, предписываемой черной магией. На стене

подвала, залитого кровью, появилась надпись, возвещающая падение Вавилона и убийство рабами своего царя³²⁴.

Теперь находятся люди, которые хотят доказать, что смерть царя это не деяние сатанинских сил, а эксцесс революции. Эти люди, внешне примилившиеся с канонизацией царской семьи, хотят ее лишить в глазах народа славы мучеников, и заставить современников забыть о тех демонических силах, или, если угодно, существах, которые вовсе не убраны с дороги истории, а только затаились и ждут своего часа.

Глава IV.

О демонизме в поэзии

Когда мы пишем, что искусство XX столетия пропитано духом демонизма, который для людей, живущих душевно-страстной жизнью, подобен пьянящему запаху сандала, а для людей, вступивших на духовный путь, это зловоние тления и смерти, то мы предвидим негодование тех, для кого это искусство стало стихией их жизни и эталоном красоты. Признать, что это дух смерти, значит признать себя душевными некрофагами. Как не возмутиться и не сказать в ответ, что это клевета на самую красоту, которая спасает мир! Нас будут упрекать в обскурантизме, душевном одичании; нам припишут желание уничтожить все книги, как халиф Омар сжег Александрийскую библиотеку³²⁵. Нам скажут: вот пример, как человек, неправильно понявший христианство и не стяжавший любви, впал в дикость. Впрочем, не будем угадывать, как обзовут нас оппоненты. Признаем, что в этом «искусстве» они сильнее и остроумнее нас...

Мы говорим об искусстве нарастающего декаданса, которым живет наша интеллигенция, хотя считаем, что литература предшествующих веков, оторвавшись от Бога, в какой-то степени подготовила этот декаданс. Нам скажут, что у нас притупилось и как бы атрофировалось эстетическое чувство, что мы говорим с ультраконфессиональной позиции и поэтому наше свидетельство одностороннее и необъективное, что это может быть голос неудачника, который скрывает озлобленность на мир в монашестве. Поэтому просим вас принять свидетельство вашего некоронованного «царя поэтов», обладающего наиболее тонкими поэтическими интуициями, Александра Блока – одного из самых любимых и почитаемых поэтов современной интеллигенции. Друзья Блока вспоминают, что он говорил о своих стихотворениях не как их автор, а как проводник каких-то сил. О его медиумичности к трансцендентальному миру свидетельствуют близкие ему люди, например, не отличавшийся религиозностью Корней Чуковский³²⁶, – первый переводчик Уитмена³²⁷, – которому

удалось спрятаться за забором детского сада от репрессий, обрушившихся на интеллигенцию в 30-х годах. Заядлый декадент превратился в литературного «обершефа» малышей, из утонченного эстета – в веселого «дедушку Корнея». Его краткая характеристика, а вернее восприятие «короля поэтов» в непосредственных встречах с ним в последние годы жизни Блока – это голос отнюдь не религиозного фанатика, а младшего собрата. Он вспоминал, что лицо Блока, похожая на восковую маску, с потухшими, неживыми глазами, казалось ему лицом Мефистофеля. А Блок представлял собой как бы живую ипостась поэзии XX века.

Теперь обратимся к стихотворению Блока «К музе»³²⁸, похожему на исповедь, только без покаяния.

«Есть в напевах твоих сокровенных», – именно не в словах, а напевах – в том, что лежит под словами, что спрятано от внешнего взора, но заставляет звучать сокровенные струны души.

«Роковая гибели весть», – «роковая» – неизбежная, «гибели» – плененная демоном душа чувствует свою гибель, но не может спастись, уйти, убежать, как птица, прикованная глазами змеи. «Весть» – сердце слышит при жизни весть о своей смерти.

«Поруганье заветов священных», – не просто отрицание или отречение, а поругание, желание осквернить и втоптать в грязь то, чему как святыни, поклонялась душа. Эта необходимая жертва демонам.

«Поругание – счастья есть», – в любви к демонам, в выборе его, нет ни радости, ни счастья, но только падение вниз, которое воспринимается на мгновение, как полет.

«И такая влекущая сила», – он чувствует охваченным чьей-то посторонней силой, как бы увлекаемой потоком реки, которому не в силах противиться пловцу.

«Что готов я твердить за молвой», – повторять то, что испытано мной вслед за сатанинским преданием.

«Будто ангелов ты низводила, Покоряя своей красотой», – это не апокриф из книги Эноха, повествующий о падении ангелов, прельщенных красотой дочерей Каина – племени, в

котором возникло искусство, – но падение душ, ищущих и не нашедших Бога, которые влюбились в земную душевную красоту, отраженную, как в кристалле, в поэзии и искусстве, и через них отдали душу свою хтоническим божествам³²⁹.

«Зла, добра ли? Ты вся – не отсюда», – он чувствует, что в творчестве действует не только человеческая душа, но в него включены некие неведомые космические духи, которых он боится назвать своим именем.

«Мудрено про тебя говорят», – по-разному говорят о тебе, но те, кто служит тебе, не могут или не хотят понять тебя до конца, они боятся взглянуть на твой лик, как на лик Горгоны.

«Для иных ты – и муза, и чудо», – одни живут тобой; твоя красота кажется им постоянным чудом.

«Для меня же – мученье и ад», – его глубокие поэтические интуиции открыли лик того, кто нашептывал ему слова его песен. Он увидел его темные тени в своем сердце – это нарастающие муки, которые должны превратиться в беспросветный мрак и ад. Блок говорит о начале своего полета – падения.

«Я не знаю, зачем на рассвете, В час, когда уже не было сил», – после ночи бесплодных исканий потерянного неба на земле, обессиленная и впадшая в отчаянье душа обручает себя неведомому духу.

«Не погиб я, но лик твой заметил», – не кончилась моя жизнь, я увидел фосфорический свет твоего лица, который явился душе, потерявшей Бога, когда нечего было ей терять.

«И твоих утешений просил», – утешение в иллюзорной земной красоте, которая должна была заменить вечность. Вечность без Бога стала для Блока чужой и ненавистой. В одном из своих стихотворений он пишет:

*«Это – бездна смотрит сквозь лампы –
Ненасытно-жадный паук».*

Блок просил утешений у падшего ангела, как нищий пьяница просит вина у дверей таверны. Но он мог быть всем, кроме одного – посредственностью, поэтому не в силах был до конца обмануть себя, удовлетвориться миром иллюзий; его мистическое чувство знало, кто его таинственный собеседник.

Поэтому Блок в одном из своих стихотворений написал слова, похожие на конвульсии боли:

*«Зарыться бы в теплом бурьяне,
Забиться бы сном навсегда,
Молчите, проклятые книги,
Я вас не писал никогда!»³³⁰*

Он как бы молил, чтобы огни испепелили его горький рай, но не в силах был поднять глаза к небу. Этот трагизм корифея поэзии, к несчастью безысходный, похожий на агонию, на самом деле не антикультура и обскурантизм; просто Блок увидел то глубокое, что было скрыто от других поэтов.

У Есенина³³¹ – поэта такого же внутреннего драматизма, как Александр Блок – есть стихотворение аналогичное «Музе», это поэма «Черный человек»³³². Здесь таинственный собеседник как бы срачивается с душой и становится ее двойником. Есенин видит его перед собой, как черное существо. Есенин более непосредственен, чем Блок, и поэтому в своем импрессионистическом восприятии находит только два слова: «черный, черный...»

Бодлер³³³ писал о «деве» – поэзии:

*«Ты вошла в мое сердце, сверкая,
Так, как входит холодный клинок,
Ты прекрасна, как демонов стая,
Ты коварна и зла – как порок»³³⁴*

Он назвал сборник своих стихов, который звучит пророчески для последующей поэзии – «Цветы зла».

Нас могут спросить, почему мы выбрали эти имена? Потому что, когда мы спрашивали у современных ценителей поэзии, кто ваш любимый поэт, без стихов которого трудно было бы жить, то они в большинстве случаев отвечали: Блок и Бодлер, а затем Есенин и Цветаева³³⁵, – которая в своих стихах выражала желание то бороться с Богом как Иаков³³⁶, то стать хлыстовской «богородицей»³³⁷... Около всех их стоит этот «черный, черный», которого в припадке поэтического визионерства увидел Есенин.

Смерть, в какой-то мере, итог жизни. Блок умер в припадке буйного помешательства. Бодлер отравил себя наркотиками. Для Есенина и Цветаевой их «черный спутник» приготовил

петлю и любезно предложил одеть на шею свое роковое «ожерелье».

Нам хотелось бы остановиться на одной колоритной, и в то же время одинокой, фигуре в современной поэзии. Это Борис Пастернак³³⁸ – «поэт для поэтов». Он также пишет о своих литературных встречах не в доме писателей – шумном, как птичий базар, а в тишине кабинета своей поэтической лаборатории.

*«Приходил по ночам,
В синеве ледников от Тамары,
Пары крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмарам»³³⁹.*

Эти кошмары, переложенные на язык ассоциативных образов, он воплощал в безукоризненные стихотворные формы. Однажды он написал, что музыка на четвертом поколении станет полетом валькирий³⁴⁰. Рок-музыка и вообще сюрреалистическое искусство на третьем поколении от Пастернака – это кара детям за грехи отцов.

Мы хотели закончить наше скитание вокруг горы Броккен³⁴¹, но тут вспомнили еще одного декадента с партийным билетом в кармане – сначала господина, а потом товарища – Брюсова³⁴². Врубель, незадолго перед своей смертью, в психиатрической больнице нарисовал его портрет, и что поразило самого Брюсова, лицо было написано темной краской, казалось, что мрак струится из него. Что он считает нужным для поэта?

*«Первый завет – никому не сочувствуй,
Сам же себя возлюби беспредельно»³⁴³.*

Чей это завет, похожий на могильный камень? В другом стихотворении он говорит:

*«Как Данте, подземное пламя,
Должно тебе щеки обжечь»³⁴⁴.*

То есть завет оккультистов-розенкрейцеров: «Познай все, изведай глубины греха, пройди через ад, чтобы стяжать мудрость и стать совершенным».

Мы не упоминаем о многих поэтах, влияние которых на современную интеллигенцию гораздо меньше, так как вовсе не хотим превратить нашу статью в литературный экскурс.

Нас могут спросить, неужели вся поэзия – это шествие под знаменами сатаны? Конечно, нет. Есть стихи светлые, как небесная лазурь, и чистые, как горный поток. Есть мудрые стихи, навеянные размышлением о жизни. Есть стихи, посвященные человеческим чувствам, но не запятнанные грехом, как первые слезы любви. Есть народные песни, умиротворяющие душу, есть стихи, подобные гимну Богу. Мы говорим не о них, а об опасности не увидеть лик демона под покровом земной красоты. Мы говорим о тех, кто наливает яд в хрустальные бокалы. Мы говорим не о поэзии вообще, а о демонизме в поэзии.

Размышления над картинами Рериха

Рерих³⁴⁵ – противник христианства. И все-таки я благодарен Николаю Рериху за то, что этот ренегат невольно для себя еще раз предупредил наш погруженный в дремоту мир о том, какая опасность надвигается с Востока. Рерих всю свою жизнь отдал служению духовной лжи. Он лгал словом в своей «Йоге любви», но рука художника «проговорила» и открыла в картинах то, о чем бы хотел умолчать язык. Он показал горы Гималаев, как страну смерти, похожую на лунный пейзаж, как надгробный камень над бездонной могилой; он открыл горы Памира в их метафизическом зазеркалье, где из-под панциря льдов текут потоки крови. Горы Тибета как будто источают холод смерти. Это не холод льда и снега, а космический холод каких-то межзвездных черных пространств.

Как-то я был в питомнике змей и видел этих рептилий, лежащих под стеклом. Некоторые из них были красивой окраски, как будто одетые в шелка с узорами красных и зеленых цветов. Они не обращали внимания на людей, а лежали, свернувшись клубком, как бы погруженные в глубокий сон. Но какое-то странное чувство наполняло душу, какая-то глухая тревога, какой-то мертвящий, почти метафизический холод ощущался в этих существах.

Подобное чувство я испытывал, когда смотрел на картины Рериха. Он – певец Гималаев, но он хочет еще другого, чтобы его гимны Тибету звучали как реквием о христианском мире. Рерих не любит Гималаи: сердце буддиста не может любить никого, оно похоже на осколок льда, который сорвался с вершины и, упав, разбился на части. Но Рерих служит, как и Рамакришна³⁴⁶, богине смерти Кали³⁴⁷ – «матери мира», служит с усердием неофита. Сердце буддиста не может любить, но может ненавидеть холодной ненавистью, и Рерих ненавидит христианство, из-за которого сатана еще не стал самодержцем мира.

Я благодарен Рериху за то, что он показал нам связь между буддизмом и сатанизмом, Буддой и антихристом, Лхасом³⁴⁸ и

Кремлем, Поталей³⁴⁹ и мавзолеем, – как будто обнажил подземный кабель. Он приоткрыл духовную преемственность между некроманией лам, поедающих трупы, и создателей ГУЛАГа. Уже Чингисхан показал Европе, что такое Восток, но раны истории зарубцовываются и забываются быстро, как раны на шкуре паршивой собаки. Существовало предание о том, что гроза, которая потрясет мир, придет с Востока, но оно стало постепенно забываться, и теперь, в наш технологический век, когда стали думать компьютеры вместо людей, оно кажется сказкой.

Говорят, что Рерих принял буддизм, но это не совсем так. Он принял ламаизм. Буддизм – это религия небытия, а ламаизм – смерти. Небытие это то, что не существует. Мистика небытия – это отождествление мира с иллюзией; смерть это то, что существует, но приговорено к уничтожению. Мистика смерти – это кровавое жертвоприношение, поэтому в Монголии, Тибете и в Маньчжурском Китае Чингиз-хан почитается как Великий Махатма³⁵⁰. Ламаисты называют его «благословенным» и «просветленным». К его гробнице в Китае идут паломники для поклонения; у его могилы совершаются сатанинские инициации.

Рерих, в сопровождении тибетцев, привез в Россию письмо от махатм – старцев гор, к советскому правительству, и горсть земли для мавзолея Ленина. Махатмы выражали радость о том, что коммунисты уничтожают Церковь и семью, что шестая часть мира погружается в кровавое море. В этом письме они называли Ленина своим «братом – махатмой» и обращались к нему, как к живому³⁵¹. Кроме того, Рерих привез картину «грядущего Будды» – последнее воплощение («аватара»), которое должно совершиться в конце мировой истории, и преподнес эту тибетскую «икону» кремлевским властям в лице Луначарского – известного поджигателя церквей. Рерих был принят с честью, а «икона» Будды – с благодарностью. Марксисты высокой степени знали, кто изображен на ней.

Затем произошло нечто необычайное: дипломатический корпус и спецслужбы России начали оказывать содействие Рериху в его путешествиях по Юго-востоку. (Надо сказать, что

часть этой экспедиции, вернувшаяся в Россию, была уничтожена, и след ее исчез в подвалах и архивах ГПУ.)

Я также благодарен Рериху за то, что он показал связь между Чингисханом и Лениным, ламаистскими капищами и мавзолеем, который стоит на Красной площади, как камень на груди России.

У первого гностика Симона Волхва³⁵² была спутница по имени Елена, бывшая блудница из Сидона. Волхв говорил, что он образ божества, а его подруга – воплощение той Елены, из-за которой погибла Троя, и образ падшей человеческой души, которая затем последовала за божеством. У Рериха тоже была жена и спутница по имени Елена, но в отличие от Симона Волхва он объявил ее божеством и «матерью мира», а себя – ее паладином. Мадам Рерих³⁵³ добросовестно исполняла роль Астарты, Кибеллы и Дурки³⁵⁴, и оставила после себя книгу, называемую «Йога любви», в которой продолжала развивать теософские взгляды другой Елены – Блаватской³⁵⁵, с такими же претензиями на буддийский шактизм (поклонение женскому божеству), как и ее предшественница. Таким образом, Николай Рерих становится жрецом своей собственной жены и пишет ее «иконы». Картины Гималаев на полотнах Рериха вызывают чувство внутренней тревоги, как будто само небо над вершинами застыло в судороге, а горы затаились и замерли, как хищники перед прыжком. Иногда кажется, что это перевернутая картина, что горы уходят своими вершинами не ввысь, в небо, а в какое-то мертвое пространство, как будто они, как корни деревьев, уходят вниз в подземелье. Иногда кажется, что они разомкнутся, как ворота, и орды Чингиз-хана снова обрушатся на Запад, как потоки огненной лавы, сметая все на своем пути. В пещерах и монастырях Тибета стоят идолы с оскаленными зубами, они похожи на изображения демонов, их атрибуты: орлиные когти и львиные клыки. Эти чудовища – боги Памира и Гималаев. Они жаждут крови, им поклоняются сатанисты, которые затем представляют их учение, как колыбельную песнь одуроченному Западу, вроде Агни-йоги Елены Рерих.

Характерно, что Рерих завещал свои картины России еще при власти коммунистов, зная, что они будут в надежных руках.

Он оставил свои картины возможно для оккультных медитаций. Сатана остроумен, но нередко он обманывает сам себя. Картины Рериха это не только песнь Гималаям и открытие Тибета, это предупреждение всему христианскому миру о царстве антихриста, в этом смысле они апокалиптичны. Но не только предание, а даже пророчество и предсказание даны в определенных образах и символах, в загадках, которые надо разгадать, иначе они детерминизировали бы ход истории. Предание это полотно, на котором изображены тени событий, и в этих тенях, иногда четких, иногда неясных и расплывчатых, нужно увидеть картину будущей истории. Но часто здесь имеет место иносказание, не сами земные события, а их духовный план. Поэтому мы не знаем, как нам понимать нашествие с Востока: как бой стаи тигров с гладиаторами на арене мирового цирка, или как невидимая чума, которая в средних веках почти уничтожила Европу. Возможно это нашествие в виде языческого оккультизма, принявшего форму эпидемии, уже началось.

Тибетские махатмы шлют приветствия Ленину, как своему «великому брату», показывая тем самым оккультную изнанку революции. Гитлер ждет откровений с Тибета, ламы становятся инструкторами карательных войск СС. Во время гражданской войны на территории России появляются отряды китайских войск, которые совершают карательные операции и затем они куда-то бесследно исчезают. На улицах и площадях взятого штурмом Берлина валяются трупы тибетцев в одежде немецких офицеров, которые по какому-то приказу покончил жизнь самоубийством, чтобы унести с собой в могилу тайну, – это тайна не должна стать трофеем победителей. Казалось, что война, с ее ужасами и неисчислимыми бедствиями, должна пробудить христианское самосознание. Но если было пробуждение, то оно оказалось кратким и неглубоким. Атеизм – ответ сатаны: «меня нет дома» – сменяется оккультизмом – ответом сатаны: «я в своем доме». Европа и Америка, Балканы и просторы Сибири оказываются оккупированными оккультными силами, которые ведут не на жизнь, а на смерть борьбу с христианством. Наше еще промежуточное время породило духовный гибрид или, если угодно, гражданство с двумя

прописками: человек по имени и традиции христианин, а по влечению сердца сатанист. Мы видим, как расширяется на земле церковь сатаны, – будто пятно мазута, вылившегося на поверхность моря.

Картины Рериха – это ложный триумф зла над добром, смерти над жизнью. Поэтому в картинах Тибета, написанных кистью Рериха, превалируют два цвета: красный и синий; красный – цвет крови, синий – цвет трупов. И все-таки, поэма Рериха о Гималаях не дописана, она оканчивается стоном внезапным, как звук порвавшейся струны.

Черная музыка Блока

XIX век в Российской империи был временем духовных потрясений и бескровных революций; временем, когда были подточены и сломлены нравственные устои народа; временем торжества самого плоского и вульгарного материализма; временем концентрации мирового зла в таких невидимых прежде размерах, которые почти неизбежно должны были воплотиться в взрывы революций, в потоки человеческой крови. Предчувствие близкой катастрофы, как дым от грядущих пожаров, нависло над империей, похожей на «Титаник» плывущем в океане истории. На смену атеизма, который не мог удовлетворить мистические чувства человека, пришел антипод религии – демонизм. Часть общества, растерявшего нравственные ориентиры, бросилось к язычеству. Ярким выразителем этих настроений в философии был Владимир Соловьев³⁵⁶. Он обратился к платонизму и древнему гностицизму, из которых черпал свои вдохновения. Соловьев реанимировал учение Платона о софии – мире божественных идей, и дал этому учению свою интерпретацию. По учению Платона и платоников Божество подчинено определенным ритмам, которые представляют собой восходящие и нисходящие ступени единой космической лестницы. Первый этап: божество – в себе. Оно лишено качеств и атрибутики, свойств и предикатов. По отношению к нему человеческие понятия представляют собой чистые негации, например, «непостижимый», «невыразимый» и т.д. Вторая фаза божества – это его абстрактное свойство: один, единый, единственный. Здесь единица мыслится не как число, а как потенция всех реальных и мысленных величин и чисел. Третья фаза или нисходящая ступень – это божественный ум; ум, созерцающий собственные идеи. Это – единица во множественности. Здесь между Платоном и Соловьевым образуется дистанционный разрыв. Если для Платона мир идей – это мир идеальных образов и образцов, как бы мир живых архитипов, то для Соловьева совокупность идей является личностью – Софией –

женственной стороной божества, предметом его любви. Этот западный шактизм пронизывает философию, а еще в большей степени поэзию Соловьева. Здесь намечается аналог между софиологией и индуизмом. Божество относится к Софии, как Брама к пракрити (принципу материальности). В одном из наиболее колоритных произведений Соловьева, «Смысл любви» божественный эрос трансформируется в сексуальное влечение, а сексуальное влечение сублимируется до мистики эроса.

Четвертая фаза божества – это божественная душа, это идеи, которым дан выбор: остаться в единстве с божеством – в божественной плероме, или покинуть божество, как птенцы вылетают из гнезда. София избирает второе. Она материализуется и трансформируется в космосе. Таким образом, у Платона и у Соловьева само мироздание является трагедией: София, как божественная идея попадает в плен материи, которая становится ее темницей. Для платоников ошибка совершенного, и падение идеального, – необъяснимы, хотя существуют различные интерпретации Апулея³⁵⁷, Валентина³⁵⁸, Василида³⁵⁹ и других. Характерно, что святой Григорий Богослов³⁶⁰ говорит, что древо жизни в раю было образом созерцания Божества, и грех Адама – это отсутствие послушания и терпения, это нетерпеливое желание подойти неподготовленной души к непосредственному созерцанию божественного света, впрочем, Григорий Богослов говорит осторожно, в такой условной форме, как «можно предположить». Если мы правильно понимаем мысль Григория Богослова, то грехопадение Адама – это подмена преображения экстазией.

У платоников существовала версия, впоследствии разделяемая Оригеном, о предмирном падении душ, которые в наказание посылаются на время в материальные тела. Иные относили понятие «падение Софии» к гордости, иные считали это просто ошибкой, иные – необходимым этапом божественного бытия. Соловьев дал новую интерпретацию этой проблемы. По его мысли, Софией руководствовало желание индивидуализировать свое бытие, другими словами, идея

захотела стать индивидуальностью и сознательно выбрала бытие вне божества. В сущности говоря, здесь повторение старой концепции о эгоцентризме, который привел Софию к обособленности; и те же мотивы: интерес к неведомому и, как следствие, – трагизм богооставленности. Александра Блока можно назвать учеником Соловьева, его поэтическим интерпретатором, хотя Блок жаловался, что сочинение Соловьева «Оправдание добра», которое автор считал главным трудом своей жизни, представляет собой «скучнейшую книгу». Но космология Соловьева как образ Софии, покинувшей божество, пронизывает все творчество Блока.

Как Соловьев явился не только продолжателем, но интерпретатором Платона, так поэзия Блока представляет собой гибрид софиологии и розенкрейцерства: софиологии, как философии, и розенкрейцерства, как морали. Наиболее колоритны в этом отношении пьесы Блока, которые представляют собой розенкрейцерские мистерии. Мрачным апофеозом в поэзии Блока, как бы завершающим аккордом, в котором рвутся струны скрипки, является поэма «Двенадцать»³⁶¹. В ней отражена люциферианская стихия революции, которая оказалась родной стихией для самого Блока. Еще задолго до этой поэмы поэт Георгий Иванов³⁶² написал: «... из открытых окон, черная музыка Блока падает в белый снег»³⁶³.

София для платоников неоднозначна – это план мироздания, идеальный образец космоса, архитип, а в некоторых случаях, световой двойник человеческой души. Для Блока София – это прежде всего человеческая душа, ее ведет, – как Вергилий Данте по кругам ада за руку, ее спутник – Люцифер. Первое – это появление Софии на земле в виде «Прекрасной дамы», – так называется первый сборник стихов Блока. Поэт встречается с ней в каком-то безлюдном, как будто в погребенном царстве смерти храме; там тишина и полумрак, там одиночество и ожидание, но самое главное, в этом храме нет Бога; там все напоминает не о Боге, а о Софии, там все, по словам Блока, «только образ и сон о ней». И вот, этот храм оказывается языческим капищем, воздвигнутым в честь вечной

женственности, матери мира, многоликой богине, небесной Венере Платона, у которой множество имен: Астарта, Артемида, Дурги, Кали и Геката. Прекрасная дама является в образе умирающей королевы, во дворце которой в безмолвной скорби стоят вассалы и автор в голубой, т.е. небесной одежде, оплакивает смерть королевы. Во дворце не только умирает повелительница, но все вокруг бледнеет и гаснет, даже решетка окна окрашена черным цветом. Здесь метафизическая смерть бессмертной Софии.

В лирических пьесах София это яркая звезда, которая, сорвавшись с неба, падает на землю. Поэт описывает городскую площадь, где стоят балаганчики, театр с опустевшей сценой, как будто он хочет сказать, что земной мир это балаган или театр с меняющимися масками. Человек – это паяц, играющий на подмостках, это Арлекин или Пьеро с лицом, раскрашенным краской. Мир предстает перед ним в виде какой-то феерии или фантасмагории. В пьесе «Балаганчик»³⁶⁴ он представляет поэтов своей эпохи наиболее близких ему, как Верлен³⁶⁵, в виде завсегдатаев кабачка. Они, напившиеся допьяна, сидят за столом среди объедков и блевотины, обмениваясь пошлостями. Здесь Блок показывает искусство даже в самых утонченных формах французского символизма, вернее изнанку этого искусства, как мусорную кучу. Он показывает его иллюзорную красоту, как пошлую брань и шутки пьяных.

Затем вторая картина: прекрасная дама превращается в незнакомку, в пустынном храме встреча не состоялась. Поэт видит ее в загородном ресторане, в том же кабаке, среди пьяных. Это уже воплощенная София, заключенная в чуждую ей материальность, но, в тоже время, сохранившая следы прежней, неземной красоты. Затем София предстает в образе цыганки Фаины, которая очаровывает людей своей пляской и искусством колдовства.

В стихах «Пузыри земли» душа вступает в демоническую сферу, она полностью овеществляется, становится частицей космоса. Жизнь – всего-навсего пузыри, возникающие на поверхности земли, как на поверхности вскипшего теста. В

неизданных стихах София предстает в образе женщины, упавшей на самое дно жизни, это блудница, которая, сбросив с себя одежды, пляшет перед толпой на площади города. Здесь ярко выступает розенкрейцерский девиз: «Чтобы познать добро, нужно до конца познать грех». Это диавольская диалектика ордена, которому принадлежал Блок. Но ему мало превратить Софию – человеческую душу – в уличную проститутку; он, как розенкрейцер, хочет выпить чашу греха до конца, и доходит до ее, уже метафизического дна, – глумления над Божьей Матерью в сборнике стихов «Скрипки и арфы»³⁶⁶ (то, что повторил другой известный розенкрейцер Штайнер³⁶⁷ в пьесе «Перед рассветом»). Здесь миннезингер «прекрасной дамы» превращается в Мефистофеля – демона. В мистической символике розенкрейцеров одевание души состоит из трех цветов: белого, красного и зеленого. Белый означает невинность и чистоту; красный – грех во всех его проявлениях, зеленый – мудрость, которую человек приобрел через сравнение невинности и греха, а в некоторых случаях через синтез добра и зла.

Последнее произведение Блока это «Двенадцать», которое представляет собой розенкрейцерскую мистерию, как бы мрачный апофеоз всей его поэзии. Там Люцифер занимает место Христа. Его 12 апостолов – 12 красногвардейцев, залитых кровью. Это идея розенкрейцеров: заключительный акт истории, как восстановление Люцифера в его правах. Люцифер снова становится солнечным духом, а затем отдает царство свое Вулкану³⁶⁸ – вечному огню.

Стихи прекрасной даме, как будто написаны белой краской – это снежинки, которые с прикосновением с землей, превращаются в грязь. Две розенкрейцерские мистерии «Роза и Крест» и «Двенадцать» написаны багряной краской; это огонь пожарищ и человеческая кровь. Блок одел на чело Люцифера венки из белых роз, но синтез не состоялся: мудрость, которую обещал сатана через Христиана Розенкрейцера, для Блока обратилось в безумие. То он требовал от революционной власти уничтожение всех храмов и монастырей, то ломал

мебель в своем доме. Он умер, исповедовав в поэме «Двенадцать», что для него Христом является Люцифер.

Черная музыка Блока очаровывала сердца людей, именно потому, что касалась мистических пластов души человека, но мало кто слышал в его стихах змеиную песню Эосфора³⁶⁹.

Современная психология и христианство

Двадцатый век ознаменовался крушением последних империй. Монархия отличается от диктатуры уже тем, что является продолжательницей определенных исторических традиций, в том числе нравственных норм. Диктатура, как правило, основана на ломке традиций, на изменении народного сознания. По концепции Платона, демократия сменяется тиранией. В настоящее время общепринятой формой правления в общественном сознании является демократия. Но в духовном плане либерализм, нивелировав личность человека, может проложить путь к формированию нового типа личности – человеко-демона, в лице которого ад начнет последнюю отчаянную войну против неба.

Демократия декларирует свободу совести, в том числе свободу религий. Более того, она объявляет себя гарантом права человека – исповедовать свою веру и религиозные убеждения. В демократических странах дискриминация религий, посягательство на право принадлежать к любой секте или церкви должны караться законом как преступление. И в то же время демократия создает свою собственную религию – религию человека, освобожденного от традиций и нравственной ответственности перед Богом и собственной совестью, которому разрешено делать все, что не препятствует общественному «благополучию». Демократия, соединяясь с либерализмом, освобождает не человека, а зверя, живущего в человеке. Более того, она заботливо питает и взращивает в нем этого зверя.

Отражение душевного состояния общества мы можем найти в искусстве. Что представляет собой современное искусство освобожденного демократией человека? К какой пище тянется наш современник, в каком мире он живет, что представляет для него главную ценность в жизни? Искусство создает образ человека, живущего в мире каких-то фантасмагорий, пропитанном запахом наркотиков и крови, насилия, секса и убийств.

Как может этот мир ужиться с религией? Он может терпеть ее только до поры до времени. Развращенное сердце в глубине своей ненавидит Бога, а поток разврата захлестывает мир.

В демократическом обществе функции священника постепенно переходят к психологу. С психологами советуются члены правительства, психологов нанимают концерны и крупные предприятия. Сама психология по преимуществу занимается вопросами патопсихологии, а рядом с психологами, иногда по совместительству, «трудятся» астрологи, экстрасенсы, оккультисты и им подобные. Оккультизм, несмотря на его различные разветвления, представляет собой единую религию, в основе которой лежит культ силы: психической, магической и так далее. Для обретения этой силы дозволены все средства, и дается она человеку, далекому от духовности, только демоническим миром. Оккультизму на словах ничего не нужно от человека, а на самом деле он требует самого главного – отказа от своей души, но этого не понимает мир и видит в нем «добрые» силы, в виде некой гуманитарной помощи людям со стороны неведомых трансцендентных сил, которые в действительности являются падшими ангелами. Впрочем, откровенный сатанизм также приобретает все больше сторонников.

С каких позиций рассматривают ведущие гуманисты-психологи религию? Какие инъекции они «впрыскивают» в вены своим пациентам? По Фрейду, религия – это надстройка над сексом, который представляет собой основу бытия, всепроникающий импульс человеческой души. Сам Фрейд – атеист, но его учение – это религия больной и извращенной души, сексуального маньяка или же сознательного развратителя человеческих душ.

Позже самым известным евроамериканским психологом считался Фромм³⁷⁰. Его позиция основана на концепциях гуманизма. Он считал человека существом добрым по своей природе, но испорченным воспитанием и социальной средой. По мнению Фромма, если дать ребенку возможность свободно развить потенциал заложенных в нем способностей, то дети

сами собой превратятся в подобие ангелов и жизнь на земле будет счастливой и бесконфликтной.

В оценке религии Фромм недалеко ушел от Фрейда. По его мнению, религия представляет собой коллективный невроз. Каких-либо аргументов Фромм не приводит; ему кажется, что все понятно и так. Что Фромм понимает под неврозом, об этом он также умалчивает.

Если невроз представляет собой повышенную возбудимость с неправильной нервно-психической реакцией на раздражитель, то религия, выводя человека из клубка противоречий, как раз является мощным средством излечения различных неврозов. Человек, придающий особое значение факторам земной жизни и меняющимся ситуациям, психически более уязвим. Среди душевнобольных преобладающее большинство составляют бывшие атеисты и люди, не живущие религиозной жизнью, то есть не исполняющие в своей личной жизни нормы и предписания христианства. Надо сказать, что бред душевнобольных, даже когда он кажется связанным с религией, имеет не религиозный, а оккультно-демонический характер.

Другой известный американский психолог Маслоу³⁷¹, в противоположность Фромму, считает религию не следствием и проявлением невроза, а причиной его. Он считает одним из путей оздоровления человека снятие ограничений в первую очередь религиозного порядка. Мы вновь видим не научно-экспериментальное учение, основанное на фактах, а попытку дискредитации религии как запретительной системы, насилующей человека.

Факты говорят о другом: высокие идеи и чувство долга помогают человеку не падать духом, а бороться и выживать в экстремальных условиях. Но для нас интересен факт, что идеи, подобные концепциям Фрейда, Фромма и Маслоу, находят сочувствие и отклик в современном гуманистическом обществе. Если бы Фрейд и Фромм жили столетием раньше, то их концепции возмутили бы общество, несмотря на его индифферентность к религии, и были бы объявлены ничем не имеющими общего с наукой. Теперь они находят отклик в

человеческих сердцах именно потому, что их ядовитое жало направлено против религии – в этом главная причина их популярности.

Фромм говорит, что Евангелие ошибается, поставив во главе две заповеди: любовь к Богу и любовь к ближнему. Он пишет, что для счастья требуется другая заповедь: не мы должны любить, а нас должны любить. Но что произойдет в таком случае с человеческой личностью? Что постоянно нужно делать человеку, чтобы его любили? Люди не любят ни правды, ни истины; они не любят, когда человек делает противоположное их привычным грехам и порокам. Поэтому для того, чтобы все любили человека, он должен стать лояльным ко всем порокам людей и общества, стараться быть солидарным с каждым человеком, то есть самому надо сделаться беспринципным. Христос сказал о том, что истинных христиан мир будет ненавидеть. Святые Отцы предсказали, что все с любовью примут антихриста.

Дух вседозволенности не может любить духа целомудрия и чистоты. Фромм и Маслоу также считают, что чем выше представление о Боге, тем ниже представление о человеке, и наоборот, чем выше представление о человеке, тем ниже о Боге. Другими словами, достоинство человеческой личности требует уничтожения самой идеи Божества. Но у человека остается нереализованным религиозное чувство. Чем же можно заполнить этот вакуум? Мы видим воочию, чем он заполняется: оккультизмом и магией – религией без Бога.

При рассмотрении концепций Фромма и других ведущих психологов мы обнаруживаем у них одно общее заключение: для того, чтобы человек жил, надо, чтобы Бог умер, а если Он не умирает, Его надо убить.

Христианство предъявляет к человеку высокие нравственные требования, для исполнения которых необходима постоянная борьба со страстями и грехом. Эта нравственная истина вызывает критику психологов-гуманистов. Они говорят, что конфликтность порождает неврозы. Религия – это перманентный конфликт между идеалом человека, представленным в христианстве, и человеком эмпирическим,

страстным и грешным. Это конфликт разрыва между нравственным чувством человека и темной стихией его души; это конфликт борьбы, облеченной в метафизическую форму, между Богом и миром или Богом и демоном, в котором человеку предоставлена возможность выбора. Это порождает в человеке ответственность за внутреннее состояние своей души, страх перед возмездием, чувства греховности, самоосуждения и покаяния. Все это, по мнению психологов-гуманистов, является причиной неврозов. О каком же уважении к религии может идти здесь речь? Уважать религию гуманистам так же невозможно, как уважать эпилепсию или истерию, – их только терпят до поры до времени.

Прямо не порывая с религией, гуманисты хотят уничтожить в человеческом сознании мысль о первородном грехе, о всеобщей испорченности человечества, необходимости борьбы со своими страстями, вечной жизни или смерти, определяемой делами человека, существовании ада и духов зла. Все это «верующие» гуманисты считают унижением человеческой личности и жестокой мифологией. Некоторые гуманисты, называющие себя христианами, подчеркивают, что у них особое христианство. К церковному христианству они относятся с раздражением и даже ненавистью, в лучшем случае как к религии людей, привыкших к рабству. Кредо или Символ веры у гуманистов один: если есть в мире что-либо божественное, то это божественное – сам человек.

К средневековым гуманистам можно отнести иезуитов, которые отличались крайней снисходительностью к человеческим грехам и порокам, а для достижения своих целей – формальной и внешней лояльностью к различным политическим и общественным формациям. Иезуиты еще до Фромма предвосхитили его концепцию: «Вместо того, чтобы любить ближнего, старайся, чтобы ближний возлюбил тебя». Мораль Евангелия на словах восхищает многих, но когда дело касается непосредственно жизни человека, она кажется ему тяжелой и неисполнимой. Поэтому иезуит должен найти способы, проповедуя Евангелие, обходить его императивы и законы. На помощь иезуиту приходит выработанная отцами

ордена теория пробабилизма³⁷² и апология намерений. Пробабилизм – это учение о том, что обычай, пример или личное мнение в определенной ситуации принимают значение закона. Если поступок человека не соответствует Евангельской заповеди и даже противоречит ей, достаточно сослаться на пример или высказывания нескольких уважаемых лиц (в крайнем случае, на одно лицо), чтобы обойти заповедь. При желании, подобных примеров можно найти достаточно, тем более, что не все поступки и действия святых людей святы.

Каждый святой проходит тяжелый путь борьбы с грехом, и в этой борьбе, кроме побед, есть ошибки и поражения, о чем правдиво свидетельствует Священное Писание. Кроме того, святость – еще не совершенство, поэтому и у святых были некоторые слабости, не изжитые ими до конца. Святым людям также необходимо постоянное покаяние. Самые великие подвижники в молитве «Отче наш» просили прощения не только грехов близких, но и своих собственных грехов³⁷³. Господь обвинял фарисеев в том, что они заповеди Божии подменили заповедями человеческими. Таким образом, пробабилизм открывает широкое поле для нравственного извращения, когда жизнеописания исторических лиц и сама агиография становятся предметом манипуляций.

Второй тактический прием – это апология намерений. Мы также говорим о том, что Бог судит человека по его намерениям и внутреннему состоянию его сердца. При этом мы утверждаем, что если его намерения будут действительно чистыми, то и дело, реализующее это намерение, будет также чистым. Сын Сирахов говорит: «Лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою»³⁷⁴. Иезуиты рассматривают намерения изолированно от дела. Например, они говорят: «Если у человека в супружестве не было детей, и он приобрел ребенка от незаконного сожительства, то это нельзя рассматривать как прелюбодеяние, а как намерение иметь ребенка. Если человек дал ложную клятву, будучи вынуждаем обстоятельствами, то это не клятвопреступление, так как он имел намерение не солгать, а избежать наказания». Поэтому, если в преступлении можно найти какой-то добрый мотив, то его

допустимо рассматривать не в виде греха или действия, карающегося законом, а в виде тайного доброго намерения. Например, отец семейства скуп, а сын, для того чтобы помочь бедной родне, убивает своего отца. В глазах иезуитов это не убийство, так как оно осуществлено ради помощи бедным. Значит, лишив жизни отца, сын может рассматриваться не в качестве убийцы, а – благодетеля бедных. Таким образом, апология намерений превращается в апологию греха. В руководстве иезуитов духовникам предписывается не только оправдывать грех, но и представлять его в виде добродетели, тогда «сильные мира сего» пожелают иметь иезуитов своими духовниками. Например, если князь сребролюбив, следует называть этот грех бережливостью; если он жесток, то нужно говорить, что он справедлив; если отличается хитростью и лживостью, то хвалить как мудрого правителя; если развратен, то восхищаться пылкостью его сердца.

Таковыми методами иезуиты хотели заслужить популярность и любовь. Их религиозный индифферентизм доходил до того, что они позволяли бывшим язычникам вносить в католические храмы изображения своих божеств и мудрецов, например, поклоняться Конфуцию как святому. Таким образом, заповедь о любви запечатлена у гуманистов в перевернутом виде: «Любите нас».

Современная психология и патопсихология по своей атеистической направленности и нигилизму практически не отличается от марксистского богоборчества. Популярность Фрейда и Фромма – это клиническая картина бездуховности Запада.

Об оккультизме

Почему в вопросе об исповеди значительное место заняла у нас проблема оккультизма? Потому, что на смену одряхлевшему материализму несетя, как поток прорвавшейся воды, демонизм, который буквально затопляет страны православного региона, увы, православного теперь только в историческом аспекте.

За одной волной демонизма следует другая волна. Все смешалось вместе в «ведьмином котле»: оккультный импорт из Гималаев и Тибета, мистерии древнего язычества, которые казались давно похороненными на кладбище истории, учения оккультных сект и союзов, которые тайно существовали в странах Европы. Теперь они неожиданно появились на свет, как грибы после обильного дождя.

Экспансия оккультизма возрастает не с каждым годом, а с каждым днем. Теперь перестают быть конспиративными кощунственные и жестокие ритуалы сатанизма. В судебной медицине появилась новая отрасль – ритуальные убийства. Скрытый, как бы мягкий вид магии – астрология настойчиво популяризируется широкой прессой и прочно входит в менталитет современного человека. Возрождаются древние учения герметизма, орфиков и гностиков. Открываются масонские ложи, в которые входят известные деятели современной культуры. Симптоматично, что первая масонская ложа в посткоммунистический период в России открылась при Доме писателей. Розенкрейцеры, иллюминаты, теософы и антропософы, о которых можно сказать, что «имя им – легион»³⁷⁵, собрались под черным знаменем сатаны. Их объединяет общая ненависть к христианству, особенно к православию.

Духовные катастрофы должны предшествовать тем трагическим событиям, мировым катастрофам и катаклизмам, о которых приоткрыто нам в Апокалипсисе. Сатанисты гордо заявляют, что их религия будет самой многочисленной в XXI столетии. И все же эти несчастные люди являют собой образ

Божий, хотя и затемненный демоническими грехами. Их душа подобна обгоревшей в костре, и покрытой копотью иконе, где еле различим контур почерневшего лика. Они в какой-то мере являются нашими близкими, потому что для них еще открыта возможность покаяния и возрождения.

Исповедь оккультистов – это особо ответственное дело, которое требует от священника молитвенной подготовки и любви к падшему в пропасть человеку. В Ветхом Завете оккультисты подлежали смертной казни. В Новом Завете смерти подлежит грех, но не грешник. Поэтому Церковь не отвергает никого из приходящих к ней.

Священнику не требуется знать подробности оккультных учений, для него обязательно показать обратившемуся от оккультизма нравственную силу, цельность и внутреннюю красоту христианства – то, что отсутствует в оккультизме и магии.

Демонизм похож на духовную эпидемию, которая, как чума, охватила мир. Мы должны бороться с демонической силой, но при этом сохранять сострадание к обманутым сатаной людям.

О демонообщении наркоманов, алкоголиков и курильщиков

Почему Церковь лишала погребения тех людей, которые умерли от запоя, не успев принести покаяние? Некоторые объясняют это тем, что систематическое пьянство представляет собой вид медленного самоубийства. Но нам кажется, что это не совсем так. Люди, которые изнуряют себя различными излишествами, тоже сокращают свою жизнь. Чревоугодник, употребляющий пищу, вредную для своего здоровья, также медленно убивает себя. Человек, подрывающий свои силы ради заработка изнурительным и непосильным трудом, при таком взгляде, может также считаться потенциальным самоубийцей. Но почему Церковь не лишает их христианского погребения? Апостол Павел прямо пишет: «...пьяница царства небесного не наследует»³⁷⁶. Поэтому нам кажется, что само состояние опьянения содержит в себе некую демоническую силу.

Существуют три мира: 1) высший – духовный, представляющий собой небесную церковь; 2) земной – материально-духовный, в котором находимся мы; 3) преисподний – мир падших ангелов и тех людей, которые своими грехами уподобили себя демонам.

Мы находимся под влиянием ангельского и демонического миров, но материальность нашего тела не позволяет нам видеть их, мы ограждены от них как бы стеной. Святые через благодать Божию еще до смерти своей, будучи во плоти, созерцали как бы преддверие и тени духовного мира и изумлялись его величию и красоте. Адепты демона приводят себя в такое состояние, что видят демонический мир и общаются с ним.

Есть основания считать, что человек, находящийся в состоянии хронического опьянения, довел себя до такого состояния, что его душа пребывает в постоянном общении с падшими духами и сама становится демоноподобной. Тогда стена, ограждающая человека от демонического мира, как бы истончается, и в ее проломах открываются человеку картины мира тьмы и хаоса. Человек в состоянии алкогольной горячки

нередко видит демонов. У пьяниц существует поговорка: «допиться до чертиков». Это не простое сравнение, а демонический опыт. Человек в визуальных образах видит перед собой демонов, чаще всего окрашенных в зеленый цвет. Характерно, что жрецы некоторых религий употребляют опьяняющие напитки перед своими ритуалами.

В еще большей степени демонизирующей силой являются наркотики. Недаром курение опиума было особенно распространено в Китае – стране, где поклоняются дракону. Грезы наркомана это прорыв в демонический мир и созерцание его – мир безумия. Индийские брамины употребляли ритуальный опьяняющий напиток, называемый «сома». Индейские шаманы – ядовитые грибы, вызывающие галлюцинации. Дервиши некоторых орденов перед своими экстатическими плясками принимали наркотики. Так что наркомания, являющаяся чумой нашего времени, представляет собой вид демонообщения. Душа человека еще при жизни опускается в преисподнюю. Наркоман, как и пьяница, отлучает себя от Церкви; если он умрет без покаяния от наркотиков, то лишается христианского погребения. Этим актом Церковь свидетельствует, что уже не может помочь ему.

Слабым видом наркотика является табак, который достался нам в наследство от языческой индейской магии. Язычники, для вызывания духов, садились в круг, они передавали друг другу огромную курительную трубку с изображением духов-чудовищ. Этот круг был похож на круг спиритов, который помогал медиуму записывать сигналы невидимых сил, являвшихся под видом душ умерших. Этот круг также был похож на масонский, когда масоны, взявшись за руки, произносили вместе свои девизы. Видимо, в курительную трубку индейцы добавляли кроме табака еще другие вещества, что вызывало у них визуальные и слуховые галлюцинации. Они видели духов и слышали их советы. Курением «трубки мира» сопровождалось важнейшие события их жизни. С трубками во рту они встречали Колумба, и тот с удивлением писал в своем дневнике о том, что видел людей, у которых во рту был огонь и оттуда шел дым.

Курение является как бы стертым наркотиком. С папиросой в зубах писались антирелигиозные книги. С «цигарками» шли красноармейцы в поход. В клубах дыма обсуждались планы революции. Узники лагерей вспоминали, что следователи на допросах беспрерывно курили. Значит, есть какая-то связь между табаком и состоянием человека. В некоторых храмах коммунисты не только стреляли в иконы, но для издевательства вставляли в лики святых папиросы. При арестах верующих работники ГПУ и ЧК с насмешкой закуривали папиросы от лампад, горевших в святом углу. Мы вряд ли ошибемся, если назовем табак дьявольским «ладаном», а трубку или сигарету – «кадильницей» темным силам.

Некоторые верующие, поработанные страстью курения, говорят, что оно совершенно нейтрально к вере. Но так ли это? Могут ли они стать на молитву и осенить себя крестным знаменем с папиросой в зубах? Вряд ли. Как бы они не обманывали себя, но душа подскажет, что курение и молитва несовместимы; а ведь молитва должна быть постоянным состоянием человека. Можно ли творить Иисусову молитву, втягивая дым и выпуская его?

Курение распространилось во всем мире и охватило значительную часть населения. У индейцев-язычников курили только мужчины. Но мы превзошли их тем, что у нас, христиан, курят даже женщины.

И все-таки, душа человека чувствует каким-то глубоким инстинктом, что курение демонично, и поэтому даже у отъявленного курильщика вид священника с сигаретой вызывает презрение и отвращение.

Вместе со сходством, на которое мы указали, между табаком, алкоголем и наркотиками есть определенное различие по их действию на организм человека. Курение табака притупляет духовные силы и религиозную интуицию. Оно сужает поле действия человеческого разума так, как будто запирает для него высшие этажи сознания. Затем курение притупляет нравственное чувство. Курильщик находит определенное успокоение в том, что его меньше беспокоит совесть. В этом отношении как бы стирается разлад между духом, обращенным

к вечности, и душой, наполненной страстями, между требованиями совести и наличной жизнью человека. Когда курильщик зажигает спичку для своей сигареты, то он в это время выключает свет своего ума и погружается в душевность, где нет противостояния между долгом и грехом: он принимает себя не таким, каким он должен быть по требованию Евангелия, а какой он есть со своими слабостями и страстями. Эту капитуляцию он принимает, как успокоение, которая дала ему сигарета. От табачного яда, прежде всего, страдает та часть души, которая называется духом. Самосознание не теряется, оно углубляется и принижается. Наступает частичная отрешенность: дух уходит в себя, погружается в дремотное состояние, но силы души действуют в низшем плане. Таким образом, табак – это наркотик для духа.

Алкоголь в разной степени опьянения производит несколько иное действие. Он не только парализует дух, но вводит душу в состояние легких иллюзий, т.е. она видит мир в искаженном виде, как бы через кривые линзы. Здесь происходит подавление смысловой памяти и творческих сил человека. Человек в состоянии опьянения не может создать ничего великого и прекрасного, он может только уродовать и ломать. Поэтому опьянение нередко проявляется в форме беспричинной, бесцельной агрессии, демонических импульсов – разрушать и уничтожать. В состоянии опьянения также притупляется нравственное чувство, особенно чувство стыда, и растормаживаются те силы души, которые особенно поражены грехом. Но обычно, кроме тяжелых форм опьянения с бредовыми галлюцинациями, человек, теряя себя как нравственную личность, не теряет памяти и помнит, что с ним происходило.

Что касается наркотиков, то здесь теряется самосознание человека, происходит подавление духовных и душевных сил. Прием наркотиков обычно сопровождается галлюцинациями, при этом происходит своеобразная анестезия. Человек перестает чувствовать телесные страдания и боль, голод и усталость. Нравственное чувство поражено в большей степени, чем при опьянении. Творческая сила заменена неуправляемым

воображением или, если угодно, созерцанием демонических картин, подобным сменяющимся кадрам кинематографа. Человек превращается в подобие живого трупа, которым управляет демон, как артист за сценой – куклами. Здесь степень подчинения темным силам еще больше, чем у алкоголика. Видения наркоманов хаотичны и бессвязны, они похожи на театр абсурда или галерею уродств. Однако в этих видениях часто повторяются картины китайских пагод, индийских храмов с изображениями Шивы и Будды, шаманов, совершающих какие-то ритуалы и т.д. У наркомана появляется зависимость не только от наркотиков, но от мира демонических сил.

Что касается наркомании, то она вошла в быт сатанинских сект. Здесь ясно видна ее губительная демоническая сущность. В пьянстве эта сущность проявляется временами, как когти на руках дьявола. У курильщиков действие этой темной метафизической силы замаскировано и скрыто. Образно говоря, если наркомана держит в своей руке демон, алкоголика он навешает, как его друг по временам, то в дыму папирос и сигарет курильщика плавают мелкие бесы, невидимые им.

Мы можем найти параллели между состояниями опьянения, наркотических галлюцинаций, одержимости и безумия. Среди психических больных у многих проявляется демоническая одержимость, но, так как внешние симптомы могут быть схожими, не всегда можно определить источник болезни.

От чего происходит диссонанс в психической жизни – от соматических или духовных причин? Это может произойти по двум причинам: сам инструмент поврежден или же диссонанс происходит из-за самого музыканта, управляющего инструментом. Поэтому соматические повреждения, душевные потрясения и духовные причины (одержимость) могут проявляться в близких друг другу симптомах. Галлюцинации и параноидальный бред родственны галлюцинациям наркомана, но лишь с той разницей, что наркоман вводит себя в это состояние сознательно, а психически больной пребывает в нем постоянно, может быть, с краткими просветами сознания. Душевнобольной, такой как наркоман и пьяница, теряет чувство

нравственной ответственности и стыдливости. Во всех случаях у человека проявляется эгоизм с циничным отношением к окружающим его людям. У всех этих больных часто сменяют друг друга вспышки истеричного бессмысленного смеха и глубокой тоски. У всех поражена духовная жизнь: иллюзорный мир поглотил их личность, все они поражены визионерством.

Что же касается курения, то там эти симптомы стерты, так что кажется, что они отсутствуют. Сознание курильщика сужено, творческая способность во время курения притуплена. Характерно, что курение табака стало распространяться в мире с XVI века и совпало с периодом девальвации духовных ценностей.

Советы тем, кто пришел в Церковь из оккультизма

У тех, кто пришел к православию от восточных религий Индостана и оккультных учений, а особенно у тех, кто практиковал эти учения и занимался психофизическими упражнениями по этим системам, остается в душе долго не заживающая рана, которая особенно болезненно проявляет себя в области мистики и молитвы.

Оккультизм – демонообщение, в котором происходит не фиксируемый самим человеком процесс демоно-уподобления. Впрочем, в черной магии это демоно-уподобление уже не скрывает себя; оно является содержанием и целью всех ритуалов: мантр, заклятий и призывов темных духов. Если рассмотреть историю падения сатаны как клиническую картину, то увидим, что сатана – это первый душевнобольной, одержимый манией величия, первый визионер и параноик, который представил в своем больном воображении себя вторым божеством. Гордость повлекла за собой потерю любви. Демон – дух, неспособный вместить в себя луч любви, хотя бы тонкий, как луч, идущий от звезды, или каплю смирения, хотя бы малую, как утренняя росинка на листке цветка. Характерно, что душевнобольной находится в состоянии аутизма (погружения в себя), он не может любить других людей, он в постоянной тревоге, в постоянных фобиях, но даже когда он дрожит от страха, то не способен смирить себя. Душевнобольной теряет свою собственную личность, он надевает на себя выдуманную личину, с которой он отождествляет себя. Чаще всего эта личина какого-то великого человека. Душевнобольной создает мир своих иллюзий, мир своей болезни, бежит в этот мир и живет в нем. Подобное чувство испытывает оккультист. Он становится жесток и холоден к своим ближним; его душа в постоянной тревоге, он думает о себе, как о ком-то великом, он живет в ирреальном мире, созданном собственным воображением. Уподобление демону проявляется как паралич сердца. Центр жизни оккультиста переходит из сердца в область страстей – в периферию сердца.

Апостол Павел пишет о демонах как о духах поднебесных. Они находятся не на небе, а в некоей области под небом. Так и наши страсти находятся не в нашем сердце, а в области около сердца и действуют на него как бы извне. Со страстями соединен рассудок, наполненный мечтами, грезами и картинками собственного воображения. Впрочем, кроме самого человека здесь действует невидимый «живописец» – диавол. Отсутствие любви и смирения – это признак душевной болезни.

Переход из оккультизма в православие требует следующего: реанимации человеческого сердца, возрождения двух движущих сил души – любви и смирения, осознания собственной личности. В глубине сердца обитает благодать, но через грехи эта глубина чаще всего оказывается для человека закрытой. Поэтому христианский аскетизм, в значительной мере, – это борьба за собственное сердце. В оккультизме Бог как личность отсутствует. Это – пустая абстракция, а в некоторых случаях – символ космической энергии. Оккультизм имеет дело с духами, а не с Богом. У оккультистов пропадает чувство живой личности, для них человек – предмет пользования, а демон – инструмент для осуществления своих страстей. Практическую мораль оккультистов можно охарактеризовать термином «инструментализм». Переход из оккультизма в православие в этой плоскости должен знаменовать собой переход от инструментализма к личностному общению – к персонализму – общению с конкретными личностями. Разорвать порочный круг страстей, опустить ум из области рассудка в сердце, оживотворить и согреть лед своего сердца любовью – должно стать задачей такого человека. Заклятие – это императив, повеление. Медитация – это беседа с собой, это созерцание определенной идеи или предмета. Для оккультиста молитва – это вид словесной энергии или трансформация энергии собственной души в слова молитвы или действие через энергию, заключенную в самих словах и именах. Поэтому оккультист по инерции отождествляет действие молитвы с самой молитвой, а себя – с энергетическим генератором. Он ожидает ответа не от Бога, а от самой молитвы как ее следствия, т. е. реализацию заключенных в молитве

потенциальных сил. Слово «молитва» имеет один корень – «мольба, умоление», т.е. благоговейная просьба, а оккультист никого не просит. Он забывает о самом главном, что обращает его к Богу как живой Личности; для него молитва не диалог, а монолог.

Оккультизм в какой-то степени связан с пантеистическим мировоззрением – одушевлением сил природы и обожествлением космоса. Мистика пантеизма – это мистика слияния с духом космоса – состояние, называемое самадхи, или погружение в нирвану – пустоту, как с стояния истинного бытия; это мистика упрощения, т. е. освобождение души от слов, представлений, чувств, эмоций и т.д. Здесь нужно условие для погружения бесформенную пустоту. А так как бывший оккультист, смешивая молитву с медитацией, стремится к этим условиям для освобождения души от ее содержания, то он питает какую-то скрытую неприязнь к общественному богослужению, старается не приходить в храм, когда там праздничная служба и много народа, а предпочитает молиться один в своем доме; там ему легче погружаться в подобное состояние. Вообще оккультист чувствует себя во время литургической службы плохо. Он объясняет это шумом в церкви, давкой народа, неумением людей вести себя в храме. Но на самом деле здесь более глубокая причина – стремление темных сил оторвать человека от мистического единения с Церковью, от места, где небо соединено с землей. Оккультист привык рассчитывать на себя и надеяться на свои силы, поэтому он одинок в храме. В церкви он ищет не благодати Божией, а какой-то космической энергии. Это не общение с Богом, а как бы включение себя вроде прибора в электрическую сеть. Оккультист редко приходит в церковь до службы, а чаще всего он опаздывает на литургию и уходит раньше, не дождавшись ее конца. Надо сказать, что мистика католиков включает в себя образные представления. Поэтому некоторые исследователи находили сходство между католической мистикой и йогой. Характерно, что скамьи, находящиеся в костелах, предназначены больше не для молитвы, а для размышления. Оккультист должен научиться тому, что делает

каждый ребенок: просить; научиться просить у Бога – вечного и временного для себя и для других; чувствовать Бога, как ребенок чувствует своего отца, доверять Ему, а не собственным силам.

Обычно, когда определяют различие религии и конфессии, то останавливаются на их вероучении – догматике, затем – на обрядах и ритуалах. Но есть еще одна область, которая трудно поддается определению, но в то же время является самой сердцевинной религии, – это мистика. В настоящее время немало людей увлекаются восточными религиями, в том числе оккультизмом. Для некоторых из них это является как бы переходным периодом из атеизма в христианство. Но, вступая в Церковь, они несут в себе инерцию пантеистической и демонической мистики. Особенно разрушительно это сказывается на молитве. Поэтому несколько остановимся на этом вопросе. Мы не задались целью разбирать бесчисленное количество школ и систем неоязычества, а только хотим указать на несколько фактов, чтобы помочь людям осознать, какую скрытую болезнь они могут носить в себе. Индуисты, вернее, индуистские мистики стремятся к состоянию, называемому самадхи. Оно имеет сходство с экстазом неоплатоников. Гималайский пантеон богов – это персонификация свойств «единого»; многобожие – религия толпы; картинки, нарисованные для детей, которые не познали божественное начало обитающее в них самих. Но посвященный знает, что существует только единый, а множественность – иллюзорна. Он отвлекает свой ум от множественности форм мыслей, картин и представлений. Это интеллектуально упрощение относится как к внешнему, так и внутреннему психическому миру самого человека. Он как индивидуум кажется себе иллюзией: «Нет ни меня, ни тебя; существует только он», другими словами: «Я есть ты, ты есть он». Человек пытается путем медитаций отождествлять себя с этой бесформенной и безликой единицей, как единственным бытием, вне которого начинается мир иллюзий. Он, посредством медитативных упражнений, хочет слить себя с абсолютom и остается с единственной верой в то, что он и божество едины, а точнее, он сам себе божество.

Психическая жизнь подавлена, как бы уничтожена; вере в свою божественность ничего не противостоит. Эта идея охватывает всего человека и приводит его в состояние транса. Разумеется, молитва здесь отсутствует: кому молиться, если он тождествен абсолюту. Притязание на богоравенство или самообожение является основой первородного греха и ведет начало свое от падения сатаны, который посчитал себя богом. Прошедший путь индуистской мистики нередко под видом молитвы обращается не к Богу, а к самому себе и заменяет молитву медитацией. Самое страшное искушение для такого человека, что он в христианстве с трудом приобретает чувство общения с Богом как с Личностью; для него Божество неопределенный универсум. Поэтому у людей, пришедших из пантеистических религий и оккультных учений, если они были практически включены в них, остается какая-то отчужденность и холодность ко Христу как Богочеловеку. Оккультист Владимир Соловьев подменяет Богочеловека Богочеловечеством. Ранние философские работы Соловьева, а также произведение «Смысл любви» носят пантеистический характер. В ранних произведениях он хочет обобщить христианский и восточно-пантеистический опыт, только не мистики, а мышления. А произведение «Смысл любви» проводит идеи оргиастического шиваизма и шактизма³⁷⁷. Характерно, что Владимир Соловьев долгое время занимался спиритизмом. Что касается Флоренского, пришедшего в христианство от платонизма и гностицизма, то он пишет о Христе каким-то ледяным тоном, как можно писать о мертвеце; по сути дела, у него Христос заменен Софией – «матерью мира».

Для прошедшего путь буддизма следует помнить, что буддизм в своих отрицаниях и негациях еще более радикален, чем индуизм (нам кажется, точнее будет название шиваизм). Если шиваизм учит о сведении психической составляющей человека к некой универсальной единице, то мистика опустошения в буддизме стремится свести всю психическую жизнь к нулю, объявив всякое бытие злом. Шиваизм ищет единого бытия под многообразием форм. Буддизм отрицает бытие универсума. Его мистика – не уничтожение форм, а

уничтожение самого бытия как иллюзии, влекущей за собой реальные страдания. Здесь не только уничтожаются мысленные объекты, но подвергается беспощадной ампутации вся эмоциональная сфера человека.

Продолжением буддизма, который чуждался философско-метафизических проблем, является его вариант в виде ламаизма, хотя это продолжение нам представляли как шаг назад к индуизму. По этому учению, существует пустота, которая рождает сама из себя элементы бытия настолько кратковременные, что их можно назвать вневременными. Эта пустота является первоосновой вещей. Этот вакуум, в котором должна раствориться без остатка душа человека, представляет собой возделенную цель ламаистов. Ламаизм хочет философски осмыслить буддизм, который порождал из себя и продолжает порождать элементарные частицы как основу и материал для мироздания. Буддизм не пытался осмыслить и определить нирвану, для него определение нирваны в словесной формулировке было бы уничтожением самой нирваны. Буддизм остановился на уровне эмпирики, поставив саму психику человека в неестественные условия искусственного торможения душевных процессов. Буддизму нет дела ни до божества, ни до души, ни до метафизического мира, ни до начала, ни до конца мироздания. Для него само бытие отождествлено с понятием зла – это диссонанс, постоянно терзающий человека. Уничтожить страдания человека можно только уничтожив само бытие, а точнее, остановив его проявления. Пришедшие в Церковь из буддизма отличаются склонностью к субъективизму и индивидуализму; их религиозная жизнь как бы застывает в их рассудке. Буддисты и ламаисты, так же как и шиваисты, теряют чувство личностного бога. Для них Божество – это энергетическое начало. Они ищут Его не в молитвах, а в медитациях, и само понятие молитвы у них искажено: это не мольба, а рассуждение, обращенное не столько к Богу, сколько к собственной душе; они ищут не общения с Богом как с Абсолютной Личностью, а субъективные состояния. Для них остается чуждой первая заповедь Евангельских Блаженств: «Блаженны нищие духом»³⁷⁸. Они

чувствуют себя в молитве не нищими, а теургами, и часто приписывают словам молитвы самостоятельную силу. Поэтому пришедшие к православию от этих учений должны помнить, что молитва – это диалог через слово между двумя личностями: ограниченной человеческой и безграничной божественной. Это синергизм двух волей. Результат молитвы – от Бога, наша – только просьба. Оккультизм не отрицает ценности земного бытия, но отрицает цель бытия, как общение с Божеством; для него нет Бога как объекта молитвы, он имеет дело с космическими духами, а на самом деле с демонами; он хочет влиять на этот мир через слово и магические ритуалы.

Демон имеет индивидуальность, но личность в нем стерта. Молитва оккультиста носит характер императива – повеления; это – агрессия в мир агрессоров с целью заставить их служить себе посредством магических знаков и таинственных имен как паролей и талисманов. Это – общение с демоном через уподобление ему, поэтому у оккультистов до чудовищных размеров развивается гордыня.

После перехода в православие им трудно почувствовать Бога как живую Личность. Сатана – холоден; сердце у оккультиста также холодно, там нет любви, хотя его душа постоянно обуреваема страстями (страсть – это пламя, которое жжет, но не согревает). Его молитва также обращена по инерции к некой безликой силе, поэтому ему нужен особый контроль над собой. Он ищет способы и методы к молитве, но забывает о главном, что молитва есть плод смирения и любви.

Всем этим людям необходим духовный руководитель, как тяжелобольному нужен врач. Смирение с покаянием рождает любовь; только любовь может согреть и оживотворить их сердце. Смирение начинается с послушания, а послушание с осознания того, что человек своими собственными ограниченными, изъеденными страстями, как дерево червями, силами не может бороться с грехом, живущим в нем. Чувство духовного тупика, в котором оказался человек, подобно перекрестку двух дорог, где решается дальнейшее направление его жизни: 1) он думает, что у него достаточно внутренних возможностей, чтобы самому преодолеть этот тупик, что его

состояние – это результат допущенных ошибок и внешних ситуаций. Он решает сам исправить свою жизнь, сам выйти из лабиринта демонического мира, в котором оказалась его душа, и в результате он делает новый круг и приходит к тому же тупику. 2) Человек понимает, что грех – это динамическая сила, которая живет в его Душе, и требуется непрерывная борьба с ним, со всеми его многообразными проявлениями, что он находится в окружении демонических существ – врагов беспощадных и коварных, более опытных, чем он; что в его душе существуют страсти, которые он любит и с которыми в тайне сердца не хочет расстаться. Тогда человек начинает искать помощи, а именно помощи Божией через послушание духовному отцу, через отсечение своей непокорной воли, которая стоит, как стена, между человеком и Богом. Человек может изучить духовную литературу, в том числе аскетику, знать лучше отцов о внутренней жизни и даже рассказывать об этом другим, но без духовного отца он будет подобен хирургу, который знает анатомию человека, но не может сделать операцию на своем собственном теле. Только послушание как высшая жертва может сделать ветхого богоборца новым боголюбом.

Людям, перешедшим из оккультизма в христианство, не следует увлекаться богословием, потому что тайная гордость ума может получить свою пищу. Им надо начать с исполнения заповедей, если можно так сказать, с практического христианства, чтобы реанимировать свое сердце; другими словами, им надо перенести центр религиозной жизни из головы в сердце. Они должны научиться уважать человека как богоподобную личность, отказавшись от интеллектуального элитаризма и от прежнего противопоставления себя окружающим людям как просвещенного в духовной жизни (пневматика) профанам (невеждам). Они должны научиться не просто читать молитвы, а просить милость у Бога, – то, что трудно их гордому уму. Переход в православие из пантеизма – это переход от космофилии к теофилии, от безликой космической силы и духов-посредников – этих артистов в

масках – к личностному общению с Личным Богом, Который есть Жизнь, Истина и Любовь.

О лжи

Если бы меня спросили, кого считаю самым страшным врагом Православия, то я, прожив долгую жизнь, мог бы сказать: самым страшным врагом является дух иезуитизма, который, подобно невидимой с первого взгляда болезни, подтачивает тело Церкви. Конечно, я говорю о людях, которые принадлежат Церкви и выступают от ее имени. Сама Церковь, как носительница благодати и чистая идея, Церковь, как та духовная стихия, где создается вечная жизнь, – вечна, свята и неизменна. Но мы говорим о видимой Церкви, о христианах.

Дух иезуитизма – это гуманизм, осуществляемый на практике, где истина заменена мнимой полезностью, где цель, какой бы она ни была: небесное царство или земное благополучие, достигается любыми средствами. Вернее, цель не достигается, но ею оправдываются средства. Иезуитизм – это скрытое неверие. Неверие в то, что Бог всемогущ и не нуждается в помощи лжеца; неверие, что Бог – истина, и всякая ложь отчуждает от Него человека. Теряя истину, человек теряет благодать Духа Святого, адаптируется к лжи, привыкает к ней и считает, что жить и действовать по-другому невозможно. Ложь – это потеря любви. Кого искренне любят, тому не лгут. Ложью не могут быть соединены два сердца. Ложь предполагает, что другая сторона – какой-то чужой враждебный стан. Тот, кто лжет, в это время уничтожил в сердце любовь к человеку. Во всякой лжи есть насилие. Лжец хочет выполнить свой план и повелевать другими через обман.

Одно из самых тяжелых искушений для человека в нашей Церкви – это видеть, как через щели дух иезуитизма все больше проникает вовнутрь. Человек ищет в Церкви правду. Ради правды он готов пожертвовать многим; ему опротивела ложь, господствующая в миру, он задыхается в ней. Он хочет в Церкви как бы вздохнуть чистым воздухом, не отравленным миазмами лжи. И если он встречает там ту же дипломатию в отношениях, ту же беспринципность в средствах, ту же лесть и несправедливость, то он, не окрепший духовно, говорит себе:

здесь нет того, что я искал; здесь нет любви и правды. Конечно, это поспешный вывод. Церковь учит любви и правде и дает силу человеку претворять их в жизнь. Но человек, только что пришедший в церковь, подобен ребенку, поступившему в школу; ему необходимы картины и наглядные пособия, иначе он не сможет понять, о чем речь. Если спросить сектантов что их оттолкнуло от Церкви, почему они ушли от нее, то значительная часть ответит: потому что в Церкви мы не нашли любви, не нашли правды, мы чувствовали себя ненужными. Они покидают Церковь на волне протеста, но и в сектах их встречает «госпожа ложь».

Каждый человек грешен. «Всяк человек – ложь» – сказал псалмопевец³⁷⁹. Но здесь дело идет не о лжи, как нравственной слабости, которая должна казаться человеку каждый раз его падением, но здесь речь идет о самодовольной лжи, когда несчастный человек думает, что через ложь он сделает добро и даже угодит Богу; о той лжи, с которой примирилась его совесть, другими словами, о бессовестной лжи, которая уже не мучает его душу.

Христианские мученики – это те, кто предпочел истину самой жизни, кто пошел на смерть потому, что не захотел лгать. Им предлагали купить жизнь ценой притворства и даже внешне небольшого обмана, например, молчать, когда от их имени другие лица будут участвовать в языческих ритуалах, но они и молчанием не хотели предать Бога. Наша Церковь – мученическая Церковь. Девять евангельских блаженств – это призыв к мученичеству. Современные христиане тоже шли и идут на мученичество, но дух иезуитства все больше дает себя знать даже в обыденной жизни. Через ложь слабый хочет сделаться сильным. Через ложь революционеры хотели осуществить свои утопии. Через ложь некоторые христиане думают принести успокоение и мир, как теперь часто говорят, «утешить человека».

Особенно тяжело, когда духовные отцы лгут своим духовным чадам. Непонятно, считают ли эти хитрецы, что можно надолго утаить ложь, или пользуясь своим положением, знают, что вряд ли их в лицо назовут обманщиками и лжецами.

Но духовное чадо почувствует в лживых словах запах гноя. Здесь могут быть самые трагические последствия: человек теряет доверие и замыкается сам в себе, у него разбита душа, и ложь приводит его в состояние какого-то тупика, похожего на психическую болезнь. Второе, он сам начинает лгать своему духовному отцу. И третье, что самое худшее, он начинает считать, что ложь – это хорошее дело, и берет ее себе на вооружение, делает «стратегией жизни». Так посредством «доброй» лжи создаются иезуиты и законченные негодяи, которые при этом будут употреблять самые святые слова и, обманывая человека, смотреть в его глаза ясным взглядом. Ложь – это болото, которое постепенно засасывает человека. Она начинается с малого. «Немного покривлю душой и этим достигну доброй цели», – говорит себе человек, а затем все глубже и глубже проваливается в эту топь. Поэтому духовные отцы должны знать, что от них требуется не утешение, а истина. Сама истина лучше утешит человека, чем ласковые слова, которые окончатся разочарованием.

Человек, который говорит правду, будет преследуем и гоним. Но наша Церковь – Церковь мученичества, которая требует жертвы. Господь дал великое обетование: «Жаждающие правды – насытятся»³⁸⁰, чем? – Благодатью Божией. «Блажены чистые сердцем, ибо они Бога узрят»³⁸¹. Лжец не увидит Бога, образ Христа не просветится в его сердце. Всякая ложь – это расширение царства сатаны как на земле, так и в человеческом сердце. Церковь будет настолько сильна, насколько ее служители будут привержены к правде. Мы говорим о ереси, как догматическом заблуждении, но иезуитизм сам по себе это нравственная ересь, которая отчуждает человека от Духа Святого, Духа истины, и эта ересь обнаружится на Страшном Суде.

Много есть причин лжи: трусость, выгода, желание не обидеть и т.д. Но какие бы ни были причины, здесь происходит забвение Бога, Который сказал: «Я есть истина, путь и жизнь»³⁸². Сама Голгофская Жертва Христа есть соединение любви и истины. Христос мог победить сатану одним Своим божественным могуществом. Но Он пошел на Крест не только

ради истины, а потому что Он Сам – Истина. Господь сказал про сатану: «Он лжец и человекоубийца от начала». Сатана посредством лжи убивает человека, и те, кто хочет сделать добро через ложь, должны помнить, что они берут себе в союзники сатану – древнюю ложь, которая никогда не станет новым добром, что все, основанное на лжи, погибнет.

Глава V.

О современном монашестве

В прежние времена монастыри были подобны бастионам и мощным крепостям, которые защищали народ от демонических сил. Эти монастыри сохраняли присутствие благодати Божией на земле. Затем начинается перерождение самого монашества. Если в богословии место патристики заняла схоластика, то в монашестве мистику заменили устав и хозяйство. Трудились древние монахи, чтобы пропитать себя, но смотрели на тело свое как на слугу души.

Теперь происходит перемещение ценностей: главным оказывается видимое, осязаемое, материальное – то, что принадлежит времени; а невидимое – то, что составляет сущность и цель монашества, – как бы отходит на второй план. Прежде всего, это потеря непрестанной внутренней молитвы. Одна из заповедей монашества – иметь всегда в сердце своем Иисусову молитву, ее потеря – гибель для монаха.

Святой Григорий Богослов и церковные гимнографы называют монашествующих «вторыми светами» после ангелов, а само монашество – «ангельским образом». Ангел непрестанно предстоит Богу, и монах в сердце своем должен стоять молитвой перед лицом Божиим.

Что означает «второй свет» или «свет миру»³⁸³? Наша душа подобна зеркалу: она отражает то, что созерцает. Если зеркало обращено вверх, то в нем отражается небо. Если сердце обращено к Богу через внутреннюю молитву и очищение помыслов, то в нем отражается божественный свет. Если зеркало обращено вниз, то в нем отражается земля. Земные картины могут запечатлеть в себе земную красоту, но в ней не будет того, что должен искать монах – вечного, божественного света; здесь цветы, чарующие взор, превращаются в прах.

Трудно держать свое сердце обращенным к Богу. Трудно безмолвие, трудно одиночество, когда душа как бы в пустыне и не находит другой души, подобной себе. Трудно искушение унынием, а еще страшнее – опыт видения ада в своей собственной душе, видение в свете благодати грехов всего

мира в себе самом. Еще тяжелее – опыт реального демонического присутствия, приближение к душе сатаны как живого существа, как предвозвещение состояния тех, кто будет в вечности с сатаной. Через это проходит монах, как через горящее пламя.

Святые Отцы говорят: «Беги из Вавилона». Но грех в нашем сердце – это тоска по Вавилону, и он может лукаво шептать сердцу: разве угодно Богу, чтобы ты спасался один; иди в Вавилон и спасай его, возвращайся туда, откуда вышел. В действительности указать путь к спасению Вавилона может только тот, кто вышел из его плена. Монах, пребывающий в келье или исполняющий монастырское послушание, а тем более пустынник чувствует духовный огонь, зажегшийся в сердце, который раскрывает для самого человека неведомые глубины своего сердца, дает радость душе, с которой не сравнится никакая радость. А в миру этот огонь гаснет, сердечное тепло исчезает, человек видит только поверхность души, то, что называется сознанием, а остальное как бы погружается во мрак и исчезает для него. Так, человек видит колеблющуюся волнами поверхность моря, а в глубину не может проникнуть его взгляд.

Нас могут спросить: а разве все в миру гибнут? Конечно, нет. Но монах, давший обет отречения от мира и непрестанной молитвы, как бы дал обет быть «жертвой всесожжения» для Бога. Так что в миру он будет преступником против своих обетов. Разница лишь в одном: по послушанию или без послушания он нарушает клятвы, данные им, как сказано в чине пострига, перед «небесным жертвенником».

История повторяется. После революции обновленцы, устроив революцию в Церкви, выдвинули лозунги превратить монастыри в трудовые коммуны, сделать из колоколен обсерватории, из монастырских корпусов г больницы, детдома и приюты для престарелых, то есть уничтожить монашество изнутри. Это вызвало полное одобрение богоборцев: для того, чтобы монашество и было паразитирующим сословием, надо, чтобы оно занималось полезным делом. Монастыри стали временно регистрироваться как трудовые общины, но затем

было решено уничтожить их совершенно. И сейчас те, у кого сердце осталось в миру, оглядываются назад и думают сочетать монашество не со свободой во Христе, а со служением миру. Сейчас нет лозунгов создать трудовые коммуны, превратить монастыри в больницы, но есть тенденции к тому же, о чем мечтали обновленцы и что интуитивно чувствовала демоническая власть.

В миру обновляются страсти даже с большей силой, чем они действовали раньше – как в притче: дом, из которого был изгнан демон, оставался открытым, и в него вошли семь еще более злых демонов. Когда монах падает, то он падает глубже мирянина. Преподобный Серафим Саровский говорил, что грех монаха более смердит, чем грех живущего в миру; и еще: «Монах без Иисусовой молитвы подобен обгоревшей головешке». Самые красивые экзотические цветы растут в оранжерее, но если сломать ее стекло, то цветы погибнут от холода, тогда как простые полевые цветы легче переносят морозы. Возникают у нерадивого монаха страсти, как будто вскрываются старые раны, – образы мира и помыслы наполняют его душу. Внутренний свет, который стяжали молитвой, начинает уменьшаться и мерцать, а затем гаснет. Молитва не находит своего места в сердце, а страстное сердце не находит себя в молитве. В лучшем случае, такой монах становится добрым мирянином, а в худшем... не хочется говорить. Оскудевает монашеская молитва, и ослабевают силы, удерживающая до времени сатану; имя этой силы – благодать. Демонам хотя не приятны, но не страшны мирские добродетели; духовная война ведется на другом плане. Монах, служащий миру подобен льву с выбитыми зубами, вырванными когтями и остриженной гривой.

Встреча в Барганах

В горах Кавказа, в пустыне, называемой Барганы, мы с двумя моими спутниками посетили схимонаха Серафима. Его вид поразил меня с первого взгляда. Он казался мне героем из древней былины, старым певцом из сказаний, дожившим до наших дней, чтобы не только словами, но и своим обликом поведать потомкам о славе минувших времен. Это был высокий худой монах, слегка сгорбленный от старости. Ему было около ста лет. Седые волосы спадали на согнутые плечи; густая борода доходила до пояса, будто прозрачно-белое снежное покрывало было наброшено на его голову. Вид его был строгий, даже суровый, и вместе с тем величественный. Казалось, что его тонкие губы никогда не улыбались.

Мы попросили его побеседовать с нами, и он сказал, чтобы мы пришли к нему попозже, после молитвенного правила. Мы слышали, что схимонах Серафим имяславец³⁸⁴, и поэтому хотели, чтобы он, как очевидец происшедший событий, рассказал нам о том, что произошло тогда на Афоне. Когда келейник позвал нас и мы вошли в келью старца, он усадил нас на широкую скамью, сколоченную из грубых, неотесанных досок, а сам сел напротив на табурет, похожий на ящик. Мы стали расспрашивать его об афонской смуте. Он отвечал кратко и как бы нехотя, как будто мы прикоснулись к его старой ране. Спор на Афоне шел о том, является ли имя Иисус Богом, существовало ли оно предвечно, или это имя – только человеческое наименование Бога, принадлежащее времени. Казалось, отец Серафим до сих пор не может понять, почему русских монахов изгнали с Афона, что они плохого сделали, чем оскорбили Господа. Он рассказывал, что для увещевания монахов на Святую Гору были присланы ученые-богословы, которые доказывали, что имя Иисус – человеческое слово, принадлежащее определенному времени и языку; а имяславцы утверждали, что это имя божественно и вечно. Но вопрос этот относился не к области философии, а к области жизни духа, к Иисусовой молитве, поэтому монахи больше доверяли опыту

своих старцев, чем знаниям академиков. Схимонах Серафим считал, что если бы Святейший Синод послал на Святую Гору не ученых теологов, а монастырских монахов, опытных в духовной жизни, чтобы на месте исследовать суть разногласий, тогда спор не окончился бы изгнанием монахов со Святой Горы и не оскудели бы русские обители на Афоне.

Слушая его, я думал, что обе стороны, полемизируя об имени Божием, говорили на разных языках, поэтому так и не поняли друг друга. Схимонаха Серафима, по его словам, выслали с Афона из-за того, что он не подписал какую-то бумагу, касающуюся имени Господа Иисуса Христа. «Никогда такого не было на Афоне,— говорил он,— чтобы у монахов требовали расписки в том, как они должны молиться».

На Афоне не особенно доверяли академикам (так называли выпускников духовных академий). Дух рационализма, проникший в профессорскую корпорацию, и революционные настроения среди части студентов были хорошо известны афонским монахам.

Хотя о. Серафим оказался на стороне имяславцев, он не одобрял тех монахов-экстремистов, которые выступали против монастырских властей, отстранили игумена от управления монастырем, вели себя вызывающе дерзко и называли Синод и Патриархов еретиками. Вообще, отец Серафим говорил об изгнании имяславцев с Афона сдержанно, словно боясь или не желая выступать в роли судьи. Он стремился объяснить афонскую трагедию недоразумением, демонскими кознями и попусшением за грехи. Я стал спрашивать отца Серафима о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа»³⁸⁵, на которую ссылались имяславцы. Он ответил кратко, с оттенком грусти: «Иларион родился слишком поздно». И больше об этой книге не сказал ничего.

Знаменательно, что другой пустынник, отрицавший имяславие, на мой вопрос ответил теми же словами: «Иларион родился поздно». Что значили эти слова? Возможно, схимонах Серафим хотел сказать, что наши современники перестали понимать язык святоотеческих творений. В этом есть своя правда: общее снижение духовности, недостаток внутреннего

молитвенного опыта, отход от жизни древнего монашества выводят современных богословов и отчасти монахов из русла мистического предания, и их попытки рационалистически объяснить тайну и определить ее в словесных умозаключениях приводят к непониманию, разномыслию и ошибкам. С тайной можно соприкоснуться только через символы и иносказания. Духовный мир, открывающийся в молитве, не может быть адекватно передан словами; в него надо включиться, его надо внутренне пережить. Однако этот упрек в не меньшей степени можно отнести и к самому схимонаху Илариону автору книги «На горах Кавказа». Его язык, отличающийся несомненными художественными достоинствами, способный захватить и увлечь читателей, слишком эмоционален; суждения расплывчаты, неточны, а иногда неверны и вместе с тем излишне категоричны. Описания духовных состояний неравноценны, некоторые из них отличаются какой-то горячностью и, позволю себе сказать, нервозностью. Чувствуется, что здесь духовный опыт не вполне чист, в него вторгается воображение. Эта эмоциональная напряженность и гиперболизм речи отличаются от спокойной трезвости древних православных мистиков, творения которых излучают тихий и ровный свет.

Сам схимонах Иларион, как я слышал, меньше всего желал стать ересиархом или раскольников, но он не избежал того же рационалистического соблазна: дать определение тайны богословия в словесных формулировках, раскрыть ее в рассудочной плоскости. И, кажется, до конца жизни так и не понял своей ошибки.

Имяславие могло остаться поэзией молитвы, но схимонах Иларион захотел стать богословом молитвы и этим перешел грань между гимнографией и богословием. А священник Павел Флоренский и другие ученые апологеты имяславия сделали из него новую отрасль гностицизма³⁸⁶. Отец Серафим не разделял взглядов тех монахов-имяславцев (назовем их радикалами имяславства), которые буквально понимали слова преподобного Григория Синаита: «молитва – есть Бог». Он говорил, что это высказывание относится не ко всякой молитве, а только к благодатной. Из этого я заключаю, что отец Серафим

не разделял слепого буквализма, подобного буквоверию старообрядцев. К тайне можно приблизиться только через символ. Именно в молитвенном делании человек ощущает приближение символа к Символизируемому. Высший словесный символ – это имя. В глубокой молитве символ как бы оживает в душе человека, и он субъективно воспринимает действие Божие через имя и само имя – в некоем мистическом единстве с Именуемым. Объективно они не становятся тождественны друг другу, символ и Символизируемый не могут стать единосущными или моноэнергетическими – они разнотелны, и символ не имеет своей автономной энергии. Но в благодатном состоянии молитвы человек может субъективно воспринимать их не рассудочно-аналитически, а в некоем эмоциональном единстве.

Язык мистиков имеет свой стиль, свои средства выражения: иносказания, образы, метафоры и т.д. Он призван выявить ассоциативные связи и найти подобное между видимым и невидимым, чтобы помочь душе включиться в родственный ей духовный мир. Для мистика слова: «Имя Иисуса есть Бог» – это воспоминание о переживании в молитве и о том состоянии, когда душе человека, призвавшего имя Божие, через благодать открывается Бог. То же самое выражение на языке богословской терминологии будет представлять собой нелепость, а попытка догматизировать символический образ может перейти в ересь.

В самом имяславстве не было единства. Только на первый взгляд это учение могло показаться цельным. На самом деле, оно, как и старообрядчество, состояло из нескольких течений и представляло собой целый конгломерат мнений и взглядов. Схимонах Серафим принадлежал, если можно так сказать, к умеренным имяславцам.

Одну, немногочисленную, часть имяславцев составляли монахи, которые испытали глубокие мистические переживания и благодатные молитвенные состояния. Имя Иисуса Христа было дыханием их сердца и светом их жизни. Они хотели прославить имя Иисуса, но в этом порыве отождествили словесный образ с живым Первообразом. В своем воодушевлении они не поняли, что эмоциональное познание не может быть абстрагировано от

непосредственного мистического опыта и заменено словом. Они не столько утверждали, что имя Иисуса есть Бог, сколько боялись через отрицание потерять это имя из своего сердца. Они боялись, что после такого, по их мнению, отречения от благодати испытываемый ими в молитве свет имени Иисуса Христа ослабитсЯ или померкнет в их душах. Здесь можно говорить о неточности, о неправильной интерпретации мистического опыта, но еще не о ереси.

Святой Григорий Богослов писал, что для спасения достаточно очищения души, а для занятия богословием необходимо знание философии.

Святой Пимен Великий на вопрос: «Как сохранить мир души?» – отвечал, что для этого надо пребывать в своем чине (и не выходить из него). Мне кажется, что эти два совета были нарушены духовными вождями имяславцев.

Другую значительную часть имяславцев представляли монахи-простецы, которые, как мы уже сказали, больше доверяли своим старцам, чем приезжим из столичных академий России богословам. К грекам они также не испытывали доверия, так как подозревали их в тайном желании эллинизировать весь Афон. Кроме того, они считали, что меньший грех ошибиться в чрезмерном возвеличивании имени Иисуса, чем в Его возможном уничтожении и оскорблении.

Была еще часть монахов – постоянно недовольных монастырской жизнью: игуменом, распорядком дня, уставом, работой и т. д. – монахов-своевольников, которым был по душе всякий протест и возможность пошуметь, даже точно не представляя, в чем суть спора. Они больше всего мешали диалогу между «академиками» и «афонцами», превращали встречи в митинги и, не слушая никого, кричали, как старообрядцы во времена попа Пустосвята³⁸⁷: «Победили, победили».

Была и весьма немногочисленная прослойка в монашестве (и не только в афонском), состоявшая преимущественно из интеллигентов и бывших дворян, которые по своему мышлению и гордости ума, а также по прошлым увлечениям в миру, были втайне склонны к теософской мистике (скрытому пантеизму и

магизму) и не до конца изжили ее инерцию, даже находясь в монастырях. В имяславстве они увидели, скорее почувствовали, то, чего желали: особый способ молитвы, основанный на тождестве именований и реалий, благодаря которому можно влиять на духовный мир через энергию самого слова. Эти интеллигенты-монахи, за немногим исключением, не пользовались авторитетом у собратий, чувствовавших в них что-то чужое и тяжелое, но смута подняла их на поверхность, как пену морской волны или пузырьки кипящей воды.

Надо сказать, что плеяда русских софиологов также рассматривала имяславство как монашеский или мистико-аскетический гностицизм, хотя не употребляла этих выражений из-за понятных причин. Это было для них чем-то родным и похожим на христианизированное пифагорейство и платонизм.

В имяславских спорах каждая сторона апеллировала к святым отцам (приводила цитаты из святоотеческих творений), но это не убеждало другую сторону, которая также указывала на святых отцов и приводила альтернативные цитаты.

Надо сказать, что вообще способ ссылок на отдельные цитаты мало что дает, так как такие цитаты представляют собой разрозненные фрагменты, выдернутые из контекста, словно отдельные куски, вырезанные из полотна картины. На основании одного или нескольких фрагментов нельзя воссоздать целое. Более того, из цитат, выбранных и расположенных по определенному, заранее заданному плану, можно составить или подтвердить ими почти любое учение. Ведь в основе ересей лежит монтаж фрагментов Библии. Чтобы понять святоотеческие творения, надо рассмотреть их, как и Библию, в цельности, найти основную идею, и тогда будет понятен смысл каждой цитаты. Поэтому в Церкви всегда существовали вероопределительные книги.

Имяславцы не поняли, что гимнографический стиль, уместный для описания мистических переживаний, нельзя перелагать на язык богословских понятий, тяготеющих к четкой философской терминологии, а противостоящая сторона словно забыла, что кроме догматического богословия существует еще богословие мистическое, имеющее свои средства и формы

языкового изображения, и что недостаточно только опровергнуть оппонента, но необходимо еще понять его язык. Приведем такой пример. В гимнографии Господь Иисус Христос часто сравнивается с солнцем. В акафисте написано: «Иисусе, Солнце Правды». Человек, читающий акафист, духовно воспринимает этот образ и эмоционально переживает его: Иисус – солнце его Души, свет его ума, теплота его сердца. Но если на основании акафиста мы станем утверждать, что Иисус и солнце – это тождественные понятия, то есть солнце – это Божество, то мы впадем в язычество или в ересь, схожую с манихейством³⁸⁸ и розенкрейцерством. В первом случае, при молитвенном чтении акафиста, душа воспринимает Иисуса как источник Божественного света; во втором случае, при переводе образа в словесное понят этот же образ, подвергшийся логической интерпретации, становится плоским, одномерным, материализованным и превращает Иисуса в солярное божество. В первом случае мы видим прославление Иисуса через образ видимого солнца, а во втором – уклонение в языческий космизм. Если бы человеку, испытывавшему благодатное состояние подобное озарению во время молитвы (чтения акафиста), вдруг сказали бы: «Подпишись, что Иисус не есть солнце», то возможно, что он отказался бы сделать это, указав, что акафист Иисусу Сладчайшему со словами: «Иисусе, Солнце Правды» благословлен Церковью и по нему молились христиане в течение многих веков. Так что с психологической стороны нам понятно смущение имяславцев.

Мы не заметили в отце Серафиме сурового фанатизма. Узнав в беседе, что я священник, он встал и взял у меня благословение. Мы не слышали от него обличения иерархии – этой лакомой пищи для раскольников всех толков. Он признавал Церковь, но не интересовался, что происходит в ней, как видно, считая, что пришел в пустыню, чтобы осуждать и обличать только самого себя. И все же, сравнивая отца Серафима с другими пустынниками, я чувствовал, что между нами стоит какая-то преграда душевной отчужденности, тонкая и невидимая, как прозрачное стекло.

В духовном мире существует своя иерархия – это иерархия святости и духовности, которую ощущает и признает душа человека. Старцы стоят на высоких, но не одинаковых ступенях этой иерархии. Сами они понимают это, а народ интуитивно чувствует благодать, которую они стяжали, как бы степень духовного света, излучаемого. При встрече с пустынниками мы чувствовали эту духовную иерархию, но в то же время – и некое единство. Это ступени одной лестницы, где бы ни находился человек: около ее подножия или у вершины.

В общении с отцом Серафимом было нечто другое: чувство уважения к нему, преклонение перед многолетним подвигом пустынничества – и в то же время ощущение, что мы беседуем с двух берегов узкой, но глубокой реки, разделяемые ее потоком. Что это такое? Я точно не могу ответить. Мне кажется, что его смирение было в значительной степени снисхождением к немощи и непросвещенности собеседников со стороны человека, который считает, что он обладает некой тайной, которую мы не можем постичь. Он признавал Церковь, и в то же время чувствовалось, что он внутренне полностью не включен в нее, а только примирен с ней, что он считает высшей церковью имяславцев своего направления, как бы церковь в Церкви, а нас – душевными христианами, не вмещающими тайны духа, тайны имени Иисусова. Он отделял себя от имяславцев-радикалов, которые называли греческих патриархов, а также российских иерархов еретиками и восставали против игуменов («Подняли звон на весь Афон»), но считал, что надо было всем проявить терпение: страсти бы улеглись, и дело прояснилось.

Отец Серафим говорил, что Барганы стали для его вторым Афоном и что он завещал похоронить его недалеко от кельи, в которой он прожил несколько десятков лет. Живя в пустыне, схимонах Серафим старался уклониться от каких-либо бесед, особенно споров с другими монахами о имени Божиим. У него было двое послушников. Во время нашей беседы со схимником они вышли из келий и занимались какими-то делами во дворе. Это была монашеская деликатность: оставлять посетителей для беседы со старцем наедине.

Когда мы спросили схимонаха Серафима об Иисусовой молитве, то он отказался поделиться с нами своим внутренним опытом, может быть, усмотрев в этом нашу нескромную любознательность или желание испытать его и заглянуть в чужую душу. А может быть, он, не без основания, считал, что опыт молитвенного делания, приобретенный десятками лет жизни в пустыне, не может быть так легко передан незнакомым людям, впервые пришедшим к нему. Он ответил, что об Иисусовой молитве достаточно написано у святых отцов и посоветовал читать «Добротолюбие» на славянском языке.

В монашеской жизни отец Серафим ценил умеренность; он не одобрял чрезмерных подвигов, которые брали на себя некоторые молодые монахи. Но сам он, кроме своих послушников, никого не учил, а только кратко отвечал, если его спрашивали о духовной жизни. Он старался быть со всеми в мире, но в то же время имел свои правила, приобретенные еще на Афоне, от которых не отступал. Приведу маленький пример. Монах, перед тем как войти в келью к своему собрату, должен сказать: «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и «Сыне Божий, помилуй нас», и только после ответного «аминь» он может войти в келью. От Пасхи до Вознесения монахи, жившие в пустыне, говорили пасхальное приветствие: «Христос воскрес!» перед дверью келий и ожидали, пока изнутри им ответят: «Воистину воскрес!». На старом Афоне в Пантелеимоновом монастыре, гость читал пасхальный тропарь до половины: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ», а хозяин продолжал: «...и сущим во гробех живот даровав» – и тогда открывал двери. Когда пустынники говорили у келий отца Серафима: «Христос воскрес!», то он отвечал: «...и сущим во гробех живот даровав», считая, что не должен изменять монастырской традиции и благословлению афонских старцев. Он считал, что пасхальным приветствием монахи должны обмениваться не через дверь, а лицом к лицу и затем целовать друг друга в плечо.

Разговор коснулся иеросхимонаха Антония Булатовича³⁸⁹, (гвардейский офицер, принявший монашество и написавший

апологию в защиту имяславия). Схимонах Серафим ответил: «Написал он эту книгу не для нас, а для интеллигенции». Затем продолжал: «Пришла Булатовичу мысль (буквально – «блажь») – эфиопов исцелять, чтобы обращать в Православие, и, не спросив благословения у старцев, поехал он к эфиопскому Царю, который уже умирал, и обещал его вылечить. Стал мазать освященным маслом, а тот все равно помер, и вышел такой конфуз. На Афоне у нас были старцы, которые могли исцелять и чудеса совершать, но делали это скрыто, через тайную молитву, не выявляя себя».

В России антицерковные и антиправославные силы, разумеется, не упустили случая воспользоваться афонской смутой для новых нападений на Церковь. С другой стороны, последователи Владимира Соловьева увидели в имяславстве возможность для создания новых гностических концепций, как бы источник философских вдохновений. Эти «ученые мужи» оказали имяславству «медвежью услугу», приписав ему магические манипуляции с именами и, тем самым, связь с давно отвергнутым и осужденным Церковью языческим оккультизмом – в общем, в полемическом задоре накинули на него еще одну петлю. Хотя Святейший Синод Русской Церкви и восточные патриархи категорически осудили имяславие как инославие, но осудили с позиции догматики и сотериологии, недостаточно учитывая мистику молитвы и своеобразие языковых средств (различие между идеей и символом). Образ, воспринятый как конкретизация идеи, привел к неправильному богословскому осмыслению феномена внутренней мистической жизни. К сожалению, часть монахов-имяславцев, изгнанных с Афона, не разглядев опасности, приняла помощь богословствующих философов-платоников для своих апелляций, то есть воспользовалась «шпаргалками» гностиков, и, разумеется, такие апологии ничего хорошего не дали и не прояснили позиции имяславцев, а еще более затемнили и исказили суть вопроса. Когда седовласые изгнанники с Афона пытались оперировать такими терминами, как «единство энергий имени и Именуемого»³⁹⁰ и «динамика имен»³⁹¹, подсказанными Флоренским, Лосевым³⁹² и другими, то в глазах

православных богословов это учение становилось еще более подозрительным и опасным.

Из беседы с отцом Серафимом мы вывели заключение, что большинство монахов-имяславцев не стремились к каким-либо богословским открытиям и к «талисману молитвы», а в простоте сердца считали, что в имени Иисуса Христа открывается душа Бог.

Что касается той части имяславцев, которые хотели догматизировать свое учение и ссылались на аллегорические и метафорические выражения древних мистиков, то они повторяли в новом варианте лжеучения антропоморфистов³⁹³ с их плоским буквализмом в понимании духовного мира. Но все-таки жаль, что посланники Синода, защищая Православие, поторопились применить силу, не оставив возможности (хотя бы нескольких лет) очиститься мутной воде страстного противостояния. Во всяком случае, тогда картина стала бы яснее и догматические контуры ереси – более четкими для самих имяславцев.

Пастырский жезл Синода ударил по имяславцам, но, к сожалению, другим концом удар пришелся на всю «афонскую Русь». События на Афоне в чем-то напоминают смуту в Александрийской Церкви (конец IV века), когда архиепископ Феофил³⁹⁴, борясь с ересью оригенизма и антропоморфизма, при помощи войска разогнал монахов итрийской пустыни, причем пострадало немало православных. Как известно, святой Иоанн Златоуст заступился за нескольких изгнанных монахов, так называемых «долгих братьев», что послужило еще одной причиной враждебного отношения архиепископа Феофила с Константинопольским патриархом.

Впоследствии, в годы революции, большинство монахов, высланных с Афона, окончили жизнь мученически, и может быть, в этом был Промысл Божий. Для нас афонская трагедия – урок, как осторожно следует прикасаться к человеческому сердцу чтобы говорить о вере, необходимо стараться понять своего собеседника, а для этого нужны любовь и терпение. Но саму любовь нельзя подменять беспринципным соглашательством, в котором нет ни правды, ни любви.

Уже, наверное, нет в живых о. Серафима, он завещал похоронить его недалеко от кельи, где он подвизался, и теперь путников на Барганы встретит его могила с простым монашеским крестом. Я до сих пор вспоминаю высокого седого старца в светлом холщовом подряснике. Он напоминает мне одинокую сосну, стоящую в зимнем поле: она склонила ветви под тяжестью снега, как этот старый пустынный – плечи под тяжестью прожитых лет. И все-таки, когда я вспоминаю нашу встречу, у меня снова возникает то двойственное чувство, которое я испытал тогда. Старец вызвал у меня глубокое уважение, но правильнее было бы сказать – почтение перед его величественным видом и подвижнической жизнью. Когда я беседовал с другими пустынниками, то в сердце своем ощущал мир, какой-то неземной покой, как будто я входил в поле, освещенное незримым светом. Мое сердце раскрывалось, оно хотело впитать в себя окружающий их дух, как песок воду. Казалось, что ум безмолвствует, лишенный помыслов, и внимает сердцу. Часто бывает так: когда идешь к старцу, то много вопросов волнует тебя, а увидишь его – и все вопросы как будто забываются и исчезают, а если спросишь, то о самом главном – о духовной жизни и спасении. Около старца уже не беспокоит то, что творится в миру. Волны страстей, привязанностей, обид, забот и страха затихают, как улеглись волны Галилейского моря, когда Господь запретил буре, и настала тишина.

Около старца-пустытника кажется, что если все, что имеет человек в миру, что он ценил и чем дорожил, с чем связывал свое счастье, вдруг пропадет, то в это время его сердце останется спокойным. Как будто все внешнее – это не твое, оно чуждо душе, а единственное, в чем состоит истинная жизнь для человека, – это вечный Божественный свет, и ради него можно отречься от всего. Около старца оживает дух, ум становится более ясным, но человек забывает свои вопросы и проблемы, словно их и не было, именно потому что причины, вызвавшие их, теперь кажутся ничтожными. Может быть, в этом и получает душа ответ. А когда я говорил с отцом Серафимом, то чувствовал нечто другое. Я слушал его внимательно, но это был

скорее интерес рассудка, а сердце не раскрывалось, оно жило своей жизнью. Разумеется, я оценивал достоинство старца. разумом я одобрял, что он не отошел от Церкви, то его позиция в имяславии очень умеренна и сдержанна, что он верит в благодать, пребывающую и, и даже не чуждается взять благословение у незнакомого ему священника. Но почему-то, когда я увидел его, передо мною предстал образ не древнего анахорета, а старого богатыря из былины, певца-баяна. У меня не было предубеждения к нему, он принял нас с монашеской приветливостью, но, покидая его келию, я чувствовал, что получил все, что он мог дать мне, и вряд ли мое сердце снова потянет меня к нему. Странная вещь, я уважаю его, но ощущаю что-то невидимое, разлучающее нас, хотя ни одного противоборствующего слова не прозвучало во время нашей встречи. Внешне, так сказать, формально, все было в порядке, не было лишь одного: душа не соприкасалась с душой. Все-таки мне кажется, что невозможно полностью включиться в Церковь, четко и твердо не отвергнув того, чего Церковь не принимает. Господь сказал: «Где сокровище ваше, там будет сердце ваше»³⁹⁵. Между двумя государствами обычно существует полоса земли, называемая нейтральной зоной. Человек вышел из одной страны, и еще не вступил в другую. Мне кажется, что приблизительно в таком состоянии был отец Серафим. Он шел вдоль границы; разум его как будто нашел средний путь между Православием и имяславием. Он принимал Таинства от православных священнослужителей, но я думаю, что сердце его оставалось по ту сторону границы, где начиналось имяславие. Это состояние нельзя назвать ересью. Оно скорее походило на «икономию» со стороны старца, на неравный союз по необходимости. Но Православие – это единство. Оно требует всего человеческого сердца и послушания ума. Даже сравнительно небольшое отклонение уже отражается в мистическом общении душ. Поэтому в чинах присоединения к Православию требуется категорическое отрицание лжеучений, неправильных мнений и взглядов, а не просто согласие с православием.

Может быть, мои воспоминания об о. Серафиме и размышления о нашей беседе лишены строгой последовательности и целостности, но я не стремился к этому, я хотел записать то, что переживал.

Мы поблагодарили схимонаха Серафима за беседу с нами. Он проводил нас до порога кельи. По легкому движению его губ можно было предположить, что он творил Иисусову молитву.

Мы вернулись в келью отца Кассиана (тогда Всеволода) и отца Виталия. Там мы застали еще двух незнакомых монахов, которые сидели за трапезой. Во время их пребывания в кельи мы слышали от них только несколько фраз. Казалось, что они по дороге и в гостях продолжали заниматься исихией. После трапезы они пропели благодарственные молитвы, трижды поклонились иконам, а затем каждому из нас, и вышли во двор по какому-то делу вместе с отцом Кассианом. Не то они передали ему посылку, не то он дал им какой-то инструмент.

Молчание – это язык монахов, это благородство души пустынника. Молчание – это один из знаков Иисусовой молитвы, творимой в сердце.

Молчаливые уста – это как бы замок, запирающий вход в ограду внутреннего духовного сада, где имена Иисуса Христа и Божией Матери цветут, как дивные небесные цветы.

Пора было расставаться. Нас взялся проводить монах Кассиан. Счастливы монахи, живущие в пустыне. Царь открывает свои сокровища, хранимые в тайнике, только самым близким друзьям. А Господь сохранил от мира красоту пустынных гор, чтобы дать их как наследие отшельникам и скитским монахам. В Псалтири написано: «Ты дивно светишь с гор пустынных»³⁹⁶, с этих гор в мир изливается незримый свет, который не дает погибнуть миру. Велика радость монахов, для которых пустыня стала родным домом. Кто любит келью, как свою духовную невесту, никогда не променяет ее ни на что на свете; тот, кто прожил в пустыне хотя бы несколько лет, а затем ушел из ее безмолвного царства, будет всю жизнь тосковать по ней и даже во сне видеть гряды гор, прорезанных глубокими ущельями. Он будет вспоминать леса, где царит тишина,

прерываемая только шелестом ветра в листве деревьев, пением одинокой птицы или тихим шумом ручья.

Меняются времена года, меняется лик пустыни, но она одинаково прекрасна зимой и летом, осенью и весной, и во все часы суток: на рассвете, в полдень, на закате и глубокой ночью. С наступлением темноты горы кажутся тенями, брошенными на землю из далеких космических пространств. Не только земля, но и небо над пустыней другое. В городах оно кажется поддержанным плотной вуалью, через которую едва пробивается тусклый свет звезд. В пустыне небо похоже на картину, с которой сняли слой пыли, и она засияла обновленными красками. В городе звезды кажутся искрами затухающего костра, которые едва мерцают среди пепла, а в пустыне они похожи на драгоценные камни, которые лежат на дне огромного прозрачного озера.

Глубокой ночью в кельях монахов загорается свет. Они встают на молитву. Святые отцы заповедовали делить ночь между сном и бодрствованием. Иногда безмолвие ночи прерывается шумом ветра в ущелье, который похож на дыхание спящего исполина. На заре первыми просыпаются горы.

Их линии на фоне неба становятся четкими и как бы упругими. Ущелья еще погружены в сон и мрак, кажется, что из их глубин поднимаются клубы темно-сизого дыма. Заря своим дыханием гасит звезды, словно ветер тушит свечи огромного паникадила. Невидимая рука стирает ночную чернь с хрустальной сферической поверхности небосвода, и он светлеет с каждой минутой.

Вот на востоке засияла заря, будто радуга после дождя. Ее нежные, прозрачные краски кажутся лепестками небесных цветов, которые выросли за ночь и теперь распустили свои дивные бутоны. Вспыхнув на небосводе разноцветными огнями, словно приветствуя землю с наступающим днем, она исчезает, будто тает и тонет в холодной синеве бездонного небесного моря.

Стояла осень. На земле, как мягкий ковер, лежала опавшая листва. Сквозь поросли пожелтевшего кустарника виднелись каменные ребра скал; особенно были красивы блестящие

черные камни. Красота весенних цветов сменилась осенней красотой камней, которые казались мне черными розами гор или остатками звездного дождя, когда-то пробившего скалы.

Есть места в горах, где вид камней наполняет какой-то тревогой: они встречают путника, стражи врага. Одни из таких камней похожи на глаза змеи, другие – на обломки черепов, иные на клыки, выступающие из скалы, как из пасти зверя. Но когда идешь мимо этих камней в другой раз, то кажется, что они узнают тебя, как пес узнает гостя, который раньше уже приходил в дом.

В некоторых местах тропинка над обрывом сужается настолько, что по ней не могут пройти рядом или разминуться два человека. Путник, видя пропасть у ног, прижимается к скале, как к своему другу, и чувствует тепло от ее каменной груди.

Отец Кассиан шел с нами по лесу, где не было тропинки. Казалось, он узнает путь по деревьям, как по дорожным вехам. Лес начал редеть и затем сменился кустарником. Мы вышли к пологому склону горы, спускавшемуся в долину. Горизонт перед нами точно раздвинулся вширь и вдаль и захватил новые пространства в свои владения. В лазурном лучистом небе застыли облака, как острова из белых кораллов.

«Какая красота!» – воскликнул я, обращаясь к отцу Кассиану. Он взглянул на меня как бы с удивлением и спросил: «Где?». Я показал на небо. Он посмотрел по направлению моей руки, словно пытаясь увидеть что-то необычное, постоял и затем сказал: «Похоже, будет хорошая погода; успеем переделать у себя кровлю». Потом добавил: «Старцы благословляли нас идти отдельно в дороге, шагов на двадцать-тридцать друг от друга, чтобы не мешать молитве». Я подумал: «Вот в чем красота для пустытника. Зачем ему смотреть на небо? У кого в сердце имя Иисуса Христа, у того там и небо».

О формах духовных отношений

Отношения между духовным отцом и духовными чадами похожи на различные формы управления государством, а именно: демократическое, аристократическое, плутократия, монархическое и деспотическое.

1) Демократическое правление

Отец и духовные чада – это прежде всего друзья. Они советуются друг с другом, вместе обсуждают дела, вместе решают проблемы и т. д. Слово духовного отца здесь не обязательно, это один из голосов в общем хоре. С первого взгляда кажется, что это неплохо, никакого принуждения и насилия над личностью, они подчиняются друг другу по принципу любви. Духовный отец выступает только дирижером своего хора. В общем, мир и радость. Но на самом деле происходит совсем другое – то же, что в демократическом строе государства. Начинаются популизм и интриги, которых не может пресечь и предотвратить духовный отец. Здесь происходит скрытая борьба за власть, в которой, как и при демократии, побеждают наиболее натренированные в борьбе и неразборчивые в средствах и вместе с тем наиболее целеустремленные и властолюбивые. Здесь, как и при демократическом строе, образуются внутренние противостоящие друг другу группировки, пускаются в ход подкуп, лесть, угрозы, интриги, инсценировки обмороков и глухие угрозы – покончить жизнь самоубийством, которые производят особо сильное действие на струсившего духовного отца. Он готов скорее пойти на любую капитуляцию, чем видеть свое духовное чадо висящим в петле или лежащего бездыханно в струях крови, с пистолетом в руке, вокруг которого маячат фигуры полицейских. Вместо духовного руководства наставник-демократ бежит с пузырьком нашатырного спирта около своих духовных чад. Финал один. Все вместе начинают руководить своим духовным отцом, и он мечется из стороны в сторону, безуспешно стараясь примирить враждующие лагеря. Но все имеет конец. Как выживает самая сильная акула, так берет верх

самый волевой из духовных чад. Он запирает своего духовного отца в доме и наклеивает на дверях листок со словами: «Отец болен, прошу не беспокоить». Если духовный отец захочет выглянуть из окна, его бесцеремонно оттаскивают назад. А так как демократия тесно связана с либерализмом, то отношение к духовному отцу становится совершенно свободным. Но здесь иногда случаются дворцовые перевороты: пришедшие в себя после шока духовные чада сговариваются и, улучив время, похищают духовного отца и прячут его от противоположной стороны. После таких испытаний отцы-демократы в конце своей жизни становятся отпетыми мизантропами. Некоторые из тех, кто в молодости сравнивал своих духовных чад с мироносицами, в старости начинают сомневаться, как мусульманин: есть ли вообще у женщины душа, хотя не высказывают этого вслух.

1

2) «Аристократическое» правление

Здесь духовный отец выступает как джентльмен. Он изысканно вежлив и любезен. Свое духовное чадо встречает, вставая с кресла, он восхищается ее видом, подчеркивает вкус к одежде. Духовное чадо начинает чувствовать себя дамой, которой отдал свое сердце рыцарь. Финал один. Каждое духовное чадо считает, что рыцарь-наставник питает платоническую любовь именно к ней, как единственно достойной таких высоких чувств. На других духовных чад она смотрит с еще большей свирепостью, чем при «демократическом» правлении. Наставник-аристократ благодарит своих чад за его посещение и, провожая до ворот, делает печальное лицо. Он во всем оправдывает своих духовных чад. Сделать выговор для него очень трудно; даже будучи оскорбленным, он говорит: я не обижен, а опечален. Если «демократам» духовные чада приносят в подарок картошку и макароны, то наставнику-аристократу приносят букет цветов, пред почитая лилии, а иногда торт. Нередко, собрав духовных чад, он выразительно читает какую-нибудь книгу, например Мартенсена³⁹⁷ «Нравственное богословие», и за тем толкует ее. Когда он идет в храм, то духовные чада, как

дружины, следуют за ним или ожидают у ворот. Когда он служит, то каждое чадо интересуется, кого первым он помянет на молебне, и придают этому нередко трагическое значение. В общем, аристократическое правление превращается в какой-то рыцарский роман, где Христос вообще отсутствует, его место занимает духовный отец.

Надо сказать, что простые люди как-то инстинктивно отдаляются от ученых монахов и наставников с аристократичными манерами, они чувствуют себя здесь чужими, но зато дамы с дипломами в восторге от таких наставников. Поэтому здесь без воли духовных отцов появляется разделение между «плебеями и патрициями»: «плебеи» как-то сами собой остаются за порогом. Наставник-аристократ выходит навстречу гостям с какой-то торжественностью. Это выражение торжественности, как печать, застыло на его лице. Подрясник на нем всегда чист и выглажен; он предпочитает одеяние белого цвета. Часто в квартире у него стоит пианино или фортепиано. Обычно у такого наставника большая библиотека, где наряду с духовными книгами находится светская литература. Если случайно, когда он ищет книгу, выпадает из шкафа томик Гюго³⁹⁸ или Вальтера Скотта³⁹⁹, то он говорит со слегка грустной улыбкой: «Ведь я должен знать психологию грешника, чтобы исправить его». Он любит говорить о том, что все люди для него равны. Однако в разговоре часто намекает на свое дворянское происхождение – действительное или ложное.

3) Следующий вид правления, который стал господствующим в мире – это плутократия, т. е. власть тех, кому принадлежит богатство.

Но здесь нужно оговориться. Духовный отец при таком образе правления духовными чадами не обязательно должен быть эгоистом и сребролюбцем, он просто-напросто считает, что люди, имеющие богатство и власть, могут быть полезны для Церкви, и поэтому особо выделяет их. На бедных он обращает мало внимания, оправдываясь тем, что бедным легче спастись, а богатым – труднее, поэтому богатые больше нуждаются в заботе и внимании. Он располагает их употребить свою власть и богатство на благо Церкви и бедных; иногда он организует что-

то вроде негласного «фонда» для бедных. Но здесь происходит переход на гибкую политику. Ориентиры на внешнюю силу и положение в мире оборачиваются для него духовным порабощением. Знаки внимания и услужливость, оказываемые богатым, ставят его в положение православного иезуита, где цель – благолепие храма, помощь бедным и т. д. – достигается довольно сомнительными средствами. Та часть людей, которая ищет в Церкви истинную правду, видя двойственную нравственность священника, его различное отношение к людям, могут охладеть к самой Церкви. Опять-таки повторяем: прагматик – это вовсе не значит себялюбец, иезуиты часто жертвовали жизнью за свои идеи, а православный иезуит и католический, если даже борются друг с другом, остаются братьями по методам. Это обхаживание богатых – также иезуитская продажа совести во имя материального блага, и она больше, чем враги христианства, компрометирует Церковь в глазах самих верующих. Непосредственное окружение прагматика сразу понимает, с кем и как надо действовать: кого надо радостно приветствовать как самого достойного человека, кому надо во время службы выносить стул и т. д. Прагматик считает, что можно покривить церковными правилами, если от этого будет выгода храму или бедным, например, отпеть некрещеного или самоубийцу, поминать во время Литургии иноверца и т. д. Плутokrat в зависимости от личного характера может быть скупым или щедрым. Но его щедрость чаще всего распространяется на тех, кто ему нужен. В его окружении в большинстве случаев все довольны. Но духовной жизни там почти нет, главные силы употребляются на внешнее. Молитвы вытесняются поздравительными телеграммами с объяснением в горячей любви; чем больше пожертвований, тем больше внимания и любви. Здесь ведется строгий учет и составляется точная оценочная шкала.

Этот образ правления невозможен без лжи, поэтому ложь в таких кругах является необходимой атрибутикой; на лесть смотрят как на проявление мудрости. У этих людей Церковь становится автономной, самодовлеющей величиной, притом не мистическим телом Христа, а человеческим институтом, и

заботы о благолепии храма заслоняют у них образ Самого Христа.

Плутократом может быть делец, стремящийся к личному обогащению, но может быть и аскет, поддавшийся духу тщеславия и забывший о том, что любовь должна быть соединена с правдой. Если демократический принцип в духовном мире обращается в хаос, аристократический – в романтику, то плутократическая форма – это материализация духовной жизни.

4) Четвертая форма правления – монархия. Это наиболее разумный принцип в отношении между духовным отцом и его чадами. Монархия в ее идеальном значении требует разумности в правлении и любви к людям. Перед монархом все равны. Он является высшей властью, но властью, ограниченной не внешними институтами, а традицией. Слово духовного отца должно быть непререкаемо, но в то же время обдуманно и справедливо. Человек, исполняющий повеление монарха, должен знать, что он поступает разумно и что в этом повелении содержится забота о его благе. Монарх – единовластен, но он не чуждается совета и выслушивает просьбы, обращенные к нему. В наше время духовный отец должен поступать со своими чадами справедливо и разумно и на этом основании требовать послушания. Он может выслушивать и исполнять советы и просьбы, но последнее слово остается за ним. При этой форме недопустимы пререкаание, споры и т.д. Можно попросить разъяснить данное благословение, но нельзя самовольно отменять или нарушать его. Впрочем, и здесь исключения. Монарх должен руководствоваться традицией, а духовный отец – правилами Церкви. Вне русла церковного Предания, Евангельских заповедей духовное руководство теряет силу – монарх превращается в узурпатора.

5) Деспотизм

Он отличается от монархии тем, что понятия традиции, добра и зла и т. д. заменяются личным диктатом. Здесь понятие справедливости и каких-либо прав отсутствует. Все зависит от воли деспота. Эта форма может или сломать духовное чадо, или же быстро исправить его. Но в наше время это

сильнодействующее лекарство непригодно для слабых организмов. Без особой благодати, которая действует в духовном отце, деспотизм по отношению к духовному чаду просто покалечит его. Без решимости к послушанию со стороны духовного чада этот принцип также может вызвать в нем протест и отбить охоту ко всякому послушанию. В древнее время наставники прибегали к сильнодействующим средствам. Они давали трудные, почти не исполнимые задания, иногда как будто противоречащие здравому смыслу, а ученики, отдавшие себя в послушание к старцу, с готовностью исполняли их, и духовное преуспевание происходило очень быстро. Через такое послушание человек успешно боролся с демоном гордыни, который колеблет весь мир. Теперь нет ни таких наставников, ни таких послушников. Послушание в настоящее время должно даваться со стороны наставника с большим рассуждением и соблюдением принципа целесообразности и справедливости. Человеческая гордыня, пройдя все стадии болезни, превратилась в воспаленный гнойник, который мучительно болит при каждом прикосновении. Поэтому для духовного отца необходимо терпение и сострадание, но также сила воли. У него должна быть, как у хирурга, легкая, но твердая рука.

Осторожно, гуру!

Диктатура отличается от монархии тем, что не имеет ни традиций, ни духовной культуры. Но в самой диктатуре существует, как ее разновидность, самая худшая форма управления, которую мы условно назовем вождизмом; ее можно сравнить с революционной властью – популизмом, соединенным с тиранией. Такая структура характерна для тоталитарных сект и общин, особенно для общин, создаваемых восточными гуру. Здесь полная власть наставника, переходящая в произвол. Здесь принцип беспрекословного послушания, как подавление человеческой личности. В самой общине создается, как в любом революционном правлении, фискальный и репрессивный аппарат. Человек, попавший в это поле психологического порабощения, лишается не только свободы воли как нравственного выбора, но у него притупляется, как бы атрофируется способность самостоятельно мыслить, он незаметно для самого себя превращается в фигурку на шахматной доске, которую передвигает с клетки на клетку рука его наставника.

Теперь конкретнее – о православном «гуру», или, если угодно, о махатмах в православии.

В общине царит непререкаемый авторитет гуру – духовного отца. Он выступает в роли непогрешимого вождя с неограниченной властью; он требует, чтобы ему было отдано то, что должно принадлежать только Богу, а именно, – совесть и нравственное чувство человека. Члены общины ощущают постоянную зависимость от своего учителя и от ближайшего его окружения, похожую на опричнину⁴⁰⁰.

Любая критика гуру или недоверие к нему расценивается в общине, как самый большой грех, который может совершить человек. Те члены общины, которые нашли силы выйти, как бы вырваться из этого поля духовного порабощения, долго испытывают на себе месть всей общины в различных – скрытых и явных формах. Хотя гуру рассказывает сказки космической любви ко всем существам, и намекает, что он не менее

милостив чем Христос, но уход из общины и опасения за то, что негативные действия гуру могут стать известными, вызывают по отношению к «непослушным» дикую ненависть, и здесь открывается изнанка такой любви – клевета и интриги, которые должны не только преследовать «беглеца», но и устрашать остальных членов этой общины.

Надо сказать, что духовные агрессоры, подобно вождям революции, нередко бывают людьми одаренными и талантливыми, но всегда беспринципными, будто с ампутированной совестью. Они, как и подобает революционерам, – артисты добра, которые создают впечатление, что цель их жизни это только счастье людей, которые отдали им свои души и, разумеется, кошельки. Замечено, что «гуру», проповедующие нестяжательность, сами равнодушны к деньгам. Они хорошо знают психологию толпы, а также стараются изучить психологию каждого человека, с которыми им приходится иметь дело. Особенно отличает их непомерное властолюбие. Любой человек, пользующийся уважением в церкви рассматривается как враг, которого надо по возможности обезвредить, чтобы «гуру» спал бы спокойно. В общине создается целая иерархия, которая помогает «гуру» наращивать свой авторитет и утверждать свою единодержавную власть.

Среди последователей «гуру» образуются две группы – доноров и агитаторов. Доноры снабжают «гуру» деньгами, а иногда отдают в его распоряжение все свои средства; к ним в общине особое отношение: они окружены вниманием и почетом, и, обычно, настолько наивны и недалководидны, что приписывают это не финансам, а своим личным достоинствам. «Агитаторы» – члены общины, которые питаются крохами со стола «гуру», и обязаны создавать ему авторитет подвижника, чудотворца, учителя аскетики, философа, поэта, музыканта, а самое главное – святого человека и прозорливого старца. «Гуру» разработал сложную тактику отношения к людям: одним он льстит, других подкупает, третьим угрожает и т.д., но во всех случаях играет как артист. «Гуру» когда надо для дела умеет терпеливо выжидать, но, добившись нужного результата, как

победы, быстро переходит от заискивания к наглости; он наделен неистощимой изобретательностью и похож на паука, который непрерывно тклет свою липкую паутину. «Гуру» самолюбив: если при нем похвалят какогонибудь священнослужителя, то он воспринимает это как личное унижение; в его общине забывают о том, что существует архиерей, как высшая власть Церкви. «Гуру» требует беспрекословного послушания, но сам не находится ни у кого в послушании. У него нет духовного отца и руководителя; он, так сказать, произошел от самого себя. Его постоянное оружие это клевета, кажется, что он выделяет ее из своего нутра, как некоторые насекомые вонючую жидкость. В умении вести интриги такие вожди проявляют замечательные, даже гениальные способности. Внутренне они безразличны к религии, однако часто выдают себя за ревнителей древнего благочестия, за исповедников веры и мучеников за правду.

Как отличить «гуру» от истинного наставника, как обнаружить его псевдодуховность? Он непомерно властолюбив, и старается ставить самого себя на место высшей духовной инстанции. Он внушает людям, что его община это остров спасения, за пределами которого находится огромное бушующее море.

Революция основана на обмане и невежестве. После революций происходит уничтожение книг как обязательный ритуал. Во времена якобинцев, коммунистов и нацистов совершалось публичное сожжение книг, словно театральное представление. Общины «гуру» должны существовать под железным занавесом незнания и самоизоляции, поэтому в таких общинах вводится самый жесткий контроль над умами, какая то негласная тираническая цензура. Членам общины запрещено читать книги без благословения «гуру», встречаться и беседовать с другими священниками, в некоторых случаях даже брать у них благословение. Единственным источником информации является их наставник – духовный вождь. В общине поощряется доноительство друг на друга. Это считается доказательством преданности духовному отцу.

«Гуру» стремится быть непогрешимым в глазах своих учеников. Если римский папа является у католиков непогрешимым в вопросах веры и нравственности, то «гуру» непогрешим во всем. В древности, в оккультном союзе пифагорейцев всякий спор заканчивался доказательством: «Он (то есть Пифагор) сказал». Слова «гуру» должны быть для учеников выше очевидности.

«Гуру» должен говорить с непоколебимой уверенностью, а для этого сам освободиться от каких либо интеллектуальных или нравственных сомнений. Он должен быть уверен, что люди настолько глупы, что никогда не разгадают его обмана. Он говорит со своими учениками тоном гипнотизера, проводящего сеанс внушения. Наиболее отличительное свойство такого вождя это неразборчивость в средствах для достижения цели. Он под видом трансцендентальной любви или блага для своей общины учит духовных чад притворяться и лгать, выполнять все его требования, не считаясь ни с совестью, ни с человеческой честью. Он внушает своим ученикам, что несет ответственность за них перед Богом, а они не отвечают ни за что. Некоторым слабохарактерным людям, привыкшим прятаться за чужую спину, нравится такая иллюзорная безопасность.

Еще один характерный штрих. В таких общинах существует благотворительная помощь бедным, но она носит декоративный характер: там нет тайной милостыни, а все связано с рекламой мудрого и любвеобильного вождя.

Умение поработать волю, манипулировать сознанием и изменять менталитет – имеет долгую вековую историю, и употреблялось с успехом в оккультных союзах, каббалистических школах, дервишских орденах, у асасидов, иезуитов, тибетских махатм и вождей революции.

Церковь не изолирована от мира и духа времени. Через церковную ограду может пролезть змей, как некогда он проник в Эдем к нашим праотцам.

О благодарности

Чувство благодарности это одно из естественных и, в то же время, благородных чувств, свойственных человеку. Благодарность это память о полученном добре, которая хранится в сердце, как бы написанная на камне, выражается в желании ответить добром за добро. Можно сказать по-другому: благодарность это теплое чувство, которое создает особое эмоциональное поле между людьми. Благодарность – удел смиренных; гордый не может быть благодарным, так как ему кажется, что он заслуживает только восхищение за свои личные достоинства. Благодарность духовно сближает людей, устраняет недоверие и подозрительность, и даже врагов делает друзьями. Однако здесь могут возникнуть неправильности и ошибки, о которых следует помнить.

Основа христианства – любовь. Деятельное выражение любви – жертва. Милостыня – это вид повседневной жертвы, в которой сгорает, как в огне, человеческий эгоизм. Господь сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать»⁴⁰¹. Любовь ничего не считает своим. В христианстве дар и милостыня имеют не только нравственное, но и мистическое значение: дать ради Христа или сделать ради Христа – это дать Самому Христу через человека. Слово «милость», прежде всего, это не поступок, а душевное расположение. Милость – это сострадание, сопереживание; милость – это одно из свойств духовной любви, это чувство единства человеческого рода. Для милостивого каждый человек – это его близкий.

Виды и формы милости разнообразны, но основа их одна – уметь видеть себя в другом, заменять другого собой. Поэтому милость расширяет человеческое сознание и бытие, а эгоизм и себялюбие сужает и обедняет жизнь. Милостыня – неразлучная спутница любви, а в любви – великая свобода, покой и «простор» сердца.

Слово «дар» означает «даром», «безвозмездно»; дар это то, что не подлежит расчету и даже мирским понятиям о справедливости. Дар – это посильное для человека подражание

Богу, Который все дает человеку даром. Дар и милостыня, как свободное действие человеческого духа, не должны рассчитывать на ответ и отдачу, иначе они превращаются в расчет, взаимообмен, взаимную помощь, услугу и плату за нее. Тогда слова «дар» и «милостыня» перестают отвечать своим названиям и должны быть заменены другими словами: торговля и купля, а иногда выгодное предприятие, от которого ждут отдачу с процентами и лихвой.

Самый худший вид этого ложного дара – когда за него покупается свобода человека, и раб должен работать для своего нового господина. Поэтому тот, кто дает, не должен ничего ждать в ответ от человека. Если он делает действительно ради Христа, то получит от Христа больше, чем даже ожидает. Если это он сделал ради любви, то получит награду в самой любви: иметь в сердце любовь – великое счастье. Если он сделал с тайным желанием выгоды, то благо для него, если он ничего не получит и его хитрость будет посрамлена.

Часто можно слышать слова: я делаю человеку добро, а получаю от него неблагодарность. Странное противоречие: ведь то, что сделано в ожидании благодарности уже не добро, а корысть. Христос сказал: «Когда творишь милостню, пусть левая твоя рука не знает, что делает правая»⁴⁰². Человек должен забыть о добре, которое сделал другому, оно должно исчезнуть из его памяти, как письма, написанные на воде. Этим он положит свое сокровище в надежный тайник.

Обычно люди не могут успокоиться, переживают и рассказывают о том, сколько они сделали добра и не получили ничего в ответ, как будто их обманули. Схожую ошибку совершают те люди, которые принимают дар не как знак христианской любви, а считают себя обязанными отплатить или отработать за него, как бы закабаленные чужим добром. Они напряженно думают, что сделать или подарить взамен, боясь показаться неблагодарными и этим унижить себя. Они начинают оказывать своему благодетелю особые знаки внимания, ищут случая, чтобы предложить свои услуги, то есть поскорее расплатиться с ним. Нередко они принуждают себя

подделываться, притворяться и кривить совестью, то есть расплачиваться своей душой, как разменной монетой. Тогда вместо любви у человека возникает внутренняя рабская зависимость, которая может вызвать тайное, глухое раздражение к тому, кто оказал помощь и милостыню: ведь должник не может любить своего заимодавца. При этом иногда происходит психологический парадокс: чтобы освободиться от зависимости, которую навязал себе сам человек, он идет на конфликт с тем, кто сделал ему добро. Поэтому в мире существует такое странное явление: за добро отплачивают злом, как будто мстят за него. А виновата в этом ложная установка, ложное чувство благодарности, как долга, который надо отработать, чтобы снять цепь с шеи.

Дар и милостыня не должны стеснять свободы человека, тогда у него будет истинная благодарность и истинная любовь не ради дара, а ради самой любви. Любовь, как чувство, отдавая себя, не уменьшается, а увеличивается еще больше. Обычно те, кто хотят перевести благодарность в мелочный счет и расчет, сами в милости небескорыстны. Наша испорченность и ложь спекулируют самыми святыми словами и понятиями, поэтому мы должны следить за тем, чтобы, давая дар и совершая дела милосердия – не покупать, а принимая дар и помощь – не продаваться.

Надо прежде всего и больше всего быть благодарным Богу, без Которого не совершается ничего, а затем человеку – как Его орудию, и этим сохранять внутреннюю свободу, данную Христом.

О декламации в храме

Я слышал еще в молодости от одного священника слова: «Алтарь – это духовная сцена, и, совершая Литургию, мы должны стараться возбудить в присутствующих сопереживание евангельским событиям, особенно страданиям Иисуса Христа. А для этого мы сами должны прочувствовать их и затем передать людям». Эти слова могут показаться благочестивыми и отвечающими цели самой Литургии – дать возможность людям пережить трагедию Голгофской Жертвы и победу Христа над адом. Но на самом деле получается нечто иное. Священник не просто служит Литургию, а начинает играть в Литургию. Он читает молитвы, как ему кажется, выразительно, поднимая голос от шепота до крика и опять опуская его до глухих звуков и стонов так, как будто он видит перед своими глазами то, что запечатлено в священных символах. Такой священник считает, что служит Литургию не сухо, а «сочно». Он воздевает руки к небу, падает плашмя перед престолом, ударяясь головой об пол, так что в церкви разносится стук, как будто упал какой-то тяжелый предмет. В общем, похоже, что в храме провинциальный трагик произносит монолог из трагедии Шекспира – «Короля Лира» или «Гамлета». При этом он одним глазом посматривает из алтаря, какое впечатление его служба производит на прихожан; ему кажется, что он сам – живая иллюстрация к Литургии. Раньше было принято в светских салонах читать стихи каким-то особым манером, с пафосом, похожим на заывание. Некоторые священники считают, что таким же образом надо декламировать молитвы. Обычно для священников-трагиков недостаточно молитв и ектений, произносимых вслух, и они, для большего эффекта, громко декламируют тайные молитвы, то есть те молитвы, которые не должны слышать миряне. Здесь не только нарушение уставной службы, но какая-то разноголосица: хор поет один песнопения, в это время из алтаря доносятся звуки, похожие на душераздирающие вопли, – это священник читает тайные молитвы вслух всей церкви, чтобы люди знали, как он глубоко

включен в Литургию. Про митрополита Антония Ставропольского⁴⁰³ рассказывали, что он терпеть не мог выразительного, так называемого художественного чтения молитв. Когда из семинарии или академии присылали священника в его епархию, то он присутствовал при первой Литургии, которую совершал этот священник, и затем решал, принять его или нет. Однажды новорукоположенный иерей решил показать свое проникновенное и благоговейное служение: стал закатывать глаза, воздевать руки к небу и говорить таким голосом, словно разрывается от наплыва чувств его душа или ему явилось видение в алтаре. Митрополит сидел молча. Когда кончилась Литургия, священник с довольным видом подошел к архиерею, ожидая получить от него похвалу. Митрополит посмотрел на него внимательно, как будто только что увидел то, и затем сказал: «Пошел вон! Мне нужны священники, а не артисты!» Тот, потрясенный, вышел на клирос и стал спрашивать, чем он прогневал владыку. Другие священники объяснили ему: «Молитвы надо читать ясно и просто. У нас псаломщики тоже пытались читать часы с выражением, а архиерей дал им земные поклоны и прибавил: «Это – на первый раз». Теперь подойди к владыке, попроси у него прощения и скажи: «Я понял свою ошибку и благодарю за вразумление».

В Литургии нет места эмоциям, принадлежащим не к духовной, а к душевной сфере. Поэтому священник своим так называемым выразительным чтением оземляет и профанирует службу, не помогает, а мешает людям молиться. В Литургии нет ярких художественных или поэтических образов; там сложная и глубокая символика, которая обращена к глубинам человеческого духа. Символ – это духовная связь, это особый язык Церкви, знаковая система, в которую включается человек. В Литургии должен смолкнуть шум наших страстей, колеблющих душу, и во внутренней тишине должны пробудиться духовные чувства. Присутствующие в церкви могут пережить эти чувства в разной степени, соответственно духовному состоянию каждого. Здесь выразительное чтение священника, которое зависит от душевности и от того, что отцы называли «кровяным

движением», на самом деле является помехой для Литургии и искушением для молящихся. Артист, играющий Христа на сцене, думает, что он переживает как Христос, и передает это чувство людям, но на самом деле он остается только обезьяной Бога. Священник, считающий в глубине души, что может показать через собственную персону величие Литургии, становится ее профанатором.

Голос духа тих; он слышен в безмолвии сердца; ему не свойствен эмоциональный, а на самом деле страстный крик. Духовные чувства не могут быть переданы через декламацию. Литургия это тайна, а тайну переживает сердце во внутреннем безмолвии. С тайной можно соприкоснуться через символы; она не передается жестиком и патетическим тоном; напротив, это чуждый налет на Литургии, как бы ржавчина на евхаристической чаше. Эмоциональность на богослужении похожа на облако, закрывающее духовный свет.

Священнослужитель в определенные моменты Литургии становится символом Христа, именно символом, знаком, а вовсе не картиной Христа, где вместо красок употребляются стоны и вопли, чтобы подчеркнуть несуществующее сходство. Алтарная перегородка, называемая иконостасом, подчеркивает, что все происходящее в алтаре храма во время Литургии сакрально и не должно стать общедоступным и тривиальным. Тайные молитвы – это принадлежность иерархии; если священник громко произносит их, то миряне включаются в это чтение, повторяют слова молитвы в своем уме, и тем самым становятся незаконными если не совершителями, то сослужителями таинств.

Обновленцы стремились к десакрализации службы. Они выносили престол на середину храма, чтобы якобы быть ближе к народу, и обычно читали тайные молитвы вслух, так сказать, для демократизации службы. В церкви громкое чтение тайных молитв запрещалось. Одно время, при Юстиниане Великом, когда обнаружилось, что некоторые священники пропускали тайные молитвы, было предписано читать их вслух, но тихо, не для народа, а чтобы их слышали присутствующие в алтаре. Но

этот обычай был вскоре отменен. Так что чтение вслух тайных молитв является грубым нарушением устава.

Особенно недопустимо, что молитвы евхаристического канона священник произносит так, чтобы их слышали из алтаря все люди. Да еще как он произносит эти слова! Говорит: «Господи!» каким-то шипящим голосом, как будто наплыв чувств потряс его душу и сдавил его горло, и вот-вот, потеряв сознание, он упадет на руки диакона; затем, помолчав, как бы придя в себя, он продолжает громко и таинственно: «..иже Пресвятаго Твоего Духа», как будто попирает адского змея своей собственной ногой. Затем кричит, словно впав в экстаз: «..в третий час апостолом Твоим низпославый», и кончает священный стих высоким фальцетом. При этом он размахивает руками, как птица крыльями, часто воздевает их вверх, как будто хочет оторваться от земли и подняться на небо.

Уже в древних правилах было запрещено такое театрализованное служение, называемое «козогласием». Характерно, что само слово «трагедия» в переводе означает «песнь козла»⁴⁰⁴, то есть блеяние и крик козла, которого режут. «Козогласие» или «козоглаголение», которое не должен допускать священнослужитель, является эквивалентом слова «трагедия». Священник должен читать молитвы просто, ясно и сосредоточенно, вникая в их слова, а не давить эмоциями своего разгоряченного воображения или заранее отрепетированной игрой на людей, стоящих в храме. Надо помнить слова апостола Павла «духа не угашайте»⁴⁰⁵, а эмоции, с их театрализованной передачей, угашают дух.

Восточное и западное монашество

Чем православное монашество отличается от католического? Тем, что для православного монаха монашество это образ жизни, а для католического – образ деятельности. Православное монашество – отрицание мира и всего, что в мире, ради одного Господа; а католическое монашество – служение миру, возможно, тоже ради Господа, однако такое служение в гуще мира противоречит самой сущности монашества. Когда к преподобному Антонию пришли философы (по-видимому, пифагорейцы) и спросили: «Вы, монахи, отрекаетесь от брака, – и мы сохраняем целомудрие; вы отрицаетесь от мирских стяжаний, – и мы презираем богатство; какая же разница между вами и нами?» Преподобный Антоний ответил: «Мы очищаем свое сердце от помыслов и не доверяем своему разуму». Философы сказали: «Да, мы этого совершить не можем».

Очищение своего сердца от страстных помыслов и образов мира для стяжания божественного света является основой монашеской жизни. Есть много великих святых, которые жили в миру. Они брали на себя подвиги: ухаживать за больными, кормить голодных, раздавать милостыню, воспитывать сирот. Среди них такие имена, как Филарет Милостивый⁴⁰⁶, Сампсон Странноприимец⁴⁰⁷ и т. д. Их подвиги были спасительны, они стяжали ими святость. Мы вспоминаем их жизнь с благодарностью за то, что на нашей земле еще не иссякла любовь. Но в то же время надо помнить, что их жизнь была далекой от монашеского идеала, если можно так сказать, они сделали все возможное в своем мирском чине. А для монаха эти добродетели являются детской одеждой.

Можно сказать, что монашество – наиболее полное исполнение первой и наибольшей заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею»⁴⁰⁸ за счет второй, которую Господь назвал подобной ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»⁴⁰⁹. Внешне как будто это так, но на

самом деле монах является большим благодетелем для человечества, чем тот, который, находясь в миру, с утра до вечера трудится для людей. Мы оцениваем само добро слишком материалистично, забывая, что все истинно великое невидимо, и само бытие этого мира во многом зависит от молитв тех, кто отрекся от мира и посвятил себя Богу. В патериках описаны случаи, когда Господь открывал монахам, что выше всего подвиг исихии – безмолвия и молитвы, но надо сказать, что этот подвиг самый трудный на свете.

Служение людям, каким бы оно ни было, для монаха сопряжено с пробуждением страстей, бурей помыслов, образов и картин этого мира, с планами, воспоминаниями, оценками, осуждением и т. д. Святые Отцы учат, что Иисусова молитва заповедана всем – монахам и мирянам, но глубина этой молитвы далеко не одна и та же. Пусть проверит живущий в миру, достиг ли он хотя бы относительной чистоты молитвы, и увидит, какое густое облако помыслов стоит между его душой и словами молитвы, как мало он вникает в смысл молитвы, как трудно ему сочетать душу со словами молитвы, чтобы ощутить ее духовное благоухание. То, что мы видим, что мы слышим, чем мы интересуемся, что окружает нас, – все оседает в памяти нашего сердца и во время молитвы делает наш ум немощным и слабым. Теперь монашество забыло о главном – об исихии, и все больше становится частью этого мира. Оно немощно, потому что потеряло внутреннюю молитву. Но можно сказать по-другому: оно немощно и потому потеряло Иисусову молитву, и пытается найти оправдание себе в мирских Добродетелях – в том, что может быть прекрасно для мирян, но несвойственно, а потому не спасительно для монахов.

Представьте границы государства, которые стерегут и защищают воины от коварного и беспощадного врага. Может ли воин оставить свой пост и пойти заниматься благотворительностью, не будет ли он в это время предателем своего звания? Ему скажут: твое добро было в том, что ты охранял и защищал нас, а сеять пшеницу и доить коров мы можем и без тебя. Если монах ведет правильный образ жизни, то благодать Божия открывает ему, что молитва монахов защищает мир от самых

страшных врагов – демонов. Он, не гордясь своим подвигом, понимает смысл монашества – стоять на передовой линии невидимой битвы, где сражения не затихают ни на минуту. Мы как будто забыли о том, что молитва – это самый великий после таинств Церкви дар, которым Господь наделил людей. Христос говорит, что на Страшном Суде христиане будут судиться, прежде всего, по заповеди о милосердии: посещении больных и узников, помощи неимущим и т. д., но монах, сидя в келье, молитвой своей посещает больных, приходит в темницы, утешает невинных и призывает к покаянию виновных. Уединившись от мира, он дает пищу голодным руками других людей, которые, может быть, без его молитв с окаменелым сердцем прошли бы мимо этих несчастных. По молитвам безмолвника преподобного Арсения Великого Византия была спасена от страшного землетрясения, которое должно было уничтожить большую часть ее населения. Какая благотворительность сможет сравниться с этим? Когда человек принимает монашество, то Господь посылает вместо него ангела в мир, который помогает тем, кому в миру мог бы помочь этот человек. Если монах занимается мирскими делами, то ангел отходит. В патерике описан случай: умирал в одиночестве монах, и около него стоял ангел; рядом умирал другой монах в кругу духовных друзей, там не было ангела, потому что монах получил утешение от людей. Старцы говорили: «Даже в монастыре будь как странник», т. е. не теряй в монастыре великой радости – быть одному с Богом.

Мы говорим о том, что католическое монашество давно потеряло исихию. Но здесь мы указываем на его характер и общие тенденции.

И в католичестве существуют монастыри, изолированные от мира, но их насельников чрезвычайно мало, они являются как бы архаизмами в католичестве, во всяком случае, существенно не влияют на него. Самые значительные монашеские организации – это ордена иезуитов, францисканцев и доминиканцев, погруженные в мирские дела, вплоть до политики и институтов, формирующих общественное мнение. В истории католического монашества мы можем видеть не только

лицемерие иезуитов или жестокость доминиканцев, обогривших в средние века всю Европу кровью и разработавших целую систему пыток, но также самоотверженных миссионеров, бескорыстных служителей бедным и несчастным, мучеников за свою идею. Однако мы найдем в них мало от той смысловой идеи, которая содержится в слове монах – «один», то есть ищущий единства с Единым. Этого не могут заменить не только горячие душевные порывы, но даже самоотверженная жизнь и героическая смерть: здесь духовное заменилось душевным и чувственно-эмоциональным. Сам готический собор – это как бы образ того, что благодать ушла с земли на небо, потому что оскудело задолго до готики западное монашество. Если бы оно не было подточено, как ствол дерева, в последние века перед отпадением Рима от Православия, то, может быть, этого трагического события не произошло бы. Многим такая мысль покажется предвзятой, непонятной и даже парадоксальной, но монашество в своем чистом виде внедряет в менталитет людей другие идеалы, чем те, которые стали господствовать в папской курии в то время, и тогда Римский патриархат не поменял бы крест на меч.

Оскудела молитва, и вслед за ней оскудела любовь к Богу. Мистика заменяется моралью и уставами, а понятия о добре – благотворительностью (в древнерусском языке добро было синонимом прекрасного). Идеи католического монашества начинают просачиваться в нашу Церковь. Но для православного сознания монашество **в** миру – это неумение быть одному с Богом. Если западное монашество немошно для исихии, то пусть, по крайней мере, не гордится своими внешними делами и служением миру, которое во многих случаях можно назвать апостасией (отступничеством) от завета святых Отцов и идеала древнего монашества.

Интеллигенция и католицизм

Нам хотелось бы отметить следующее знаменательное явление. Часть интеллигенции, не отличающейся особой религиозностью, проявляет тяготение к католицизму. Для гуманистов и либералов, на первый взгляд, такие симпатии непонятны: ведь гуманисты провозглашают как высшую ценность достоинство и права человека, в том числе право выбора религии, а здесь они выражают свою солидарность с самой тоталитарной конфессией, которая огнем инквизиции и мечом крестовых походов утверждала свое господство на земле и оставила за собой кровавый след в истории.

Можно услышать такое возражение: теперь католицизм стал другим, уже потухли костры инквизиции, и от Священной Римской империи остался только клочок земли, называемый Ватиканом, поэтому ужас и насилие ушли в прошлое. Но беззубый тигр сохраняет свой нрав. Доктрины католицизма остались такими же. Инквизиция и крестовые походы вытекали из самой сущности католицизма – образовать теократическое государство во главе с папой.

Государство не может обойтись без насилия и принуждения. А наши гуманисты словно забывают об этом. Некоторые из них утверждают, что количество жертв инквизиции и крестовых походов преувеличено. Это обычная ложь. Нам в детстве говорили, что никаких репрессии в стране не существует, а наказано и изолировано только ограниченное число явных преступников. Испанские сапоги, «дыба», на которую подвешивали человека, привязав груз к его ногам, жаровня, куда насыпали горящие угли и затем ставили на нее узника, подозреваемого в ереси или чародействе, – все эти атрибуты ада не больная фантазия Гофмана⁴¹⁰, не описание сатанинских оргий Гюисманса⁴¹¹, а атрибутика католического суда. Наши гуманисты, выступающие за экуменический союз религий, как будто забывают, что католическая церковь не только убивала, но предавала пыткам и мучительной смерти еретиков. Наши гуманисты, устроившие из слова «свобода» рупор для

говорильни, как будто не знают, что католическая конфессия представляет собой абсолютную монархию, где слово папы оказывается более значимым, чем решение собора, они забывают, что многие православные были убиты католиками за то, что отказались изменить вере своих отцов, но не было случая, чтобы православные убивали католиков за то, что те не хотели перейти в Православие. Эти люди готовы отвергать существование инквизиции, индульгенций, междоусобных войн, в которые вмешивались папы, держа в; руках не символический ключ Петра, а вполне реальное оружие. Эти люди, которые хотят обвинить Православную Церковь в косности и консерватизме, а священников во всех человеческих пороках, забывают, что Православная Церковь никогда не торговала индульгенциями и не назначала цену за прощение грехов. Эти люди хотят оправдать католическую инквизицию, ссылаясь на суровость средневековых наказаний, но ведь Церковь должна вносить дух любви в жестокие нравы людей, а здесь, наоборот, римские папы посылают буллы в оправдание инквизиции, где доказывают, что если еретик умрет во время пыток, то палач не виновен. Такого лицемерия не знала не только Православная Церковь, но даже язычники.

Чем же объяснить симпатии части нашей интеллигенции к католицизму, этот психологи-ческий феномен? Люди на словах требуют свободы и в то же время избирают конфессию самой крайней централизации, которая в этом отношении по своей структуре превосходит абсолютную монархию. Деятели, проповедующие равенство людей и достоинство человека, умиляются перед той религиозно-исторической организацией, которая, образно говоря, забрызгала кровью всю карту мира. Люди, требующие гарантий человеческих прав, одобряют структуру, где не только народ, но даже церковные соборы не имеют реальных прав в вопросах веры: они обязаны воспринимать решения одного лица, стоящего на вершине пирамиды, как непрекращающиеся пророчества, не отличающиеся по достоверности от Священного Писания. Люди, которые так строго судят православных священников и иерархов за их слабости и ошибки, мнимые и действительные,

как будто рассматривая их через увеличительное стекло, в то же время забывают об уже не человеческих, а дьявольских преступлениях Борджиа⁴¹² и других чудовищ на папском троне. Люди, которые упрекают Церковь в недостаточной духовности, в то же время забывают о той узаконенной системе лжи, которая является органичной частью Ватикана, – это орден иезуитов, который, кроме борьбы с еретиками, обучения юношей и т.д., исполняет роль политической и идеологической разведки Ватикана и действует средствами обычными для спецслужб – внедрением в государственные и общественные структуры. В народном сознании слово «иезуит» стало означать беспринципного, лживого, лицемерного человека, готового идти на все для достижения поставленной цели. Эти люди забывают о связи Ватикана с такими оккультными союзами как орден Мальтийских рыцарей и дипломатическую игру с антихристианскими силами.

Что же все-таки привлекает нашу творческую интеллигенцию в католицизме? Прежде всего то, что Православие духовно, а католицизм душевен. Чтобы стать православным, надо внутренне изменить себя, поставить перед собой другую, непривычную шкалу ценностей, в которой то, чем жил интеллигент, окажется где-то внизу. Здесь надо, выражаясь образно, пробить стену привычного и видимого, чтобы оказаться способным воспринять в сердце своем свет духовного мира. Католицизм позволяет человеку сидеть, как птенцу в яйце, в скорлупе своих прежних страстей и привычек, ограничиваясь каким-то поведенческим и религиозным минимумом. Католицизм – это компромисс между духом и душой, где победила душа, между религией и мирской культурой, где образовался какой-то странный гибрид с неопределенной меняющейся формой.

В определенный исторический период была создана Священная Римская империя, которую папы защищали не столько крестом, сколько мечом. Затем сам народ отверг эту теократию. Империя исчезла с географической карты, но сам принцип государства в католицизме остался.

Принцип прагматики, стратегия дипломатии, санкции и поощрения – это ориентиры на внешнюю силу. Наша интеллигенция упрекает некоторых священников в равнодушии к вознаграждению за требы, хотя это является единственным источником их материального существования, в то же время забывая или не зная, что Ватикан является одним из крупнейших банкиров мира, а банк – это спрут, питающийся кровью своих жертв (даже в лучшем случае он высасывает 10 % крови из артерии, а в худшем – все до капли). А Ватиканский банк назван «Банком Духа Святого». Итак, всемирный ростовщик назван «орудием» Духа Святого. Для православных это кощунство против Духа Святого.

Грузинским интеллигентам кажется, что католицизм – это прыжок из Азии в Европу, но они забывают о том, что у Грузии своя история, свои традиции, что когда в Мцхета высились христианские храмы, то в Париже (Лютении) еще приносились жертвы в идольских капищах, что сама культура Грузии древнее, чем культура европейских стран, в том числе и Франции. А у части нашей интеллигенции образовался какой-то болезненный комплекс, как будто Православие мешает Грузии развиваться, сковывает ее, и, если грузины отрекутся от веры своих отцов, значит, от своей истории, то, как по волшебству, Ваке превратится в Сорбонну, а Авла-бар – в Монмартр.

Между тем католицизм всегда обещал и никогда не давал. Наша интеллигенция думает, что католицизм сделает страну политически защищенной от возможных агрессий и притязаний. Но надо вспомнить, что за Флорентийской унией последовало падение Константинополя. Запад ответил на это не военной помощью, а элегическими стихами. Армяне в Турции, надеясь на помощь Ватикана, стали во время мировой войны принимать католицизм, но помощь не была оказана, и геноцид унес около двух миллионов жертв. Наша интеллигенция, вернее, часть ее, забывает, что Православная Церковь была стержнем грузинской национальности и государства. Благодаря Православию даже во время разделения страны на царства и княжества грузины чувствовали себя единым народом.

Кроме перечисленных нами факторов существует еще один важный фактор. Это фактор психологического подкупа, а именно – католицизм гигантскими шагами идет навстречу духу мира. Он предлагает современному человеку облегченный, мы бы даже сказали, – комфортный путь к спасению. Заботясь о количестве членов своей конфессии, он идет на те уступки, которые самим католикам прежних веков показались бы отступлением от их веры. Современный человек изнежен и капризен, у него расслаблена воля. Католицизм фактически отменил аскетику – эту онтологию христианства. Католицизм упразднил посты в нашем понимании этого слова. Дело дошло до того, что приготовления к причастию не существует. Человек после завтрака и обеда может через два часа прослушать мессу и причаститься. Сама месса сокращена по крайней мере в три раза по сравнению с православной Литургией, и в течение этого времени присутствующие не стоят на молитве, а сидят, хотя давно замечено, что вместе с расслаблением тела происходит определенное расслабление внимания и других душевных сил. Молитва требует большого напряжения и концентрации мысли, расслабление тела легче погружает человека в состояние мечтательности и дремоты. Надо сказать, что для этого состояния больше подходит слово «медитация». А современный человек с его интеллектуальной гордостью более склонен к размышлению, чем к молитве.

Наша интеллигенция живет в мире литературы и искусства (мы имеем в виду творческую интеллигенцию), в особом мире, созданном силой рассудка и воображения, в особом дворце земной культуры, который строился веками, а в католическом храме она находит знакомое и сродное себе то же мирское искусство, только с религиозной тематикой, ту же театральность и музыкальные эффекты, тот же чувственно-эстетический суррогат духовности. Католицизм стал религией душевного плана, поэтому самые высокие состояния, которые он может дать человеку, мало чем отличаются от творческой радости и вдохновения. Мир искусства (мы имеем в виду мирское искусство) – это мир сублимированной фантазии, а упражнение многих католических мистиков заключалось в развитии

воображения, например, знаменитые упражнения Игнатия Лойолы⁴¹³, во время которых человек чувственно представлял картины рая и ада. Воображение связано со страстями, и здесь католицизм идет навстречу современности, прямо сказать, – к развращенности современного человека. Он учит, что человек был создан страстным существом, а через грехопадение лишился сверхъестественной благодати. Если Православие считает страсть болезненным наростом души и деформацией чувства, то для католиков страсть – это злоупотребление и излишество. Поэтому в католицизме нет учения о внутренней молитве и очищении сердца от страстей, как у православных подвижников. В католицизме внешние дела преобладают над внутренним состоянием и рассматриваются в отрыве от него. Если для современного интеллигента принять Православие – это родиться вновь в муках и боли покаяния, то принять католицизм – это перейти из одной комнаты в другую, находящуюся этажом выше в том же здании.

Католицизм – это система, отличающаяся большой гибкостью и способностью к маневрированию. Когда католицизм обладал политической и военной мощью, то он подавлял всякое инакомыслие огнем и мечом. Еретики были лишены не только гражданских прав, но и самого права на существование. Их убеждали железными когтями, которыми рвали внутренности тела, и просвещали заревом костров, на которых жгли людей, как бы возобновив языческие жертвоприношения Молоху Ваалу⁴¹⁴. Методы изменились, а суть католицизма осталась та же. Раньше он хотел утвердить себя путем насилия, теперь хочет сохранить себя путем перманентных уступок миру. Раньше он считал преступлением против веры любые астрономические системы, кроме геоцентрической, теперь допускает эволюционную теорию происхождения космоса от первоначального «сверхплотного» вещества. Пантеистическая теория Тейяра де Шардена⁴¹⁵, не согласующаяся не только с католицизмом, но и с любой из христианских конфессий, взята Ватиканом в свой арсенал как элитарное учение для интеллектуалов, что-то вроде «научного эзотеризма» в католичестве. Теперь в католическом монастыре

занимаются йогой и дзен-буддизмом, но неверие в непогрешимость папы карается анафемой, что зафиксировано в постановлении I Ватиканского собора.

Наша интеллигенция любит говорить о принципах, но в то же время примиряется с беспринципной дипломатией Ватикана. Вступающий в католичество берет на себя ответственность за деяния, совершенные не людьми с их слабостями, а католицизмом как организацией, то есть за решения и постановления папских булл и энциклик, в том числе оправдывающих инквизицию; они не могут быть отменены, так как послания пап считаются безошибочными. Эти послания отражали саму сущность католицизма. Мы сравнивали методы католицизма, его тактику с резиновым жгутом, который при надобности можно гнуть в разные стороны, но он не изменяется от того и стремится принять прежнее положение. Кто забывает о таком свойстве резины, тот может получить неожиданный удар по лбу. «Париж стоит мессы», – сказал остроумный французский король Генрих IV⁴¹⁶, но наша интеллигенция не получит Парижа за мессу, может быть, только какую-нибудь гуманитарную помощь.

Наши интеллигенты говорят об экономическом расцвете Европы. Однако самые богатые страны мира не католические, а протестантские, а также Арабские Эмираты, языческая Япония; поэтому, если ориентироваться на компьютеры и банки, то надо принять синтоизм⁴¹⁷ и иудаизм. Религия – это прежде всего жизнь души, а что представляет собой современная Европа в религиозном отношении? Общество высокой морали или поле бездуховности? Пусть об этом подумает наша интеллигенция. Вы хотите отвергнуть веру своих отцов для земного благополучия, но обманетесь даже в этом: у отчима вы останетесь только пасынками. Если вы думаете, что католики высоко ставят Грузию и ее культуру, то прочитайте книги о Грузии Ламберти и Шардена. Доминиканский монах Ламберти, пользуясь гостеприимством менгрельского князя, прожил в Грузии несколько лет, а затем написал книгу «Описание волхов», где выражал сомнение, что грузин вообще можно назвать христианами, а священников сравнивал с

разбойниками. Вот двойное лицо и двойное сердце этих миссионеров, которые источали князьям и царям мед лести, но этот мед потом оказывался смешанным с отравой. Разве наши профессора не знают, что когда в тяжелые для Грузии времена после опустошения страны Джелал-эд-Дином⁴¹⁸ и монголами царица Русудан⁴¹⁹ обратилась к римскому папе за военной помощью, тот прислал в ответ нескольких монахов из ордена «босоногих» для проповеди католицизма? После нашествия Шах-Аббаса царь Теймураз I умоляет папу спасти Грузию, но в ответ получает только благословение. Саба Орбелиани⁴²⁰ пошел на вероотступничество и принял католичество, чтобы быть более угодным для католических монархов, объехал Европу, убеждая католических правителей заключить союз с Грузией, не оставить эту христианскую страну одинокой и беззащитной среди мусульманского мира и в ответ получил помощь: французский консул в Константинополе оказал милость – оплатил его дорожные издержки и долги. Был ли когда-либо случай в истории Грузии, чтобы католики помогли ей в беде? Неужели наши интеллигенты думают, что первый случай произойдет в наше время, неужели исторический опыт не научил их ничему?

Мы хотим указать на один факт, сам по себе, может быть, незначительный, но весьма симптоматичный. Несколько человек, связанных с системой просвещения и образования, стали публично в прессе обвинять Грузинскую Церковь в том, что она противостоит науке, так как Грузинская Церковь отказывается принимать григорианский календарь, детище римского папы Григория. Неужели эти образованные люди не знают, что григорианский календарь при своем появлении вызвал протесты большинства европейских университетов, в том числе Парижского университета, и крупнейших математиков и астрономов, как например, Виета⁴²¹ – основоположника алгебры в Европе. Дело приняло настолько опасный оборот, что папа Григорий XIII спешно издал буллу под названием «О самом важном», где грозил предать анафеме противников его календарной реформы. Неужели этот поступок не шокирует их свободомыслие? Приблизительно в это же время католический

монах Диего⁴²² сжег всю библиотеку народа майя, собранную в столице. Надо сказать, народ майя создал самый точный из всех действовавших в истории календарей. Случайно сохранилось только несколько рукописей. Это сделал не невежественный фанатик, а крупный этнограф и историк. Может быть, Ватикан возмутился таким поступком и наказал своевольного монаха – конкистадора в рясе? Нет. Ватикан выразил свою солидарность с сожжением книг покоренного народа тем, что возвел Диего в сан епископа Юкатана. Неужели это не остудит эйфорию и ажиотаж тех, кто считает Ватикан многовековым центром науки и культуры?

Те, кто считают католицизм лучшим оплотом христианства, неужели не знают, что Ватикан сотрудничает с оккультными союзами, что папа Иоанн Павел II снял с католиков запрет вступать в такие союзы и лично сам принимал колдунью Джуну⁴²³?

Некоторые интеллигенты, включая преподавателей университета, высказывают сожаление, что Грузинская Церковь в XV веке не приняла унию с Римом, как девица вздыхает о несостоявшемся браке и утешает себя тем, что, может быть, еще не поздно. О какой унии говорят они? О Лионской или Флорентийской? Народ, история которого срослась с Православием, который был предан вере всей душой (Прокопий, «История Готфских войн»), народ, который понес огромные жертвы, не мог принять унию, иначе он стал бы не только вероотступником, но превратился бы в другой народ с другой культурой, другими традициями, другим менталитетом. Что вышло бы, если в то время какие-то силы смогли навязать Грузинской Церкви унию (чего мы не допускаем)? Народ разделится бы, началась междоусобица, и Грузия разделится бы на части, одна из которых управлялась православными правителями, а другая – униатами. Возможно, в таком случае Грузия перестала бы существовать, она превратилась бы не в европейское государство, а в мусульманские княжества. Надо помнить, что в средние века грузинами называли тех, кто постоянно проживал в Грузии и исповедовал православную веру. Здесь религиозный фактор имел первенствующее

значение. Разве несостоявшиеся униаты не знают, что еще сравнительно недавно грузин, принявших католицизм, называли на своей родине франками, а принявших ислам – татарами, даже грузин, ставших по каким-то причинам монофизитами, считали армянами.

Наглядным примером того, какое единство может дать уния, служит Византия. В 1448 году Константинопольская Церковь вошла в унию с Римом. Папа обещал военную помощь грекам. Можно было подумать, что Древний Рим решился защищать новый Рим – город Константина – своей грудью. Прошло 5 лет. Константинополь окружили турки. Город бился в предсмертной агонии. Но уния оказалась безрезультатной: она внесла раскол в ряды защитников города, образовалась партия туркофилов, которая считала, что православным будет лучше сохранить свою веру под властью турок, чем под властью католиков. Греки кричали: «Лучше тюрбан султана, чем тиара папы». Константинополь пал, а вместе с ним Флорентийская уния.

Есть афоризм: надо спросить у мертвых. Спросите мучеников, кровью которых напоена грузинская земля, за кого они отдали жизнь: за Православие или за унию? Спросите преподобных, куда было обращено их сердце: к Востоку или Западу? Из каких источников они черпали, как живую воду, благодать? Спросите великих царей, что они считали выше: Небесное Царство или земное? Какой они хотели видеть Грузию – католической или православной? Спросите своих предков: какой ценой и ради кого они сохраняли Православие в огненных бурях истории? Пусть вам ответят мертвые из могил. Прислушайтесь к их голосам.

Нам не раз приходилось слышать, что католики, в лице своего папы, принесли извинение и покаяние за те несправедливости и насилия, которые проявляла католическая церковь по отношению к народам других конфессий и религий. Нам говорят, что представители католической церкви также выражают сожаление о тех религиозных и нравственных преступлениях, которые совершались в недрах католичества в минувшие века.

Здесь вспоминаются слова Спасителя о тех, кто украшал гробы пророков и уверял народ, что если бы они жили во дни своих отцов, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков. Такое словесное покаяние «за отцов» без исправления причин бывших преступлений и собственной жизни было отвергнуто Христом: «Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков. Дополняйте же меру отцов ваших»⁴²⁴.

Покаяние – это изменение жизни человека. Поэтому здесь необходимо волеизволение и личное участие грешника в покаянии, который умом осознает совершенный им грех, сердцем сожалеет о своем падении, а волей противится повторению греха. Затем, после покаяния, человек должен бороться с прилогами греха, стараться уничтожить инерцию греха молитвой, а также мыслями и делами, противоположными греху. Если папа кается за частные грехи и ошибки исторических деятелей католической церкви, то он присваивает себе несуществующее право заменять собой личность другого человека. Неужели Александр Борджиа или кардинал Ришелье⁴²⁵ уполномочили папу Иоанна-Павла II принести покаяние за их черные деяния? Неужели слово «пardon» спустя полтысячелетия может сжечь, как огонь солому, грехи целой плеяды пап, которых возводили на престол, а затем свергали римские куртизанки? Неужели словом «извиняюсь» можно стереть из летописи католицизма пытки еретиков (дым от костров «аутодафе» затемнял небосвод Европы в течение многих веков), убийства православных (например, казнь жителей города Юрьева (Тарту), которых утопили в реке за отказ принять католицизм), избиение афонских монахов (в том числе грузинских монахов Иверского монастыря) во времена крестовых походов и т. д.? Здесь следует вспомнить о кровавой Варфоломеевской ночи⁴²⁶, когда католическая сторона, нарушив мир и договор с гугенотами, неожиданно в ночь на 24 августа напала на них и устроила кровавую резню безоружных людей в Париже и других городах Франции. Неужели словом «виноват» можно исцелить те исторические раны, которые нанесла уния, распространяемая путем насилия и гонений?

Впрочем, папа вовсе не уточняет, за кого и в чем он просит прощения от имени католиков, поэтому его покаяние остается туманной абстракцией. Если же папа приносит покаяние за грехи и ошибки самой католической церкви (догматического и нравственного характера), то здесь мы встречаемся с еще большим противоречием.

По учению католической церкви, догматизированному в 1870 году, римские папы, как преемники апостола Петра по церковной кафедре, обладают даром непогрешимости, то есть безошибочностью в вопросах вероисповедания и нравственности. Таким образом, официальные послания римских пап, называемые энцикликами и буллами, являются высшими критериями истины. Первый Ватиканский собор предал анафеме тех, кто осмелился не принять этот странный догмат. Надо сказать, что слово «анафема» для католиков – это не только отлучение от церкви, но и проклятие, сопровождающееся самыми страшными угрозами. Ошибочные догматы католицизма, а также деятельность такого преступного института, как инквизиция, возмутительная продажа индульгенций, политические интриги иезуитов и т. д. были одобрены в папских буллах, которые, по учению католичества, непогрешимы с богословской и нравственной стороны. Более того, участникам карательных походов против еретиков, сопровождавшихся массовыми убийствами, насилиями и разорением целых областей Европы, римский папа заранее отпускал грехи. Так что участие в крестовых походах было аналогично покупке вечной индульгенции или смерти мусульманина во время газавата – «священной войны» с неверными, которая по обещанию Магомета⁴²⁷ обеспечивала жизнь в Эдеме.

По догмату Ватиканского собора, папа является высшим арбитром в вопросах христианской морали, поэтому, чтобы покаяться в прошлых преступлениях, надо признать ошибочность и греховность некоторых папских энциклик, например тех, в которых оправдываются пытки инквизиции. В одной из энциклик папы Иннокентия содержится утверждение о том, что если еретик умрет во время пыток, то ни судья,

допрашивавший его, ни палач, пытавший его, не являются убийцами. (Надо сказать, что казнь еретика через сожжение папская инквизиция назвала «наказанием без пролития крови» – «драконовский» юмор). А это значит отказаться от догмата о непогрешимости папы как учителя веры и нравственности. Но кто посмеет сомневаться в этом догмате, тот попадет под анафему. Здесь образуется порочный круг, и догмат о непогрешимости обращается против самого папы. Если он верит в папскую непогрешимость, то должен признать ее за всеми своими предшественниками. Если он не верит в нее, то, как отвергающий католические догматы, перестает быть католиком, и тогда его собственные заявления не имеют никакой силы для католической церкви. Следует напомнить, что догмат о непогрешимости папы вызвал на I Ватиканском соборе в 1870 году значительную оппозицию, вылившуюся в движение, называемое «старокатоличеством». А спустя столетие, на II Ватиканском соборе, догмат о непогрешимости папы был подтвержден почти единогласно участниками собора.

Таким образом, явление, называемое «папизмом», все более глубоко проникает в сознание и жизнь католической церкви с ее последовательной тенденцией заменить соборность центризмом и вождизмом. Мы вовсе не хотим сказать, что среди католиков, в том числе иерархов и первосвященников, нет нравственных людей. Это было бы клеветой. Мы видим среди католиков самоотверженных людей, которые посвятили свою жизнь несчастным и бедным (например, доктор Гааз⁴²⁸), но такие же подвижники существуют в протестантстве и в других конфессиях. Их можно также найти в нехристианских религиях, потому что милосердие – универсальная добродетель, естественный закон совести. Среди католиков мы можем видеть мучеников за веру, но мученичество за свои идеи и убеждения было не чуждо античному миру (казнь Сократа⁴²⁹). Ислам также имеет своих мучеников. Среди римских пап были и могут быть люди с благородными и возвышенными стремлениями, но сам католицизм становится для них «прокрустовым ложем», так как они принуждены во имя догмата о «непогрешимости» оправдывать то, что нельзя оправдать.

Покаяться – значит измениться, а папа Иоанн Павел II ничего не изменил. Если бы он отказался от поездок в православные страны, где его не хотело принять большинство населения, то он этим бы сделал более нравственный акт, чем извинения во всем и ни в чем. Но здесь он проявил тот же силовой подход, опираясь на определенные рычаги. Католицизм в своих структурах и в основной стратегии остается тем же, чем был – другим он стать не может.

О духовной энтропии

В физике существует закон, который назван «вторым законом термодинамики». Он заключается в том, что структурная энергия обращается в хаотичную, похожую на отработанный шлак. Этот процесс распада энергии, превращение ее в неуправляемую деструктивную силу, которая грозит уничтожением миру, назван энтропией. Если взять акт творения, как исходную точку энергии, то здесь энергия будет обладать наибольшим внутренним порядком и направленностью. Затем происходит постепенное угасание и разложение энергии, как будто единый энергетический план разрушается, и энергия начинает уничтожать саму себя. Пример такой энтропии, на видимом нам историческом отрезке, представляет катастрофическое падение магнитного поля земли: в 1400 лет она уменьшается, приблизительно на половину. Другим видом энтропии служит радиация. Итак, в энергетическом плане, история представляется нам процессом от совершенства к разложению, от жизни к смерти, от порядка к хаосу. В этом смысле мир постепенно погружается во тьму и безумие.

Мы привели это, как образ, сравнение и пример, как аналогию с духовной сферой человечества. Нравственно и духовно мир деградирует, он становится неуправимым. Душевная энергия принимает угрожающие формы демонической энергии, культура становится каким-то нравственным самопожиранием, искусство – песней смерти. Единственно, что могло бы противостоять разложению и распаду мира – это религия и Церковь, как возможность контакта конечного с Бесконечным, временного – с вечным, оскудевающего – с полнотой вечных божественных энергий. Но и здесь мы видим потери, отчуждение и угасание.

Церковь – вечна, почему же мир чувствует оскудение благодати? В духовной жизни наступают сумерки, которые могут превратиться в непроницаемый ночной мрак. Люди ищут помощи в Церкви, но немногие находят ее. Почему происходит

так? Религия – это синергизм, это встреча, единение и сочетание двух волей – божественной и человеческой; вне этого человеческое сердце остается непроницаемым для благодати. Человечество потеряло что-то очень важное. Из-за чего в Церкви, обладающей одной и той же силой, внутренний союз человека с Богом разрывается, духовное переходит в душевное, человек начинает искать в Церкви не спасение, а утешение, при том, в душевном значении этого слова: отвлечение от земных проблем, силу переносить несчастье, чувство эстетического удовлетворения и т.д.? Но душевные чувства непостоянны, это не состояние, а настроение: человек не воспринимает религию, как новую жизнь, а Бога – как Душу своей души. Почему происходит это? Можно ли объяснить все невежеством или переходом на внешние ритуалы? Нет, такую же внутреннюю неудовлетворенность и серость, такую же духовную мертвенность чувствуют люди, изучающие религиозную литературу, и, даже сами богословы, при том, еще в большей степени. По нашему мнению, это расщепление религии, если можно выразиться, «шизофрения религии», происходит от распада того, что должно составлять единые и неделимые кольца золотой цепи, а именно: правду и любовь, средства и цель. Они разделены: любовь мыслится отдельно от правды, а цель от средств. Любовь многогранна, заповедь о милосердии широка, и низшие формы милосердия зависят от внешних причин и обстоятельств. Здесь происходит апостасия – истина приносится в жертву любви, а любовь, отделенная от истины, уже существовать не может, она деградирует, становится душевной любовью, социальной солидарностью, тем, что последнее время принято называть гуманизмом.

Высшая цель духовной любви – вечное спасение; вне истины она неосуществима. Цель гуманизма – удовлетворение эмпирических потребностей и способностей человека. Соединить это с высшей истиной не возможно. Нам кажется, что духовной энтропией человечества является ложь. Она не изобретение современности: демон назван в Евангелии лжецом и отцом всякой лжи. Премудрый Соломон писал: «Много есть людей милостивых, а правдивого где найдешь»⁴³⁰. Но в

последнее время ложь стала настолько глобальной, что люди перестали видеть и понимать, что такое ложь, – как рыба, плавающая в воде, не понимает, что такое вода. Ложь стала стилем жизни. Ложь существовала раньше, но тогда люди знали, что это ложь, что ложь это грех, а теперь если кто-либо решился бы говорить всегда правду, или молчать, то его сочли бы больным, безумным, в лучшем случае, оригиналом, вроде хиппи, который из-за гордости бросает вызов общественному мнению.

Люди каются на исповеди в грехах, иногда очень подробно, а некоторые интеллигенты так глубоко, что им позавидовал бы сам Фрейд со своим психоанализом. Но почти никто не кается в том, что ложь стала нормой жизни; почти никто не понимает, что говорить правду – это долг христианина; что без правды нет христианства, а только его душевный суррогат.

Сатана, искушая Господа, сказал: «Преврати камни в хлебы»⁴³¹. Господь ответил, что истинный хлеб для души – это слово Божие. Господь отказался приобретать себе последователей, которые бы искали в христианстве источник бесплатного хлеба, то есть становились бы христианами ради материальных благ. Современные христиане не хотят искать Христа среди скал и камней безмолвной пустыни. Из призыва сатаны – превратить камни в хлеб – родился современный гуманизм (и, в определенной мере, его дитя – религиозный модернизм).

Гуманизм и правда несовместимы: правда обрекает человека на страдания, а гуманизм, если прямо не отрицает будущей вечной жизни, то предпочитает не думать о ней. Нам кажется, что богоотступление в самой Церкви началось с разрушения единства: любви и правды, цели и средства. Люди надели на свое лицо маску, и Бог не узнает их в этой маске. Потеряв истину, они хватаются за ложь, как за земное оружие; они превратились в артистов любви. Разве Христос может быть в театре христианства? Там могут проявляться милосердие или демонстрация милосердия, произносятся восхитительные проповеди, там будет блеск и внешняя красота, но где нет истины, – там нет Христа.

Труднее быть правдивым, чем милосердным: правда грозит разлучением с друзьями, упреками родных, потерей близких, изгнанием и даже смертью; милосердие требует намного меньше – отдачи части своего другим. Мы уже не говорим о том, что в наше время «артисты милосердия» ухитряются больше получать, чем давать и помогать человечеству в собственном лице. Грех и обман существовали всегда. Мы говорим о том, что изменяется сама мораль, следовательно, и дух современных христиан. Более того, ложь считается, чуть ли не мудростью и богоугодным делом. Человек, примилившийся с ложью, не может чувствовать благодать Божию в своей душе, он только может ощущать душевное удовольствие за то, что сделал доброе дело, да еще его похвалили за это. Заповедь о тайной милостыне также стала непонятной: почему добро надо прятать? Не лучше пропагандировать его через прессу и телевидение, чтобы на это добро смотрели многие и учились ему? Только они забыли, что это добро не увидит Бог.

Человек, употребляющий нечистые средства, как бы забывает о существовании Бога и о всемогуществе Божиим, более того, ставя перед собой религиозную цель и употребляя греховные, лживые средства, он считает, что угождает Богу. Ложь и зло во славу Божию – это самое страшное кощунство. Разве может немощный человек защитить дело Божие продажей своей совести, неужели Господь потерял Свою силу? Девиз: «Цель оправдывает средства» – логически приводит человека к безбожию. Нам кажется, что те ложные общественно-церковные движения, которых не знала история Церкви, как раз происходят оттого, что истину отделили от любви, а любовь – от истины. Истина – это берега реки, а любовь – поток, наполняющий русло. Если иссохнет поток, то никто не захочет подойти к пустому руслу, чтобы утолить жажду, а если будут размыты берега, то река превратится в топкое и грязное болото. Крест Спасителя – это любовь и правда, соединенные Кровью Христа.

С чего начать духовную жизнь?

Каждый человек желает себе счастья, но мало кто понимает, что такое счастье и в чем оно заключается. Даже те люди, которые признают, что Бог есть высшее благо, в своей повседневной жизни ищут счастья в потоке впечатлений, в удовлетворении чувств и страстей. Они получают постоянный опыт, что мирские наслаждения иллюзорны, и душа после них остается пустой, но по привычке стараются схватить и удержать мутную сладость исчезающих мгновений.

Каждый человек хочет для себя счастья. Даже когда он кончает жизнь самоубийством, то делает это потому, что считает смерть большим благом, чем жизнь. Если подвижник борется со страстями, отвергает себя и жертвует собой, то делает это потому, что чувствует самое большое и непреходящее благо, которое не уносит время.

Давайте заглянем в глубину своего сердца и спросим у него: когда мы были действительно счастливы, когда испытали радость, как полноту бытия, как отблеск небесной радости? Оно ответит: в те минуты, когда мы ощущали благодать Божию – эту светозарную силу, которая открывала нам новую жизнь и тайну преображения. Но о благодати можно помнить, а пережить

через воспоминания невозможно. Человек должен через волевые усилия, через напряженную молитву возвращаться к Богу. Но наша молитва большей частью немощна и рассеянна; она подобна ветру, который, пролетев, не оставил следа. Здесь образуется какой-то порочный круг. Человек, забывая, как благ Господь, ищет счастья во внешнем; это внешнее наполняет его ум впечатлениями, а душу страстями, как будто душа, так же как тело, находится в поле земного притяжения. Душа человека, будучи наполнена земными образами в помыслами, как бы сама овеществляется и грубеет, у нее нет сил для молитвы, она теряет тот внутренний мистический опыт, который свидетельствует о том, что Господь – это совершенная радость, и душа снова, как птица с поломанными крыльями, льнет к земле.

Каждый человек желает себе счастья. Но беда в том, что мы отождествили себя с телом, потеряли правильное представление о своей душе и забыли, что такое бессмертный дух.

С чего нам начать духовную жизнь? С того, чтобы осознать, что человек – это прежде всего его дух, способный вступать в общение с Богом, понять, что правильная любовь к себе – это любовь к своему духу, в котором отражается небо и вечность.

Я помню картину детства. Школьника вызывают к доске и спрашивают урок. Он что-то пишет, мел крошится в его руке, но буквы и цифры остаются неразборчивыми. Учитель говорит: «Сначала намочи тряпку и вытри доску, а потом пиши».

Доска – это наша душа; она истерта и исцарапана внешними впечатлениями, страстями и грехами; в ней нет места, где перст Божий мог бы изобразить Свои письмена. Когда человек отравлен ядом, то врач сначала лает ему рвотное, чтобы вывести яд из организма, а затем назначает лекарство.

Само слово «аскеза» означает «отсекаю». Человек должен отсекал ненужное, ограничить внешние впечатления, поставить предел получаемой информации (выйти из ее плена), чтобы иметь возможность войти в самого себя. Здесь полагается начало молитвы, ее возрождение; человек становится способным осмысливать слова молитвы и переживать их. В сосредоточенной молитве осуществляется богообщение, и человек опытно понимает, что только в Боге истинная радость, и эта радость озаряет его жизнь, не только его, но и окружающих его людей. Человек отвергает худшее, чтобы приобрести лучшее; отказывается от низшего, чтобы иметь возможность взойти к высшему.

Аскетизм учит правильно любить себя. Любовь к телу порождает эгоизм и грубые страсти. Любовь к душе – эгоцентризм. А любовь к своему духу – защищает его как драгоценность от порчи и грязи и делает способным человеческий дух отразить в себе сияние вечного, божественного света.

Примечания

¹ - Брамин (брахман) – член высшей индийской жреческой касты.

² - Сократ (469 до Р.Х. – 399 до Р.Х.) – самый знаменитый (наряду с Аристотелем и Платоном) философ античности. Его философия основана на том, что нравственное можно познать и усвоить, а из знания нравственности следуют всегда действия в соответствии с ней. В этом смысле Сократ старался на примере каждого отдельного случая образовать у человека ясное понятие об истинно нравственном. Но таковым является то действие, которое дает истинную пользу, а вместе с тем и истинное блаженство. Поэтому предпосылкой практической приспособленности является самопознание. Если я знаю, что именно я есть, то, согласно Сократу, я знаю также, чем я должен быть. Но в себе самом Сократ находит также и некий внутренний голос, некого духа – даймона, который ему подсказывает, что он должен делать и чего должен избегать. Наибольшей добродетелью является умеренность: чем меньшим довольствуешься, тем ближе находишься к Богу. Сократ не оставил после себя никаких сочинений. Важнейшими источниками наших знаний о жизни и учении Сократа являются сочинения его учеников – Платона и Ксенофонта.

³ - Медитация (от лат. – размышление, обдумывание) – психические усилия человека, направленные на достижение состояния глубокой умственной сосредоточенности, отрешенности от внешних объектов, на снижение реактивности человека. Медитация широко применялась в пифагореизме, платонизме, неоплатонизме, суфизме и дзен-буддизме. Широко известной в наше время системой медитаций является йога.

⁴ - Брама (Брахма) (санскрит.) – первоначально (в «Ведах») персонификация чудодейственной силы молитвы и могущества обладателя этой молитвы – старейшего жреца, в пантеистической философии «Упанишад» становится обозначением мировой души, безличной, лишенной всех качеств и действий мировой субстанции. Не может быть

предметом публичного богочитания, поэтому ему никогда не созидали храмов. Но в качестве источника всего сущего, творца вселенной, Брами получил и мифологическое олицетворение. С Вишну (олицетворением сохранения) и Шивой (олицетворением разрушения) он образует динамическое триединство Абсолюта (тримурти). Обычно изображается четырехликим, четырехруким, сидящим на лебеде.

⁵ - Пантеизм – философское учение, отождествляющее Бога и мир; отрицает внемировое бытие Бога: Бог есть все, Бог во всем, все в Боге. Пантеистическая точка зрения на мир, его происхождение и сущность несовместима с христианством. В пантеизме между истиной и заблуждением, добром и злом, свободой и произволом, красотой и безобразием, страданием и наслаждением нет никакого принципиального различия, низкого антагонизма, поскольку все эти полярные категории, согласно пантеизму, происходят в конечном счете из одного источника – «Бога-мира», Абсолюта. Таким образом, пантеизм утверждает равноценность всех религий, упраздняет понятие истины как таковой, признает равенство всех духовных путей жизни, независимо от их религиозной или атеистической направленности, оставляя человеку в результате или пассивную созерцательность или чисто прагматическую деятельность.

⁶ - Блок Александр Александрович (1880–1921) родился в дворянской семье, вырос в семье деда, знаменитого ботаника А. Бекетова, бывшего одно время ректором Петербургского университета. Рано начал писать стихи, мечтал стать актером. Окончил названный университет, был поклонником Соловьева, особенно его идей «мировой души» и «вечной женственности», но христианства, даже в соловьевской интерпретации, не воспринял. По своему мировоззрению он до конца жизни оставался язычником-розенкрейцером. В 23 года напечатал свои первые стихи; через год вышла его первая книга «Стихи о Прекрасной Даме». Семейное счастье его было разбито предательством близких ему людей: любимой жены (дочери Д. И. Менделеева) и его друга Андрея Белого. Белый был вызван Блоком на дуэль, во время которой состоялось их примирение. Жена не оставляла Блока до самой смерти, но появившийся

внутренний надрыв никогда не переставал мучить его; некоторое время он, по его словам, «страшно пил». Все это отразилось на последующем творчестве Блока, которое приобрело богоборчески-трагический характер. К 1906 г. Блок стяжал славу одного из самых знаменитых русских поэтов-символистов, но скоро стал симпатизировать Горькому с его анархизмом и бунтарством и отдалился от символизма. В 1916 г. был призван в действующую армию, но на передовую идти отказывался. В 1917 г. присутствовал в Петропавловской крепости на допросах царских министров, после Октябрьской революции сразу же выразил готовность сотрудничать с советской властью. В связи с этим прежние друзья объявили ему бойкот: перестали подавать руку при встрече и отказывались выступать с ним на литературных вечерах. В 1918 г. написал свою известную поэму «Двенадцать», которая является розенкрейцерской мистерией, где в розенкрейцерской традиции Люцифер отождествляется с Христом. Приветствовал гонения на Церковь и монастыри со стороны советской власти. Блок страдал от нескольких болезней, его психическое заболевание быстро прогрессировало, он не хотел жить и выбрасывал лекарства в печку. Скончался в 41 год от сердечного приступа.

⁷ - В стихотворениях Александра Блока, и особенно в пьесе «Балаганчик» (1906), этот мир представлен как театр, а жизнь как представление. Этот трагикомизм земного бытия проходит на фоне черной, как бездна, непроницаемой и жуткой вечности.

⁸ - Александр Блок. «В час, когда пьянеют нарциссы...». 26 мая 1904. Шахматово.

⁹ - Пс.115

¹⁰ - Фауст – легендарный чернокнижник, чародей и астролог, продавший душу дьяволу в обмен на молодость, знания и власть. Прототип Фауста жил в XVI в. в Германии. Сказание о Фаусте сложилось около середины XVI в., первая литературная обработка его – «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике», после которой Фауст становится героем немецких «народных книг» и пьес, была издана И. Шписом в 1587 г. Образ Фауста вышел за пределы

литературы и получил также разработку в творчестве художников и композиторов.

¹¹ - Ср.: Лк. 17:21.

¹² - По верованиям древних римлян, жизнь человечества проходит через ряд кругов, каждый из которых находится под покровительством определенного божества. Золотой век соотносился с кругом Сатурна – доброго и справедливого бога урожая и земледельцев. Древнюю римскую легенду о Золотом веке Сатурна как о беззаботных и счастливых днях, когда никто не знал частной собственности и все процветало в объятиях благородной Природы, а земля плодоносила сама, добровольно, без понуждения, воспели римские поэты Вергилий (70–19 до Р.Х.), Овидий (43 до Р.Х. – ок. 18 по Р.Х.), Тибулл (ок. 50–19 до Р.Х.), восхвалял римский философ Сенека (ок. 4 до Р.Х. – 65 по Р.Х.).

¹³ - Календы (лат.) – название первого дня месяца в древне-римском календаре; 1-й день календы первоначально первый день новолуния. Счет велся от этих дней назад. Например, 6-й день перед мартовскими календами.

¹⁴ - Марк Минуций Феликс (II/III в.) – родом из Африки, адвокат, латинский писатель и христианский апологет, автор диалога «Октавий».

¹⁵ - В сочинениях Плиния Старшего (ок. 24–79), римского писателя, ученого-естествоиспытателя, автора «Естественной истории», и Цельсия (ок. 25 до Р.Х. – ок. 50 по Р.Х.), римского ученого, врача, автора труда «О медицине», сообщается о том, что больные и старики пили кровь умирающих гладиаторов, поскольку считалось, что свежая человеческая кровь обладает омолаживающим действием.

¹⁶ - Синергия (греч.) – совместное действие, соучастие.

¹⁷ - Преподобный Максим Исповедник (582–662) – знаменитый деятель и учитель церковный, самый выдающийся после святого Григория Нисского (после 394; память 10 (23) января) философский ум на христианском Востоке, глубокий знаток Платона, Аристотеля и неоплатоников. Родился в Константинополе. В молодости – государственный деятель, с

613 г. – монах. С 642 г. неустанно и энергично боролся против ереси монофелитов, которым покровительствовало правительство; в 645 г. победил на диспуте с монофелитами в Карфагене, в 53 г. арестован, в 662 г. подвергнут отсечению языка и правой руки. Был сослан в Западную Грузию, где скончался в заточении. Преп. Максим Исповедник оставил Церкви большое богословское наследие. Главные сочинения: «Недоуменные вопросы к Фалассию о Св. Писании», «Спор с Пирром», «Главы о любви», «Диалоги о Св. Троице», «Мистагогия», а также обширные схолии к сочинениям святого Дионисия Ареопагита. Память 21 января (3 февраля) и 13 (26) августа.

¹⁸ - Декадентство (от лат. – упадок) – течение в литературе и искусстве, проникнутое пессимизмом и отвращением к жизни, воспевавшее красоту как самодовлеющую ценность, эстетизировавшее грехи, пороки и небытие. Наиболее яркими представителями на Западе являются: Ш. Бодлер, П. Верлен, Фр. Ницше, Метерлинк, Гюисманс, Пшибышевский и др. Группу русских декадентов так называемого «старшего поколения» образуют такие поэты и беллетристы, как Бальмонт, А. Добролюбов, Коневской, Ф. Сологуб, Мережковский, Зинаида Гиппиус, а также «ранний» Брюсов.

¹⁹ - Сюрреализм – направление в искусстве XX в., провозгласившее подсознание (галлюцинации, инстинкты, сновидения) источником искусства, а его методом – разрыв логических связей, замененных свободными ассоциациями.

²⁰ - Экзистенциализм – философия существования. Основной принцип человеческого существования – это быть в мире. Одиночество человека перед лицом ничто, откуда и возникает основное состояние экзистенциализма, которое только и может открыть человеку бытие, привести его к самостоятельному бытию и к свободе, – страх. Основная структура самого существования – забота. В смерти становящееся целостностью существование приходит к самому себе, она и есть будущее, из которого вытекает также временность, а также историчность и конечный характер существования.

²¹ - Мертвое море, иначе Асфальтовое, или Соленое – в долине Сиддим при устье реки Иордан, образовавшееся на месте разрушенных городов Содома, Гоморры и др. (см.: Быт.14:3, Числ.34:12).

²² - Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский невропатолог, психиатр, психолог, с 1902 г. – профессор невропатологии в Вене, с 1938 г. – в Англии. Фрейд – создатель психоанализа, который он развивал сначала как психотерапию для лечения различных форм истерии (психотерапевтический метод – отреагирование, основанное на выявлении в состоянии гипноза бессознательных переживаний травмирующего характера), а потом преобразовал в учение о собственной закономерности и действии бессознательного, в особенности в сфере влечений, инстинктов. Влечения порождают представления, которые – если они не реализуются – вызывают невроз душевной жизни. Центральной в учении Фрейда явилась теория психосексуального развития индивида. Согласно Фрейду» основу бессознательного составляют сексуальные инстинкты (либидо), обуславливающие большинство психических действий человека и характеризующиеся двумя связанными с инстинктами понятиями: комплексом и сублимацией. Согласно Фрейду и его последователям, сексуальные инстинкты обуславливают не только большинство психических действий человека, но и все исторические события и общественные явления: извечные конфликты в глубинах психики человека становятся причиной и содержанием (часто скрытым от непосредственного сознания) морали, искусства, науки, религии, государства, права, войн и т. п. По православному учению, человек имеет возможность контролировать импульсы, идущие из бессознательного, и несет ответственность перед Богом за подчинение своего «эго» похотным порывам бессознательного. Православие учит нас о свободе каждой личности, и чем человек ближе к Богу, тем больше у него свободы, тем он свободнее от зависимости греха.

²³ - Гераклит Эфесский (ок. 544–540 – 483 до Р.Х.) – древнегреческий философ, в наивной форме сформулировавший ряд диалектических принципов бытия и

познания; написал не дошедшее до нас сочинение «О природе», от которого сохранились лишь отрывки в сочинениях позднейших авторов. Многозначная символика его фрагментов делает подчас загадочным их внутренний смысл, вследствие чего Гераклит еще в древности был прозван «темным». Мир, по Гераклиту, не создан никем из богов или людей. Первоначалом сущего Гераклит считал огонь как олицетворение вечного мирового движения; путем сгущения из огня появляются все вещи и путем разрежения в него возвращаются. Этот мировой огонь «мерами вспыхивает и потухает», все течет и изменяется. Движение имеет свой ритм, свой закон смены, являющийся в то же время и властвующим над миром разумом – Логосом. Бог есть день и ночь, лето и зима, война и мир, сытость и голод; добро есть зло, и зло есть добро... война есть отец всех вещей... Мудрость есть познание разума, Логоса, господствующего во всем, правящего всем посредством всего... Только путем подчинения законам разума... человек может приобрести душевную ясность, которая создает его высшее счастье.

²⁴ - Демокрит (ок. 460 до Р.Х. – ок. 371 до Р.Х.) – древнегреческий философ из Абдер (Фракия); учил, что душа тождественная со стихией огня, состоит из мельчайших гладких и круглых атомов, которые распространены по всему телу. Ощущения возникают благодаря тому, что исходящие из вещей истечения, отделяющиеся от них «образы» проникают в душу и приводят ее в движение. Высшее благо – блаженство; оно состоит в покое и веселии души и может быть достигнуто благодаря обузданию своих желаний и умеренному образу жизни. Именно поэтому Демокрита, следовавшего этому учению, называли «смеющимся философом».

²⁵ - Стоики – последователи греческой школы античных философов, основанной на Кипре в III в. до Р.Х. Считали, как и Гераклит, что все явления и объекты возникают из первоогня. Призывали избавиться от страстей, следовать бесстрастию природы и жить, повинаясь разуму. Бог и природа суть одно и то же, а человек – часть этой богоприроды, поэтому надо жить в согласии с природой. Все грехи и безнравственные поступки не

что иное, как саморазрушение, утрата собственной человечески природы, болезнь души. Надо развивать свою личность в противовес всему внешнему, не быть покорным судьбе, не склоняться ни перед какой силой.

²⁶ - Киники (циники) – последователи философской школы, основанной учеником Сократа Антисфеном (ок. 450 до Р.Х. – ок. 360 до Р.Х.). Названы по афинскому холму Киносаргуна, на котором располагался гимнасий, где учились незаконнорожденные дети афинских граждан. Призывали к безграничной духовной свободе, относились с демонстративным пренебрежением к общественным институтам, обычаям и установлениям культуры.

²⁷ - Киникос (греч.) означает «собачий».

²⁸ - Кирка (Цирцея) – в греческой мифологии волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней. С помощью магической травы, которую Одиссей получил от бога Гермеса, он возвратил своим товарищам человеческий облик. Влюбленная в Одиссея волшебница удерживала его на острове в течение года, после чего указала ему путь домой в Итаку. От Одиссея она родила сына Телегона, который, когда вырос, отправился на розыски отца, но, прибыв на Итаку, не узнал Одиссея и убил его в завязавшейся схватке.

²⁹ - Апостол Петр (до призвания Симон) – первоверховный апостол из 12-ти († ок. 67). Иисус обещал ему: «И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф.16:19). Духовная власть, обещанная Петру, была дана всем апостолам и их преемникам.

³⁰ - Гилозоизм – философское направление, рассматривающее всю материю с самого начала как живую (одушевленную); воззрение, согласно которому «материя никогда не может существовать и быть деятельной без духа, а дух – без материи» (Гете). В истории философии гилозоизм встречается у самых ее истоков – у ионийских натурфилософов Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, позднее – у Джордано Бруно, Дидро и др.

³¹ - Хилиазм (от греч. – тысяча) – вера в тысячелетнее счастливое царство, а именно вера в царствие Мессии на земле перед концом мира. Начало хилиазма восходит к иудейскому вероучению о Мессии. Идеи хилиазма можно найти у некоторых раннехристианских писателей, которые неверно поняли Откровение Иоанна Богослова (20:4). Хилиазм был отвергнут и осужден Церковью как лжеучение.

³² - Агасфер – персонаж средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь в скитаниях за то, что не дал Христу отдохнуть на пути к месту распятия. Никаких намеков на легенду об Агасфере в Евангелии нет. Легенда гораздо более позднего происхождения, чем Евангелие. Дошла до нас лишь в образцах XVI-XVII вв. Столь распространенные названия «бессмертный еврей», «вечный жид» средним векам неизвестны. Образ Агасфера скитальца привлекал внимание многих писателей, среди них Гете, Шубарт, Ленац, Сю и др.

³³ - Житие преподобных Варлаама и Иоасафа повествует о том, что у индийского языческого царя Авенира был сын Иоасаф, которого царь захотел воспитать в неведении земных скорбей и смерти. Это ему не удалось; царевич понял, что в мире есть и скорби, и болезни, и смерть. Когда к нему явился под видом купца-ювелира отшельник-христианин Варлаам, Иоасаф жадно внял его проповеди и принял от него тайное крещение. Разгневанный царь пытался отвратить сына от христианства различными способами, но это ему не удалось. Тогда отец выделил ему половину царства. Иоасаф, став царем, восстановил христианство в своей стране, отстроил заново церкви и, наконец, обратил в христианство своего отца царя Авенира, а после его кончины удалился к Варлааму в пустыню. Мощи обоих обретены нетленными. Память преподобных Варлаама пустынника, Иоасафа, Царевича Индийского, и его отца Авенира царя – 19 ноября (2 декабря).

³⁴ - Имеется в виду Диоген Синопский (ок. 404–323 до Р.Х.). Древнегреческий философ, ученик одного из основателей школы киников, развивший сократовскую идею самосозерцания до идеи внутреннего аскетизма, отвергающего всякие излишества в образе жизни и считающего своим долгом

сведение потребностей к крайнему минимуму. Он требовал общности жен и детей и не признавал господствующей морали. Жил в Афинах и Коринфе в бочке. Диоген стал символом кинического бесстыдства (отсюда слово «цинизм» – наглость, грубая откровенность, вызывающе-презрительное отношение к общепринятым правилам нравственности и благопристойности) и распушенности.

³⁵ - Александр Македонский (356–323 до Р.Х.) – один из величайших полководцев древности. Сын македонского царя Филиппа II. Воспитателем Александра с 343 г. был философ Аристотель, а военную подготовку он прошел под руководством отца. Победы македонской армии под его командованием составляют вершину военного искусства Древней Греции. Огромная держава, созданная в результате завоеваний Александра Македонского, простиралась от Дуная до Инда и была самым крупным государством древнего мира. Однако лишенная прочной внутренней связи, она распалась после смерти своего создателя. На ее территории возник ряд эллинистических государств.

³⁶ - Птолемей II Филадельф – царь Египта (в 283–246 до Р.Х.) из рода Птолемеев, сын Птолемея I и Береники. Древнееврейский историк Иосиф Флавий (37–100) сообщает в «Иудейских древностях», что Птолемей основал в Александрии замечательную библиотеку, стараясь собрать в ней и перевести на греческий язык все книги, существовавшие на свете. Число книг в этом уникальном хранилище достигала более полумиллиона экземпляров. Библиотека погибла в VII веке, когда Египет завоевали арабы. Царь Птолемей велел перевести для себя Библию с еврейского на греческий язык. Сам он был образованнейшим человеком своего времени и, хотя оставался язычником, стремился к познанию истины, был добр к друзьям и милостив к врагам. Заинтересовавшись судьбой еврейского народа, по сообщению Иосифа Флавия, Птолемей повелел освободить 100.000 пленных, выведенных его отцом из Иудеи. Для того, чтобы перевести Писание с еврейского на греческий язык, выбрано было 70 (72) ученнейших мужей, известных своей праведной жизнью. По преданию, они разделили Библию на

части и переводили ее в помещениях, отделенных одно от другого, в пещерах одного острова. Затем, по окончании работы, списки сличили и убедились, что перевод выполнен одинаково.

³⁷ - Быт.47:9.

³⁸ - Филон (ок. 25 до Р.Х. – ок. 50 по Р.Х.) – иудейско-эллинистический философ из Александрии. Стремился сблизить посредством аллегорических толкований Священного Писания религию Ветхого Завета с учением Платона и стоиков. Пытался связать догматы Ветхого Завета с греческой философией. Ветхозаветные законы он рассматривал как законы природы, имеющие значение для всех людей. Человека считал интеллектуальным существом, которое (связано с телом, являющимся могилой, темницей души, разрывающимся между вожделением и отвращением. В основе философии Филона лежат два принципа – абсолютная трансцендентность Бога и стоическо-платоническое учение об идеях. Божество – выше платоновских единого и блага и является истинно сущим, о котором человеку известно только то, что оно существует, но не известно, каково оно. Создал в связи со стоическо-платонической концепцией эманации учение о Логосе, как о высшей посредствующей силе между Божеством и миром, благодаря которому Бог творит сначала существа, более близкие к себе – ангелов, а потом мир вещей и человека. Логос – верховная сила Божества, разум Божий, идея всех идей, первородный сын Божий, второй бог, первообраз вселенной. Мораль Филона проникнута сознанием греховности человека, неспособного спастись собственными силами. Единственным источником добра является Бог. Путь к добру есть послушание Богу, подражание Богу, отречение от всего конечного, самоотречение; высшая цель есть мистическое, непосредственное соединение с Богом в блаженстве экстаза.

³⁹ - Монотеизм – единобожие, вера в единого Бога, в отличие от политеизма – многобожия.

⁴⁰ - См.: Быт. 3:24.

⁴¹ - Космология – учение о Вселенной как едином целом и о всей охваченной астрономии-ческими наблюдениями области Вселенной как части целого; раздел астрономии. Гностицизм (от греч. – знание, познание, познавание) – термин, обозначающий ряд позднеантичных религиозных течений, использовавших мифофилософские эллинистические мотивы, верования иудаизма, зороастризма, вавилонских мистериальных культов и ряда раннехристианских еретических учений и сект. В основе гностицизма лежит представление о падении Души в низший, материальный мир, созданный демиургом – низшим божеством. Гностическое раздвоение выступает с полной резкостью именно в космогонии: мир признается прямо яонамеренным созданием противобожественных сил. В дуалистической мистике гностицизма материя рассматривается греховное и злое начало, враждебное Богу и подлежащее преодолению. В мире рассеяны частицы потустороннего света, которые должны быть собраны и возвращены к своим истокам. Исккупителем является прежде всего Христос, но его призыву следуют лишь «духовные» люди («пневматики»), тогда как не принявшие гностического посвящения «душевные» люди вместо подлинного «познания» достигают лишь «веры», а «плотские» люди вообще не выходят за пределы чувственной сферы. Для гностицизма характерно представление о ступенях, или сферах, мира и их демонических властителях, препятствующих искуплению. В христианстве гностические тенденции наивысшего развития достигают во II в. К этому времени относится деятельность гностиков Василида из Сирии, Валентина из Египта, Карпократа Александрийского, Сатурнина (или Саторнила) из Сирии, Маркиона из Понта и др. Позднейшей формой гностицизма можно считать персидское манихейство. Скрытая гностическая традиция продолжает существовать вплоть до позднего средневековья. Его влияние прослеживается у немецких философов Я. Беме, Ф. Баадера, Ф. В. Шеллинга, в идеях антропософии и теософии. Отдельные гностические мотивы развивались русской религиозной философией (В. Соловьевым и его последователями), немецким философом Л. Циглером.

⁴² - Николай Кузанский (1401–1464) – епископ Римской церкви, кардинал с 1448 г. Родился в селении Куза в Южной Германии. Схоласт и гуманист, рационалист и мистик, богослов. Крупный ученый своего времени, теоретик математического естествознания и один из предшественников дифференциального исчисления в математике. В различном контексте Николай Кузанский использовал идеи Платона, Августина, Боэция, Сократа, Анаксагора, стоиков, атомистов. Будучи сторонником солнечного календаря, Николай Кузанский выступал с требованиями произвести календарную реформу и заменить юлианский календарь упрощенным календарем, более приближенным к солнечному году. Несколько десятилетий спустя Копернику было предложено разработать новую календарную систему, но он отказался от этого. Только при папе Григории XIII была произведена календарная реформа, которую правильно было бы назвать «календарной революцией». Николай Кузанский – автор многих философских и богословских сочинений, написанных в разных жанрах – диалоги, трактаты, размышления: «Об ученом незнании», «Охота за мудростью», «О предположениях», «Об искании Бога», четырех диалогов под общим названием «Простец», «О мире, или согласии веры», «О видении Бога», «О вершине созерцания» и др. Кузанский развивал идеи диалектики познания сущности и явления. Предметом познания является пантеистический бог, который существует в неразрывном единстве с чувственно воспринимаемым миром природы. Познание «развернутого» мира, т. е. Бога, является делом разума, а не веры, которая хочет постичь Бога в его «свернутой» форме. Бог, согласно Николаю, максимально бесконечный и предельно единый. «Бытие Бога в мире есть не что иное, как бытие мира в Боге». Божественное искусство при сотворении мира, по мнению Николая Кузанского, состояло главным образом в геометрии, арифметике и музыке. «Первый образ вещей в уме творца есть число». Бога сравнивал с бесконечным кругом, «преблагословенную Троицу» уподоблял треугольнику.

⁴³ - См.: Николай Кузанский. Сочинения: В 2 т. // АН СССР, Ин-т философии. Философское наследие. Т. 80. М.: Мысль,

1979.

⁴⁴ - Папа Григорий XIII (в миру Бонкомпаньи; 1502–1585, папа с 1572 г.) образовал календарную комиссию, в которой ведущую роль играли иезуиты. Календарь, названный его именем, имел основанием солнечный год и был ориентирован на «ближний космос». В григорианском календаре отсутствовали периодичность и ритмичность, характерные для юлианского календаря. Самым главным недостатком нового времяисчисления было нарушение постановления I Вселенского Собора, запрещающего праздновать христианскую Пасху вместе с иудейской пасхой. Юлианский календарь, имеющий своей парадигмой звездный и солнечный факторы, а также учитывающий фазы Луны, был ориентирован не только на «ближний», но и на «дальний космос», поэтому фиксировал время в более глубоких измерениях, чем григорианский, и лучше отвечал идее космичности времени (в мистико-эсхатологическом плане Церковь призвана освятить космос). Рассматривать григорианский календарь как исправление юлианского календаря ошибочно, так как каждый из них имеет собственную парадигму. После опубликования папского декрета о новом календаре ряд видных ученых, а также несколько европейских университетов выступили против этого нововведения. В ответ на протест папе Григорию XIII пришлось объявить об отлучении от католической церкви тех, кто не примет новую календарную систему. Уже на следующий год после реформы 1582 г. папа направил Вселенскому Константинопольскому Патриарху Иеремии II предложение перейти на новый стиль. В конце 1583 г. на Соборе в Константинополе это предложение было отвергнуто как не соответствующее каноническим правилам празднования Пасхи. Под давлением Ватикана григорианский календарь был почти сразу принят всеми католическими странами и затем постепенно другими государствами Европы. Этот процесс продолжался до 1-й четверти XX столетия.

⁴⁵ - Майя – в индуизме и буддизме олицетворение иллюзии материального мира.

⁴⁶ - Мара – олицетворение греха, соблазна, вожделения, дурных страстей и привязанностей, диавол в буддизме; в легендах выступает как мифическое существо, злой дух, мешающий Будде и его последователям идти по пути к просветлению. Войско Мары изображается в легендах как состоящее из десяти частей, каждую из которых Будда обратил в бегство одним из своих совершенных качеств – парамит.

⁴⁷ - Халдеи – семитские племена, расселявшиеся в 1-й половине I тысячелетия до Р.Х. на окраинах Вавилонии (на северо-западном берегу Персидского залива), предположительно арамейского происхождения. Неоднократно захватывали вавилонский престол, но изгонялись затем ассирийцами. С 626 по 538 г. до Р.Х. в Вавилоне правила халдейская династия (Набопаласар, Навуходоносор II и др.), создавшая могущественное Нововавилонское царство.

⁴⁸ - Народы майя – создатели одной из древнейших цивилизаций Америки, существовавшей на территории юго-восточной Мексики, Гондураса и Гватемалы. В X в. на Юкатане возникло новое майя-тольтекское государство, в дальнейшем распавшееся на независимые города-государства. Майя создали свою иероглифическую письменность, обладали знаниями в области математики, медицины, астрономии (в частности, существовал детально разработанный календарь). В 1527 г. началось Завоевание Юкатана испанцами, которое продолжалось многие десятилетия из-за упорного сопротивления майя.

⁴⁹ - Зороастр (греч.), Заратуштра (Заратустра) – реформатор религии древних персов, почитаемый ими как пророк. Сведения о его личности противоречивы. Жил примерно в VIII в. до Р.Х. Религия Зороастра господствовала в Персии до ее покорения Александром Македонским, возобновилась в III-VII вв., вытеснена исламом.

⁵⁰ - Зерван (Зарван, Зурван, Зрван) – в древнеперсидской мифологии бог времени и судьбы, верховный бог зерванизма. Мыслился как бесконечное время (Зерван Акарана), существующее изначально, когда мир пребывал в эмбриональном состоянии. Культ Зервана как прародителя всех

зороастрийских богов (или единственного бога, проявлениями которого являются все остальные) лежит в основе вероучения зерванизма. В зерванизме бытовал миф о том, что Зерван, двуполое божество, одновременно зачал Ормузда (Ахура-Мазда, призванного творить мир) и Ахримана (Ангро-Манью, олицетворение зла) и поклялся дать власть над миром тому, кто родится на свет первым. Ормузд угадал мысли Зервана и поделился ими с Ахриманом; тот тут же разорвал чрево своего отца и вышел на свет, назвав себя Ормуздом. В результате Зерван был вынужден сделать его царем мира на 9 тысяч лет. Так в мире воцарилось зло; но по прошествии указанного срока миром будет править Ормузд, который исправит содеянное Ахрима ном. Зерван как верховное божество, «Отец Величия», был воспринят манихейством, а также митраизмом.

⁵¹ - Маздеизм, или религия магов, – религия населения Западного Ирана, Афганистана, Средней Азии, возникшая с первых веков I тысячелетия до Р.Х., сосуществовавшая и переплетавшаяся с зороастризмом и имевшая с ним общую священную книгу – Авесту. Верховными божествами у маздеистов являются Ахурамазда (Ормузд) – олицетворение добра и Анхра-Майнью (Ахриман) – олицетворение зла, позднее к ним прибавился Митра. Главную роль в ритуале играет огонь. Маздеизм сводил до минимума роль Зороастра и допускал погребение знатных людей, тогда как зороастрийцы предоставляли птицам поедать тела умерших, с тем чтобы «нечистый» труп не мог прийти в соприкосновение ни с одной из «чистых» стихий природы.

⁵² - Теогония (др.-греч.) – предания, легенды о происхождении богов, олицетворяющих стихийные силы природы.

⁵³ - Космогония – учение о сотворении или происхождении Вселенной. Со времени греческого поэта Гесиода (VIII в. до Р.Х.; поэмы «Труды и дни» и «Теогония») служило сюжетом многих философских поэм и со времени ионийской школы философов – предметом многих ученых трактатов.

⁵⁴ - Аристотель (384/383–322/321 до Р.Х.) – величайший древнегреческий философ, чье творчество в области

философии и науки считается вершиной античной мысли. Ему принадлежит заслуга в систематизации знаний и выделении ряда научных областей, которые в дальнейшем стали отпочковываться в самостоятельные направления. Исходя из своей критики платоновских «идей», находящихся вне вещей, Аристотель попытался создать теорию, согласно которой сущность находится в самих вещах.

⁵⁵ - Платон (427–347 до Р. Х.) был религиозным философом, политеистом, признавал переселение душ (метемпсихоз), разработал идею метасоматоза – воплощения души в нескольких телах и концепцию анамнесиса – припоминания душой ее предыдущих рождений. Основанная Платоном в Афинах около 300 г. до Р.Х. Академия просуществовала более тысячи лет, была закрыта в 529 г. императором Юстинианом. Платонизм – идеалистическое направление в философии, связанное с развитием и трансформацией учения Платона, характеризующееся противопоставлением мира сверхчувственных «идей» реальному миру вещей. Материя для Платона есть отражение и истечение идеи. Стоический платонизм существовал длительное время, себе опору в богословии Филона Александрийского, в гностицизме, герметизме и творениях Климента Александрийского, а во II-III вв. по Р. Х. – у Нумения, учителя Плотина и Оригена. Начиная с I в. до Р. Х. платоники, используя Аристотеля и пифагореизм, стали решительно бороться со всеми элементами натурализма, сохранившимися еще у самого Платона и окрепшими в эпоху эллинизма благодаря деятельности стоиков, эпикурейцев и скептиков. Итогом этой почти трехвековой борьбы явился неоплатонизм (III в. по Р. Х.). На философию средних веков и Возрождения платонизм влиял уже в своей неоплатонической форме (Иоанн Скот Эриугена, Ибн Рушд, Ибн Гебироль, Шартрская школа, Экхарт, Николай Кузанский, Плифон, Фичино, Пико делла Мирандола, Дж. Бруно). Под прямым или косвенным воздействием платонизма находится вся европейская идеалистическая философия нового и новейшего времени.

⁵⁶ - Мистерия (от греч. – таинство, тайна) – тайные культы языческих божеств, в которых могли участвовать только посвященные, мисты. Состояли из драматизированных постановок того или иного мифа, сопровождавшихся определенными ритуалами, процессиями, заклинаниями, оргиями и проч. Первые мистерии были связаны с культами Осириса и Исида в Египте, Таммуза в Вавилонии, Демстры в Греции и т. д.

⁵⁷ - Точное время создания «Книг Орфея» неизвестно, однако существуют сведения, что при жизни Платона уже существовали «книги Мусея и Орфея». Под именем орфиков известны последователи особого религиозного учения, основателем которого считали мифического поэта Орфея, сына фракийского царя Эгра и музы Каллиопы. Орфическое учение говорило о происхождении природы из мировых сил и единобожии, о прирожденной греховности человеческого рода, происшедшего от враждебных богам титанов, о переходе душ через смертные тела, в которые они заточены, как в темницу, для того, чтобы искупить эту греховность и затем, очистившись, получить лучшие жилища на звездах, о наказании неочистившихся и необходимости очищения посредством религиозного посвящения и применения умиловительных средств, открытых Орфеем. Учение орфиков примыкало к культу Диониса. По словам Диодора Сицилийского, греческого историка (I в. до Р.Х.), Орфей заимствовал содержание мифов о Дионисе и учение о загробной жизни из мифа об Осирисе. В государственном культе Диониса в Афинах и других государствах также были таинственные обряды (вакхические мистерии), из которых одни не имели ничего общего с учением орфиков, другие возникли под его влиянием. Вакхические празднества, отличавшиеся крайней безнравственностью, совершались, кроме того, некоторыми религиозными обществами, которые продолжали существовать и тогда, когда орфическое учение уже было забыто.

⁵⁸ - Кронос – в греческой мифологии младший из титанов – сыновей Урана и Геи, царствовавших до богов-олимпийцев. Низверг с престола и искалечил своего отца. Стал верховным

богом, женился на собственной сестре Рее, у которой родились Гестия, Деметра, Аид, Гера, Посейдон и Зевс. Опасаясь за власть, Кронос проглатывал своих детей, поэтому Рея спрятала от Кроноса и вырастила Зевса втайне. Возмужав, Зевс заставил Кроноса изрыгнуть проглоченных им детей, составивших поколение олимпийских богов, а сам Кронос и другие титаны, побежденные Зевсом, были заключены в Тартар. По более позднему варианту мифа, Кронос впоследствии был переселен на «острова блаженных». Отсюда в представлении Древних греков «царство Кроноса» соответствовало сказочному «золотому веку». Римляне отождествляли Кроноса с Сатурном, символом неумолимого времени.

⁵⁹ - Гомер – древнегреческий поэт, предполагаемый творец греческих эпических поэм: «Илиады» и «Одиссеи». Ни места, ни времени рождения Гомера античная традиция не знала. О чести быть его родиной спорили семь греческих городов: Кума, Смирна, Хиос, Колофон, Пафос, Аргос, Афины.

⁶⁰ - Гомер. Одиссея, XVIII, 130–131

⁶¹ - Эпикур (342/341–271/270 до Р.Х.) – древнегреческий философ, основатель эпикурейской школы в Афинах. Обосновал свою этику на чувственной теории познания и материалистической физике (атомизме) Демокрита. У Эпикура всякое живое существо с момента рождения стремится к удовольствию как к высшему благу и избегает страдания как величайшего зла, но ценно не мимолетное наслаждение, а устойчивое удовольствие. Мудрость есть источник всех добродетелей, она учит нас жить согласно природе, разумно и приятно, справедливо и прекрасно. Мудрость освобождает нас от страха и ложных мнений; она внушает нам мужество, умеренность и справедливость и приводит к ясной, безмятежной жизни. Источником знания Эпикур признавал ощущения и понятия, рождающиеся из повторения ощущений или их предвосхищения. Критерий истины – соответствие ощущениям, происхождение которых объяснялось демокритовской теорией истечений. Отвергая представления народной мифологии о богах как нечестивые, считал, что боги ведут блаженное и безмятежное существование в

пространствах между мирами («метакосмии», или «интермундии») и не вмешиваются в жизнь миров, являя этим мудрецу образец для подражания. Философия Эпикура вызвала появление эпикурейцев, т.е. людей, живущих единственно для наслаждения, которые провозглашали себя его учениками. Из большого наследия Эпикура сохранились несколько писем, афоризмы и завещание.

⁶² - Буддизм – одна из мировых религий. Возник в Древней Индии в VI-V вв. до Р.Х. Основателем считается Сиддхартха Гаутама, который, по представлениям последователей этой религии, стал Буддой («пробужденным», «просветленным»), обретя просветление. Буддизм стал с III в. государственной религией в Индии, затем распространился в Юго-Восточной и Центральной Азии, отчасти в Средней Азии и Сибири, ассимилировав элементы брахманизма, даосизма и др. В центре буддизма – учение о «четырех благородных истинах»: существуют страдание, его причина, состояние освобождения и путь к освобождению, состоянию полного блаженства – нирваны (небытия и отсутствия страдания). В ходе развития буддизма в нем постепенно сложились культ Будды и бодхи-сатв («просветленных», наставников), ритуал, появились сангхи (монашеские общины) и т. д.

⁶³ - Будда (санскр. Буддха буквально – просветленный, пробужденный) – по буддийским и индуистским воззрениям, существо, достигшее наивысшей святости. В буддийском пантеоне насчитывается множество будд. В более узком значении Будда – священное имя Сиддхартхи Гаутамы, являющегося, согласно буддийской традиции, основателем буддизма и жившего с 623 по 544 г. до Р. Х. или на 60 лет позже. Буддийские предания рассказывают о том, что он происходил из царской семьи в роде Готамы (отсюда его родовое имя – Гаутама), из племени шакьев, обитавшего в Северной Индии на южной границе современного Непала (отсюда одно из его прозвищ Шакья-Муни – отшельник из шакьев). В возрасте 29 лет Будда оставил семью и дом отца и после 7-летних скитаний, аскетических подвигов и размышлений стал проповедником нового учения.

⁶⁴ - Бодисатва (бодхисатва) – по буддийским воззрениям, тот, чья сущность – просветление, идеальное существо, которое выступает прежде всего как наставник и образец для других людей, ведущий их по пути нравственного совершенствования, к достижению нирваны – состояния отсутствия желаний, совершенной удовлетворенности и самодостаточности, абсолютной отрешенности от внешнего мира. Особая роль придается бодхисатвам не только как наставникам на пути «освобождения», но и как божествам, помогающим в конкретных мирских делах.

⁶⁵ - Пан – в греческой мифологии бог лесов и пастбищ, покровитель пастухов и охотников, сын Гермеса. Бродил по лесам, играя на тростниковой свирели. Представлялся древним грекам внешне безобразным, покрытым волосами, с козлиными копытами, ушами и рогами, бородой в хвостом; вызывал ужас (отсюда выражение «панический страх»).

⁶⁶ - Ориген (ок. 185–254) родился в Александрии в Египте и получил блестящее образование. Отец его, ритор Леонид, стал христианским мучеником, когда сыну было семнадцать лет. Ориген хотел последовать отцу, но мать воспрепятствовала этому, желая сохранить жизнь сыну. Ориген решил стать аскетом в миру; он наложил на себя суровый пост, мало спал, ходил босой, и даже впал в крайность, осужденную Церковью – оскотил себя, чтобы избежать соблазнов. В восемнадцать лет Ориген сделался наставником в огласительном училище, сменив Климента Александрийского в качестве главы Александрийской катехетической школы. Во время гонения на христиан в 216 г. Ориген нашел убежище в Палестине, где устроил такое же училище, «Александрию в миниатюре». В 231 г. в Кесарии Палестинской был рукоположен в сан пресвитера, но затем отозван на родину. Рукоположение это опротестовал епископ Александрийский Димитрий, и Ориген был лишен сана. Ориген обладал авторитетом в определенных интеллектуальных кругах. К нему приезжали даже язычники, чтобы только послушать его лекции о философии. При жизни Ориген был осужден двумя поместными соборами и лишен права преподавать в катехетической школе. До нас дошли

отрывочные сведения об Оригене; главным источником является «История» Евсевия – арианина, сочувствовавшего оригенизму. Этот источник представляет собой апологию Оригена в связи с резкой критикой оригенизма, которая началась еще при жизни ересиарха. По Евсевию, Ориген был обвинен на этих соборах в канонических нарушениях: самооскоплении в юности и хиротонии в пресвитера без благословения своего епископа. Однако последующие источники свидетельствуют о том, что на соборах стоял вопрос о вероучении Оригена (см.: Поснов М. Э. История христианской церкви. Брюссель, 1964. С. 189. Примеч. 102). Во время гонений императора Декия Ориген в Тире был заключен в тюрьму. Его держали с железными цепями на шее или по несколько дней растянутым на орудии пыток, но от веры христианской он не отрекся и был выпущен из тюрьмы, после чего вскоре умер. Учение Оригена вызывало острую критику святых отцов как доникейского, так и посленикейского периода. Окончательно оригенизм был осужден на V Вселенском Соборе (553г.), где ересиарх и его два наиболее видные последователя – Дидим и Евагрий – были посмертно преданы анафеме. VI и VII Вселенские Соборы повторили это осуждение, а сочинения его были объявлены подлежащими сожжению. Ряд идей Оригена послужил питательной почвой для множества разных ересей, начиная с арианской, поэтому исповедничество не спасло его от анафемы. В корне ошибочным было учение Оригена о Христе как «твари», о «душе Христа», о грехе, воскресении мертвых, о спасении всех, в том числе и дьявола. Таинства Церкви он понимал чисто символически, Священное Писание толковал аллегорически, до полного пренебрежения его историческим смыслом.

⁶⁷ - Карпократ (II в.) – гностик из Александрии, видел задачу жизни в отрешении от мира и в презрении к создавшим его мятежным низшим звездным духам, возмущившимся против истинного всеблаготворного божества, или безначального отца. Путь к такому презрению – в совершении всевозможных плотских грехов. Карпократ придерживался веры в переселение душ, занимался живописью, магией, изготавливал любовные напитки

и вызывал демонов. О Карпократе подробно рассказывает св. Ириней Лионский в 24–25 главах I книги «Против ересей».

⁶⁸ - Преподобный Иоанн Лествичник (ок. 570–649) почитается Святой Церковью как великий подвижник и автор замечательного духовного творения «Лествица райская» – руководства к иноческой жизни, которая, по его мысли, представляет путь непрерывного и трудного восхождения по «лестнице» духовного самосовершенствования, возводящего подвижника на небо. По названию своего главного сочинения преподобный и получил прозвание Лествичника. В шестнадцать лет преп. Иоанн пришел в Синайский монастырь, и через 4 года был пострижен в иноки. В 35 лет он удалился отшельником в пустыню у подножия горы Синай, где сорок лет смиренно и кротко трудился с молитвой, сочиняя книги. В семидесятипятилетнем возрасте был избран игуменом Синайской обители, а через четыре года вновь возвратился к уединению и безмолвию. Память 30 марта (12 апреля); 4-е воскресенье Великого поста. II.

⁶⁹ - Память святой равноапостольной Нины († ок. 280–335 до другим источникам 347), просвети-тельницы Грузии, –14 (27) января.

⁷⁰ - Апостол Андрей Первозванный († ок. 62) – один из 12-ти апостолов, избранных Самим Господом для евангельской проповеди. Получив от Пресвятой Богородицы повеление проповедовать в Грузии христианство, отправился туда вместе с апостолами Симоном Кананитом (Зилотом), Матфием избранным вместо Иуды Искаротского и некоторыми другими, по пути основывая в малоазийских и понтийских провинциях Церковь и оставляя учителем кого-нибудь из своих спутников, и достиг пределов Грузии ок. 40 г. и прошел до реки Чорохи. Затем апостолы посетили Сванети. где царица Пифадора крестилась от рук апостола Матфия. Апостол Андрей Первозванный после проповеди в Колхиде через Верхний Картли прибыл в Мцхета. Не заходя в город, водрузил деревянный крест на вершине горы, лежащей напротив города, и в Верхней Кахети близ города Греми, на горе, на месте нынешнего храма св. Архангела Михаила, водрузил такой же

крест, а также на вершине горы близ Казбека поставил крест. Симон Кананит остался на берегу Черного моря, в Никопсии (недалеко от современного г. Сухуми). Апостол Андрей Первозванный прошел Кавказские горы через перевал, названный Крестовым. Проповедовал Евангелие среди осетин и других кавказских племен. Прошел Тавриду (нынешний Крым), Причерноморье и по Днепру поднялся до места, где стоит теперь город Киев, затем поднялся еще выше по Днепру и дошел до поселений славян, где был основан Новгород. Отсюда апостол прошел через земли варягов в Рим Для проповеди и вновь вернулся во Фракию. Принял мученическую кончину через распятие на кресте в г. Патры. Имя святого апостола Андрея является одним из духовных звеньев, которое связывает Константинопольскую, Грузинскую и Русскую Церкви. Дни памяти 30 ноября (13 декабря), 20 июня (3 июля), 30 июня (13 июля), 30 июня (13 июля) (12-ти апостолов).

⁷¹ - Апостол Симон Зилот, Кананит – один из 12-ти апостолов, родом из Каны Галилейской (Лк.6:15; Деян.1:13). Пещера в Никопсии, у подножия Иверской горы, в которой подвизался святой апостол, сохранилась доныне. В X в. рядом с пещерой был воздвигнут храм Симона Кананита, а в XIX в. неподалеку был сооружен Новоафонский монастырь Симона Кананита. В этих местах святой апостол провел последние годы жизни, принял мученическую кончину и здесь же погребен. Дни памяти 10 (23) мая, 30 июня (13 июля) (12-ти апостолов).

⁷² - Апостол Матфий († ок. 63) – один из 70-ти апостолов, по Вознесении Спасителя избран по жребию в число 12-ти апостолов вместо Иуды Искарота. Проповедовал Евангелие в Иерусалиме и в Иудее, вместе с апостолами Андреем Первозванным и Петром он ходил в Антиохию Сирийскую, каппадокийский город Тиан и Синоп. Во время третьего путешествия апостола Андрея Матфий был с ним в Эдессе и Севастии. По преданию, был с проповедью в Западной Грузии, Македонии, подвергаясь многократно смертельной опасности. Вернулся в Иудею, был осужден синедрионом на смерть и побит камнями. Дни памяти 9 (22) августа, 30 июня (13 июля) (12-ти апостолов).

⁷³ - Город Мцхета – древняя столица Иберии (Восточной Грузии), расположенная в месте впадения реки Арагви в Куру, находится в 21 км к северу от современного Тбилиси; служил резиденцией грузинских царей до VI в., когда столица была перенесена в Тбилиси.

⁷⁴ - Святой великомученик Георгий Победоносец († 303) родился в Малой Азии в христианской семье. Его отец был замучен во время гонения на христиан. В юном возрасте Георгий поступил на воинскую службу и достиг высоких чинов. Был казнен в Никомидии за мужественное исповедание христианской веры во время гонения Диоклетиана. Дни памяти 23 апреля (6 мая), 3 ноября (16 ноября), 10 ноября (23 ноября).

⁷⁵ - Иверия (Иберия) – античное и византийское название Восточной Грузии (Картли).

⁷⁶ - Апостол Павел – апостол язычников. Родился в г. Тарсе (Малая Азия) в иудейской семье, имевшей римское гражданство. Его еврейское имя – Шаул (в русском тексте Ветхого Завета – Саул, в русском тексте Нового Завета – Савл). До своего обращения ко Христу был строгим фарисеем, исполнителем закона Моисеева и отеческих преданий, думавшим оправдаться делами закона и ревностью к вере отцов, доходившей до фанатизма. Господь, усмотревший в нем «сосуд избранный Себе», на пути в Дамаск чудесным образом призвал его к апостольскому служению (см. Деян. 9:3–6). Об обращении и трех миссионерских путешествиях апостола Павла повествуется в книге Деяний Апостолов. Проповедуя среди язычников, апостол Павел пронес Евангельскую весть от Палестины до Рима. Апостол Павел написал 14 посланий. Был обезглавлен недалеко от Рима в 67 г. Память 29 июня (12 июля) (славных и всехвальных перво-верховных апостолов Петра и Павла).

⁷⁷ - См.: Гал.1:15–17.

⁷⁸ - Ормузд (Армаз) – в зороастризме один из сыновей божества Зервана, чье имя означает бесконечное время. Все сотворенное им – доброе и истинное, а все сотворенное Ахриманом (его братом) – дурное и лживое. Для почитания

характерны многочисленные обряды, связанные с огнем. Конец мира – очистительный огонь и преображение жизни. Огненная река отделит праведных от недостойных.

⁷⁹ - Парнаоз (Фарнаоз) (III в. до Р.Х.) – первый грузинский царь. Летописи приписывают ему устройство гражданского быта Грузии, введение письменности и установление в стране религии Зороастра.

⁸⁰ - Крепость Армази, находящаяся в Мцхетском акрополе, была резиденцией грузинских царей до II в.

⁸¹ - Имеется в виду гора Задени (Зедазени).

⁸² - Мемфис (греч.) – древнеегипетский город (первоначальное название Инебу-хедж – «Белые стены»). Основан в начале 3-го тыс. до Р.Х. на границе Верхнего и Нижнего Египта, на левом берегу Нила. Был столицей при царях тридцати династий. Пророк Иезекииль предсказывал падение города и обличал идолопоклонство (Иез.30:13–16). О Египте, как центре идолослужения, писали многие древние писатели. Все пророческие предсказания о нем исполнились с поразительной точностью.

⁸³ - Нонна – Богу посвященная (др.-егип.)

⁸⁴ - Авеста – священные книги зороастризма, религии, распространенной в древности и раннем средневековье в Средней Азии, Иране, Афганистане, Каспийской Албании и ряде др. стран Ближнего и Среднего Востока, а в настоящее время у парсов в Индии (отсюда – парсизм) и гебров в Иране.

⁸⁵ - Память святой равноапостольной Наны, царицы Иверии, супруги равноапостольного царя Мириана, – 14 (27) января, 1 (14) октября.

⁸⁶ - Память святого равноапостольного Мириана († 342), царя Иверского, из династии Хосроидов – 14 (27) января, 1 (14) октября.

⁸⁷ - Существует много различных мнений о названии «Туран». В «Авесте» часто упоминаются враги ариев (индоевропейских племен иранской группы) – туры. Их государство Туран находилось во вражде с Ираном. Зороастрийцы и туранцы противостояли друг другу на

протяжении многих веков. Некоторые исследователи отождествляют туранцев с тюрками, другие считают, что это ираноязычные кочевые племена скифов. Арабские географы указывают, что тюрки проживали на территориях, находящихся в восточной части реки Сырдарьи, другие географы считали, что родиной тюрков (Туран) являлась территория между Сырдарьей и Амударьей.

⁸⁸ - Имеется в виду Будда.

⁸⁹ - «Картлис Цховреба» (груз. – Житие Картли) – сборник грузинских летописей «Жизнь Грузии», сведенных в единую книгу в XII-XVIII вв.

⁹⁰ - При царе Реве Праведном (186–213) был уничтожен жестокий обычай приносить человеческие жертвы языческим богам. Царь Рев велел для жертвоприношений закалывать волов, телят и баранов.

⁹¹ - Теургия (др.– греч.) – вид магии, с помощью которой считалось возможным входить в связь с богами и духами с помощью особых действий и слов, чтобы добиться от них совершения чего-либо сверхъестественного, изменить ход событий, подчиняя своей воле действия богов и духов; происхождение относится к временам халдейских и персидских магов и древнеегипетских жрецов.

⁹² - Виссон (Быт.1:42; Исх.25:4; Лк.16:19; Откр.19:8) – тончайшая драгоценная ткань. В Книге Бытия впервые упоминается в связи с историей Иосифа, которого фараон сделал правителем Египта и одел в виссонные одежды. Упоминается нередко в Свящ. Писании как материя для устройства различных священных одежд скинии, первосвященника, священников (Исх.26:1; 28:6–8; 39:27–29). Из иудеев, занимавшихся выделыванием виссона, особенно славился дом Ашбеи (1Пар.4:21); возможно, выделка виссона была еще в древние времена пребывания евреев в Египте. В Свящ. Писании виссон служит эмблемой праведности и нравственной чистоты (Откр.19:8, 14).

⁹³ - Преподобный Иоанн Зедазенский († между 557–560) именуется по месту подвигов на горе Зедазени (Зеда Задени).

Память 7 (20) мая.

⁹⁴ - Святитель Евстафий, архиепископ Антиохийский (323–331) – один из отцов Церкви IV в., исповедник в царствование Диоклетиана. Он был епископом города Бери, пользовался любовью и уважением народа, отцами I Вселенского Собора (325 г.) возведен на Антиохийскую кафедру. Святитель Евстафий был глубоко образованным богословом, а также отличался обширными познаниями в науках светских; ревностно боролся – устно и письменно – за чистоту православной веры против ереси Ария, не признававшего единосущия Сына Божия со Отцом. Скончался в ссылке, в городе Филиппах или Траянополе. В 482 г. мощи святителя Евстафия с честью были перенесены из Филипп в Антиохию. Память 21 февраля (6 марта).

⁹⁵ - После проповеди и чудес святой Нины царь Мириан, уверовав во Христа, отправил посольство в Константинополь с просьбой прислать духовенство и зодчих в Грузию. По свидетельству преподобного Ефрема Малого, названного Философом (XI в.), и по указанию Руисо-Урбнисского Собора (1103), в Грузию прибыл по повелению императора Константина (306–337) Антиохийский Патриарх Евстафий, который поставил в Грузии первого епископа, совершил первое крещение грузин. Согласно «Картлис Цховреба» и «Истории Грузии» Вахушти Багратиони (Тифлис, 1855), из Константинополя прибыл епископ Иоанн, два священника и три диакона. С этого же времени Грузинская Церковь и вошла в юрисдикцию Антиохийского престола. Указанные сведения взаимно дополняют друг друга.

⁹⁶ - Изначально, с V века первостоятель Грузинской Церкви, как это было в Армении и Сирии, облачается в сан Католикоса (греч. – всеобщий). С начала XI в. Католикос Грузии титулуется и Патриархом – Католикос-Патриарх.

⁹⁷ - Святой Вахтанг I Горгасали («Волчья Голова») – царь из династии Хосроидов, управлял страной на протяжении пятидесяти с лишним лет (446–502). При нем Грузия достигла своего могущества. Во время царствования Вахтанга Горгасала Грузия вела с Ираном долгую и тяжкую войну, царь вынужден был большую часть своей жизни провести в военных походах.

Успешно отстаивая независимость родины, он Иного сделал для Грузинской Церкви. При нем в V в. Был перестроен Мцхетский собор Светицховели, посвященный Двенадцати Апостолам. В Тбилиси, новой столице, Вахтанг I заложил основание знаменитого, существующего до сегодняшнего дня, Сионского собора. При царе Вахтанге I, по утверждению грузинских историков, было открыто 12 епископских кафедр; были полностью переведены на грузинский язык книги Священного Писания Нового Завета и главные богослужебные книги. В V столетии в Грузии велось интенсивное храмостроительство. Был смертельно ранен в одной из битв с персами. Память 30 ноября (13 декабря).

⁹⁸ - Святой Петр I – первый Католикос-Архиепископ Грузии (в 467– 474 гг.). Память 30 ноября (13 декабря).

⁹⁹ - Память преподобного Иоанна Зедазенского и учеников его: Авива, еп. Некресского, Антония Марткопского, Давида Гареджийского, Зенона Икалтского, Фаддея Степанцминдского, Исе (Иессея), еп. Цилканского, Иосифа, еп. Алавердского, Исидора Самтавийского, Михаила Улумбийского, Пирра Бретского, Стефана Хирского и Шио Мгвимского (VI в.) 3 7 (20) мая.

¹⁰⁰ - Преподобный Симеон Столпник, Дивногорец, Младший († 596) – пресвитер, подражал подвигу Симеона Старшего. Основал на Дивной горе в окрестностях Антиохии обитель. Св. Симеон назван Дивногорцем по имени горы, о которой Господь в видении предсказал преподобному Симеону, что она назовется Дивною, потому что на ней Господь удивит милость Свою в Симеоне. Дни памяти 24 мая (6 июня); в субботу сырную.

¹⁰¹ - Евлавий Католикос-Архиепископ в 533–544 гг.

¹⁰² - Светицховели (груз. – Живоносный столп) – название собора Двенадцати Апостолов в г. Мцхета. В окончательном виде построен в 1010–1029 гг. на месте погребения святой Сидонии, с Хитоном Господним. В IV в. здесь был сооружен деревянный храм, а в V в. каменный собор. Светицховели с IV в. является патриаршим кафедральным собором Грузии.

¹⁰³ - В Грузии 1 (14) октября отмечают один из самых больших христианских праздников страны – Мцхетоба-Светицховлоба – посвященный Хитону Господню и Столпу Живоносному, источающему чудотворное миро. Празднование в честь Хитона Господня и Столпа Животворящего приходится на праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1 (14) октября. Святая Грузинской Церкви – блаженная Сидония (память 1 (14) октября), услышав о Христе и всей душой уверовав в него как в Мессию и Спасителя мира, умоляла своего брата, раввина Элиоза, привезти из Иерусалима в Мцхета какую-нибудь вещь, принадлежавшую Христу. Элиоз в день казни Спасителя был у Голгофы и купил Хитон Господень у воина, которому тот достался по жребию, и принес его в Мцхета. Сидония, взяв в руки Хитон, тотчас упала замертво. И никто из людей, видевших чудесную смерть девушки, не мог освободить из ее рук одежду Христову. Элиоз через некоторое время тайно похоронил сестру вместе с Хитоном. На могиле Сидонии вырос большой кедр. Летописи повествуют, что святой Нине, просветительнице Грузии, по ее молитвам было открыто, где сокрыт Хитон Господень. Дерево срубили, чтобы построить на этом месте деревянную церковь. Однако главный ствол не смогли сдвинуть с места, и этот столп, весь блистающий светом, то поднимался вверх над своим бывшим основанием, то опускался, из пня истекало благовонное миро, и было явлено множество чудесных исцелений. На этом месте был воздвигнут первый в Грузии христианский храм, вначале деревянный, ныне каменный собор в честь двенадцати Апостолов, именуемый Светицховели.

¹⁰⁴ - Грааль – согласно западному средневековому преданию, чаша, из которой Христос пил во время Тайной Вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого Христа. Легенда о Граале тесно связана с легендами о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, которые сообщают, что легендарный сосуд был из чистого изумруда и обладал чудодейственной силой. Ради приближения к нему и приобщения к его благим действиям рыцари совершают свои подвиги. Древнейшая литературная обработка сказаний о Граале принадлежит во Франции Кретьену де Труа (XII в.), в

Германии – Гартману фон Ауэ (XII-XIII вв.); обработку легенды о св. Граале дал Вольфрам фон Эшенбах в романе «Парцифаль» (около 1210 г.).

¹⁰⁵ - Гора Зедазени находится на левом берегу реки Арагви, в 8 км на северо-восток от Мцхета, в 15 км на север от Тбилиси.

¹⁰⁶ - Существует версия, что это сделал в 1 в. до Р. Х. Царь Фарнадж.

¹⁰⁷ - См.: Иис. Нав.3:14–16.

¹⁰⁸ - Парсман VI – грузинский царь в 542–557.

¹⁰⁹ - Празднование в честь иконы Цилканской (IV в.) 15 (28) августа.

¹¹⁰ - См.: Исх.17:5–6.

¹¹¹ - См.: Исх.17:11.

¹¹² - См: Пс.47:3. Давид Псалмопевец († 950 до Р.Х.) – 2-й царь Израильский, пророк (1Цар.16:13; 2 Цар.; 3Цар.2:1–10). Дни памяти – неделя по Р. Х., неделя св. отец, неделя св. праотец.

¹¹³ - Авессалом – 3-й сын Давида (2Цар.3:3). Еще при своей жизни Авессалом поставил себе высеченный из камня памятник в царской долине, для сохранения памяти о себе (т.к. не имел сына), известный под именем памятника Авессалома (2Цар.18:18), который находится на западном склоне горы Елеон, расположенной к востоку от Иерусалима и отделенной от него Иосафатовой долиной и Кедронским потоком (от которого сегодня сохранились лишь остатки русла).

¹¹⁴ - Пустыня Гареджи находится в нескольких десятках километров к юго-востоку от Тбилиси, по левому берегу реки Куры.

¹¹⁵ - В пустыне Гареджи, в 60 км от Тбилиси, находится величественная Давидо-Гареджийская Лавра, охватывающая около 20 монастырей, высеченных в скалах, и множество пещер-келий. Гареджи простирается на 25 км вдоль склонов Гареджийского кряжа. Главный монастырь Гареджи, расположенный на северном склоне горы, был основан в VI в. преподобным Давидом, поселившемся в пещере, впоследствии превращенной в храм. Там находится гробница преподобного

Давида. В XI в. монастырь испытал нашествие турок-сельджуков, в XIII в. был разграблен монголами, в конце XIV – начале XV в. – razoren Тамерланом, в 1615 г. – вновь razoren персидским завоевателем Шах-Аббасом I. После установления в Грузии советской власти Давидо-Гареджийская Лавра была закрыта и превращена в туристический объект и военный полигон. В настоящее время монастырь восстанавливается; в храмах совершается богослужение. Давидо-Гареджийская Лавра является одним из наиболее почитаемых святых мест Грузии.

¹¹⁶ - Память преподобного Додо Гареджийского († VII в.), ученика преподобного Давида Гареджийского, – 23 мая (5 июня), первая среда по Вознесении.

¹¹⁷ - Ной – десятый и последний из допотопных патриархов, отец Сима, Хама и Иафета, сделавшихся впоследствии родоначальниками трех главных представителей человеческого рода (Быт.10:32); жил в то время, когда человечество подверглось всеобщему развращению, и заслуженный им гнев Божий выразился в решении погубить весь род человеческий потопом. Апостол Петр называет Ноя проповедником правды, и в спасении человечества от потопа в ковчеге во дни его дает нам видеть указание на наше спасение через крещение (2Пет.2:5). История Ноя излагается в Книге Бытия, гл. 6–9.

¹¹⁸ - Первосвященник Мелхиседек († 2000 до Р.Х.) – царь Салима, «священник Бога Всевышнего», который вынес навстречу Аврааму хлеб и вино, когда тот возвращался после победы над царем Северного Ханаана Кедорлаомером и его союзниками (Евр.7:1; Быт.14:18–20; Пс.109:4). В Послании к евреям Мелхиседек рассматривается как прообраз Христа (Евр.5:6,10;6:20;7). Священство по чину Мелхиседека превосходит священство по чину Аарона, поскольку Мелхиседек благословил Авраама, и Авраам, предок Аарона, дал Мелхиседеку десятину, показав этим, что признает его священником. Давид видит будущего Мессию как «священника вовек по чину Мелхиседека» (Пс.109:4; в Синодальном переводе в этом месте – Мельхиседек). Память 22 мая (4 июня), неделя св. отец, неделя св. праотец.

¹¹⁹ - Премудрый Соломон († 928 до Р.Х.) – сын Давида, царь Израильский (3Цар.1–11 гл.; 2Пар.1–9 гл.). Память 17 (30) июня, неделя св. праотец.

¹²⁰ - Иоанн Богослов († 98–117) – апостол из 12-ти, евангелист. Память 8 (21) мая, 30 июня (13 июля), 26 сентября (9 октября).

¹²¹ - Двенадцать оснований стены города, имеющих надписи имен апостолов, «украшены всякими драгоценными камнями: основание первое – яспис, второе – сапфир, третье – халкидон, четвертое – смарагд, пятое – сардоникс, шестое – сардолик, седьмое – хризолит, восьмое – вирилл, девятое – топаз, десятое – хрисопрас, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин» (Откр.21:19–21).

¹²² - Илия I – Патриарх Иерусалимский в 494–516 гг. Память 20 июля (2 августа).

¹²³ - Нимврод (Нимрод) – сын Хуша, который был сыном Хама и правнуком Ноя; царствовал в Вавилоне, Эрехе, Аккаде и Халне, в земле Сеннаар в бассейне рек Тигра и Евфрата. Великий охотник, «изобретатель» войны (Быт.10:8–10), ярый идолопоклонник, руководивший постройкой Вавилонской башни.

¹²⁴ - Таргамос – сын Таршиса, внук Иафета – сына Ноева. По преданию, Нимврод объявил войну сыновьям Таргамоса, во время которой был смертельно ранен.

¹²⁵ - Авраам («отец множества», раньше Аврам – «высокий отец») († 2000 до Р. Х.) – ветхозаветный патриарх, праотец еврейского народа. Он получил призвание Божие оставить свою землю и идти в страну, которую Господь, обещал указать ему (Быт.11:26–27,29,31; Быт., гл.12–18; 19:27–29; гл.20–23; 24:1–9; 25:1–8). Память 9 (22) октября.

¹²⁶ - Картлос – праправнук Ноя (от Иафета), родоначальник грузин. Поселился в местах, от имени его получивших название, сохраняющееся по сей день. Картлос, его сыновья и внуки были монотеистами (почитали Единого Бога), но впоследствии потомки Картлоса под влиянием соседних народов приняли язычество и стали обоготворять солнце и огонь. В

определенный исторический период в Грузии совершались культовые человеческие жертвоприношения, которые были запрещены царем Ревом Праведным.

¹²⁷ - Кир (древнеперсидск. Куруш) – в древней Персии царь в 558–530 гг. до Р. Х.; завоеватель Мидии, Лидии, Вавилонии, греческих городов Малой Азии, части Средней Азии; основатель Мидо-Персидской монархии и освободитель евреев из Вавилонского плена. По взятии Вавилона приказал возвратить иудеев, томившихся 70 лет в плену, в их отечественную землю, щедро снабдил их денежными средствами к возобновлению Иерусалимского храма, – на то была особенная воля Божия (Ис.44:28; 1Езд.1:1–4), преподнес в дар сосуды дома Господня и другие сокровища, взятые из Иерусалима еще Навуходоносором. До окончания строительства Иерусалимского храма не дожил, умер в 530 г. до Р. Х. от раны, полученной в одном из сражений с массагетскими племенами Средней Азии.

¹²⁸ - Семирамида (ассирийск. Шаммурамат) – царица Ассирии в конце IX в. до Р. Х.; вела завоевательные войны. С ее именем часто связывают сооружение одного из семи чудес света – «висячих садов» в Вавилоне, созданных при Навуходоносоре II в VI в. до Р. Х., первые упоминания о которых сохранились в «Истории» Геродота.

¹²⁹ - Август (до 44 г. до Р. Х. Гай Октавий, с 27 г. до Р.Х. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) – римский император с 27 г. до Р. Х., внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании. При нем завершено покорение территории современной Испании, образованы провинции Египет, Мезия, Паннония, Германия.

¹³⁰ - Траян Марк Ульпий (53–117) – римский император с 98 г. из династии Антонинов. Покорил Дакию (современная Румыния), Месопотамию и Армению. При нем Римская империя достигла своих максимальных границ.

¹³¹ - Мурван ибн Мухаммед, названный в Грузии Мурваном-кру («кру» – глухой, беспощадный) – эмир (остикан) Армении в 732–744 гг., ставший затем арабским халифом.

¹³² - Замучены ок. 740 г. Память святых великомучеников Давида и Константина, князей Арагветских, – 2 (15) октября.

¹³³ - Анакопия – крепость на вершине горы в Абхазии, у подножия которой находятся храм и гробница апостола Симона Кананита. Была древней столицей княжества Абазгия и (до 806г.) Абхазского царства. В XIX в. Выходцами из Старого Афона около древней Анакопии был построен монастырь во имя апостола Симона Кананита и великомученика Пантелеймона. Это место было названо Новым Афоном.

¹³⁴ - Память мученика Арчила II, царя Иверского († 744) – 21 июня (4 июля).

¹³⁵ - Елисей († IX в. до Р.Х.) (3Цар.19; 4 Цар.) – пророк, ученик и преемник пророка Илии. Период пророческого служения Елисея длился более 60 лет. Память 14 (27) июня, неделя св. отец, неделя св. праотец.

¹³⁶ - См.: 4Цар.6:24–7:7.

¹³⁷ - Моисей – великий пророк и законодатель израильского народа, из колена Левиина, сын Амрама и Иохаведы, первый боговдохновенный писатель библейских книг. О жизни Моисея повествуют книги Библии – Исход, Числа и Второзаконие. Родился в Египте ок. 1570 г. до Р.Х., воспитывался дочерью фараона. Во всех своих начинаниях и поступках Моисей являлся орудием в руках Всевышнего, Бог открыл тайны бытия: сотворение мира и человека. На горе Синайской Моисей принял от Бога 10 заповедей Его. Силой Божией творил великие знамения и чудеса. Преставился 120-ти лет в стране Моавитской. Погребен в долине близ Веффегора, но «никто не знает места погребения его даже до сего дня» (Втор.34:6). Память 4 (17) сентября.

¹³⁸ - См.: Исх.14:21–22.

¹³⁹ - Праведный Иосиф – Обручник Пресвятой Девы Марии сын Иакова (Мф.1:16), из рода Давидова (Мф.1:20, Лк.1:27) жил в Назарете в бедности, работая плотником. По преданию, умер до того, как Господь Иисус Христос начал евангельскую проповедь. Память 26 декабря (8 января).

¹⁴⁰ - Тао-Кларджети – историческая область Грузии, расположенная в бассейне реки Чорохи и включавшая часть южных провинций: Тао, Тортуми, Кларджети и др., большая часть которых сегодня находится в пределах Северо-Восточной Турции.

¹⁴¹ - См.: 1Цар.17:49.

¹⁴² - Святой Давид IV Строитель – царь Иверский и Абхазский (1089–1125) из династии Багратиони. С большим почтением относился к священству и монашеству. В его царствование были построены десятки храмов и монастырей не только в Грузии, но и в Византии, на Святой Горе, в Болгарии, в Сирии, на Кипре, на Черной горе, в Палестине. Он объединил страну, изгнал мусульманских захватчиков, упорядочил жизнь Церкви, реорганизовал структуры управления государством, создал регулярную армию, сделал Грузию сильным, централизованным государством. Его останки покоятся в Гелатском монастыре. Память 26 января (8 февраля).

¹⁴³ - Святая Тамара Великая – царица Грузии (1178–1213) из династии Багратиони. Характерно, что грузинский народ в благодарность за великие деяния называет святую Тамару не царицей, а царем. Это единственная женщина, которая удостоилась такой чести. Память 1 (14) мая, неделя св. жен-мироносиц.

¹⁴⁴ - Память великомученика Димитрия II Самопожертвователя († 1289), царя Восточной Грузии (1271–1289), из династии Багратиони, – 12 (25) марта; 26 октября (8 ноября).

¹⁴⁵ - Память великомученицы Кетеван († 1624), царицы Кахети, – 13 (26) сентября.

¹⁴⁶ - Память святого мученика Луарсаба II († 1622), царя Картли (1606–1615), – 21 июня (5 июля).

¹⁴⁷ - Ираклий (575–641) – византийский император с 610г. В 627–628 гг. разбил персов и возвратил отнятые ими земли в Азии и Египте, но в последние годы его правления эти восточные провинции Византии были захвачены арабами.

¹⁴⁸ - Хосрой I Нуширван Справедливый, или Великий – персидский царь (с 531 г.) из династии Сасанидов. Завоевал

Месопотамию и Колхиду, опустошил Сирию. Умер в 578 г.

¹⁴⁹ - Праведный Езекия (VII в. до Р.Х.) – благочестивый царь Иудейский, восстановивший истинное богослужение и истребивший все памятники и обряды идолопоклонства. Царствовал 29 лет. Открыл для Богослужения Соломонов храм. В 14-й год царствования Езекии ассирийский царь Сеннахирим, сын Салманассара, победившего израильтян, взял крепость Лохис и послал войско к Иерусалиму, требуя, чтобы иудейский царь сдался. Езекия обратился с молитвой к Богу (4Цар.19:15–24), и Ангел Господень поразил в ассирийском стане 185 000 воинов. Сеннахирим отошел. Жизнь праведного Езекии описана в 4 Цар., гл.18–20. Память 28 августа (10 сентября), сырная суббота, неделя св. отец, неделя св. праотец.

¹⁵⁰ - Чингисхан (собственное имя – Тэмуджин, Темучин; ок.1155–1227) – монгольский завоеватель, основатель единого Монгольского государства. Подчинил в 1207–1211 гг. народы Сибири и Восточного Туркестана, разгромил Южную Монголию, вторгся в Китай и захватил Пекин, завоевал обширное царство Мухаммеда-Хорезм-Шаха, простиравшееся от Инда до Каспийского моря, отправил свои отряды в Персию, Кавказ и Южную Русь. Чингисхан разделил свои владения между четырьмя сыновьями, своим наследником назначил третьего сына Угедея. По возвращении из Центральной Азии вновь провел свою армию по Западному Китаю и во время этого похода умер.

¹⁵¹ - Батый (Бату) (ок. 1207–1256) – монгольский хан, внук Чингисхана. После смерти отца (1227) стал главой Джучи улуса. Предводитель общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу (1236–1243). Завоевал Булгарию Волжско-Камскую (1236–1241), разорил княжества Северо-Восточной и Южной Руси (1237–1238, 1239–1240), уже истощенный в борьбе с Русью воевал в Польше, Венгрии, Болгарии и др. В 1243 г. в низовьях Волги основал феодальное государство – Золотую Орду со столицей Сарай-Бату, простиравшееся от Иртыша до Дуная.

¹⁵² - Георгий III – царь Грузии (1156–1184), сын грузинского царя Деметре I,

¹⁵³ - Пещерный монастырь Вардзия находится в Хертвисском ущелье реки Мтквари (Куры), в 18 км от города Аспиндза.

¹⁵⁴ - Монастырь Бетания (Вифания) в честь Рождества Божией Матери находится в 20 км к западу от Тбилиси в ущелье реки Вере, близ села Квесети.

¹⁵⁵ - Абу Бекр – азербайджанский атабек (князь) из династии Мльдегизидов, племянник атабека Кызыл-Арслана, объявившего себя султаном (1186–1191), но вскоре убитого; владения его были разделены между его племянниками. Однако Абу Бекр, одержав победу над братьями, вскоре овладел и их территориями.

¹⁵⁶ - Девора (Суд.4:4) – известная пророчица, бывшая судией Израиля по смерти судии Аода; жена Лапидофова. Она жила под пальмой Девориной на горе Ефремовой между Рамой и Вефилом (Суд. 4:5). Израиль тогда за грехи свои находился под тяжким игом Иавина царя Ханаанского. От нее исходит призыв к войне против Иавина, сильного своими боевыми колесницами; именем Яхве она приказывает воину Бараку возглавить ополчение, обещая победу над Сисарой (Сисерой), военачальником Иавина. Барак ставит условием личное присутствие Деворы во главе войск (Суд.4:8), но Девора предсказывает, что в наказание за это слава умерщвления Сисары достанется женщине. Битва у потока Киссона кончается победой израильских племен, а Сисара, спрятавшийся от погони в шатре Иаили, женщины из палестинского племени кенитов, погибает от ее руки (Суд.4:21) – так сбывается пророчество Деворы. Память в неделю св. праотец.

¹⁵⁷ - Авары (обры) – племенной союз главным образом тюркоязычных племен, совершавших набеги на славян, франков, Византию.

¹⁵⁸ - Шамхорская крепость находилась у юго-восточной границы Грузии и принадлежала Ширван-шахам – вассалам Грузии. После Шамхорской битвы (ок. 1195 г.) между войсками Грузии и атабека Абу Бекра крепость была окончательно присоединена к Грузии.

¹⁵⁹ - Тит Флавий Веспасиан (41–81) – римский император (79 г.), старший сын императора Веспасиана. Руководил римскими войсками, расположенными в Иудее. В праздник ветхозаветной Пасхи 70 г. Тит двинул свои войска прямо к Иерусалиму. Храм был превращен в груды камней и пепла. С разрушением Иерусалима окончательно пало Иудейское государство.

¹⁶⁰ - Георгий IV Лаша («Сияющий») – грузинский царь (1213–1222) из рода Багратиони, сын святой царицы Тамары. Удачно воевал с турками и предпринял ряд походов в Адарбаган (территория нынешнего Азербайджана); погиб от раны, полученной в бою с передовыми отрядами Чингисхана.

¹⁶¹ - Память Святого Иосифа, епископа Алавердского († 570), одного из 13 сирийских отцов – основателей грузинского монашества, – 7 (20) мая, 15 (28) сентября.

¹⁶² - Ср.: Ин.4:14.

¹⁶³ - Святитель Иоанн Златоуст († 407) – Константинопольский Патриарх, вселенский учитель, автор толкований на многие книги Священного Писания (Бытия, Псалтирь, Евангелия от Матфея и Иоанна, Послания апостола Павла) и множества бесед на отдельные библейские тексты, а также поучений на праздники, в похвалу святых и слов апологетических (против аномеев, иудействующих и язычников). Память 27 января (9 февраля), 30 января (12 февраля), 14 (27) сентября и 13 (26) ноября, суббота сырная.

¹⁶⁴ - Память преподобного Агафона Египетского (V) – 2 (15) марта.

¹⁶⁵ - Преподобный Антоний Великий, Египетский († 356) – один из основателей пустынно-жительства в Египте. По преданию, египетское монашество ведет свое начало от апостола Марка; в ветхозаветное время, согласно Иосифу Флавию и Филону, в египетской пустыне на востоке от Александрии существовали общины аскетов-ферапевтов. Память 17 (30) января, суббота сырная.

¹⁶⁶ - Праздник Ллавердоба включает в себя три праздника: святой великомученицы царицы Кетеван (13 (26) сентября),

Воздвижение Животворящего Креста (14 (27) сентября) и святого епископа Иосифа Алавердского (15 (28) сентября), создателя известного мужского монастыря Алаверди (Восточная Грузия). Этот праздник отмечают не только христиане Восточной Грузии, но и мусульмане Северного Кавказа. Согласно местной традиции, неотъемлемой частью Алавердоба является проведение конных скачек и других состязаний. Праздник длится до трех недель.

¹⁶⁷ - Бакар – преемник святого царя Мириана († 342). Царствовал в 342–364 гг., продолжал распространение христианства в горной части страны. При нем с греческого языка на грузинский были переведены многие богослужебные книги, основана Цилканская епархия.

¹⁶⁸ - Память преподобного Арсения Великого († 449–450) – 8 (21) мая.

¹⁶⁹ - Пс.18,2.

¹⁷⁰ - Время жизни отшельника Георгия точно не известно.

¹⁷¹ - Преподобная Мария Египетская († VI в.; память 1 (14) апреля) была в молодости блудницей. Присоединившись к паломникам, шедшим в Иерусалим, обратилась к вере и прожила 47 лет в покаянии, в пустыне Иорданской. Авва Зосима Палестинский, отшельник († VI в.; память 4 (17) апреля) подвизался в монастыре в Кесарии 53 года, с самого детства, затем, как указал ему Ангел Господень, перешел в Иорданский монастырь. Подвизаясь в Иорданской пустыне, повстречал преподобную Марию Египетскую, исповедал и причастил ее перед смертью, похоронил в пустыне, как указала подвижница. Возвратившись в монастырь, авва Зосима рассказал о том, что видел и слышал. Сам подвижник продолжил подвизаться в обители Иорданской, где и скончался в возрасте около ста лет.

¹⁷² - Поместный Руисо-Урбнийский Собор – был созван по инициативе святого благоверного царя Давида Строителя 1103 г.; проходил на поле между двумя городами – Руиси Урбниси. Постановления этого Собора сохранились, они касаются упорядочения внутренней жизни Церкви и поднята нравов священства и народа.

¹⁷³ - Память преподобного Арсения Икалтойского († 127) 6 (19) февраля.

¹⁷⁴ - Память преподобного Шио Мгвимского – 9 (22) мая, четверг сырной седмицы, 7 (20) мая.

¹⁷⁵ - Святой Иоанн Креститель, Предтеча († 29) – сын священника Захарии и Елизаветы, ближайший предшественник предвестник Иисуса Христа, приготавливавший народ к Е принятию; мученически окончил свою жизнь. Иисус Христ сказал о нем: «... из рожденных женами не восставал больше Иоанна Крестителя» (Мф.11:11), «... нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя» (Лк.7:28). Память 23 сентября (6 октября) – зачатие Иоанна; 24 июня (7 июля) – день рождения; 29 августа (11 сентября) – усекновение главы Иоанна Предтечи; 7 (20) января – первое обретение главы; 24 февраля (9 марта) второе; 25 мая (7 июня) третье; 12 (25) октября – праздник перенесения десницы; неделя св. отец.

¹⁷⁶ - Память преподобного Сисоя Великого († 429) 6 (19) июля, суббота сырная.

¹⁷⁷ - Преподобный Исаак Сирин, епископ Ниневийский († VII) – подвижник, учитель монахов, духовный писатель. В юности принял монашеский образ в монастыре святого Матфея. Усовершенствовавшись в добродетели, удалился в пустынную келью на большом расстоянии от обители. По просьбе жителей Ниневии стал их епископом, но через несколько месяцев снова удалился в монастырь. Оставил 7 томов об управлении духовном, о божественных тайнах, о судах и благочинии. «Св. Исаак всю жизнь свою посвятил уединенному изучению души своей, и ничьи поучения не исполнены таких глубоких психологических сведений, как поучения св. Исаака» (по словам преосвященного Филарета Черниговского). Память 28 января (10 февраля).

¹⁷⁸ - 2Кор.6:10.

¹⁷⁹ - См.: Мф.17:4.

¹⁸⁰ - Катафатическая теология (от греч. – утвердительный) допускает описание Бога посредством позитивных утверждений, атрибутов и обозначений, употребление которых по причине

трансцендентности Бога мыслятся неизбежно метафорически. В силу так называемой аналогии бытия такой метод признается оправданным. Обычно в теологии апофатика и катафатика дополняют друг друга.

¹⁸¹ - Апофатическая теология (от греч. – отрицательный) стремится выразить абсолютную трансцендентность Бога путем последовательного отрицания всех Его атрибутов и обозначений, устраняя одно за другим представления и понятия о Боге, как неадекватные Ему. Апофатическая теология была разработана святым Дионисием Ареопагитом.

¹⁸² - См.: Исх.3:14.

¹⁸³ - См.: 1Ин.4

¹⁸⁴ - См.: Ин.14:6.

¹⁸⁵ - См.: Мф.21:12–13; Мк.11:15–17; Ин.2:14–16

¹⁸⁶ - См.: Мф.10:9–10.

¹⁸⁷ - См.: 3Цар.17:4–6. Память Илии Фесвитянина, пророка († IX до Р.Х.) (3Цар.17–21; 4 Цар.гл.1; 2:1–12) – 20 июля (2 августа), неделя св. отец, неделя св. праотец.

¹⁸⁸ - Мф.17:4.

¹⁸⁹ - Исх.14:16,

¹⁹⁰ - 4Цар.2:13–14.

¹⁹¹ - Святому Герасиму Иорданскому († 475), подвизавшемуся в монастыре в пустыне Иорданской, служил лев, которому этот пустынный исцелил больную лапу. Память 4 (17) марта; суббота сырная.

¹⁹² - 1Цар.4

¹⁹³ - Пшавы, хевсуры – этнографические группы грузин-горцев.

¹⁹⁴ - Святитель Савва I – предстоятель и первый Архиепископ Сербской Автокефальной Церкви, которая до этого представляла собой епархию Константинопольского патриархата. Скончался в Болгарии 12 января 1237 г. Вскоре мощи его были перенесены в Сербию. В 1595 г. святые мощи архиепископа Саввы были сожжены турками. Память 12 (25) января и 30 августа (12 сентября).

¹⁹⁵ - Неемия – выдающийся религиозный и государственный деятель, которому Иудея во многом обязана своим возрождением. Вместе с Ездрой занимался благоустройством своего народа, возвышал его нравственно-религиозное состояние, восстанавливал разрушенные после вавилонского плена стены Иерусалима и храм (Неем., гл.2,3,4,6). Строгими и мудрыми мерами он освободил евреев от всего чужеземного и восстановил порядок в священнослужении. Ездра (1Езд.7:1) – потомок первосвященника Хелкии, жившего во дни царя Иосии; происходил из рода Ларонова, был благочестивым и ученым (1Езд.7:6) священником, жившим в Вавилоне при царе Артаксерксе Лонгимане (1Езд.7:7). Участвовал в освящении восстановленной стены Иерусалимской (Неем.12:26–36).

¹⁹⁶ - Леонид I – царь древнегреческого города-государства Спарта (491–480 до Р.Х.), защищавший с 6.000 воинов Фермопильский проход при наступлении персов. Погиб в битве.

¹⁹⁷ - Шах-Аббас I (1571–1629) – шах Ирана (с 1587 г.) из династии Сефевидов. Перевел столицу в Исфаган. Успешно завершил войны с Бухарой и Турцией, восстановив иранское господство в Закавказье. При нем Иран достиг наибольшего политического могущества.

¹⁹⁸ - Иов – ветхозаветный благочестивый страдалец, в Библии характеризуется как непорочный, справедливый, богобоязненный и удалявшийся от зла (Иов.1:1), твердый и непоколебимый в вере в Бога. В страданиях Иова Церковь видела прообраз страждущего Господа и издревле постановила читать его книгу в первые четыре дня Страстной седмицы. Память многострадального Иова 6 (19) мая.

¹⁹⁹ - Георгий Саакадзе (ок. 1580–1629) – политический и военный деятель, менявший свои ориентации: боролся на стороне Ирана против грузинских царей, а затем на стороне Грузии против Персии. Принял мусульманство шиитского толка, потом возвратился к христианству, а затем снова принял ислам суннитского толка. Бежал в Турцию, где был казнен по распоряжению паши.

²⁰⁰ - Давид VII Улу (монгольск. «улу» – старший) – грузинский царь (1247–1270) из рода Багратиони, сын царя Георгия IV Лаши (1213–1222).

²⁰¹ - Ишхан (армянск. – князь) – представитель аристократии, знати.

²⁰² - Память святого Пимена Юродивого (Салоса) († XIII), просветителя лезгин, – 16 (29) марта.

²⁰³ - Нафан († X в. до Р.Х.) – ветхозаветный пророк (2Цар.7:2–4; 2Цар.12:1–25; 3Цар.1, и др.), занимавший видное положение в царствование Давида и Соломона и бывший по крайней мере в трех случаях непосредственным орудием сообщения между Богом и царем (2Цар.7:1–17; 2Цар.12:1–14; 3Цар.1:8–40). Память 30 июля (12 августа), 29 декабря (11 января), неделя св. отец, неделя св. праотец.

²⁰⁴ - Святой царь Ашот I Куропалат из рода Багратиони († 826) после завоевания Картли арабами образовал грузинское царство в южной провинции Грузии – Тао-Кларджети (787 г.). Царь в союзе с Византией боролся против арабов и постепенно распространил свою власть над всей Южной Грузией, а затем присоединил значительную часть Картли; Получил от византийского Императора высокий титул «кл ропалата». В одном из походов против арабов был изменнически убит в храме. Грузинская Православная Церковь отмечает день памяти мученика Ашота Куропалата 29 января (11 февраля).

²⁰⁵ - Преподобный Григорий Хандзтели и его ученики в широких масштабах осуществляли храмостроительство, основывали новые монастыри и восстанавливали старые. В монастырях Юго-Западной Грузии, называемых «грузинским Синаем», переводились святоотеческие творения и богослужебные книги, литургическая гимнография достигла большого расцвета. Сам преподобный переписал весь свод богослужебных Миней. Преподобный Григорий был поставлен архимандритом всех монастырей Тао-Кларджети. Преподобный Григорий преставился в 861 г. Память преподобного Григория Хандзтели, архимандрита, – 5 (18) октября.

²⁰⁶ - Святой Цотнэ Дадияни – один из участников заговора против монголов, захвативших Грузию (1243). Монголы оставили в Грузии царскую власть неприкосновенной, но на престол царя утверждал монгольский хан. Страна избежала кровопролития и сохранила свою целостность; но монголы обложили население тяжелой данью, которую постоянно увеличивали. Грузины не могли мириться с разорением своей страны и стали готовиться к восстанию. Заговор был раскрыт через предательство, и все участники были схвачены на месте совещания, кроме Цотнэ Дадияни, который ушел раньше. Арестованных князей отвезли в армянский город Ани, в ставку монголов, их раздели до пояса и бросили связанными на площади, где пленники несколько дней находились на солнцепеке, ожидая смерти. Цотнэ Дадияни, узнав об этом, отправился в Ани, снял с себя одежду и сел рядом со своими единомышленниками, чтобы разделить постигшую их участь. Удивленным монголам он ответил: «Если страдают невинные, то и я буду мучиться с ними». Отважный поступок Цотнэ убедил монголов в невинности грузинских князей, и они освободили всех пленных. Грузинская Церковь причислила исповедника Цотнэ Дадияни к лику святых. Память 30 июля (12 августа).

²⁰⁷ - Теймураз I (1589–1663), царь Кахети в 1606–1648 и Картли в 1625–1632, сын святой царицы Кетеван. В 1648 г. в сражении с персами потерял сына Давида, был вынужден покинуть Кахети и укрыться в Имерети; в 1653 г. отправил в Москву внука Ираклия, своего единственного оставшегося в живых наследника, а в 1658 г. сам отправился в Москву. Не получив от России помощь, вернулся в Имерети и постригся в монахи. Вскоре Теймураз I был схвачен и доставлен в Иран, за отказ принять мусульманство заключен в Астрабадскую крепость, где он скончался. Был одним из видных поэтов своего времени (особенно известна его историческая поэма «Кетеваниани», в которой описывается мучение его матери – святой царицы Кетеван).

²⁰⁸ - Шираз, расположенный на 935 км ниже Тегерана, был одним из самых важных городов в средневековом исламском

мире и резиденцией персидских правителей, славился как средоточие науки и поэзии.

²⁰⁹ - См.: Мф.27:27–30; Мк.15:16–20; Ин.19:1–3.

²¹⁰ - См.: Быт.4:10–12.

²¹¹ - См.: Лев.1:3–17.

²¹² - Суфий (от араб, суфи, буквально – носящий шерстяные одежды) – последователь суфизма, мистического течения в исламе, возникшего в VIII -IX вв. на территории современного Ирака и Сирии. Для суфизма характерны сочетание метафизики с аскетической практикой, стремление к интуитивному познанию, «озарениям», экстазу, достигаемому путем особых танцев или бесконечного повторения молитвенных формул, «умерщвление плоти».

²¹³ - Улус – группа кочевых племен.

²¹⁴ - Во время осады города Вавилона Навуходоносор «вывез оттуда все сокровища дома Господня... и изломал... все золотые сосуды, которые Соломон, царь Израилев, сделал в храме Господнем» (4Цар.24:13). Валтасар, сын Навуходоносора и последний царь Вавилонский из Халдейской династии, устроил пиршество и кощунственно пил вино со своими гостями из золотых и серебряных сосудов, похищенных Навуходоносором из храма Иерусалимского (Дан.5 гл.). За это святотатство царству Валтасара пришел конец. Персы беспрепятственно вошли в оставленный без всякого надзора, при всеобщем опьянении, город и без сопротивления завладели им. «В ту же самую ночь, – говорит пророк Даниил, – Валтасар, царь Халдейский, был убит» (Дан.5:30).

²¹⁵ - Великомученик Бидзина, мученики Шалва и Элизбар Ксанские – грузинские князья, освободившие от персов Кахети. Замучены в 1660 г. 18 сентября (1 октября).

²¹⁶ - Ахмета – кахетинское село в верховье реки Алазани, расположенное в том самом месте, где эта река вырывается из теснины Панкисского ущелья.

²¹⁷ - Вахтанг V – грузинский царь в 1658 –1675 гг.

²¹⁸ - Хафиз (Хафиз Ширази) Шамседдин (ок. 1324–1390), – персидский поэт, выходец из городских слоев общества; в

образах земной любви пытался выразить экстатическую любовь к божеству,

²¹⁹ - В арабской и персидской изящной словесности основными поэтическими формами являются ода (касыда), лирический стих (газель), четверостишие (рубай, или рубайат) и эпическая поэма (маснави; перс, месневи).

²²⁰ - Шариат (араб, шариа, букв. – надлежащий путь) – свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенных исламом и обязательных для всех мусульман.

²²¹ - Исфаган (Испагань) – город в Персии, в провинции Ирак-Аджеми, на реке Сажен-де-Руд, 1698 м над уровнем моря. В XVI-XVIII вв. был резиденцией шахов с замечательными постройками и населением более полумиллиона жителей; с XVIII в. большая часть в развалинах.

²²² - Память великомученика Иакова Персиянина († 421) – 27 ноября (10 декабря).

²²³ - Священномученик Игнатий Богоносец был вторым епископом Антиохии. Во время вспыхнувшего при императоре Траяне (98–117) гонения на христиан был замучен и казнен в Риме в 107 г. Память 29 января (11 февраля), 20 декабря (2 января), суббота сырная.

²²⁴ - См.: Мк. 6:27–28 на церковнославянском языке (в Синодальном переводе – оруженосец).

²²⁵ - Мощи великомученика Бидзины, мучеников Шалвы и Элизбара почивают в Икортском храме Святых Архангелов, который находится в Ксанском ущелье Шида Картли. В VII в. на этом месте была построена церковь Святых Архангелов. Впоследствии храм был превращен в монастырь князьями Эристави, которым принадлежала эта местность. Сохранился величественный Икортский храм, где находится место погребения мучеников и остатки древнего монастыря. III.

²²⁶ - Сиф – третий сын Адама (Быт.4:25,5:3), предок Еноса, Каинана, Малалеила, Иареда, Еноха, Мафусала, Ламеха, Ноя (5:6 –29). В Сифе было положено основание новому благочестивому племени, противоположному потомкам Каина.

Потомки Сифа в Библии именуются «сынами Божиими», в отличие от нечестивых потомков Каина, которых называли «сынами человеческими».

²²⁷ - Каин (Книга Бытия, гл.4) – старший сын Адама, занимавшийся земледелием. Каин совершил первое преступление на Земле – убийство своего родного брата Авеля, «пастыря овец», из зависти: «И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел» (Быт.4:4–5). За братоубийство Каин был проклят Богом и отмечен особым знаком – «Каиновой печатью»: «И сделал Господь Каину знамение, чтоб никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт.4:15). Потомки Каина в течение всей допотопной эпохи представляли особую ветвь человечества, давшую начало земной культуре (Иувал «был отец всех играющих на гуслях и свирели», Иавал «был отец живущих в шатрах со стадами», Тувалкаин «был ковачем всех орудий из меди и железа» (Быт.4:20–22)), и вместе с тем отличавшуюся порочностью и богоборчеством.

²²⁸ - Августин Блаженный (354–430) – епископ Гиппонский с 395 г., знаменитый богослов; прошел через увлечение манихейством, скептицизмом и неоплатонизмом. «Исповедь» святого Августина является выдающимся памятником христианской антропологии. Боролся с манихейством, донатизмом, пелагианством, язычеством. Вплоть до Фомы Аквинского (XIII в.) был самым значительным авторитетом в католицизме. Развил идею свт. Амвросия Медиоланского о двух градах: граде земном, основанном на любви к себе, доведенной до презрения к Богу, и граде Божьем, зиждущемся на любви к Богу, доведенной до презрения к себе. Государственную власть характеризовал как «большую разбойничью шайку», тем не менее необходимую. После себя оставил 93 сочинения в 132 книгах. Память 15 (28) июня, 24 апреля (7 мая), 28 августа (10 сентября).

²²⁹ - Миннезингеры – певцы любви – немецкие средневековые поэты-певцы, авторы-исполнители произведений рыцарской лирики XII -XV вв. Воспевали любовь и рыцарские обычаи. Поэзия была проникнута мистикой,

нередко с налетом пантеизма и гностицизма, и носила изысканный, ирреальный характер культа «служения прекрасной даме».

²³⁰ - Трубадуры – провансальские (Юж. Франция) поэты-певцы XI -XIII вв., пользовавшиеся европейской славой. Изысканная лирика трубадуров в основном воспевала воинские подвиги, рыцарскую куртуазную любовь и радости жизни, однако нередко под этими образами скрывались прообразы метафизического мира. В некотором смысле можно говорить о влиянии суфизма на поэзию трубадуров.

²³¹ - Иллюминаты (от лат. – просветленный) – члены тайных религиозных сект, затем религиозно-политических обществ в Испании, во Франции и Бельгии в XVII -XVIII вв. Учение иллюминатов о внеземном происхождении света и его значение для человека имеет не христианский, а оккультный характер.

²³² - Розенкрейцеры – члены тайных обществ религиозно-мистического характера в XVII-XVIII вв. в Германии, а также в России, Нидерландах. Название происходит от легендарного основателя Христиана Розенкрейцера (ученика мусульманских магов) или по эмблеме – розе и кресту (имеющей каббалистическую зашифровку). Занимались под видом нравственного совершенствования оккультными науками: черной магией, каббалистикой, алхимией, поисками «философского камня», «жизненного эликсира» и др. Берлинские розенкрейцеры, группировавшиеся вокруг короля Фридриха Вильгельма II, занимали государственные посты. С берлинскими розенкрейцерами были связаны масоны в России. В начале XX века гроссмейстером розенкрейцерского ордена был известный оккультист Рудольф Штайнер.

²³³ - Каббала (евр. – предание, традиция) – устная передача религиозных заповедей, сложившаяся у евреев до появления письменно изложенных законов религии. В узком смысле, каббала – собрание сочинений мистического характера, самое раннее из которых, Книга Иециры, относится к VIII или IX в., а самое позднее и наиболее важное, Книга Зогара, – к периоду ок. 1200 г. Каббала проповедует возникновение мира из энсофа (греч. – первоединое). Из него происходят 10 сефиротов

(числа, формы, потоки света), из которых образовался прообраз земного мира и земного человека, Адама-Кадмона (евр. – первый человек). Из первомира возникают бриа (мир форм), иецира (мир ангелов) и асия (мир материи). Человек (умом, душой, жизненной силой) принадлежит ко всем трем царствам. Каббала проповедует переселение душ. Т. н. каббалисты, считавшиеся колдунами, верили, опираясь на Книгу Иециры (согласно которой в 22 буквах заключена основа всех вещей), что чудодейственные амулеты и формулы обладают целебными свойствами. Современная каббала подразделяется на теоретическую (иунит) и прикладную (маасит). Главной тайной каббалы является сокровенное, неизреченное Божество, которое выше всякого определения как ограничения, и может быть названо только как Эйн Соф («ничто» или «Бесконечное»). Прикладная каббала служит вспомогательным средством для «очищения и возвышения души», и связь между ней и умозрительной каббалой – общее признание мистического смысла библейских букв и имен. Относясь к Библии как к шифрованному тексту и применяя различные шифры, каббалисты пытаются угадать сокровенное и предсказывать будущее, и через различное употребление Божиих имен каббалисты совершают различные «чудеса».

²³⁴ - Мантра – короткая магическая формула, возникшая в обрядах индуистских жрецов и близкая шаманским заклинаниям, звучание которой определяет для каждого новообращенного его наставник.

²³⁵ - Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – священник, выдающийся, но не ортодоксальный мыслитель, ученый, обладающий разносторонними энциклопедическими знаниями, которого современники называли «русским Леонардо Да Винчи». Окончил физико-математический факультет Московского университета и Московскую Духовную Академию. В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «О духовной истине», основу которой составил труд «Столп и утверждение истины» без главы «София», изъятой по совету ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского). Понятие «Софии, Премудрости Божией» было фундаментальным для всей

философии Флоренского. Персонализация Софии – наделение ее самостоятельным бытием – выдвигает догматическую проблему соотношения Софии с Тремя Ипостасями Пресвятой Троицы. Тем не менее и Флоренский, и Вл. Соловьев настаивали на ипостасности, личности Софии, например Флоренский определял ее как «Ипостасную Систему миротворческих мыслей Божиих» (Флоренский П. А. Соч.: в 2 т. Т.1: Столп и утверждение истины. М., 1990. Ч.1. С.332). Особенности мировоззрения Флоренского всегда были предметом обсуждений. Недоумение вызывал прежде всего тот факт, что в его теодицее «странным образом нет Спасителя» (Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 497). Далее, он черпал свои идеи из самых различных источников, в том числе платонизма и оккультизма, и включил в курс истории философии МДА, где был профессором, раздел об оккультизме. Общее впечатление о нем хорошо выразил Н. Бердяев в статье «Стилизованное Православие (отец Павел Флоренский)»: «Все кажется, что свящ. Флоренский – оторвавшийся декадент и потому призывает к бытовой простоте и естественности, – духовный аристократ и потому призывает к церковному аристократизму, – что он полон греховных склонностей к гностицизму и оккультизму в потому так непримиримо истребляет всякий гностицизм и оккультизм» (Собр. соч.: В.4 т. Т.3: Типы религиоз-ной мысли России. Париж, 1989. С. 714). Книга Флоренского «Имена» написана с позиции оккультизма и «магии имени», где имя представляет собой определенную инициацию, определяющую характер и судьбу человека. В 1933 г. отец Павел Флоренский был арестован, год отбыл в Бамлаге, где занимался научными исследованиями вечной мерзлоты, в 1934 г. был переведен в Соловецкий лагерь. Здесь он осуществил ставшие сегодня знаменитыми исследования о добыче йода из водорослей. Здесь же 8 декабря 1937 г. был расстрелян.

²³⁶ - Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – представитель немецкой классической философии, пантеист, создатель идеалистической теории диалектики. Начал писать философские произведения еще будучи студентом-теологом,

причем настроенным к христианству очень критически. Вскоре критичность эта переросла во враждебность. Он мечтал о республике, в исторически-конкретном христианстве видел социальное зло, корень же этого зла – в авторитарности, «принудительной вере» христианства. Обществу, по его мнению, необходима религия, поскольку она поддерживает нравственность, но она должна быть лишена теологической догматики, клерикальноеTM и фанатизма. Такая религия имела место в античных республиках, казавшихся ему «политическим раем», но своим именем – язычество – Гегель проповедуемую им религию назвать не решился, а называл ее «религией откровения», христианством, просветленной философией, и «народной религией». Всемирно-историческими народами он считал в прошлом греков и римлян, в настоящем – германцев. Гегель оказал огромное влияние на марксистскую философию, экзистенциализм и др. Умер от холеры.

²³⁷ - «Многоглавы» – обширные сборники на грузинском языке, которые можно назвать антологией патристики и богословия. Первые «Многоглавы» относятся к V -VI вв. и включают в себя как оригиналы грузинских авторов (например, Иоанн, епископ Болнисский), так и переводы с греческого (например, святых Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Прокла Константинопольского и др.) и, кроме того, содержат литургические календари. «Многоглавы» имели самое разнообразное применение и служили пособиями для храмовой проповеди, преподавания в духовных школах и самообразования.

²³⁸ - Католикос-патриарх Антоний I происходил из царского рода Багратиони, был племянником Теймураза II (1700 –1762), царя Кахети (1744–1762). Занимал патриарший престол дважды: в 1744–1756 и 1763–1788 гг. При нем были открыты духовные семинарии в Тбилиси и Телави, просуществовавшие до нашествия Ага Мамед-хана на Грузию. Но духовное образование в Грузии не прекращалось, оно осуществлялось в монастырях и при храмах, включая сельские храмы.

²³⁹ - Агностицизм (от греч. – неизвестный, недоступный познанию) – философское учение о непознаваемости истинного

бытия, т. е. о трансцендентности божественного, в более широком смысле – о непознаваемости истины и объективного мира, его сущности и закономерностей. Начала агностицизма можно обнаружить уже в античной философии, в частности у Протагора, софистов, в античном скептицизме. Первоначальные формы возникли в связи с обнаружением несовершенства, изменчивости знания. Осознание этого факта и породило скептицизм, а его крайней формой выступил агностицизм – принципиальное отрицание возможности проникновения разума в подлинную суть вещей. Последовательный агностицизм представлен в учениях Дж. Беркли и Д. Юма.

²⁴⁰ - Солипсизм (от лат. – один и сам) – философское направление, согласно которому единственно существующим является только субъективное «я» и содержание его сознания. Шопенгауэр считал, что представителей крайнего солипсизма можно обнаружить только в доме для умалишенных. Но, однако, имеется и умеренный солипсизм, признающий сверхиндивидуальное «я» как носителя содержания сознания, а также методический солипсизм, который, как у Декарта и Дриша, начинается с крайнего солипсизма, для того чтоб от него двигаться к вне «я» существующей действительности.

²⁴¹ - Спиноза Бенедикт (Барух; 1632–1677), нидерландский философ, пантеист. Из семьи купца, принадлежавшего к еврейской общине. Учился на раввина в еврейском религиозном училище, но не окончил его. Испытал влияние философии элейтов, стоиков, из современников – Декарта, сблизился с республиканцами, коллегиянтами и меннонитами, за что было отлучен от синагоги в возрасте двадцати четырех лет. Стал изгоем для своего народа, удалился в село и начал заниматься ремеслом – шлифовкой линз. В тридцать восемь лет анонимно опубликовал «Богословско-политический трактат», враждебный как христианству, так и иудаизму; авторство его было раскрыто, и началось преследование Спинозы, как врага религии. Бог в его учении деперсонализируется и дезантропо-морфируется, Он не обладает никакой творческой силой и отождествляется с субстанцией и природой вообще. В системе Спинозы пантеизм достигает кульминации, ценность Священного Писания в деле

познания истины решительно отвергается. Чудо называется у Спинозы чистым абсурдом, а человеческая свобода – единственной основой нравственности. Расчет выгоды объявляется рычагом и жизненным нервом всех человеческих действий. Спиноза считается основоположником рационалистической критики и предшественником французских просветителей и атеистов XVIII в. Спинозизм стал синонимом крайнего пантеизма, вырождающегося в атеизм.

²⁴² - Протагор из Абдеры (ок. 480 до Р.Х. – ок. 410 до Р.Х.) – древнегреческий философ, основатель школы софистов. Разъезжал по Греции с пропагандой своего учения, одно время был близок к Периклу и Еврипиду, обвинялся в атеизме: в 411 г. его книга о богах была сожжена в Афинах. Устраивал публичные диспуты, брал плату за обучение, ввел в оборот софизмы. Прославился своим тезисом: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Тезис софистов «неправое дело выставить правым» или «более слабый аргумент выставить более сильным» мастерски применялся Протагором. Протагор делал следующий вывод из учения последователей Гераклита о всеобщей текучести вещей: если все меняется каждое мгновение, то все существует лишь постольку, поскольку может быть схвачено индивидом в тот или иной момент; обо всем можно сказать как что-то одно, так одновременно и нечто иное, ему противоречащее. «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду». По-видимому, признавал существование и богов, и мира в целом, но в противоположность древней натурфилософии отрицал возможность достоверного познания объективного мира и признавал только текучесть чувственных явлений. В этике и политике являлся сторонником как бы некоторого прагматизма: если мы не знаем истины, то можем знать, что полезно, об этом нам говорят естественное право и государственные законы; так, законодательство необходимо, поскольку в нас с самого начала вложены богами «справедливость» и «стыд». Имеются сведения о занятиях Протагора грамматикой, риторикой и художественным воспитанием. Трактаты до нас не дошли.

²⁴³ - Софисты (от греч. – мудрец, знаток, мастер) – первоначально, в классической Греции, так назывались мыслители и мудрецы, позднее – учителя красноречия. Наиболее значительные представители – Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, Антифонт, Критий. Влияние софистов заметно не только у Сократа, Платона и Аристотеля, у представителей мегарской школы и киников, но и во всей философии эллинизма, включая неоплатонизм. Благодаря стремлению добиваться в споре победы любой ценой софисты превратили спор в пустую, хитроумную, кажущуюся мудрость (софистика, софистический в отрицательном смысле слова). Со времен Сократа софисты имели дурную славу, пока наконец во времена Гегеля и Ницше не заслужили лучшей репутации в результате выяснения их значения для практической педагогики.

²⁴⁴ - Ср.: 3Езд.5:8.

²⁴⁵ - Ницшеанство – это не только абстрактно-философская система, но непосредственное отношение к жизни, человечеству и миру. Ницше Фридрих Вильгельм (1844–1900), известный немецкий философ, своим демоническим талантом и литературно-поэтическим даром воздействовал на всю современную культуру – литературу, искусство и вообще на духовную жизнь людей, способствуя своей идеологией политическим катаклизмам XX века. Ницше считал себя гением, который волей судьбы послан в этот мир, чтобы показать неумолимую истину о конце метафизики, о смерти Бога, о том, что настал черед переоценки всех ценностей и что следующее время будет временем сверхчеловека – субъекта «новой морали», не обремененного какими-либо классическими представлениями о добре и зле. Нигилизм (от лат. – ничто; отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной и государственной жизни), по Ницше, должен привести к отказу от всех высших ценностей. Наступило такое время, когда человечество уже подошло к этому отказу, оно уже созрело. Радикальный нигилизм состоит не только в отрицании всех ценностей, но в уничтожении самого места, которое служит вместилищем этих ценностей. Метафизический, сверхчувственный мир, по мнению Ницше,

создает это самое место, которое в разные времена занимали мир идей, моральный и категорический императив, прогресс, культура, цивилизация. По Ницше, в этом мире, где нет никакого постоянства и устойчивости «вещей», само познание обречено оставаться лишь средством полезной для субъекта выработки фикций которые позволяют ему выжить и осуществить свою «волю к власти». «Воля к власти» выступает у Ницше движущим началом мира. Психическая болезнь, мучившая Ницше, перешла к концу его жизни в агрессивное безумие; он умственно деградировал, его творческий потенциал был исчерпан. Последние годы провел в психиатрических больницах, умер оставленный всеми, кроме нескольких его почитателей и друзей.

²⁴⁶ - Мефистофель – дьявол, образ злого духа в фольклоре и художественном творчестве народов Европы; литературный персонаж в немецкой народной книге «Повесть о докторе Фаусте..», опубликованной в 1587 г., в «Фаусте» Гете и др. спутник и искушитель Фауста, предлагающий ему власть, знания, земные блага в обмен на душу.

²⁴⁷ - См.: Быт.6:3.

²⁴⁸ - Мысль о том, что Ной прежде восшествия своего в ковчег призывал людей к покаянию и исправлению своей жизни, высказывается у святителя Феофила, епископа Антиохийского (†188; память 6 (19) декабря) – «К Автолику».

²⁴⁹ - Гекатомба (от греч. – сто и бык) – в древней Греции жертвоприношение, первоначально состоявшее из 100 быков; впоследствии гекатомбой называли всякое общественное жертвоприношение. В переносном смысле – огромные жертвы войны, террора, эпидемий.

²⁵⁰ - См.: Притч.23:26.

²⁵¹ - Мф.5:3–11

²⁵² - См.: Преподобного Исаака Сирина Слова подвижнические. Слово 13. О вопросе одного брата.

²⁵³ - См.: Откр.20:1–3.

²⁵⁴ - Пророк Иона – пятый из 12-ти малых пророков, преемник пророка Елисея. Родился в Гефахове Галилейском

(около будущего Назарета). Пророчествовал во второй половине VIII в. до Р. Х. в Ниневи, столице Ассирии, куда послал его Господь. См.: Иона 3:3–10. Память 22 сентября (5 октября); неделя св. отец; неделя св. праотец.

²⁵⁵ - Святитель Григорий Палама родился в 1296 г. в Малой Азии. В 1336 г. в скиту св. Саввы на Афоне, близ Лавры преподобного Афанасия, он занялся богословскими трудами, которых не оставлял до конца жизни. 27 мая 1341 г. Константинопольский Собор принял положение св. Григория Паламы (против ереси монаха Варлаама) о том, что Бог, недоступный в Своей Сущности, являет Себя в энергиях, которые обращены к миру и доступны восприятию, как Фаворский свет, но являются не чувственными и не сотворенными, а вечными энергиями Божества. Учение Варлаама о сотворенных энергиях и Фаворском свете, как метеорологическо-атмосферном явлении, было осуждено как ересь, а сам он был предан анафеме. В 1344 г. Патриарх Иоанн XIV Калека, приверженец Учения Варлаама, отлучил св. Григория от Церкви и заключил в темницу. В 1347 году, после смерти Иоанна XIV, св. Григорий был освобожден и возведен в сан архиепископа Солунского. В одну из его поездок в Константинополь византийская галера попала в руки турок, и святителя в течение года продавали на невольничьих рынках в различных городах. Лишь за три года до кончины св. Григорий вернулся в Солунь. Память святителя Григория Паламы († ок.1360), архиепископа Солунского (Фессалоникийского), 14 (27) ноября; 2-е воскресенье Великого поста.

²⁵⁶ - Преподобный Нил Мироточивый, Афонский, иеромонах († 1651) – подвижник, превзошедший своими подвигами многих отцов древности, преподобный. Родился в Греции, в селении, носящем имя святого Петра, Законийской епархии. Рано потерял родителей, воспитывался дядей, иеромонахом Макарием. Принял монашеский постриг и удалился на Афон, где подвизался на месте, называемом Святые Камни. Позже поселился в неприступной пещере на отвесной скале над морем. По отшествию к Господу преподобный был прославлен обильным истечением по отвесной скале (ок. 130 м над уровнем

моря) целительного мира, за которым приезжали христиане из самых отдаленных стран Востока. Имя преподобного Нила Мироточивого еще более стало известно после его явления из загробного мира афонскому иноку Феофану в 1813 –1819 гг., когда в нескольких беседах поведано было ему преподобным Нилом все то, что потом было написано в книге «Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого». В этой книге с самых различных сторон рассматривается духовная жизнь христианина, и, в частности, монашеская, много говорится о последних судьбах нашего земного мира. Эта книга вызвала разноречивые мнения и толки. Не все на Афоне признают ее за подлинные слова преподобного Нила. Память в день его кончины 12 (25) ноября и в день перенесения его святых мощей 7 (20) мая.

²⁵⁷ - Преподобный Симеон Новый Богослов, игумен (949 – 1022) – один из величайших право-славных подвижников мистиков и созерцательных богословов. Оставил множество общехристианских и подвижнических сочинений, переписанных его учеником Никитой Стифатом. Ему принадлежат 92 Слова, деятельные и богословские главы, вошедшие в русское Добротолюбие. Известен своей духовной поэзией, создал 60 Божественных гимнов мистического и богословского содержания. Преставился святой после 30 лет пребывания в безмолвии. Мощи его открыты в 1050 г. Память 12 (25) марта.

²⁵⁸ - Преподобный Сергей Радонежский (в миру Варфоломей; † 1392) – великий подвижник, преобразователь монашества на Руси, игумен. В житии св. Сергия рассказывается, что, еще находясь в материнской утробе, когда его мать молилась в храме, младенец трижды издал голос, по преданию это была молитва, называемая Трисвятое. И родители, и приходский священник поняли это необычайное явление как знак, что младенец прославит своею жизнью Святую Троицу. Подобное предзнаменование имело место и в детские годы Варфоломея: однажды, когда он пас лошадей своего отца, он увидел таинственного странника, который благословил его и предрек, что он прославит Бога своею жизнью. С юности его тянуло к подвигам уединенной

пустынножизни. В 1337 г. состоялся постриг юного подвижника, которому было всего двадцать три года, в иноческий чин с наречением имени Сергия. Более года Сергий провел в полном одиночестве, преодолевая непрестанною молитвою и трудами искушения помыслами и страхом от Диких зверей. Слух о его подвижнической жизни разошелся по окрестностям, и около него начали селиться любители Уединения. Постепенно создался поселок, принявший вид киновии, где каждый отшельник жил в своей собственной келье, собираясь вместе только к богослужению. Затем киновия начала принимать вид настоящего общежительного монастыря, возрастая и числом насельников, и духовными силами. Чистые молитвенные возношения в горний мир снискали преподобному особое благоволение Матери Божией, Которая его удостоила чудесными посещениями. Отдавая почти все ночное время молитвенным подвигам, св. Сергий целыми днями трудился на благоустройство обители: сам рубил деревья, таскал бревна, колол дрова, носил воду, пек просфоры, варил квас, катал для церкви восковые свечи, кроил и шил одежду и обувь, будучи поистине всем слугою. Вместе с тем известно, что преподобный, несмотря на просьбы братии, долго не хотел принимать по смирению ни сана священника, ни игуменства, и только угроза насельников монастыря, что если он не согласится исполнить их желание, то они разойдутся, заставила его исполнить их просьбу. Св. Сергий умел действовать «тихими и кроткими словами» на самые жестокие и загорелые сердца. Благодаря ему князья соединились перед Куликовской битвой, признав главенство Димитрия Донского. Св. Сергий благословил Димитрия перед битвой, предсказал ему победу и дал двух иноков Пересвета и Ослябю. Св. Сергий основал, кроме Свято-Троицкого Сергиева монастыря, еще несколько обителей, а его ученики учредили до 40 монастырей на севере Руси. Память преподобного Сергия Радонежского 25 сентября (8 октября), 5 (18) июля, 6 (19) июля.

²⁵⁹ - Преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891) – иеромонах, старец (с 1860 г.) Козельской Введенской Оптиной пустыни. Пришел в монастырь

в 1839 г., когда Оптиное старчество было уже в расцвете, проходил послушание у опытных наставников. После сильнейшей простуды до конца своих дней не мог оправиться от недуга и, прикованный к постели, был списан за штат. Строго следуя духу святоотеческого предания, приобрел большое уважение своим аскетизмом и смирением. Множество людей всех сословий, званий и положения обращалось к нему за духовной помощью и за исцелением от болезней, его посещали Гоголь, Достоевский, Л. Н. Толстой, Бл. Соловьев, И. Киреевский. Его стараниями был устроен ряд женских монашеских общин и благотворительных заведений. Память 10 (23) октября, 27 июня (10 июля) празднование обретения мощей (1998 г.).

²⁶⁰ - Преподобный Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин; 1754 (или 1759) – 1833) – великий подвижник Русской Церкви. Родился в г. Курске в благочестивой семье. Еще в юности решил посвятить жизнь Богу, уйти в монастырь, отправился с паломниками пешком на поклонение Нечерским святым в Киев, где получил благословение идти в Саровскую пустынь, в которую прибыл 20 ноября 1778 г. Пробыв 8 лет послушником, принял иноческий постриг с именем Серафим, а через некоторое время был посвящен в сан иеродиакона. Господь сподобил преподобного во время церковных служб благодатных видений Ангелов, Господа Иисуса Христа. После смерти настоятеля монастыря преподобный Серафим ушел в пустынную келью в глухом лесу, где стал предаваться уединенным молитвам. Через некоторое время преподобный Серафим взял на себя подвиг молчания. Увеличивая труды, преподобный Серафим взял на себя подвиг столпничества: каждую ночь он поднимался на огромный камень в лесу, молился с воздетыми руками, днем же молился в келье на камне, который принес из леса, сходя с него лишь для краткого отдыха и скудной трапезы. Однажды к нему явились разбойники – требовали деньги, проломили ему голову, сломали несколько ребер. Ничего не найдя в келье кроме икон, грабители ушли. Преподобный, придя в сознание, с великим трудом добрался до обители. В тонком сне старцу явилась Царица Небесная с

апостолами Петром и Иоанном, и коснувшись головы преподобного, даровала ему исцеление. Через несколько месяцев он вновь удалился в келью, и еще несколько лет провел в молчании. Весной 1810 г. преподобный возвратился в монастырь. 25 ноября 1825 г. Мать Божия в сонном видении старцу повелела ему выйти из затвора, и старец открыл двери кельи для всех, стал принимать у себя нуждающихся в наставлении, утешении, руководстве и исцелении. В последний период земной жизни преподобный Серафим особенно заботился об основанной им Дивеевской женской обители, для сестер которой он был подлинным отцом. За год и десять месяцев до своей кончины, в праздник Благовещения, преподобный Серафим еще раз сподобился явления Царицы Небесной в сопровождении Крестителя Господня Иоанна, апостола Иоанна Богослова и двенадцати дев, святых мучениц и преподобных. Память преподобного Серафима, Саровского чудотворца в день кончины 2 (15) января, 19 июля (1 августа).

²⁶¹ - См.: Исх.14:15.

²⁶² - См.: Исх.17:10–12.

²⁶³ - Мф.21:12–13; Мк.11:15–17; Лк.19:45–46.

²⁶⁴ - Мф.21:13; Мк.11:17; Лк.19:46.

²⁶⁵ - Преподобный Макарий Великий († ок. 390–391) родился в Египте около 301 г. Уже в молодости прославился подвигами пустынножительства и духовной мудростью, так что его стали называть «юношей-старцем». Преподобный Макарий боролся с бесами всю жизнь. В час смерти они признались ему, что не могли победить его, потому что он имел великое духовное оружие – смирение. Преподобный Макарий был учеником преподобного Антония Великого, в числе других ближайших учеников при сутствовал при блаженной кончине своего учителя и получил как знак духовного преемничества посох преподобного Антония. Преподобный Макарий достиг такого дерзновения перед Богом, что по его молитве Господь воскрешал умерших. Несмотря на такую высоту достигнутого богоподобия, он продолжал сохранять необыкновенное смирение. 60 лет провел св. Макарий в глубокой пустыне. Более

всего времени преподобный посвящал беседе с Богом, часто пребывая в состоянии духовного восхищения. Свой подвижнический опыт авва претворил в глубокие богословские творения: 50 бесед и 7 подвижнических слов остались драгоценным наследием духовной мудрости. Преподобный дожил до 97 лет, незадолго до кончины ему явились преподобные Антоний и Пахомий, сообщившие весть о близком переходе его в блаженные небесные обители. Через девять дней преподобному Макарию явился Херувим со множеством Ангелов. Память преподобного Макария Великого, Египетского 19 января (1 февраля).

²⁶⁶ - Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – русский живописец. Родился в Омске. Учился в петербургской Академии художеств (1880 –1884). Неоднократно бывал в Италии и Франции, посетил Германию, Грецию, Швейцарию. Творчество Врубеля, как и творчество ряда других русских художников конца XIX – начала XX в. носит порой мистически-болезненные черты. По поводу его произведений в различных кругах русского общества возникала ожесточенная полемика. В 1884–1889 гг. Врубель в Киеве создал иконы и ряд стенных росписей (в том числе композицию над хорами «Сошествие Святого Духа», масло, 1884) в Кирилловской церкви, эскизы неосуществленной росписи Владимирского собора (в том числе четыре варианта композиции «Надгробный плач» – все акварель, графитный карандаш, Киевский музей русского искусства). В живописной манере икон Врубеля сказались впечатления от искусства эпохи Возрождения, только в демонизированном виде. Моисей у Врубеля не столько библейский пророк, сколько существо, полное затаенной страсти и зарождающегося сомнения. Суровый образ Богоматери полон внутренней патетики, но в нем отсутствует гармония, мир и духовный свет. Иконы Врубеля – это грозный признак того, как декадентское влияние стало просачиваться в храмовое искусство. В 1901 г. у Врубеля началась тяжелая душевная болезнь. Сорокашестилетний Врубель ясно ощутил грядущий финал своей тяжелой и полной разочарований судьбы – ранняя потеря матери, скитания и переезды с семьей из одного города в другой, тяжелая пора

учения с лишениями и невзгодами, затем долгие годы непризнания. В 1902 г. он создал самое трагическое свое произведение – «Демон поверженный». Все силы художника напряжены до предела в этом полотне, которое он десятки раз переписывал. Как бы продолжением этой картины служит портрет поэта-декадента, увлекавшегося изучением оккультизма, Валерия Брюсова, написанный в психиатрической больнице, где находился художник. Характерно, что первоначальный фон картины был черного цвета. В 1906 г. Врубель ослеп. Художник оставил более 200 произведений, среди них – портреты, картины, декоративные панно, иллюстрации, эскизы театральных занавесей, скульптурные произведения, проекты зданий. Врубель умер 1 апреля 1910 г. в Санкт-Петербурге. Его торжественно хоронила Академия художеств, речь над могилой произнес Александр Блок, судьба и поэзия которого оказались во многом созвучными с судьбой и творческой трагедией Врубеля.

²⁶⁷ - См.: Пс.78:2 на церковнославянском языке.

²⁶⁸ - 82 Правило VI Вселенского Собора.

²⁶⁹ - Священномученик Поликарп, епископ Смирнский († 167, память 23 февраля (8 марта)) о гностике Маркионе. Священномученик Иринеи, епископ Лионский († 202, память 23 августа (5 сентября)) передает следующую историю: «Тот же Поликарп, встретившись однажды с Маркионом, на его слова «Узнаешь нас?» ответил: «Узнаю, узнаю первенца сатаны"» (Против ересей. III, 3, 4). Первым о Маркионе сообщает мученик Иустин Философ († 166, память 1 (14) июня) (Апология. I, 26), считавший, что Маркион связан с демонами. Маркион – крупнейший гностик, основатель ереси маркионизма, живший во II в. Св. Иринеи сообщает, что Маркион искажал Евангелие от Луки и Послания апостола Павла, которые только и признавал источником откровения. Маркион стремился противопоставить Новый Завет Ветхому Завету, утверждал, что истинное Евангелие возвещалось Христом только для избранных, отрицал воскресение тела Иисуса, допускал не одно крещение, но два или даже три после падений и др.

²⁷⁰ - Шиваизм – одна из двух основных ветвей индуизма, названа по главному божеству – Шиве. В шиваизме творческое начало всего живого – шакти, неотъемлемая часть культа – почитание гениталиев – мужского (линга) и женского (йони). Большую роль в шиваизме играет культ богини-матери, связанный с супругой Шивы Дургой (Кали, Дэви и др. имена). В тримурти Шива – разрушитель со свитой злых Духов, насылающий на людей беды. В шиваизме дольше сего сохранялись кровавые, в том числе и человеческие жертвоприношения. Шива изображается обычно или аскетом, голым, с телом, покрытым золой, посередине лба – третий глаз, погруженным в созерцание, или в устрашающем виде часто в священной пляске, с ожерельем из черепов. На многих изображениях у него пять (или четыре) лиц и четыре руки.

²⁷¹ - Швейцер Альберт (1875–1965) – немецко-французский мыслитель, протестантский богослов и миссионер, врач, музыковед и органист. В 1913 г. организовал госпиталь в Ламбарене (Габон, Центральная Африка). Исходный принцип мировоззрения – «преклонение перед жизнью» как основа нравственного обновления человечества.

²⁷² - Мать Тереза (в миру Агнес Бояджиу; 1910–1997) – прославленная католическая монахиня, основательница благотворительного Ордена милосердия. Родилась в обеспеченной католической албанской семье, жившей на Балканах. В молодости была близка к ордену иезуитов. Ее деятельность, прежде всего, связана с Индией. Удостоена Нобелевской премии мира (1979 г.) «За деятельность в помощь страждущему человеку». Общественные проблемы рассматривала с позиции гуманизма. Сторонница плана регулирования численности семьи, с целью ограничения рождаемости (за исключением аборта). На сегодняшний день Орден имеет около 400 отделений в 111 странах мира и 700 домов милосердия в 120 странах мира.

²⁷³ - Пантеон (греч.) – 1) в античности храм, посвященный всем богам; 2) совокупность всех богов какого-либо языческого культа.

²⁷⁴ - Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской АН (1794). Кант отрицает способность познания на основании предварительного исследования форм познания, источников и границ наших познавательных способностей. Идеи Бога, свободы, бессмертия, недоказуемые теоретически, являются, однако, постулатами «практического разума», необходимой предпосылкой нравственности. Хотя разум неспособен познать предметы без опыта, однако он может определить волю человека и его практическое поведение. Как личность человек стоит ниже законов природы, находится под влиянием внешнего мира, он несвободен. А как индивидуальность он свободен и следует только своему практическому разуму. Закон морали, которому он при этом следует, – категорический императив. Одно уважение морального закона и следование долгу дает уверенность в бессмертии морально поступающего лица, поскольку в этой жизни он не имеет права на вознаграждение за свою нравственность, дает уверенность в Боге как гаранте моральности и награды за нее. Религия, согласно Канту, есть не что иное, как совокупность всего нашего долга как божественной заповеди и Бога как высшего идеала. Кроме благочестивого образа жизни, все, что человек считает возможным делать для того, чтобы стать более угодным Богу, в частности все религиозные организации, институты, догматика и чисто внешние религиозные отправления, есть простое религиозное заблуждение и напрасный труд. Об этом он писал в труде «Религия в границах чистого разума», 1793. К концу жизни Кант заболел старческим склерозом, впал в детство и умственный маразм.

²⁷⁵ - Тамерлан Тимур (Тимур-ленг («Хромой Тимур»), Тамерлан («полководец»); 1336 –1405) – полководец, эмир (с 1370 г.). Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал грабительские походы в Иран, Кавказ, Индию, Малую Азию. Поход на Китай был прерван из-за смерти Тимура. К концу правления его

государство включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран, Пенджаб. Восемь раз вторгался в Грузию.

²⁷⁶ - Барбаросса Фридрих I (буквально «краснобородый»; ок. 1125–1190) – император «Священной Римской империи» с 1152 г., из династии Гогенштауфенов. Проводил агрессивную завоевательную политику. В 1189 г. предпринял крестовый поход, разбил сельджуков при Икони. Утонул при переправе через р. Салеф в Киликии. По немецкому народному преданию, император Фридрих I спит в одном из замков в подземных пещерах горы Кифхойзер и некогда встанет, чтобы восстановить мощь Германии. В конце XIX века на горе Кифхойзер близ г. Эрфурта (Германия), была сооружена гигантская каменная башня, увенчанная короной, перед башней конная бронзовая статуя кайзера Вильгельма, а у ее основания – каменная фигура Фридриха Барбароссы с бородой, стелющейся по земле. Имя и предполагаемое место захоронения Фридриха Барбароссы окружены особым почитанием в арийском неоязычестве. С его именем связаны магические обряды и тайные инициации, существовавшие среди фашистской элиты. Известны паломничества главарей фашистских партий, например Гимлера, к горе Кифхойзер.

²⁷⁷ - Мк.9:44; 46; 48.

²⁷⁸ - Пс.105:38.

²⁷⁹ - Инки – индейское племя группы кечуа в Перу (Южная Америка) в XII -XIII вв., к 1438 г. – государство Тауантинсуйу. В 1532 г. испанские завоеватели разграбили государство, разрушили культуру инков, покоренный народ вошел в состав народности кечуа. У инков было множество богов, они обожествили природу¹ давшую им жизнь. Во главе небес стоял верховный бог Виракоча, считавшийся великим богом-создателем, сотворившим когда-то землю и людей, других земных богов. Виракочи сотворил «государственного бога» Тауантинсуйсу – бога империи инков Инти, золотое солнце, основоположника правящей династии инков. Правитель – Великий Инки – почитался как сын солнца и связывал мир людей и мир богов. Ниже его «по положению» были небесные светила – Солнце, Луна, Венера, сама Земля, Океан и др.,

считавшиеся живыми, у них просили помощи и покровительства. Особенно почитали Солнце. Коллективные ритуалы, нередко сопровождавшиеся жертвоприношением животных, происходили на центральных площадях и носили искупительный и пророческий характер. Жертвами, наиболее угодными богам, считались десятилетние дети, избравшиеся за их нравственное и физическое совершенство; сами жертвы, как считалось, были счастливы сразу попасть непосредственно в потустороннее царство. В отличие от обычаев ацтеков и аналогичных обычаев майя, человеческие жертвоприношения практиковались инками значительно реже.

²⁸⁰ - См.: Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. Лурия Александр Романович (1902 –1977) – российский психолог, один из основателей нейропсихологии, действительный член АПН РСФСР (1947 г.), АПН СССР (1968 г.).

²⁸¹ - Священномученик Дионисий Ареопагит – член верховного афинского суда, принял христианство от апостола Павла и стал его учеником и сподвижником. Апостол от 70-ти. Был первым епископом города Афин. Убит в Галлийской Лютеции (древнее название Парижа) в 96 г. (по другим данным – в 110 г.) во время гонения при императоре Домициане (81–96). Из творений святого Дионисия Ареопагита до нашего времени сохранились четыре книги: «О Небесной иерархии», «О церковной иерархии», «Об Именах Божиих», «О таинственном богословии», а также десять посланий к разным лицам. Творения святого Дионисия Ареопагита имеют огромное значение для христианского богословия. Память 3 (16) октября, 4 (17) января (70-ти апостолов).

²⁸² - Феофания – Богоявление (греч.). См.: Исх.3:2– 4:17.

²⁸³ - Мф.19:27.

²⁸⁴ - Фидий (нач. V в. до Р.Х. – 432–431 до Р.Х.) – величайший древнегреческий скульптор классического периода, чьи произведения – гигантские статуи Афины на афинском Акрополе в память побед над персами, Зевса в храме Зевса в Олимпии, считавшегося одним из «семи чудес света», и др.

греческих богов – послужили образцом для всего античного искусства.

²⁸⁵ - Из стихотворения «Мой друг». 1908 г.

²⁸⁶ - Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936) – священник в Петрограде. Один из инициаторов обновленческого раскола, глава «Живой церкви». С августа 1922 г. «первый протопресвитер всея Руси». Член обновленческих высших органов управления: ВЦУ, ВЦС. В 1922 г. выступал свидетелем на петроградском процессе по делу об изъятии церковных ценностей. Атеистический аппарат использовал Красницкого как эксперта по церковным делам. Красницкий принимал участие в судебной расправе над священномучеником Вениамином, митрополитом Петроградским. Известен своими провокациями по отношению к священнослужителям, сплотившимся вокруг патриарха Тихона и сопротивлявшимся обновленческому расколу. Участник I обновленческого «собора». Оставался до конца жизни на обновленческих позициях.

²⁸⁷ - Геббельс Пауль Иозеф (1897–1945) – член высшего руководства НСДАП, министр пропаганды Германии (1933–1945), один из главных военных преступников фашистской Германии. Оставил после себя подробные дневники, содержащие ценный материал по истории нацистской Германии.

²⁸⁸ - Силлогизм – логическое умозаключение, состоящее из двух посылок (большой и малой) и вывода. Силлогистика была разработана Аристотелем и до XVII в. считалась совершенной в своей законченности.

²⁸⁹ - Король Лир – персонаж одноименной трагедии Уильяма Шекспира (1605 г.), в основу которой легла легенда о короле Лире и его дочерях, возникшая еще в древней Британии.

²⁹⁰ - Король Ричард III, герой пьесы-хроники Уильяма Шекспира (1593 г.), произносит свой знаменитый монолог, созерцая перед мысленным взором тени убитых им людей – друзей, близких. Ричард III – историческая фигура, последний из династии Йорков, младший брат короля Эдуарда IV, герцог Глостерский с 1461 г., король с 1483 г.

²⁹¹ - Сабеизм – древняя доисламская религия некоторых арабских племен в Месопотамии, Аравии, Сирии и Малой Азии, в основе которой лежало обожествление небесных светил и поклонение звездам. Также религия древних халдеев, которые, веря в единый безличный, универсальный, божественный Принцип, никогда не упоминали Его, но поклонялись солнечным, лунным и планетарным богам и владыкам, рассматривая звезды и другие небесные тела как их соответствующие символы.

²⁹² - Между 900 и 1200 гг. по Р. Х. на полуострове Юкатан обитали племена майя, обладающие удивительными знаниями в области астрономии и зодчества. В ритуальных целях предпринимали военные походы с захватом пленников, обреченных на мучительную смерть в качестве жертв божествам майя.

²⁹³ - Ассасины (от араб, хашшашин – употребляющие гашиш) – тайная секта убийц низаритс-кой ветви исмаилитов, отличавшаяся строгой дисциплиной. Орден ассасинов, наводивший страх на весь мусульманский Восток, был основан в горных районах Ливана и Ирана персом Хасаном ас-Саббахом (ум. в 1124 г.). Разгромлен монголами в XIII в., а затем уничтожен египетскими мамелюками. Остатки низаритов в настоящее время проживают в Индии, Сирии, Ираке, Омане и Занзибаре.

²⁹⁴ - Ренан Эрнест (1823–1892) – французский филолог, знаток восточных языков, историк. Учился в трех семинариях, намеревался сделаться священником, утверждая, что для этого нет надобности веровать во все то, чему будешь учить. Разорвал с Церковью. Стал профессором ориенталистики еврейского языка. С 1879 г. – член Французской академии, с 1882 г. – президент Азиатского общества. Как критик и исследователь значительно уступает немецким историкам, на которых он весьма часто опирается. Написанную им книгу «Жизнь Иисуса» нельзя назвать научным исследованием, это скорее род беллетристики, где некоторые исторические свидетельства переплетаются с авторским субъективизмом в оценках и произвольными реконструкциями многих событий.

²⁹⁵ - Тилль Уленшпигель – комический персонаж германских народных легенд. По преданию, жил в Германии в XIV в. До наших дней сохранились две могилы – одна в Германии, близ города Любека, другая в местечке Дамме во Фландрии, на обеих плитах начертано: «Улен Шпигель».

²⁹⁶ - Шарль де Костер (1827–1879) – бельгийский писатель, писавший на французском языке. В 1867 г. вышло в свет его значительнейшее создание – «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» – роман о Нидерландской революции XVI в., о борьбе Фландрии против испанского владычества, легенда о борьбе гезов, т. е. «нищих», «рвани», с папой и королем Филиппом II.

²⁹⁷ - Кинто – уличные торговцы, завсегда таи духанов (ресторанчиков) и носители старого тбилисского колорита, знатоки городских традиций, прекрасные тамады, певцы, танцоры, шуты и мудрецы.

²⁹⁸ - Нуцубидзе Шалва Исакович (1888–1969) – ученый, философ, академик АН Грузинской ССР (1944). Окончил Петербургский университет (1910). Профессор философии Тбилисского университета (с 1918). Перевел на русский язык поэму Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1941, 1957), поэму Чахрухадзе «Тамариани» (1943), народный эпос «Амираниани» (1945).

²⁹⁹ - Гаприндашвили Валериан Иванович (1888–1941) – грузинский поэт. Окончил юридический факультет Московского Университета в 1914 г. Первый сборник «Сумерки» вышел в 1919 г. Один из основателей символистской группы «Голубые роги». Автор работ по теории литературы, литературный критик и один из лучших переводчиков русских, французских немецких и английских поэтов. Покончил жизнь самоубийством.

³⁰⁰ - Иашвили Паоло (Павел) Джибраэлович (1895–1937) – грузинский поэт, общественный деятель. Родился в дворянской семье. Печатался с 1911 г. В 1916 г. основал литературную группу грузинских символистов «Голубые роги». Покончил жизнь самоубийством.

³⁰¹ - Пароксизм – 1) болезненный припадок; неожиданный приступ или внезапное обострение болезни; 2) внезапное

сильное душевное возбуждение, бурная эмоция.

³⁰² - Обскурант – враг просвещения и науки; мракобес.

³⁰³ - Апокриф – ложное сочинение, выдаваемое за подлинное (др.-греч. – подложный); произведения иудейской и раннехристианской литературы, не включенные в библейский канон и противоречащие библейскому учению.

³⁰⁴ - Братья Гракхи – политические деятели Древнего Рима; из знатного плебейского рода Семпрониев. Тиберий (162 до Р.Х. – 133 до Р.Х.) был избран в народные трибуны в 133 г. Гай (151 до Р.Х. – 121 до Р.Х.) – трибун в 123 и 122 гг. Братья пытались проведением земельных реформ приостановить разорение крестьянства. Во время выборов в народные трибуны на 132 г. Тиберий, ложно обвиненный сенаторскг: знатью в стремлении к царской власти, был убит. Гай пытался продолжить дело брата, стал любимцем народа; спровоцированный на вооруженное восстание, погиб вместе со свои: сторонниками в 121 г.

³⁰⁵ - Севир (Северий), патриарх Антиохийский (с 512 по 519 г.) в царствование императора Анастасия был одним из наиболее ревностных противников Халкидонского Собора (451 г.), доводившим крайности монофизитства до абсурда. Признавал вселенское значение «разбойничьего» собора в Ефесе (449 г.). Патриарх Иерусалимский Иоанн проклял Севира; император Юстиниан лишил его епископской кафедры и отправил в ссылку. Севир умер в 542 г. На поместном Константинопольском Соборе 536 г. Севир был анафематствован вместе с другими еретиками-монофизитами. Богослов и полемист Леонтий Византийский (VI в.) написал два труда в опровержение ереси Севира.

³⁰⁶ - Юлиан, епископ Галикарнасский, был основателем одного из течений в монофизитстве; его сторонники составили отдельную церковь. В 518 г. лишился епископского престола и нашел приют в одном из монастырей в Александрии. Здесь он встретил патриарха Севира, изгнанного из Антиохии, с которым у него произошло разногласие по вопросу о нетленности плоти Христа до Воскресения. Учение, защищаемое епископом Юлианом Галйкарнас-ским, в литературе получило

наименование «афтартодокетиз-ма» (от греч. – нетленный и – казаться, представляться), а учение его противников – «фтартолатрией» (от греч. – тленный и – поклоняться, т. е. «тленнопоклонничество»). Православная Церковь различает тление от нетления. Под тлением подразумевается подверженность страданиям, то есть Плоть Христа страдала истинно, испытывая боль, получая раны и истекая кровью; а под нетлением подразумевается разложение, гниение, распад. В этом отношении Тело Христа не подверглось нетлению. Ересь Юлиана Галикарнасского была опасна тем, что внушала убеждения, будто Плоть Христа на самом деле не страдала, а крестные муки были только кажущимися, иллюзорными. Значит, искупление человечества было также призрачным (докетизм); здесь искажается главный сотериологический догмат об искуплении, как о муках которые добровольно взял на Себя Христос за наши грехи. На Константинопольском Соборе 536 г. против Юлиана была провозглашена анафема. Умер после 518 г. Сочинения до нас не дошли. Сохранилось лишь несколько писем, частью в сирийском, частью в латинском переводе.

³⁰⁷ - См.: Заболоцкий Н. А., проф. Исповедание веры Святейшего Патриарха Эфиопского Абуны Теофилоса во время интронизации 9 мая 1971 г. в Аддис-Абебе. ЖМП, 1972, №№ 6–7.

³⁰⁸ - Строки из стихотворения Валерия Брюсова «Асаргаддон (ассирийская надпись)». 17 декабря 1897 г. Асаргаддон – ассирийский царь (681–668 гг. до Р. Х.). Восстановил Вавилон, разрушенный в 689 г. до Р. Х. царем Синахерибом. Покорил всю Сирию и Финикию, завоевал в 671 г. до Р. Х. весь Египет. Вел борьбу с племенами Ирана и Закавказья.

³⁰⁹ - Откр.1

³¹⁰ - Святой Филарет Московский (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867) – митрополит Московский (с 1826 г.). В 1808 г. принял монашество. В 1812 г. назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Выдающийся проповедник, прозванный «Московским Златоустом». Проповеди его призывали к добродетелям любви,

смирения, терпения и преданности воле Божией. В то же время был деятельным членом Библейского общества и с 1816 г. усердно работал над переводом Библии на русский язык (перевел Евангелие от Иоанна). В 1858 г. по инициативе митр. Филарета и против желания обер-прокурора гр. Толстого состоялось распоряжение о переводе книг Св. Писания на русский язык, законченном только в 1868 г., уже после смерти митрополита Филарета. Выдающийся церковный писатель («Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной греко-российской Церкви», «Начертание церковной библейской истории», «Записки на Книгу Бытия», «Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского»). Он составил манифест 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. Оказал большое влияние не только на церковные дела, но и на всю русскую общественную жизнь. Память 19 ноября (12 декабря).

³¹¹ - Святой Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев; 1829 – 20 декабря 1908 г. (2 января 1909 г.)), протоиерей, писатель, благотворитель и молитвенник. Особенно поразительны многочисленные исцеления больных по его молитвам. Сын сельского причетника Архангельской епархии, воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, по окончании поступил священником в кронштадтский Андреевский собор. Долго был законоучителем в учебных заведениях Кронштадта, в 1882 г. основал там «Дом трудолюбия». Напечатал много бесед, проповедей, поучений, слов и т. п. Память 20 декабря (2 января).

³¹² - Ср.: 1Кор.2:9.

³¹³ - Арес (Арей) – в древнегреческой мифологии жестокий и кровавый бог войны, сын Зевса и Геры. В древнеримской мифологии ему соответствует Марс, Изображался в шлеме, вооруженный копьем, коротким мечом и щитом.

³¹⁴ - Гермес – в греческой мифологии вестник олимпийских богов, покровитель пастухов и путников, бог торговли и прибыли. Сын Зевса и Майи, дочери Атланта. У римлян Меркурий – вестник богов, покровитель путников, торговцев и воров, хитрости и обмана, ложной клятвы, посредник между

богами и людьми. Изображался в крылатых сандалиях в с жезлом, с помощью которого насылает на людей сны.

³¹⁵ - Аватара (др.-инд.) – в индуизме воплощение, преображение божества в смертное существо. Наиболее известны 10 аватар бога Вишну.

³¹⁶ - Святой царь Николай II (1868, Царское Село – 1918, Екатеринбург) – последний российский император (1894–1917), старший сын императора Александра III. В ходе февральской революции 2 марта 1917 г. отрекся от престола в пользу брата Михаила, 8 марта был арестован. Расстрелян вместе с семьей и приближенными лицами в Екатеринбурге. Память Страстотерпцев царя Николая, царицы Александры, царевича Алексея, великих княжон Ольги, Татианы, Марии и Анастасии († 1918) 4 (17) июля.

³¹⁷ - Ср.: Мк.10:39.

³¹⁸ - См.: 2Пар.3:1; 3Цар.6

³¹⁹ - Ин.19:15.

³²⁰ - Родился 12 августа 1904 г. в Петергофе. Был неизлечимо болен гемофилией.

³²¹ - Ин.18:36.

³²² - Антанта (от франц. – согласие) – союз Великобритании, Франции и России («Тройственное согласие»), направленный против Германии и ее союзников, оформленный рядом соглашений в 1904–1907 гг. и объединивший в ходе Первой мировой войны свыше 20 государств, среди которых были США, Япония, Италия. После октября 1917 и принятия Декрета о мире Россия фактически вышла из Антанты, заключив сепаратный Брестский мир в 1918 г.

³²³ - Георг V (1865–1936) – английский король, император Индии, главнокомандующий вооруженными силами Великобритании. Матери Николая II и Георга V были родные сестры, дочери датского короля Христиана IX. В ходе февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. династия Романовых была свергнута, русский император Николай II подписал отречение от престола 2 (15) марта 1917 г. в пользу брата Михаила Александровича, который под

давлением революционных сил престола не принял, но его венценосный родственник Георг V оказался неспособным оказать ему какую-либо помощь. В октябре 1917 г. король Альфонс XIII и испанское правительство пытались добиться взаимопонимания в Лондоне для подписания соответствующего соглашения с Временным правительством об организации выезда царской семьи через Финляндию и Швецию. С этой целью испанский король лично обращался к королю Англии Георгу V, а также к королевским особам Швеции и Норвегии, однако его обращение не имело успеха.

³²⁴ - См.: Дан.5:5, 24–28, 30. IV.

³²⁵ - Халиф Омар (592–644) продолжал завоевательные войны Мухаммеда; овладел Сирией, Персией и Египтом; приказал сжечь огромную Александрийскую библиотеку. В ответ на просьбу сохранить это уникальное книгохранилище, сказал, что если в книгах написано то же, что и в Коране – то они излишни, а если иное – они вредны. По преданию, драгоценными рукописями топили печи в Александрийских городских банях в течение 6 месяцев.

³²⁶ - Чуковский Корней (настоящее имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) – русский советский писатель, литературовед, доктор филологических наук (1957), поэт и переводчик. С 1916 г. начал писать стихи для детей и вскоре стал популярным детским поэтом. Автор книг о мастерстве перевода, почетный доктор литературы Оксфордского университета (1962). Умер в глубокой старости; похоронен в подмосковном Переделкино.

³²⁷ - Уитмен Уолт (1819–1892) – известный американский поэт. Родился в фермерской семье. Странствовал по всей Америке. Переменил несколько профессий. По временам вел бродяжнический образ жизни. В 1862–1864 гг. был санитаром в армии северян, боровшейся против рабовладельческого Юга. По окончании войны служил в Министерстве внутренних дел, откуда был изгнан за безнравственность своей поэзии. В 1873 г. Уитмена разбил паралич, приковав его в последние годы жизни к постели. Первая и наиболее известная его книга – сборник стихов и поэм «Листья травы» (1855). Основные идеи «Листьев

травы»: гармония Вселенной, культ дружбы, соединяющие индивидуумы со «сверхдушой», неприятие христианства и бунт против пуританской морали. В своем творчестве от воспевания природы перешел к урбанистической поэзии; писал революционные гимны, и в то же время с похвалой отзывался об американском образе жизни. В стихах Уитмена переплелись атеизм и поиски новой религии, индивидуализм и коллективизм, демократия и анархизм, натурализм и мистика. В России вышла книга «Листья травы» в переводе К. Чуковского (1907). Поэзия Уитмена оказала заметное влияние на творчество русских футуристов.

³²⁸ - 29 декабря 1912 г. Из цикла «Страшный мир».

³²⁹ - Хтонические (от. греч. – земля) божества – во многих религиях и мифологиях божества, олицетворявшие собой подземное царство; в переносном смысле под хтоническими духами подразумеваются падшие ангелы-демоны.

³³⁰ - Из стихотворения «Друзьям». 24 июля 1908 г.

³³¹ - Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – известный русский поэт, лирик. Начал печататься с 17 лет. Ранние стихи посвящены лирическому описанию русской природы. В послереволюционный период для Есенина стали характерны бунтарство, богоборчество и пессимизм. Страдал алкоголизмом. Покончил жизнь самоубийством. В IV издании книги «Отец Арсений» (М: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000. С. 658) приводится рассказ одного из духовных детей о. Арсения, Н.Т.Лебедева, записанный со слов бывшего главного редактора издательства «Советский писатель» Ильи Сергеевича (его фамилию Н. Лебедев не сообщает) о поэтах «серебряного века», с которыми тот дружил еще с дореволюционных времен: «Сергей Есенин, конечно, обладал гениальностью поэта, глубочайшей лиричностью, тонкостью восприятия, любовью к природе (рябине, березке, клену, к глупому жеребенку), но не имел умственного кругозора. Знания его были поверхностные, заимствованные из услышанных разговоров. .. От христианства, Иисуса Христа, Церкви, православия он отрекся еще в 1918 году, написав оскорбительно-кощунственное стихотворение,

называемое «Инония», и никогда не считал написанное ошибкой „ Когда он писал стихи, на него нисходило озаряющее творческое вдохновение, даже не всегда понятное и ему самому, но если стихи или поэма были уже написаны, он становился ограничен, беден, бессодержателен, тускл». В журнале «НЛО» (№ 44 от 1 ноября 1999 г. С.И) высказывается предположение исследователя творчества Есенина Е.В.Курдакова о том, что многочисленные дебоши Есенина объясняются каким-то посторонним воздействием на разум поэта. В судьбе талантливого поэта Сергея Есенина как бы слились воедино судьбы многих заблудших сынов и дочерей России. Оторвавшись от православия, поэт взбунтовался против Бога. Его душа, лишенная за многие грехи Божией благодати, превратилась в игрушку злобных духов, возбудивших в ней яростное стремление к свободе от всех нравственных законов, установленных Творцом. Под действием вселившегося в него богохульного духа Есенин писал такие же богохульные стихи, подавляя все то доброе, что вместе с верой в любящего Бога еще жило в его душе. Но когда на время отходил от него дух злобы, ввергавший поэта в отчаяние, тоску и безысходность, поэт создавал чудные, задушевные, проникнутые щемящей любовью к Родине стихи. (См.: Есенин и Фауст. Сходство судеб? // От чего нас хотят спасти. М.: Даниловский благовестник, 2001.)

³³² - Сергей Есенин. «Черный человек». 1925 г.

³³³ - Бодлер Шарль (1821–1867) – французский поэт. Родился в семье участника Великой французской революции. Ребенком был отдан в приют. Начал печататься с 1840 г. Участвовал в Революции 1848 г., издавал газету «Салю пюблик» и сражался на баррикадах. М. Горький сказал о Бодлере: «..жил во зле, добро любя..». Создатель поэзии болезненных ощущений, изощренного эстетизма, находящего соотношения между звуками и красками и создающего мир красоты из контрастов пороков и святости, веры и богохульства. Заменял мораль культом красоты. Основная тема Бодлера – смерть и любовь. Его книга «Цветы зла» (1857) была встречена взрывом негодования. Состоялся суд, и она была признана

безнравственной, а поэт обвинен в разврате. Для Бодлера характерна эстетизация смерти, распада, всего уродливого, порочного и противоестественного, например части скелета для него «большим подобны цветам»; своих возлюбленных он называет «мой бог, мой Вельзевул» или «черная Венера». О себе Бодлер пишет так: «Я сердца своего вампир, / глядящий с хохотом на мир / и сам бессильный улыбнуться» и «труп меж трупами, в ком все давно мертво». Племени Авеля он говорит: «Словно лесные клопы, вы без счета!», а племени Каина: «Каина дети! на небо взберитесь! / Сбросьте неправого Бога на землю!». На заповедь любить людей отвечает: «Не хочу!». В ранние годы он стал «искать забвения в неестественных ощущениях», вине и гашише и к сорока годам был уже совершенно болен. Вид идущего мрачного Бодлера пугал всех. Его «последние 14 месяцев жизни – паралич и афазия, потеря речи, как следствие полученного в молодости сифилиса, злоупотребления наркотиками и алкоголем».

³³⁴ - «Вампир». Из цикла «Цветы зла» (1855). Перевод А. Панова (1907).

³³⁵ - Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – русская поэтесса. Родилась в Москве. Ее отец был профессором Московского университета, основателем музея изящных искусств на Волхонке. После революции 1917 г. жизнь Цветаевой проходила в нужде и лишениях. В 1922 г. выехала за границу для встречи с мужем С. Я. Эфроном, ушедшим в Добровольческую армию и оказавшимся в эмиграции. Жила в Берлине, затем в Чехословакии, с конца 1925 г. – во Франции. Печаталась в белоэмигрантской периодике. В 1939 г. Цветаева вместе с сыном, вслед за дочерью и мужем, возвратилась в СССР. Вскоре члены семьи подверглись арестам и репрессиям. Цветаева скиталась по квартирам знакомых. С тех пор ее не печатали, поэтесса занималась стихотворными переводами. В 1941 г. эвакуировалась в Елабугу, где стирала белье местному милиционеру. Цветаева покончила собой, повесившись на веревке, которую Пастернак, провожая ее в эвакуацию, дал ей для чемодана.

³³⁶ - См.: Марина Цветаева. «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...». 1916 г. Ветхозаветный патриарх Иаков, ставший прародителем целого народа, борется с Богом, получает рану на бедре: Быт. 32:24–30. В символическом и мистическом значении борьба Иакова с Богом означает усердную покаянную молитву, которой патриарх как бы руками охватывает Бога и не выпускает из своих объятий. Эта победоносная молитва дарует ему прощение его греха, отводит наказание и примиряет с братом Исавом, который хотел убить его. Молитва продолжается всю ночь до утра и меняет последующую жизнь Иакова. Рана на бедре означает укрощение своих страстей, особенно похоти.

³³⁷ - См.: Марина Цветаева. «На базаре кричал народ...». Из цикла «Ахматовой». 27 июня 1916 г.

³³⁸ - Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) – русский писатель. Родился в Москве. Отец его был художником, мать – известной пианисткой. Пастернак был с детства окружен искусством. В доме, где он рос, бывали музыканты, художники, писатели, и среди них – Лев Толстой. Под влиянием крупного русского композитора А. Н. Скрябина тринадцатилетний Пастернак увлекся музыкой. Но в 1909 г. он оставил мысль о композиторстве и поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Для совершенствования в области философии Пастернак отправился в Германию, где учился в университете в Марбурге. И хотя изучение философии шло успешно, он расстался с ней так же решительно, как раньше расстался с музыкой. Пастернак начал писать стихи. В предреволюционные годы Пастернак входил в литературную группу «Центрифуга», занимавшую позицию между символистами и футуристами, в 20-х гг. некоторое время входил в ЛЕФ (литературно-художественное объединение «Левый фронт искусств»). В 1914 г. вышел первый его поэтический сборник «Близнец в тучах». Поэзия становится его призванием, его «почвой и судьбой», она вобрала в себя и его страсть к музыке, и интерес к философии. Литературная деятельность Пастернака была разнообразна. Он писал прозу, занимался переводами, достигнув в этом

искусстве высокого мастерства, был автором поэм, романа в стихах «Спекторский». Но наиболее значительна все же его лирика. Он владел талантом выражать глубокие и тонкие человеческие чувства и мысли через посредство проникновенных картин природы. Восхищение красотой мира, стремление отыскать повсюду прекрасное характерно для Пастернака. Известны переводы Пастернаком «Фауста» Гете, трагедий Шекспира, а также стихотворных произведений поэтов национальных республик СССР и зарубежных народов. За публикацию романа «Доктор Живаго» за рубежом (1957) и присуждение за него Пастернаку Нобелевской премии (1958) подвергся злобной критике в советской печати, перешедшей в травлю и гонение поэта («Я пропал, как зверь в загоне. / Где-то люди, воля, свет, / А за мною шум погони, / Мне наружу ходу нет» – так писал о том времени сам поэт). Пастернак был исключен из союза писателей. От Нобелевской премии он принужден был отказаться. Умер в подмосковном Переделкино; похоронен на местном кладбище.

³³⁹ - Борис Пастернак. «Памяти демона». Лето 1917 г.

³⁴⁰ - В стихотворении Бориса Пастернака «Музыка»:
..опередивши мир На поколения четыре, По крышам городских
квартир Грозой гремел полет Валькирий. Имеется в виду опера
«Валькирия» Р. Вагнера. Валькирии – в скандинавской
мифологии бессмертные воинственные девы чудной красоты,
которые носят в золотом вооружении по воздуху. Обладают
даром превращаться в лебедей. Они отчасти происходят от
эльфов и других сверхчеловеческих существ; отчасти это
княжеские дочери, попадающие в валькирии еще при жизни. По
повелению бога Одина распоряжаются битвами и распределяют
победу или смерть между воинами. После сражения
храбрейших из павших воинов отводят во дворец Одина –
Вальхаллу, где прислуживали им во время пиршеств. Часто
выбирают себе в возлюбленные благородных героев, но от
брака со смертными они лишаются бессмертия и своей
сверхчеловеческой силы.

³⁴¹ - Гора Броккен, где в ночь с 30 апреля на 1 мая, по
германскому народному поверью, проходит шабаш ведьм –

Вальпургиева ночь – праздник ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя-сатаны, находится в горном массиве Гарц в Германии. Вершина Броккен (1142м) называется Хексентанцплац – «место пляски ведьм».

³⁴² - Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – русский писатель и поэт. Родился в купеческой семье. Первые стихотворные опыты относятся к 1881 г. По его собственному признанию, уже с 12 лет научился срывать все городские «цветы зла». Рос в доме отца «в принципах материализма и атеизма». В девятнадцать лет он поступил на историческое отделение Московского университета, познакомился там с поэзией французского символизма, открывшей ему «новый мир», и возжаждал немедленного успеха: «Медленный успех... Это мало! Мне мало... Надо найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство... Ложно ли оно, смешно ли, но... будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя... А этим вождем буду я». Творческим воображением Брюсова характерно владеют темы разрушения, неминуемого конца городской, буржуазно-капиталистической культуры; мысль его, обращается ли она в прошлое или стремится в будущее, настойчиво влечется к «последнему дню», временам «последних запустении» – эпохам ущерба, декаданса, гибели. В период революции 1905 г. эти темы и настроения овладевают Брюсовым с особенной силой. В 1904 г. он пишет драму «Земля», рисующую «сцены будущих времен» – картины вырождения и смерти всего человечества; 1905 г. помечено знаменитое стихотворение о «грядущих гуннах»; 1906 г. – прозаическая новелла из эпохи «грядущей мировой революции» – «Последние мученики». Служители секты, в которой мистика сочетается с самой безудержной эротикой – вся интеллигенция страны – «поэты, художники, мыслители», – присужденные «центральным революционным штабом» к смертной казни, справляют перед лицом смерти извращенную половую оргию. Иступленной эротикой, возведенной в степень языческой экстастики, культом болезненной страсти, граничащей одновременно и с мученичеством и с мучительством, пронизано все творчество самого Брюсова. В «Urbi et Orbi» (Городу и миру,

1903) в цикле «Баллады» собрана целая коллекция половых извращений. В поэме «Подземное жилище» (1910) даны все виды наркотических опьянений. В «Зеркале теней» (1912) – все способы самоубийства... В 1908 г. он писал: «Я изучил XVI век, а также то, что именуется «тайными науками», знаю магию, знаю оккультизм, знаю спиритизм, осведомлен в алхимии, астрологии, теософии». Для книги «Все напевы» он составил в стихотворной форме каталог способов самоубийств. В том же году он стал морфинистом, избавиться от этого недуга ему так и не удалось. В годы Первой мировой войны Брюсов работал на фронте корреспондентом одной из газет, но покинул театр военных действий, назвав войну бессмысленной. Он принял октябрьский переворот, в 1919 г. вступил в ВКП(б) и стал энергичным создателем «новой культуры», в 1921 г. организовал пролетарский Высший литературно-художественный институт, которому в 1923 г. в честь юбилея Брюсова присвоили его имя. В Московском университете читал курсы лекций по самым различным предметам. Занимал он высокие должности в разных сферах, даже в Гуконе – Главном управлении по коннозаводству. В восторженных стихах поэт славил «слепительный Октябрь». Опубликовал книги стихов «Последние мечты» (1920), «В такие дни» (1921), «Миг» (1922) и др. Всего при жизни Брюсова вышло более 80 его книг. На смерть Брюсова Саша Черный откликнулся в Париже такими словами: «Индивидуалист, изысканный эстет, парнасский сноб, так умело имитировавший поэта, парящего над чернью, и вдруг такая бесславная карьера... Красный цензор, вырывающий у своих собратьев последний кусок хлеба».

³⁴³ - Валерий Брюсов. «Юному поэту». 15 июля 1896 г.

³⁴⁴ - Валерий Брюсов. «Поэту». 1908 г.

³⁴⁵ - Рерих Николай Константинович (1874–1947) – теософ, художник и писатель. Отрекся от христианства и официально принял буддизм. Предки Рериха принадлежали древнему скандинавскому роду и переселились в Россию в начале XVIII в. Рерих учился в Академии художеств и на юридическом факультете Петербургского университета. Участвовал в деятельности Императорского Русского археологического

общества, Создал серию картин: «Начало Руси. Славяне». Вместе с женой, Еленой Ивановной Шапошниковой, отправился в археологическую экспедицию по древним русским городам. Результатом поездок 1903–1904 гг. стали 90 стилизованных картин, посвященных истории Руси. В последующие годы создал множество живописных произведений на восточные темы, заимствуя сюжеты в основном из индийской мифологии. После октябрьской революции отношение Рериха к политике большевиков, особенно в области культуры, поначалу было отрицательным, но затем дружеским и теплым. С 1920 г. по 1930 г. Рерих находился в Америке, где Чикагский университет организовал его выставку. Там ему представилась возможность начать подготовку экспедиции в Центральную Азию. Правительство Советского Союза поддержало эту экспедицию. Рерих создал институт объединенных искусств с претенциозным названием «Венец мира» под лозунгом культурного сотрудничества народов мира. Этот институт должен был популяризировать восточные философско-религиозные системы и искусство. Супруги Рерихи продолжали теософскую деятельность Влаватской и Безант по распространению буддизма и йоги, т.е. плана разрушения христианства. К этому периоду принадлежат теософские записки Рериха, изложенные в подозрительной форме телепатического общения с неким несуществующим махатмой Мориа, о котором несколькими десятилетиями ранее писала Блаватская, как о своем «заоблачном учителе». Эти записки составили книгу «Листы сада Мории», а затем вошли в сочинения Рерихов «Учения живой этики». С 1923 г. в течение пяти лет Рерихи путешествовали по Индии и Центральной Азии. В 1926 г. Рерихи прибыли в Москву. Художник передал советскому правительству знаменитое послание тибетских махатм, в котором приветствовалось кровавое гонение на Церковь и разрушение семьи, а также выражалась солидарность с большевиками. Рериха приняли Чичерин и Луначарский, которым он преподнес в подарок свою картину «Грядущий Будда». В 1928 г. семья Рериха обосновалась в Индии в долине Кулу (штат Пенджаб). В 1935 г. был подписан так называемый «Пакт Рериха» –

международный договор об охране художественных и исторических памятников в военное и мирное время. Пакт оказался неэффективным: он не помешал советскому правительству уничтожить десятки тысяч бесценных исторических памятников на территории всей страны. Произведениям Рериха в последний период его жизни присущи претенциозный аллегоризм и драматический эсхата-логизм, тесно связанные с его буддистской теософией и утопическими воззрениями на роль Тибета в будущей истории мира. Общее число его полотен колеблется от 5 до 7 тысяч. По завещанию Рериха, более 400 его произведений было передано в музеи СССР. После смерти Рериха его тело было предано кремации. Русская Православная Церковь на поместном соборе осудила учение Рерихов как языческую теософию, несовместимую с христианством.

³⁴⁶ - Рамакришна (настоящее имя – Гада д-хар Чаттерджи; 1836–1886) – индийский теософ, религиозный реформатор, визионер. С юных лет – жрец богини смерти Кали. Философия Рамакришны – утверждение единства религий. По его учению, Будда, Христос, Мухаммед, Кришна – воплощения одного и того же божества. Основа теософии Рамакришны – идеи веданты и йоги. Единственная реальность – брахман, частица которого находится в каждом человеке; хотя мир, в его эмпирическом бытии, иллюзорен, но в то же время, как произведение божества, может рассматриваться в виде некоей низшей реальности. В этом Рамакришна стоит на позициях пантеизма: человек и космос тождественны брахману. Путь освобождения от иллюзий и познание божественной реальности он видел в исполнении религиозно-нравственных законов и в экстатических состояниях, где люди и космос отождествлялись с божеством. Учение Рамакришны получило широкую известность за пределами Индии после выступления на Всемирном религиозном конгрессе (Чикаго, 1893 г.) его ученика Вивекананды. В настоящее время существует общество для пропаганды идей Рамакришны, называемое «Миссия Рамакришны». Умер Рамакришна от рака горла.

³⁴⁷ - Кали (Девы и др.) – в брахманизме и индуизме женская ипостась бога Шивы, его супруга, почитаемая особенно в Бенгалии. Изображается главным образом в грозном, устрашающем облике.

³⁴⁸ - Лхаса – город в Китае, расположенный в долине реки Джичу, притока Брахмапутры, в Тибете на высоте 3650 м, основанный в VII в. Религиозный центр ламаизма.

³⁴⁹ - Потала – дворец-монастырь, расположенный над северо-восточной частью города Лхаса, бывшая резиденция далай-ламы.

³⁵⁰ - Махатма (санскрит. – Великая Душа) – 1) в индуизме и теософии мировой дух; 2) в теософии Елены Блаватской (1831–1891) старец в возрасте нескольких сотен лет; такие старцы якобы жили в Гималаях и являлись астральными советниками Блаватской; 3) приставка к имени уважаемых и выдающихся индийцев.

³⁵¹ - Звания махатмы в XX в. удостоены Ленин и индийский проповедник Ганди, которого теперь называют не иначе как махатма Ганди. В 1926 г. Рерих в Москве передал советскому правительству послание махатм и ларец с землей из Гималаев. На ларце была надпись: «На могилу Брата Нашего Махатмы Ленина». В послании были, в частности, такие слова: «..Бы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили жуков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю помощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага! ... Привет вам, ищущим общего блага!»

³⁵² - Симон Волхв – современник апостолов, родом из самарийского местечка Гиттон, основатель существовавшей

еще в III в. гностической секты симониан или елениан (по имени его спутницы Елены). По общему мнению древних христианских писателей (Иустин, Ириней, Ипполит, Тертуллиан и др.), Симон Волхв был родоначальником гностицизма. Первое свидетельство о нем находится в книге Деяний апостолов (8:9–24), где рассказывается, что архидиакон Филипп, успешно проповедуя Евангелие в Самарии, крестил там и Симона Волхва, творившего посредством магии и волхвования всякие чудеса и имевшего многих последователей, которые видели в нем явление «великой силы Божьей». Апостолам Петру и Иоанну, прибывшим из Иерусалима, чтобы посредством возложения рук низвести дары Святого Духа на крещеных, Симон Волхв предлагал деньги, желая купить благодать и получить возможность распоряжаться ею. За это он был обличен апостолом Петром. От имени Симона Волхва происходит слово «симония» – покупка священных санов и должностей, что строго карается церковными канонами.

³⁵³ - Елена Ивановна Рерих (до замужества – Шапошникова; 1879–1955) – писательница, теософка, последовательница Блаватской, путешественница по странам Востока. Родилась в Петербурге в дворянской семье. В 1901 г. вышла замуж за Николая Рериха; служила источником мистико-оккультных вдохновений для своего мужа, который изображал ее в образе «Матери мира». В 1930-е Елена Рерих написала книги по буддизму и перевела на русский язык «Тайную доктрину» Блаватской. В Индии, якобы под телепатическим руководством гималайских махатм, создала основную часть сборников «Агни Йоги» (Живой Этики), которая представляет собой языческую теософию с антихристианской направленностью. Умерла в окрестностях индийского города Калимпонг (Восточные Гималаи). После кремации ее прах был развеян там же в буддистском монастыре Дурпи.

³⁵⁴ - В древних языческих религиях существовал культ богини Матери, который имел ярко выраженный эротический характер, проявлявшийся в оргиях, храмовой проституции и т.д., а иногда в актах самооскопления и членовредительства. У

современных феминисток наблюдается стремление реанимировать культ богини Матери в новых вариантах.

³⁵⁵ - Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – видная теософка, писательница. Родилась в Екатеринославе в дворянской семье полковника Петра Алексеевича и Елены Андреевны фон Ган, урожденной Фадеевой. Путешествовала по Азии, Африке, Европе, Северной и Южной Америке. Свои путевые приключения и впечатления она описывала во многих журнальных статьях (в «Русском Вестнике» под псевдонимом Рад да-Бай). Увлекалась спиритизмом, а затем оккультно-мистическими учениями Востока, издавала ряд теософских журналов, в том числе журнал под названием «Люцифер», целью которого была реабилитация демона. В 1875 г. вместе с английским полковником Олькотом основала «Теософское общество». Объявила себя контактором тибетских махатм, демонстрировала различные феномены на уровне фокусов, и, после крупного скандала, была признана английским «Обществом психических исследований» сознательной обманщицей. После смерти была кремирована, а ее пепел разделен между тремя центрами теософского движения (Лондон, Нью-Йорк и Адьяр). Ее главное сочинение – «Тайная доктрина» (в 2 т., 1888.). В частных письмах Блаватская писала, что не верит в историческое существование Христа, а употребляет это имя по отношению к людям, достигшим состояния внутреннего «просвещения». К христианству она относилась резко отрицательно, вплоть до таких выражений, как «христианский бог – это сатана». О жизни Блаватской см.: Вс. С. Соловьев. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософическим обществом». С.-Петербург, 1904.

³⁵⁶ - Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный мыслитель неортодоксального направления, поэт, публицист, переводчик. Сын известного историка С. Соловьева, написавшего историю России в 29 томах. Дед Соловьева был священником. Соловьев получил разностороннее образование. Окончил Московский университет. В 1874 г. защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии», а в 1880 г. – докторскую диссертацию «Критика отвлеченных

начал». Соловьев полагал, что религиозное единство станет залогом прогрессивного развития человечества, но постепенно пришел к мысли, что христиане в конце времени окажутся в меньшинстве и соединятся перед лицом опасности при воцарении антихриста. В 1880-е гг. по приглашению римокатоликов выезжал за границу и опубликовал там две книги, где с похвалой отзывался о Католической Церкви. После выхода второй из них, «Россия и Вселенская Церковь», духовник отказал ему в причащении, сказав: «Иди на исповедь к своим католикам». Соловьев семь лет переживал этот отказ и наконец в 1896 г. получил причастие от католического священника. На этом основании католики считают его перешедшим в католицизм. Соловьев не причащался после этого три года, но перед смертью призвал православного священника, принес перед ним исповедь и принял Святое Причастие. Духовный путь Владимира Соловьева был очень сложный. В детстве у него возникло сильное мистическое чувство и тяга к аскетизму. Духовный кризис Соловьева окончился обращением к христианству, но в своеобразной экуменической форме. На его мировоззрение сильное влияние оказывали платонизм и гностицизм (гностика Валентина он называл «одним из гениальнейших умов человечества»). Соловьев пытался создать систему платонического христианства, основой которого было учение о мире божественных идей – Софии, которые, стремясь к индивидуальному бытию, выпали из божественной плеромы и материализировались. Соловьев утверждал, что ему трижды явилась София в образе прекрасной женщины «в волнах золотистой лазури». Различные видения часто посещали Соловьева. Последние годы жизни ему стал являться диавол. Наиболее известным произведением Соловьева является «Три разговора», где он выступает с обоснованной критикой против толстовского учения о непротivлении злу, но вместе с тем развивает присущие его творчеству либерально-унианальные идеи об объединении христианских конфессий на прагматических началах. Соловьев считал, что христианство истинно, но сама истина обнаруживается и развивается поэтапно, и человечество придет к новым уровням

божественного самораскрытия, как откровения Духа Святого. В этом представлении об эволюционирующем христианстве Соловьев приближался к средневековой ереси Иоахима (ок. 1132–1202). Философия Соловьева оказала определенное влияние на творчество русских философов: Флоренского, Бердяева, Булгакова, Эрна, и на поэтов-символистов: Блока, Вячеслава Иванова и др.

³⁵⁷ - Апулей (II в.) – древнеримский писатель, поэт, риторсофист, философ, который слыл (особенно после смерти) магом и волшебником. Родился в г. Мадавре (Сев. Африка) и принадлежал к аристократическому роду. Получив в Карфагене блестящее образование, он много путешествовал по Востоку, Греции и Италии. Популяризировал в своих сочинениях греческих философов, особенно Платона и Аристотеля. Считал себя мастером всех литературных жанров: писал стихи, диалоги, речи и т. д. Поверья эпохи ярко отразились в его сохранившейся до нас «Апологии», – речи, произнесенной им в свою защиту от обвинения его в магии. Имя в мировой литературе Апулей приобрел своим романом «Метаморфозы» или «Золотой осел», в котором оккультизм эпохи сочетался с восточной фантастикой,

³⁵⁸ - Валентин (?–160) – самый значительный гностический философ. Родился в Египте; прибыл в Рим в 140 г., где скоро приобрел знаменитость. Христос, по мнению Валентина, был только Высшим Учителем Божественной мудрости, учение которого перенял Валентин. Ему якобы открылась через апостолов тайна Божественной жизни. Суть учения Валентина заключалась в следующем. Первоначально существовало Божественное Первоначало, Глубина, Первоотец. Но Оно имело Мысль, и эта Мысль обаянием своим соблазнила его; так появилась новая пара божественных существ, а за ней стали появляться все новые и новые пары. Всего этих существ-эонов («вечносущих») – тридцать, вместе они образуют Полноту, или Плерому, Божества. Имена этих эонов: Ум (Единородный), Истина, Слово, Жизнь, Человек, Церковь, Христос, Дух Святой и др. Последним эоном была Мудрость, София. Но она воспылала страстью и родила жалкий выкидыш Ахамот. Чтобы

спасти его, все зоны совместным творческим усилием создают Иисуса, совершеннейший плод всей Плеромы (Он не идентичен Христу). Ахамот создает Демиурга, превратно считающего себя единым богом и творцом, о чем Демиург учил евреев через Моисея. Даже краткое изложение философской системы Валентина показывает, насколько она далека от христианства.

³⁵⁹ - Василид (II в.) – александрийский гностик. Родом из Сирии. Его учение сводится к следующему. Абсолютное начало неизреченно, оно содержит в себе возможность всякого бытия («панспермия»), которое проявляется в трех формах: 1) тонкое или идеальное бытие; 2) грубое, материальное, требующее очищения; 3) духовное бытие. Первое соединяется непосредственно с Абсолютным божеством; второе образует видимый мир; третье вначале оставалось связанным со вторым, пока не воплотилось во Христе, Который возвестил низшему миру истину идеального бытия. Просвещенные евангелием и очищенные познанием истины духовные существа возносятся в мир идеальный. А мир материальный из состояния страдания погружается в блаженное неведение.

³⁶⁰ - Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский (326–389) – вселенский отец и учитель Церкви. Родился в Арианзе (недалеко от города Назианза Каппадокийского), был сын Григория (впоследствии епископа Назианского) и Нонны, женщины высоких нравственных правил. Еще до рождения сына она обещала посвятить его Богу и употребила все старания, чтобы склонить его волю на служение Господу. Св. Григорий получил прекрасное образование: он учился в школах Кесарии Палестинской, в Александрии и в Афинах, где сблизился с св. Василием Великим, а также познакомился с Юлианом (по прозвищу «Отступник», который, став императором, отрекся от христианства и пытался возродить язычество в Римской империи (361–363 гг.) и оставил живое изображение этого злого и коварного врага Церкви. В возрасте 26 лет св. Григорий принял крещение. Возвратившись на родину, принял на себя священническое служение. Когда св. Василий, достигший уже сана архиепископа, предложил св. Григорию место главного протопресвитера при своей кафедре,

св. Григорий уклонился от принятия должности. Через некоторое время после этого состоялось посвящение Григория в епископа города Сасима, но в качестве соправителя (викария) продолжил служить своему родителю и пастве назиданской. После кончины родителей св. Григорий удалился в уединенную обитель, где в посте и молитве пробыл около трех лет. Затем был избран на престол архиепископа в Константинополе, где успешно боролся с ересью ариан. Когда обнаружилась ересь Македония (Македонии отрицал Божество Святого Духа), святой Григорий боролся против нее и принимал живое участие в заседаниях Второго Вселенского Собора. Последние годы своей жизни провел в родном селении Арианз, близ Назиданза, в строгих аскетических подвигах. За свои замечательные богословские творения св. Григорий получил от Церкви почетное наименование Богослова и вселенского учителя, а за способность проникать мыслью до самых глубоких тайн веры и выражать непостижимые ее истины с прозрачной ясностью и строгой точностью Церковь в одной из молитв называет его умом самым высоким – «ум крайний» (кондак святому). Память 25 января (7 февраля), 30 января (12 февраля) (Зсвт.), суббота сырная.

³⁶¹ - Александр Блок. «Двенадцать». Январь 1918 г.

³⁶² - Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – один из крупнейших поэтов русской эмиграции. До революции выпустил несколько сборников стихов, привлечших внимание литературных кругов к молодому поэту. С 1922 г. Находился в эмиграции: жил в Берлине, Париже и Риге. Публиковал в эмигрантской прессе стихотворения, критические статьи и прозу. Вышедшая в 1928 г. книга очерков «Петербургские зимы», мемуарные очерки о литературном Петербурге 1910-х – начала 1920-х гг., принесла ему скандальную славу: некоторые современники упрекали автора в недостоверности, а порой и в откровенном художественном вымысле. Вершиной поэтического творчества Иванова стали сборники «Розы» (1931) и «1943–1958. Стихи». Последние годы жизни прошли для г. Иванова в нищете и страданиях – с 1953 г. он вместе с женой проживал в

приюте для престарелых на юге Франции до самой своей смерти.

³⁶³ - Георгий Иванов. «Это звон бубенцов издалека...». Из сборника «Отплытие на остров Цитеру». 1937 г.

³⁶⁴ - 1905 г.

³⁶⁵ - Верден Поль (1844–1896) – французский поэт, один из основоположников символизма. Стихи начал писать под влиянием Бодлера. Отличительными их мотивами были глубокая беспредметная тоска, безотчетная меланхолия и отчаяние. Приветствовал Парижскую Коммуну. Сблизился с юным, но уже нравственно растленным поэтом Рембо (1854–1891). После падения Коммуны Верлен подвергся гонениям и вместе с Рембо эмигрировал из Франции. В ссоре с Рембо на улице выстрелил в него, ранил, и за это был приговорен бельгийским судом к двум годам заключения. В тюрьме произошел перелом в душе Верлена – он обратился к христианству, каялся в прошлой жизни и написал книгу религиозных стихов «Мудрость». Вернулся во Францию в 1877 г. и поселился в деревне. Верлен страдал алкоголизмом и умер в крайней нищете. Слава пришла к нему после смерти.

³⁶⁶ - Александр Блок. «Арфы и скрипки». 1908–1916 гг.

³⁶⁷ - Штайнер Рудольф (1861–1925) – австрийский теософ и гностик, создатель антропософской системы. Доктор философии (1891). Вольный Каменщик шотландского круга, руководитель «Теософского Общества» в Германии, Гроссмейстер Ордена Иллюминатов «Ordo Templi Orientis» и Гроссмейстер ветви «Mysteria Mystica Aeterna», член «герметического ордена золотого рассвета» (члены «Золотого Рассвета» рекрутировались в первую очередь из Великой Ложы английских Вольных Каменщиков (Ложы-Матери), и Общества Розенкрейцеров). Участвовал в подготовке к изданию естественно-научных трудов Гете. Изучал творчество Ницше. В 1893 г. издал свое главное философское произведение – «Философия свободы»-В 1902 г. вошел в Теософское общество, возглавив Немецкую секцию. Написал несколько теософских сочинений, где содержались медитативные упражнения

окультистического характера, а также книгу «Очерк тайноведения», в которой с теософско-спекулятивной позиции излагается космология и фантастическая история человечества. В 1913 г. Штайнер со своими последователями покинул Теософское общество и основал в Дорнахе (Швейцария) Антропософское общество, начал строительство антропософского храма, наименовав его Гетеанум в честь Гете. В этом храме находились вырезанные из дерева изображения языческих божеств, а также некоего существа, которого Штайнер называл Христом. При открытии храма Штайнер выступил с речью, в которой заявил, что главной миссией в его жизни является оправдание и возрождение язычества. В отличие от теософского общества Блаватской – Безант, основанном на принципах адвайта-йоги и буддизма, Штайнер, не выходя из общего русла теософских представлений, обращается к герметизму, средневековой европейской алхимии и магии, и хочет создать новое окультистическо-гностицистическое христианство. Сакральной книгой антропософов является написанное Штайнером антихристианское сочинение под названием «Пятое евангелие», которое он считал евангелием будущего. В ней Христос представляется как солнечный эон, состоящий из шести элогимов. Иисус, по Штайнеру, простой человек, рожденный естественным образом. В результате сложного переселения душ (рассказ о двух младенцах) в Иисусе осуществляются реинкарнации Заратустры и Будды. Штайнер описывает Иисуса до крещения как неустойчивого и слабохарактерного человека; но во время крещения на Иисуса нисходит эон Христос, и последующая жизнь Иисуса является постепенным освоением Христа, которое окончилось на Голгофе. Штайнер отрицает Святую Троицу, девственность Марии, Воскресение Иисуса во плоти и т. д. Поэтому мнимое христианство Штайнера представляет собой большую опасность, чем огульное отрицание исторического бытия Иисуса. Эсхатологические воззрения Штайнера заключаются в том что эон Христос и Люцифер образуют единое царство: Люцифер даст Христу свой интеллект, а Христос Люциферу – свою любовь. Человечество будет переселяться с планеты на планету, а апофеозом

космической истории станет царство Вулкана. Штайнер занимался педагогической и врачебной деятельностью. Он хотел создать систему «языка движений» – еврит-мию. В своей врачебной деятельности он занимался т. н. «сложной гомеопатией» и, будучи оккультистом, соединял ее с астрологией. Штайнер предсказывал, что построенное им культовое здание Гетеанум простоит 200 лет, однако, вскоре, в 1923 г., оно было уничтожено пожаром. В настоящее время во многих странах мира, особенно Европы, существуют антропософские школы, детские сады, клиники, которые служат каналами для распространения и популяризации антропософского учения под видом «духовного христианства».

³⁶⁸ - Вулкан – древнеримский бог огня и подземного пламени, покровитель кузнецов, плавильщиков металла, оружейников; тождествен с греческим Гефестом. Культ его первоначально был связан с человеческими жертвоприношениями.

³⁶⁹ - Эосфор (греч. – светоносный) – в греческой мифологии божество утренней зари. В переносном смысле – падший первоангел, Люцифер.

³⁷⁰ - Фромм Эрих (1900–1980) – немецко-американский психолог, социолог и философ, один из основателей неофрейдизма. Старался выяснить связи между психикой индивида и с идеальной структурой общества. Назвал свое учение «гуманистическим психоанализом». Пытался реабилитировать личность Маркса с позиции гуманизма. Фромм понимал под религией любую систему коллективных взглядов и действий, которая дает индивиду ориентиры и объект поклонения. Негативно относился к христианству, называя его «авторитарной религией», подавляющей личность человека. Как философ стоял на атеистических позициях.

³⁷¹ - Маслоу Абрахам Харольд (1908–1970) – американский психолог, основатель Американской ассоциации гуманистической психологии. Пытался создать иерархическую систему человеческих потребностей («пирамида Маслоу»), где он утверждал, что высшие потребности могут актуализироваться при условии удовлетворения более низших

потребностей; считал коллективные формы религиозной жизни вторичными и несущественными, сводя религию к субъективным переживаниям. «Каждая личность имеет свою собственную, частную религию», – писал Маслоу («Религия, ценности и пиковые переживания», 1964). По его мнению, конечным и главным источником религии является состояние психики индивидуума. К христианству относился негативно.

³⁷² - Пробабилизм (от лат. – вероятный, приемлемый, возможный) – воззрение, утверждающее, что человек может довольствоваться вероятностью для выбора своих действий. В практической сфере это учение считает достаточным основанием для какого-нибудь нравственного решения мнение авторитета – пример или высказывание отдельного лица, что могло приводить к различным злоупотреблениям. Осуждение пробабилизма со стороны некоторых римских пап (папами Александром VII в 1656 г., Иннокентием XI в 1679 г. и Иннокентием XII в 1700 г., запретившим пробабилизм) имело декларативный характер: оно не повлияло на нравственное кредо иезуитского ордена и не вызвало переориентировку его нравственных позиций. Некоторые из римских пап одобрительно отзывались о иезуитских писателях-моралистах. Так, например, папа Бенедикт XIV (1740–1758) назвал писателя-моралиста, иезуита Франсиско Суареса (1548–1617) «светильником богословия». Папа Григорий XVI (1765–1846) провозгласил «святым» популярного в иезуитском ордене моралиста Альфонса Лигуори (1696–1787), а папа Пий XI (1857–1939) возвел этого иезуита в ранг «учителя Церкви».

³⁷³ - Постановления Поместного Карфагенского Собора входят в Книгу Правил, т. е. канонов Православной Церкви, наряду с Апостольскими правилами, Вселенскими Соборами и девятью Поместными Соборами. Догматические решения этих Соборов не могут быть изменены или отменены какой-либо инстанцией. На Поместном Карфагенском Соборе 318 г. был поставлен вопрос о том, за чьи грехи молятся святые в молитве «Отче наш»: за грехи человечества, по солидарности с ним, или также за свои личные грехи. Собор имел антипелагианскую направленность, и вышеуказанный вопрос касался догмата о

первородном грехе, поразившем все человечество, что отрицал Пелагий. Собор постановил, что святые в молитве «Отче наш» молятся не только о прощении чужих, но и своих грехов. Молитва «Отче наш» взята в пример как молитва, данная Господом, а решение Собора имеет в виду, что даже святые должны молиться о прощении своих грехов. «Определено и сие: если кто речет, что святые, в молитве Господней, остави нам долги наша, не о себе глаголют, поскольку им уже не нужно сие прошение, но о других грешных, находящихся в народе их, и яко не глаголет каждый из святых особо: остави мне долги моя, – но остави нам долги наша, так чтобы сие прошение праведника разумелось о других па че нежели о нем самом, – таковой да будет анафема» (Правила Карфагенского собора. Правило 129). Из житий святых, патериков мы видим, что у подвижников обострялось чувство покаяния. Преп. Макарий Великий пишет в своих творениях так: «Доныне не знаю ни одного человека христианина совершенного или свободного. Напротив того, если и упокоевается кто в благодати, доходит до тайн и откровений, до ощущения великой благодатной сладости, то и грех сопребывает еще внутри его» (Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы).

374 - Притч.16:8.

375 - См.: Мк.5:9; Лк.8:30.

376 - Ср.: 1Кор.6:10.

377 - В 1-й половине I тысячелетия по Р. Х. в индуизме выделились два основных течения – шиваизм и вишнуизм. Индуизм существует в основном в форме этих двух течений, хотя внутри них или помимо них в индуизме остается и постоянно возникает множество сект, например тантризм, сохраняющий сильную связь с древней магией, шактизм внутри шиваизма и др. Тантризм воспринял методы йоги и разработал систему разнообразных психопрактик, часто – эротического содержания. В основе учения тантристов лежит идея человека-микрокосмоса. С тантризмом тесно связан шактизм, который отводит особую роль в мировых и священных событиях некоему половому энергетическому началу, представляемому в виде богини Шакти. –

378 - Мф.5:3.

379 - Пс.115

380 - Ср.: Мф.5

381 - Мф.5

382 - Ср.: Ин.14

383 - Ср.: Ин.8:44 V.

384 - Имяславческий спор возник после выхода в свет в 1907 г. книги схимонаха Илариона, известной под названием «На горах Кавказа». Поводом послужил неверный тезис книги – ее основная идея, что «Имя Божие есть Сам Бог» в буквальном значении этих слов. С особой силой этот спор происходил в русских монастыре и скитах Афона и достиг кульминации в 1912–1913 гг. Имяславие было осуждено Святейшим Синодом Русской Церкви как ересь. Константинопольский патриарх Герман V в 1913 г. объявил учение имяславцев пантеизмом. Греческое правительство потребовало, чтобы российские власти навели порядок в монастыре святого Пантелеймона и русских скитах и выслали непокорных монахов со Святой Горы как рассадников ереси. Надо отметить, что Афон находится в юрисдикции Константинопольского Патриарха. Греческая сторона заявила, что если со стороны России не будут приняты срочные меры, то греки сами силой наведут порядок, а это грозило закрытием русских монастырей. Для разбирательства создавшегося положения на Гору Афон в сопровождении военного отряда прибыли архиепископ Никон (Рождественский) и богослов Троицкий. Переговоры с имяславцами привели к тому, что только часть их отказалась от ереси, остальные упорствовали в своем мнении. Последовало выселение непокорных монахов, которых распределили по российским монастырям и подвергли епитимийным наказаниям. Имяславцы после высылки с Афона обратились в Святейший Синод с просьбой пересмотреть их дело и представили свое вероисповедание в значительно смягченной форме. В 1914 г., после начала войны, со стороны некоторых монахов-имяславцев поступила просьба отправить их на фронт в действующую армию для духовного окормления солдат и

разрешить совершать священнодействия. В связи с этим, по принципу икономии, просьба была удовлетво-рена, однако Синод определил, что само имяславское учение следует считать ересью.

³⁸⁵ - Схимонах Иларион (в миру И. И. Домрачев; ок. 1845–1916) – автор книги «На горах Кавказа», послужившей источником возникновения имяславия. Из духовной семьи. Окончил 4 класса духовной семинарии, затем работал учителем. Монахом провел более 20 лет в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне, принял схиму. Прибыл на Кавказ в 80-х гг. вместе со своим духовным отцом старцем Дисидерием. Был приписан к Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю, но жил преимущественно в уединении. Книга схимонаха Илариона «На горах Кавказа» написана совместно с его учеником Владимиром Кирилюком. Согласно этой книге, автор встречается старца Дисидерия, с которым беседует о молитве Иисусовой, на Кавказских горах, а не на Афоне. Схимонах Иларион до конца жизни не принес покаяния в ереси и умер, не примирившись с Церковью.

³⁸⁶ - Гностицизм (от греч. – познающий) – совокупность верований, разделявшихся различными сектами Римской империи I-II вв. По мнению некоторых ученых, гностицизм возник в еврейских и самаритянских общинах под влиянием идей Востока. Хотя гностические секты отличались разнообразием, всех их объединяла, наряду с верой в высшее Божество, вера в демиурга. Этой вторичной силе приписывался акт творения, она считалась действующей в материальном мире. Кроме того, основу большинства гностических учений составлял философский дуализм. Гностики утверждали, что миром правят две противостоящие друг другу силы. Высший Первообраз мыслился всемогущим, в то время как демиург рассматривался в качестве низшего несовершенного существа. Гностики иногда отождествляли Первообраз с новозаветным Богом Любви, в то время как Демиурга – с Богом Ветхого Завета, полагая последнего носителем зла. Исходя из этих представлений, гностики отвергали библейскую концепцию о благом замысле, лежащем в основе творения, они считали, что

материальный мир возник в процессе первичного отпадения от состояния чистой духовности. Более того, они верили, что душа страдает в материальном мире, но может быть спасена посредством неких тайных знаний. Ранняя Церковь боролась со всеми формами гностицизма. В свою очередь, и еврейским мудрецам приходилось преодолевать влияние гностических идей, что нашло свое выражение в еврейской литургии и в раввинистических решениях, направленных против миним (еретиков). Тем не менее гностические идеи повлияли на еврейский мистицизм: они отражены в средневековых каббалистических писаниях, например, книге «Зогар», а также в учении Исаака Лурии (XVI в.).

³⁸⁷ - Поп Пустосвят (Никита Константинович Добрынин) – суздальский священник, виднейший руководитель старообрядческого движения 1682 г., известный в истории под прозвищем «Пустосвят» (тот, кто придерживается не существа, не сути веры, а лишь формы, обрядности, внешнего). Выступил против реформ патриарха Никона – «новин» – с доносом на архиепископа суздальского Стефана, сторонника патриарха Никона, обличая его в служении «не по правилам св. отец» (1659 г.). На Соборе 1660 г. архиепископу грозило низложение, но вмешательство царя привело к пересмотру дела. Никита за ложный донос был лишен права священнодействовать и причастия. Ежегодными челобитными царю он не смог добиться «разрешения». К осени 1665 г. подготовил «великую челобитную» царю против реформ патриарха Никона, с обличениями на книгу «Скрижаль» и на «новоисправленные церковные книги». В начале 1666 г. Никита был арестован, судим на Соборе, анафематствован им и отлучен от Церкви. На его челобитную, получившую уже известность среди старообрядцев, было поручено составить опровержение митрополиту Газскому (с 1652 г.) Паисию Лигариду (1610–1678; указанный труд остался в рукописи) и Симеону Полоцкому (1629–1680; труд «Жезл правления» был издан в 1667 г.). Испугавшись заключения и казни, Никита принес покаянную, был освобожден, но не разрешен к священнодействию. Вернувшись к старообрядчеству, не мог пользоваться, как

«апостат» (отступник), большим влиянием среди братьев по вере. В период опиравшегося на стрельцов старообрядческого движения 1682 г. Никита был выдвинут как книжный человек, могущий держать ответ перед «духовными властями». На открытом диспуте патриарха Иоакима и старообрядцев Никита вел себя грубо, представил оскорбительную для царского рода челобитную «раскольников». Стрельцы отказались от защиты старой веры и выдали «отцов-руководителей», правительство приняло жесткие меры для подавления старообрядческого бунта. Никита был лишен сана и по приказу царевны Софьи (правила в 1682–1689 гг.) казнен на Лобном месте в Москве 11 июля 1682 г.

³⁸⁸ - Манихейство – дуалистическое учение перса Мани (216–277), возникшее на основе маздеизма, гностицизма и христианских ересей. Было распространено его последователями от Рима до Китая; подверглось гонениям уже в царствование Диоклетиана (284–305). Просуществовало в разных странах до VI–IX вв. Биография основателя манихейства, перса Мани, окутана легендами. Персидское предание утверждает, что Мани одно время был христианским пресвитером, около 240 г. проповедовал свою религию при дворе персидского царя, путешествовал на восток до Китая и на юг до Индии, вернулся в Персию ок. 270 г. и ок. 277 г. по проискам магов был распят. По другой версии, Мани взялся совершить чудо – исцелить больного сына персидского шаха, но тот умер, и неудавшийся «чудотворец» был приговорен к казни как обманщик. В учении Мани прослеживаются зороастризм (по другому мнению – гностицизм) с элементами вавилонских религий, христианская идея Мессии и аскетизм, заметно влияние буддизма. Манихеи признавали два противоборствующих царства: света и тьмы, добра и зла, духа и материи, Бога и дьявола. Борьба этих двух царств, по их мнению, завершится катастрофой, в которой материя погибнет, а дух освободится. Человек считался творением дьявола, а брак, земледелие, торговля – преступлением. Вместо Троицы в манихействе фигурирует седмерица. Роль Мессии Мани брал на себя, Иисусу Христу отводил более скромное место – для

спасения людей Бог послал на землю духа солнца, Христа, с призрачной видимостью человека, учение которого завершил сам Мани. Точное изложение его системы невозможно, т. к. от его многочисленных трактатов сохранились только отрывки в сочинениях его противников и сама система подвергалась многим переделкам со стороны его последователей. Навеянные манихейством учения о дуализме добра и зла развивали в Европе павликиане, богомилы, катары, а на Востоке – персидские маздакиты. Манихейство оказало значительное влияние на розенкрейцерство и антропософию.

³⁸⁹ - Иеромонах Антоний Булатович (в миру Александр Ксаверьевич Булатович; 1870–1919) – русский военный офицер, исследователь Эфиопии, иеросхимонах. В 1903 г. после увольнения в запас поступил послушником в Важеозерскую Никифоро-Геннадиевскую пустынь, в 1907 г. принял схиму с именем Антоний, в 1910 г. был рукоположен в священный сан. Главная из его полемических книг в защиту имяславия – «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус» (1913) – стала одной из причин осуждения имяславия как ереси в Послании Святейшего Синода от 19 мая 1913 г. Смысл имяславской формулы «имя Божие есть Сам Бог» своими рассуждениями о божественности энергий Божиих автор «Апологии» не проясняет, но скорее, наоборот, затемняет его. Представление об имени Божиим как энергии Божией нуждается в серьезных разъяснениях. Нередко автор «Апологии» называет «Богом» не только энергии Божий, но и совместные действия Бога и человека, т. е. те действия человека, в которых участвует Бог. В 1907 г. после чтения книги «На горах Кавказа», написанной схимонахом Иларионом, Антоний Булатович стал одним из лидеров и апологетов имяславия. Когда движение было объявлено еретическим, он оказался в числе зачинщиков бунта монахов Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Был вывезен вместе с другими монахами в Россию на корабле «Херсон». Продолжал издавать книги в защиту имяславия. В августе 1914 г. получил разрешение поехать в действующую армию как священник. В 1919 г. о. Антоний проживал в крайней

нищете в имении матери при селе Луцыковка Лебединского уезда Харьковской губернии. Был убит грабителями.

³⁹⁰ - Чтобы несколько смягчить крайности имяславия, Лосев и другие прибегли к следующему варианту; слова «Имя Божие есть Сам Бог» они объясняли как совпадение единства энергий имени Божия и Бога. Однако это объяснение не меняло еретического характера имяславия, а только выдвигало новую проблему отношения имени к несотворенной предвечной благодати, где само имя рассматривалось как трансформация божественного света, что приводило к магизму – учению об автономной силе имени. По православному учению, имя является символом и средством общения, а благодать исходит от Бога, Который как любовь откликается на молитву, но не детерминирован Своим собственным именем. Надо отметить, что концепции Лосева, Флоренского и других о магии имен – аморфны, непоследовательны и противоречивы.

³⁹¹ - Русские философы П. Флоренский, А. Лосев и др., активно выступившие в защиту имяславцев, разрабатывали тему магической природы слова и имени. См.: Флоренский П. А. У водоразделов мысли; Флоренский П. А. Имена; Лосев А. Ф. Философия имени. С точки зрения святоотеческого Предания, всякий магизм представляется ошибочным и неприемлемым.

³⁹² - Лосев Алексей Федорович (1893–1988) – русский философ и филолог, профессор (1923), доктор филологических наук (1943). Окончил классическую гимназию и Московский университет. Сблизился со многими религиозными философами. Посещал религиозно-философское общество памяти В. Соловьева вместе с Н. А. Бердяевым, И. Л. Ильиным, С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским, высланными в 1922 г. за границу. За книгу «Диалектика мифа» арестован и сослан на строительство Балтийского канала. В ссылке провел 10 лет, почти полностью потерял зрение, лишь частично восстановив с годами возможность видеть. Читал курсы античной литературы, логики, эстетики и истории философии в вузах Москвы. Исповедовал вслед за Флоренским имяславие. Под видом изучения античной эстетики, слова и символа всячески проповедовал философию Имени как изначальной сущности

мира. Духовным отцом супругов А. Ф. Лосева и В. М. Лосевой-Соколовой был афонский архимандрит Давид (Мухранов), совершивший в 1929 г. над супругами тайный монашеский постриг под именами Андроника и Афанасии. Для Лосева и его жены имяславие стало не только предметом научного интереса, но и исповеданием веры. В 1920-х гг. Лосевы входили в имяславческий кружок, где были прочитаны многочисленные доклады Лосева, в которых тема имени Божия затрагивалась в самых разных аспектах. В 1923 г. Лосев пишет «Философию имени». Современное имяславие, по мнению Лосева, не только коренится в первых веках христианства, но и связано с ветхозаветным представлением об имени Божиим как силе и энергии Божией, неотделимой от Самого Бога. Лосев считал имяславие обоснованием и уяснением всей православной догматики, «ибо всякая догма есть откровение божества в мире; а откровение предполагает энергию Бога. Энергия же увенчивается именем». Его «формула» имяславия такова: «Имя Божие есть энергия Божия, неразрывная с самой сущностью Бога, и потому есть сам Бог. Однако Бог отличен от своих энергий и своего имени, и потому Бог не есть ни Свое имя, ни имя вообще» (Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997. С. 15). Лосев полагал, что в Иисусовой молитве встречаются Бог и человек, причем человеку, которому несообщаема божественная сущность, сообщаются божественные энергии. Из них наивысшей является имя Божие. «Таким образом, Бог и человек владеют одним и тем же именем, но имя это в одном случае неразрушимо и абсолютно, а в другом – колеблется, пробуждается и сияет мерцающим светом .. Действенная молитва возможна лишь в том случае, если имя Божие есть энергия Божия и сам Бог, отсюда – когда эта энергия сообщается человеку – в нем также действует Бог. Здесь, конечно, надо разуть обожение не по природе, приобщение не по существу (тогда бы это был пантеизм), но лишь по благодати и причастию. Если же имя – не Бог, то и молитва не есть общение с Богом, но общение с чем-то тварным» (Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997. С. 14–16). «Хотя само по себе имя Божие есть сам Бог и поэтому одноприродно, произносимое человеком

и в связи с этим действенное в человеке имя Божие –
двуприродно, поскольку участвует тут и энергия человека;
произносимое имя – арена встречи Божественных и
человеческих энергий. Однако энергия человека сводится лишь
к принятию в себя Божественных энергий..» (там же. С. 61). В
работах 1920-х гг. под влиянием Платона, неоплатоников, Г. В.
Ф. Гегеля, Ф. В. Шеллинга и Э. Гуссерля стремился построить
методами идеалистической диалектики универсальные модели
бытия и мышления («Античный космос и современная наука»,
1927; «Диалектика мифа», 1930), а также художественного
творчества («Диалектика художественной формы», 1927;
«Музыка как предмет логики», 1927). В эти же годы исследовал
античное восприятие мира в его структурной целостности:
«Очерки античного символизма и мифологии» (т. 1Т 1930). В
1931 г. получил 10 лет лагерей как член контрреволюционной
монархической организации имяславцев; был выпущен
досрочно в 1933 г. После возвращения из ссылки был вынужден
работать «в стол», зарабатывая переводами, маскировать свои
мысли под диалектику марксизма, неуклюже снабжая
философско-богословские изыскания цитатами из Маркса и
Ленина. В 60-х годах вышел первый том «Истории античной
эстетики», взорвавший традиционные представления об
античности. В этом труде автор открывает читателю античный
мир от Гомера до Христа, совершенно по-новому представил
«идеалиста» Платона. По Лосеву, красота античного мира есть
красота прозрения от слепого Гомера, прозревающего Олимп и
слышающего богов, до зрячего Платона, видевшего за
телесностью мира духовную реальность незримого. Год за
годом и том за томом выходили новые книги по античной
эстетике. Лосев постепенно оброс кругом учеников и
последователей среди молодых ученых. В его философских
чаепитиях принимали участие С. С. Аверинцев, Троицкий, В. В.
Бибихин, К. Кедров, С. Джимбинов и другие известные
филологи. В 1980-е тяжело больной Лосев открыто говорил
ученикам и последователям о своей вере, проповедуя
имяславие. Ряд книг Лосева посвящен Платону, Аристотелю,
Диогену, Лаэртию, Сократу, Плотину. Лосев также был

переводчиком Плотина, Прокла, Николая Кузанского, редактором сочинений Платона. Лосев высказывал ряд оригинальных мыслей, но не смог создать собственной философской системы, поэтому, имея многих почитателей, пользующихся его трудами, не оставил после себя преемников и продолжателей.

³⁹³ - Антропоморфизм в религии – наделение Божества человеческими свойствами не в иносказательном, а буквальном смысле.

³⁹⁴ - Архиепископ Феофил († 412) – Патриарх Александрийский с 385 г. Деятельный, умный, хитрый, честолюбивый, достигнув высшей власти на юге империи, он желал достигнуть такого же положения во всей Восточно-Римской империи, какое в это время имел папа на Западе. Всемогущество в двух сферах – духовной и политической – доставило Патриарху Феофилу прозвание христианского фараона. С подчиненными ему епископами он обращался как с рабами, удаляя их без объяснения и без пощады при малейшем подозрении в стремлении к независимости. За сопротивление своих подчиненных он подвергал оковам, темнице и изгнанию. Имел в Константинополе на жалованье шпионов, с помощью которых знал все, что там происходит. В 398 г. св. Иоанн Златоуст был посвящен в сан архиепископа Константинопольского. Рукополагал святителя Патриарх Александрийский Феофил, которому не удалось провести на кафедру другого епископа, и он не скрывал враждебного отношения к новому архиепископу и в дальнейшем упорно боролся с свт. Иоанном Златоустом. В последние годы IV в., времени самых сильных споров об оригенизме, Феофил наложил анафему и обвинял в ереси всякого, кто не почитал Оригена и не объявлял себя его последователем. Кроме того, Феофил принял строгие меры нетерпимости против монахов-антропоморфитов своей епархии. Но против учения Оригена на Востоке образовалась все возрастающая оппозиция монашества. Патриарх Феофил был вынужден осудить Оригена. Из сторонника Оригена Феофил сделался ярым его противником. В Египте начались жестокие преследования

оригенистов. Особенно Феофил обрушился на нитрийских монахов и главным образом на четырех иноков – «долгих братьев». В пустыне Нитрийской с присоединением части Скитской области, между Нильской долиной и Ливийской горной цепью, расположено было множество монастырей. Египетские монахи «долгие братья» были прозвищем обязаны своему высокому росту, сочетавшемуся с чрезвычайной худобой – следствием сурового образа жизни. Верные ученики александрийской школы, они проповедовали в нитрийских и скитских обителях эклектический оригенизм, подобный оригенизму самого Феофила. Вскоре пришло повеление Феофила, в котором он оплакивал испорченность веры в Нитрии и приказывал, чтобы все книги Оригена и его последователей, сколько их ни найдется в монастырях и кельях, были сожжены немедленно, и что если исполнение этого приказания встретит сопротивление или замедление, то он прибудет самолично и прикажет при себе исполнить его. Во главе войска Феофил отправился в Нитрию и превратил в груды развалин цветущую мирную обитель. Монахи разбежались; «долгие братья» с трудом спаслись и отправились искать правосудия в Константинополе у архиепископа Иоанна Златоуста, который написал патриарху Александрийскому письмо, убеждая даровать ему, как своему брату и сыну, помилование изгнанников именем Церкви и славы Божией. Но Феофил объявил нитрийских изгнанников шайкой чародеев, возбудил против них общественную ненависть и подозрение императора. «Долгие братья» были вынуждены подать челобитную императору о насилиях Феофила. Императрица Евдоксия взяла дело под свой контроль, императором был подписан Указ о созыве собора. Сам Феофил был призван к суду, но вскоре сумел привлечь на свою сторону двор и возбудить неудовольствие последнего против Златоуста. Почва была благоприятна, так как архиепископ Иоанн своим суровым режимом и обличительными проповедями возбудил против себя массу врагов, и в том числе императрицу. На соборе при Дубе об обвинении Феофила не было и речи, о «долгих братьях» забыли; обвиняемым сделался архиепископ Иоанн Златоуст.

Когда на зов собора он не явился, то был заочно осужден и низложен. Но вследствие землетрясения испуганная Евдоксия просила императора срочно вернуть святого Иоанна и послала письмо изгнанному пастырю, умоляя его вернуться.

Архиепископ Иоанн был призван обратно к власти, а Феофил тайно бежал из Константинополя. Когда Златоуст опять сильно раздражил императрицу этим воспользовался Феофил и ссылкой на каноны Антиохий-ского собора 341 г. низверг его с престола. В 404 г. свт. Иоанн Златоуст отправился в изгнание. Феофил опять переменял свое мнение об Оригене и стал по-прежнему пользоваться его сочинениями. «Ориген, – говорил Феофил, – это чудный цветник, в котором рядом с сорными травами растут прекрасные розы: я срываю только последние». Сочинения его до нас не дошли, кроме нескольких пасхальных посланий и дисциплинарных канонов, вошедших в состав нашей Кормчей и Книги правил.

³⁹⁵ - Мф.6:21.

³⁹⁶ - Ср.: Пс.75:5 на церковнославянском языке. См.: Псалтирь в переводе П. Юнгера, 1915.

³⁹⁷ - Мартенсен Ганс Лассен (1808–1883) – датский теолог, профессор Копенгагенского университета, церковный оратор, епископ Зеландский. Держался на почве общехристианского мировоззрения, соглашенного, по возможности, с идеалистической философией, признавался в свое время за лучшего моралиста-теолога, наиболее свободного от вероисповедных заблуждений – протестантизма. Писал на датском, латинском, немецком языках. Его сочинение «Христианская догматика» (1840–1850) в течение длительного времени использовалось в Швеции в качестве учебника в сфере высшего образования.

³⁹⁸ - Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский поэт, романист, драматург; лидер романтического движения во Франции. Романтизм эпохи Великой французской революции выковывал новые формы в борьбе с классицизмом. Сам поэт так определяет свою роль и значение в создании нового направления во французской поэзии: «Я провозгласил слова свободными, равными, совершеннолетними». «Благодаря тебе,

о святой прогресс, революция трепещет теперь в голосе, в книге, где читатель чувствует ее жизнь в живом слове». Первыми произведениями, в которых вполне определилось романтическое направление, были драма «Кромвель» (1827) и сборник стихов «Восточные мотивы» (1829). К 1851 г. выпустил целый ряд лирических сборников, драм, повестей и романов. Самым крупным произведением этого периода является роман «Собор Парижской Богоматери». С революции 1848 г. начинается участие Гюго в политической жизни Франции. Он сделался крайним республиканцем, ярым противником Наполеона III. В 1848 г. Гюго был избран в члены Учредительного, а в следующем году – в члены Законодательного собрания. Принимал самое деятельное участие в сопротивлении государственному перевороту 1852 г., сражался на баррикадах. После переворота он был объявлен вне закона, и за голову его была назначена награда. Гюго бежал из Франции и провел в изгнании 18 лет. В этот период он издал гневный памфлет против Наполеона III «Наполеон Малый» и сборник политических стихотворений «Кары», а также несколько лирических сборников и романы «Отверженные» и «Труженики моря», создавшие ему славу одного из лучших европейских писателей. В 1870 г., во время франко-прусской войны, Гюго вернулся в Париж и был избран в Национальное собрание, но сложил с себя звание депутата, когда в Национальном собрании победили сторонники мира. Во время Парижской коммуны находился в Брюсселе, где выступал в защиту коммунаров. Событиям 1870 г. он посвятил сборник стихов под названием «Ужасный год». Последние 14 лет своей жизни провел в Париже. Здесь в 1874 г. им был издан его последний роман «1793 год», изображающий события французской революции. В течение 25 лет Виктор Гюго бессменно возглавлял оккультную ложу «Приоры Сиона», в которую входил ряд представителей французского искусства и литературы.

³⁹⁹ - Скотт Вальтер (1771–1832) – английский писатель, представитель романтизма; поэт, историк. Обладал феноменальной памятью. Занимался собиранием шотландских народных баллад. Романтические поэмы 1805–1817 гг. принесли

ему славу выдающегося поэта. Наиболее известен своими историческими романами. Творчество Скотта оказало огромное влияние на европейскую и американскую литературы. Создав исторический роман, он установил законы нового жанра и блестяще воплотил их на практике. Исторический роман стал одним из наиболее популярных жанров в эпоху романтизма (В. Гюго, А. Дюма-отец, А. де Виньи, Ф. Купер и др.). В России Скотт был хорошо известен уже с 20-х гг. XIX в.; творчество Скотта-романиста оказало влияние на историческую прозу русских писателей, в том числе А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др.

⁴⁰⁰ - Опричнина – название отряда телохранителей Ивана Грозного в 1565–1584 гг. Сначала в опричнину набрали 1000 человек, князей, дворян и проч., но число их скоро достигло 6.000. Правительство ввело неподсудность опричников общегосударственным органам власти и суда. Целью опричнины провозглашалось искоренение «крамолы». Опричники пировали с царем, производили розыски и казни, наезды на Москву и другие города, устраивали кровавые разгромы в Великом Новгороде, Твери и других городах. Зверства и издевательства опричников над народом, включая духовенство, стали одной из причин последующих междоусобиц в так называемое Смутное время.

⁴⁰¹ - Деян.20:35.

⁴⁰² - Мф.6:3.

⁴⁰³ - Митрополит Антоний Ставропольский (в миру Василий Антонович Романовский; 1886–1962) – уроженец Полтавской губернии, воспитанник Киевской Духовной академии. В 1924 г. возведен в сан архимандрита, затем хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Сухумского и Ереванского; в 1935 г. назначен епископом Ставропольским, Донским и Сталинградским. Неоднократно подвергался репрессиям, проведя в заключении в общей сложности около 15 лет. В 1943 г. был возведен в сан архиепископа и назначен на Ставропольскую и Бакинскую кафедру. По поручению Святейшего Патриарха Сергия владыку направили в Грузию для улаживания вопроса о возобновлении молитвенно-

евхаристического общения Грузинской Православной и Русской Православной Церквей. Обе стороны проявили мудрость, смирение и тактичность, что привело к успешному решению непростой проблемы. Положительная роль архиепископа Антония была отмечена Католикосом-Патриархом всея Грузии Калистратом в заключительной речи. 10 ноября 1943 г. каноническое общение Церквей было восстановлено. Владыка Антоний приложил громадный труд по присоединению обновленческих архиереев и священников к Православной Церкви, у многих принимая покаяние. О ссыльных или вернувшихся из заключения священниках и монахах архиепископ Антоний заботился по-отечески. Владыка старался также оказать материальную помощь всем монашествующим, которые обращались к нему, независимо от национальности и места проживания. Укрепляя епархию, святитель стремился заменить обновленческое духовенство православными священниками. В 1946 г. на свои собственные средства архиепископ Антоний открыл Ставропольскую Духовную семинарию, которая стала его детищем. В 1962 г. архиепископ Антоний был возведен в сан митрополита. Незадолго до этого, воспользовавшись промахами хозяйственных служащих епархии, газетная и журнальная печать организовала беспощадную травлю смиренного святителя, ускорившую его кончину. Свой крест поношений и поруганий митрополит Антоний вынес до конца, до последнего часа в полном сознании продолжая заниматься делами епархии. 7 ноября 1962 г. святитель мирно почил. В 2004 г. прах митрополита Ставропольской и Бакинской епархии Антония перезахоронен в Ставрополе у стен кафедрального собора Андрея Первозванного.

⁴⁰⁴ - Трагедия – большая форма драмы, драматургический жанр, противопоставляемый комедии. Термин «трагедия» появляется впервые в древней Греции для обозначения религиозного обряда – традиционных мимических игр и хоровых песен (дифирамбов), связанных с аграрными празднествами в честь бога вина Диониса. Главным содержанием дифирамбов было повествование о злоключениях, которые испытал юный

Дионис. Ритуальной основой этих празднеств было жертвоприношение козла (от греч. – козел и песнь возникло название «трагедия», «козлиная песнь», «песнь в честь козла»). В обряде участвовали пляшущие «хоры сатиров», мимически воспроизводившие события того же сказания о Дионисе. Из сочетания дифирамба с хором сатиров и произошла, по свидетельству Аристотеля, трагедия, на ранних ступенях своего развития сохранившая тесную связь с мифом о Дионисе. Постепенно культовое действие перешло в театральное зрелище. Окончательно же сложилась трагедия как драматическая форма в период VII-VI вв. до Р. Х. Высшего своего развития достигла при Эсхиле, Софокле и Еврипиде.

⁴⁰⁵ - 1Фес.5:19.

⁴⁰⁶ - Святой праведный Филарет Милостивый, Пафлагонянин († 792) был с детства воспитан в благочестии и страхе Божиим. Богатый и знатный вельможа, он проживал в селении Амнии Пафлагонской области (Малая Азия), имел жену из богатой и знатной семьи по имени Феозва и троих детей. Но богатство его не радовало. Зная, как много людей страдает от бедности, вспоминал он слова Спасителя о страшном суде и о «малых сих» (Мф.25:40), слова Апостола о том, что человек, умирая, ничего не уносит из мира (1Тим.6:7), строки царя Давида о вознаграждении праведника (Пс.36:25, 29). И св. Филарет прославился нищелюбием, стойко и кротко переносил упреки жены и насмешки детей. Внучка св. Филарета Мария стала византийской царицей, супругой Константина Багрянородного (780–797), который щедро одарил Филарета. Так вернулись к нему слава и богатство. Но не приемля почестей, в смирении и нищелюбии, щедро раздавая милостыню и устраивая трапезы для нищих, достиг блаженный старец 90 лет. Предвидя свою кончину, он отправился в Константинопольский монастырь Родольфию, роздал там все, что имел при себе, на монастырские нужды и нищим и так же мирно преставился Богу. Многие чудеса и исцеления совершались при гробе святого. Память 1 (14) декабря.

⁴⁰⁷ - Преподобный Сампсон Странноприимец († ок.530) родился в Риме в богатой и знатной семье, получил хорошее

образование, особенно основательно изучил врачебное искусство и лечил безвозмездно убогих и нищих. Он прилежно занимался чтением Священного Писания, много молился. После смерти родителей раздал все оставшиеся ему по наследству имущества, отпустил всех рабов на свободу и отправился в пустыню с намерением проводить строгую жизнь аскета. По Промыслу Божию святой Сампсон прибыл в Константинополь. Поселившись в небольшом доме, он стал принимать странников, нищих, больных и с усердием служил им, исцеляя больных не только как искусный врач, но и как носитель Божией благодати. Молва о святом Сампсоне широко распространялась. Патриарх, призвав его, посвятил во пресвитера. До глубокой старости продолжал преподобный Сампсон свое служение и после недолгой болезни с радостью отошел ко Господу. Тело святого погребли в храме во имя священномученика Мокия († ок.295). От гроба святого Сампсона совершались многочисленные исцеления. Память 27 июня (10 июля).

⁴⁰⁸ - [Мф.22:37](#), [Мк.12:30](#).

⁴⁰⁹ - [Мф.22:39](#).

⁴¹⁰ - Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) – немецкий писатель, один из виднейших представителей романтизма в немецкой литературе. Соединял реалистический талант, умение подмечать теневые и комические стороны действительности, тонкую философскую иронию с причудливой ультраромантической фантазией, доходящей до мистического гротеска, играл на нервах читателя, возбуждая ужас. Действительность как стихия темных сверхъестественных сил, темы безумия и реальности иллюзорного представлены в произведениях «Золотой горшок» (1814), «Песочный человек» (1817), «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» (1819), «Эликсир дьявола» (1816). Гофман – один из основоположников романтической музыкальной эстетики и критики. Он представлял музыку как особый мир («неведомое царство»), способный раскрыть человеку смысл его чувств и страстей, природу загадочного и невыразимого. Автор первой немецкой

романтической оперы «Ундина» (1813), оперы «Аврора» (1812), симфоний, хоров, камерных сочинений.

⁴¹¹ - Гюисманс Шарль Мари Жорж (литературное имя – Жорис Карл; 1848–1907) – французский писатель. В первом периоде творчества – последователь крайнего натурализма. Постепенно натурализм перерос в романтизм, а затем в декадентство. Гюисманс искал забвение в изоощренном культе чувственных наслаждений (роман «Наоборот», 1884). В позднейших романах Гюисманс превратился в символиста и мистика. Сблизился с религиозными кругами, посещал ряд монастырей, но мистицизм Гюисманса носил в значительной мере эстетический и книжный характер. Увлёкся современными ему оккультными науками, магией и чернокнижием, сблизился с парижскими сатанистами, французской группой розенкрейцеров (роман «Там, внизу», 1891, неоконченный роман «Там, наверху», 1893), от которой затем отходит, сосредоточившись на католических мистиках средневековья (роман «Собор», 1898).

⁴¹² - Александр VI Борджиа (до интронизации – Родриго де Борджиа; 1492–1503) – кардинал с 1456 г., в 1457 г. вице-канцлер Римской Церкви, папа римский в 1492–1503 гг. Заботился о Риме, укрепляя город от нападений с моря, был широко известен как меценат, любитель искусств, покровительствовал Римскому университету, поддерживал профессоров. Ещё при жизни Александр VI был заклеен как «чудовище разврата». Даже официальной историей католической церкви он характеризуется как «самая мрачная фигура папства», а его понтификат назван «несчастьем для церкви». Ещё в бытность кардиналом он в своем дворце сожительствовал со множеством женщин и от одной из наложниц имел трех сыновей и дочь Лукрецию, которая также была его любовницей. Смерть Александра VI была страшна и нелепа: задумав умертвить трех не угодивших ему кардиналов, он, подмешав в бутылки с вином яд, случайно выпил отравленное им же самим вино. Вместе с ним отравился и его сын Чезаре, но благодаря молодости и здоровому организму выздоровел. Александр VI имел многочисленное внебрачное

потомство, особенно старался об увеличении владений и обогащении Чезаре Борджиа и Лукреции Борджиа.

⁴¹³ - Игнатий Лойола (1491–1556) – мелкий испанский дворянин, основатель ордена иезуитов (1534 г.), избранный в 1541 г. пожизненно «генералом» этого ордена. Для ордена иезуитов характерны жесткая дисциплина, централизация, беспрекословное подчинение главе ордена и папе римскому. В сочинении «Духовные упражнения» – настольной книге всякого иезуита, изложил систему иезуитского воспитания; считал допустимыми любые средства ради «вящей славы божьей». В 1622 г. католической церковью причислен к лику святых.

⁴¹⁴ - Молох – языческое божество у сиро-финикиян и аммонитян, очень древнее. Во времена Ахаза, Манассии, Иосии служение Молоху происходило в долине Еннома, где приносили ему в жертву детей или проводили для него детей через огонь. За это пророки резко обличали иудеев и предсказывали страшные наказания. Ваал – первоначально название божества, под которым некоторые из древних восточных народов боготворили солнце. Ему поклонялись под различными видами в различных странах. В книге Пророка Иеремии (19:5) прямо говорится, что Ваалу приносились человеческие жертвы. У древних израильтян ему воздвигались капища (3Цар.16:32), обычно на возвышенных местах, в которых ставились идолы (4Цар.10:26). В честь Ваала курили ароматы (Иер.7:9) и возносили каждения. Чтобы привлечь его внимание и милость, жрецы скакали кругом жертвенника и выпускали громкие крики, а в особенных случаях кололи себя ножами и копьями, обливаясь кровью (3Цар.18:25–28).

⁴¹⁵ - Тейяр де Шарден Пьер (1881–1955) – французский естествоиспытатель, член ордена иезуитов (1899 г.), священник (с 1911 г.), мыслитель и мистик. Автор концепции «христианского эволюционизма». Профессор кафедры геологии Парижского Католического университета (1920–1925). Член Парижской академии наук (1950). Основные сочинения: «Божественная Среда» (1927), «Феномен человека» (издана посмертно в 1955) и др. Несоответствие взглядов Тейяра официальной доктрине католицизма стало причиной отстранения его от

преподавательской деятельности и долговременного запрета публикаций его философских работ. В 1923–1946 гг. жил в Китае. Вел геологические, палеонтологические и археологические исследования в Китае, Индии, Бирме, на Яве и др. Используя теории и гипотезы современной науки, он пытался создать цельное мировоззрение, так называемую научную феноменологию, в которой должна быть снята противоположность между наукой и религией. Главный методологический принцип Тейяра – идея эволюции; получившая у него телеологическое истолкование. Ключ к пониманию эволюции Вселенной он видел в «феномене человека». Человек – вершина эволюции, направленной в будущее. Религия, обосновывающая мораль, должна, объединившись с наукой, обновить толкование своих принципов и стать религией действия. Таким образом, Тейяр разрабатывал христианский вариант эволюционистской этики. Доктрина его крайне противоречива. Его христианский эволюционизм во многих пунктах оказывается разновидностью пантеизма. Сторонники Тейяра оказывали активное влияние на модернизацию официальной доктрины католицизма.

⁴¹⁶ - Генрих IV (1553–1610) – французский король с 1589 г. (фактически с 1594 г.), первый из династии Бурбонов; король Наварры (Генрих Наваррский) с 1562 г. Во время религиозных войн – глава гугенотов, в 1593 г. принял католичество и вступил в Париж. Нантским эдиктом 1598 г. предоставил гугенотам свободу вероисповедания и многие привилегии. Был убит католиком Равальяком.

⁴¹⁷ - Синтоизм (от япон. – путь (учение) богов) – религия, сложившаяся в Японии на основе древнего культа одухотворения природы и обожествления умерших предков и развившаяся под влиянием буддизма, конфуцианства и даосизма. Верховным божеством («ками») синтоизма считается Ама-тэрасу Омиками (Великая священная богиня, сияющая на небе), от которой, согласно мифологии синто, ведет свое происхождение императорская фамилия. Главная специфическая особенность синтоизма – глубокий национализм. «Ками» породили не людей вообще, а именно японцев. Душа

умершего при определенных обстоятельствах способна стать ками. В свою очередь, ками обладает способностью воплотиться в ритуальные предметы (меч, зеркало, фигурку бога, дощечку с именем божества), и такой предмет (синтай) превращается в объект поклонения. Синтоистская служба состоит из 4 элементов – очищения (хараи), жертвоприношения (синсэй), краткой молитвы (норито) и возлияния (наораи). Для синтоизма характерно обожествление императорской семьи. С V-VI вв. императорский двор стал руководить деятельностью главных синтоистских храмов; наиболее важные обряды совершал император, объявленный в VII в. верховным жрецом. Проникновение из Кореи и Китая в Японию буддизма (с VI в.) постепенно ликвидировало монопольное положение синтоизма; в период расцвета японского феодализма (X-XVI вв.) многие японцы стали исповедовать две религии. В период между Реставрацией Мэйдзи (1867–1868) и окончанием второй мировой войны синтоизм служил официальной идеологией государства. Власти объявили его своего рода «надрелигией», обязательной для всех японцев, независимо от их вероисповедания, с обязательными посещениями синтоистских храмов и обрядами почитания императора. Поражение империалистической Японии подорвало престиж синтоизма. 1 января 1946 г. японский император публично отказался от своего «божественного» происхождения. Конституция 1947 г. провозгласила отделение религии от государства и политики. Часть синтоистской литературы была запрещена, священники потеряли свой прежний официальный статус, синтоистские святилища (дзиндзя) были лишены привилегий, и подавляющее большинство их объединилось в Ассоциацию синтоистских святилищ (Дзиндзя хонте). Однако в последующие годы синтоизм постепенно стал восстанавливать свое влияние и несколько модернизировал учение.

⁴¹⁸ - Джелал-эд-Дин (?–1231) – хорезмшах (с 1220 г.). После смерти своего отца хорезмшаха Мухаммеда II возглавил борьбу хорезмийцев против монголо-татарского нашествия. В битве при Парване нанес монголам поражение, которое, как отмечают исследователи, было единственным крупнейшим поражением

монголов за все время их боевых действий в Средней Азии, Иране и Афганистане в 1219–1222 гг. Но в 1221 г. Чингисхан на реке Инд разбил войска Джелал-эд-Дина, и хорезмшах вынужден был бежать в Индию. До начала 1224 г. жил в Индии, затем на Кавказе. В 1224 г. предпринял поход в Иран и Месопотамию, затем захватил Азербайджан, часть Грузии и Армении. В 1231 г. в Азербайджан вновь вторглись монголо-татарские войска, в бою с которыми Джелал-эд-Дин был разбит. Бежал в Месопотамию и там был убит.

⁴¹⁹ - Русудан (1223–1245) – грузинская царица, родная сестра Георгия IV Лаши, единственная законная наследница Царского престола после смерти Георгия IV в 1223 г. Ведя войну с монголами, хорезмшах Джелал-эд-дин отправил к грузинам послов для заключения мира и совместного выступления против монголов и вместе с тем потребовал от грузин принять ислам. Русудан отклонила предложение хорезмшаха. В 1226 г., благодаря измене внутри города, он захватил Тбилиси. По свидетельству арабского историка Ибн-ал-Асира (1160–1232), в городе спаслись только те, кто принял ислам и произнес изречение Корана: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк его». В 1235 г. в Грузию вторглись монголы, постепенно заняв всю восточную и южную Грузию. Узнав о нашествии монголов, царица Русудан переехала в Кутаиси. Не надеясь получить помощь извне, царица Русудан пошла на мирное соглашение с монголами и оказалась во владениях Золотой Орды. В 1243 г. был заключен договор, по условиям которого монголы оставили в Грузии царскую власть неприкосновенной, но на царский престол царя утверждал монгольский великий хан. Русудан возвратилась в Тбилиси для утверждения на царство своего сына Давида, которого отправила к хану. Вскоре царица Русудан скончалась. Начиная с XIII в. – со дня присылки в Грузию папой Григорием IX доминиканских монахов в ответ на просьбу царицы Русудан оказать военную помощь в борьбе с монголами, и вплоть до первых десятилетий XX в. в Грузии проводилась настойчивая католическая пропаганда. Папы Николай IV, Александр VI, Урбан VIII и др. присылали к грузинским царям, митрополитам и вельможам послания,

домогаясь склонить грузин к своему вероисповеданию, а папа Евгений IV мечтал окончательно осуществить на Флорентийском Соборе желание Римских первосвященников. Но все покушения католиков убедить грузин признать их вероисповедание были тщетны.

⁴²⁰ - Орбелиани Сулхан Саба (1658–1725) – грузинский писатель, ученый и политический деятель, боровшийся за освобождение Грузии от иностранного порабощения. Был дипломатом при дворе грузинской династии. В правление своего воспитанника Вахтанга VI вел активную политическую деятельность. В 1712 г. сопровождал Вахтанга VI в Иран; в 1713–1716 гг. находился с дипломатической миссией в Западной Европе: в Париже, Риме. Для укрепления связи с Западом принял католичество. В 1724 г. вместе с Вахтангом VI эмигрировал в Россию. Наиболее значительное произведение – «Мудрость и ложь» (или «О мудрости лжи»), имеющее нравственный и дидактический характер, включает в себе много притч и афоризмов; также Орбелиани написал книгу «Путешествие в Европу» и ряд сочинений религиозного содержания; составил толковый словарь грузинского языка, охватывающий 50.000 слов.

⁴²¹ - Виет Франциск (1540–1603) – знаменитый французский математик, разработавший почти всю элементарную алгебру; ввел буквенные обозначения для коэффициента в уравнениях. Сочинения его написаны трудным языком и поэтому получили меньшее распространение, чем заслуживали.

⁴²² - Диего де Ланда (1524–1579) – испанский прелат из знатной семьи Кальдерон, принадлежавший к ордену францисканцев и бывший в середине XVI в. епископом диоцеза, куда входили земли Юкатана и Гватемалы, населенные в основном племенами майя. Его главной задачей было христианизировать земли майя. Диего прибыл в 1549 г. из Испании в монастырь Иса-маль (Юкатан). Он подробно описал быт майя, верования, нравы, чаи, сделал попытку расшифровать их письменность. Выкорчевывая язычество среди аборигенов, 12 июля 1562 г. в городе Мани – древней столице майя – епископ Диего сжег тысячи рукописей и

уничтожил бесчисленное количество идолов, алтарей и несколько десятков кодексов. Написанная им работа «Сообщение о делах в Юкатане» стала главным и авторитетным для ученых источником знаний о культуре майя. Сохранились всего три рукописи майя. Сегодня они известны как кодексы – Парижский, Дрезденский и Мадридский, именуемые так по названиям городов, в библиотеках которых они хранятся.

⁴²³ - Джуна (настоящее имя Давиташвили Евгения Ювашевна) – известная целительница-экстрасенс, применяющая для лечения различных заболеваний «бесконтактный массаж». Родилась в 1949 г. на Кубани (Краснодарский край). Получив медицинское образование, продолжила учебу на Цейлоне в медицинском университете Коломбо. С 1980 г. живет и работает в Москве. В 1990 г. организовала Международную академию альтернативных наук. По данным газеты «Известия» (22 сентября 1995 г.), пациентами Джуны являлись Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, Папа Римский Иоанн Павел II, художник Илья Глазунов, актеры кино Джульетта Мазина, Роберт де Ниро, Марчело Мastroяни, кинорежиссеры Андрей Тарковский и Федерико Фелини.

⁴²⁴ - Мф 23:31–32

⁴²⁵ - Ришелье (Арман Жан дю Плесси; 1585–1642) – французский государственный деятель, герцог, кардинал (с 1622 г.), главный министр Людовика XIII (с 1624 г.). Фактически стал правителем Франции. Пытался сделать Францию первой державой Европы. Сломил взятием Ла Рошеля (1628) политическую силу гугенотов, лишил их политических прав, предоставленных Нантским эдиктом 1598 г., но сохранил свободу вероисповедания и некоторые привилегии («Эдикт милости», 1629 г.). Беспощадно подавил феодальный мятеж в Лангедоке (1632 г.). В 1635 г. вовлек Францию в Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. Победам Франции способствовали создание военного флота и реорганизация армии. Усилил налоговый гнет и жестоко подавлял вызванные им народные восстания. Способствовал развитию французского

классицизма в области литературы и искусства. Основал Французскую академию.

⁴²⁶ - Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (праздник святого Варфоломея) в Париже, продолжавшаяся в последующие дни в провинциях. Екатерина Медичи, обеспокоенная влиянием главы гугенотов адмирала Колиньи на своего сына, Карла IX, убедила последнего в наличии гугенотского заговора и получила согласие на резню, которая была организована во время съезда в Париж большого числа дворян-гугенотов на свадьбу (18 августа) Генриха Наваррского (будущего Генриха IV) с Маргаритой, сестрой короля. В результате расправы было убито около 3.000 гугенотов, в том числе Колиньи; в других городах Франции погибло до 30.000 человек. Последствием для Франции стало возобновление внутренней религиозной войны.

⁴²⁷ - Магомет – устаревшая транскрипция имени Мухаммеда (арабск. – ((восхваляемый)), основателя ислама, который иногда называют магометанством. Имя его Абул Казем бен Аблаллах (571–632), родился в Мекке. Был склонен к видениям и объяснял их откровениями свыше (по смерти собраны в Коране). Был знаком со Священным Писанием через устные рассказы иудеев и христиан (предположительно несториан), проживавших в Аравии. Признавал ветхозаветных праведников и Христа пророками; посланником высшим, чем пророки, считал себя. В 610 г. Мухаммед публично выступил в Мекке, но не имел вначале успеха; позже нашел приверженцев в жителях Медины и бежал туда. Отсюда со своими последователями предпринимал походы в Мекку, в 624 г. одержал победу при Бедре, в 625 г. был разбит при Огоде. В 630 г. ввел религию свою в Мекке, чем положил ей начало в Аравии; умер 8 июня 632 г. в Медине и был погребен в доме, в котором умер. Кроме первой жены Хадиджи (ум. в 620 г.), почитаемой мусульманами, имел еще несколько жен.

⁴²⁸ - Гааз Федор Петрович (1780–1853) – главный врач московских тюрем с 1828 г. Много сделал для облегчения положения заключенных. Следуя своему девизу: «Спешите делать добро», доктор Гааз стал инициатором открытия

тюремных больниц, школы для детей арестантов, добился облегчения веса арестантских кандалов, отмены унижительного обязательного бритья головы у всех арестантов, улучшения их питания, на что жертвовал все собственные деньги. На протяжении 20 лет лично провожал каждую арестантскую партию, добиваясь освобождения дряхлых, больных и увечных арестантов от кандалов. В течение полувека оказывал безвозмездную медицинскую помощь малоимущим москвичам, которые прозвали Гааза: «святой доктор».

⁴²⁹ - Враги Сократа обвинили его в развращении юношества, в отрицании государственной религии. В 399 г. до Р. Х. Сократ был приговорен к смерти через принятие яда (цикуты), чашу с которым выпил мужественно и спокойно, отказавшись от предложенного друзьями бегства.

⁴³⁰ - Ср.: Притч.20:6.

⁴³¹ - Ср.: Лк.4:3.

¹ - *Последнее переиздание: Иверский патерик. М., 2004.

² - **Необходимая информация имеется в грузинском разделе книги «Исихазм: Аннотированная библиография» (М., 2004). В последние годы многие первоисточники были переведены на русский язык протоиереем Иосифом Зетеишвили и опубликованы в католическом журнале «Символ»; к сожалению, статьи эти труднодоступны широкому читателю.

³ - ***Схематичность мышления о Рафаила уже была отмечена его критиками. См., например: Остальцев А. Два пути. Ответ на сочинение архим. Рафаила (Карелина) «Об экуменизме» // [http:// pagez.ru/i tems/040.php](http://pagez.ru/items/040.php).

⁴ - ****Доклад о Павла дошел в записи другого человека, однако авторство Флоренского не вызывает у нас лично, как и у многих Других ученых, никакого сомнения. Лучшая публикация: Петроградский священник. О Блоке // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 599–626 (текст), 626–632 (коммент.), 633–661 (Е. В. Иванова. Об атрибуции доклада «О Блоке»),